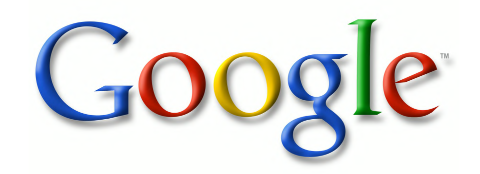

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21-го Мая 1847 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Карла Крайя.

1848.

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ II.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Стр.

Стр.

Тверь, 18 Мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? —Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто застава-

ло меня восходящее солнце — на готической домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные —однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!—Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его;—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ

которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!....

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній!—Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

═

С. Петербургъ, 26 Мая 1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселился. Пріѣхавъ къ своему Д**, нашелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей достойный, любезный человѣкъ * открылъ мнѣ свое сердце: оно чувствительно—онъ несчастливъ!... «Состояніе мое совсѣмъ твоему противоположно,» сказалъ онъ со вздохомъ: «главное твое желаніе исполняется: ты ѣдешь наслаждаться, веселиться, а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончить мое страданіе.» Я не смѣлъ

---

* Его уже нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

утѣшать его и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ—сказалъ я ему—чтобы ты видѣлъ передъ собою человѣка, довольнаго своею судьбою; пріобрѣтая одно, лишаюсь другаго, и жалѣю.—Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на несчастный жребій человѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ Лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своемъ думалъ. До обѣда бывалъ я на Биржѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, я вздумалъ-было ѣхать водою, въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы скорѣе быть въ Германіи. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ, и сыскалъ Капитана, который черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штетинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ; однакожь вышло не такъ. Надлежало объявить мой паспортъ въ Адмиралтействѣ; но тамъ не хотѣли надписать его, потому что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; то есть, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха—я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургѣ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную—и лошади готовы. И такъ простите, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минуты все грустно. Простите!

Рига, 31 Мая 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Pétersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастью, ѣхать изъ Петербурга *на перекладныхъ*, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ, казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этаго еще мало: пришелъ какой-то Полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла середи дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О естьли бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ

предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы—которое настроиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ трипадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-Нѣмецки: «У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте къ намъ—вотъ нашъ домъ— батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ.»—Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по дорожному, и весь мокръ.—«Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платье дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!»—Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей—разумѣется, для того, чтобы съ нимъ итти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, потчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ,

племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. «Нѣтъ, еще постойте!» сказали мнѣ—и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. «Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его. «*Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку: *Богъ съ вами!*—Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями.—Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во дни наши! естьли я когда нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера! * Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей!—

Почта отъ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того, что Коммисары на станціяхъ Нѣмцы. Почтовые домы вездѣ одинакіе—низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для проѣзжихъ, а въ другой живетъ самъ Коммисаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть

* Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, читалъ Крамеру сіе письмо—онъ былъ доволенъ—я еще больше!

по-двѣнадцати и десяти верстъ. Вмѣсто ямщиковъ ѣздятъ отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; разсказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того прiѣхалъ я сюда изъ Петербурга не прежде, какъ въ пятый день. На одной станцiи за Дерптомъ надлежало мнѣ ночевать: Г. З * *, ѣдущiй изъ Италiи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ въ немъ любезнаго человѣка. Онъ настращалъ меня песчаными Прусскими дорогами, и совѣтовалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однакожь мнѣ не хочется перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему счастливаго пути, бросился я на постелю; но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой розницы между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафтановъ: одни носятъ черные, а другiе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что они всѣ Нѣмецкiя слова смягчаютъ въ произношенiи: изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ; но видя ихъ непроворство, неловкость и недогадливость, всякой долженъ думать, что они, просто сказать, глуповаты. Господа, съ которыми удалось мнѣ говорить, жалуются на ихъ лѣность и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые по волѣ ничего не сдѣлаютъ; и такъ надобно, чтобы ихъ очень неволили, потому что они очень много работаютъ, и

мужикъ въ Лифляндіи, или въ Эстляндіи, приноситъ господину вчетверо болѣе нашего Казанскаго или Симбирскаго.

Сіи бѣдные люди, *работающіе господеви со страхомъ и трепетомъ* во всѣ будничные дни, за то уже безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма не много по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздъ мой были наполнены гуляющимъ народомъ— праздновали Троицу.

Мужики и господа Лютеранскаго исповѣданія. Церкви ихъ подобны нашимъ, кромѣ того, что на верху стоитъ не крестъ, а пѣтухъ, который долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говорятся на ихъ языкѣ; однакожь Пасторы всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни пространныхъ долинъ.—Напрасно будешь искать и такихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ три, четыре, и церковь. Избы больше нашихъ и раздѣлены обыкновенно на двѣ половины: въ одной живутъ люди, а другая служитъ хлѣвомъ.—Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ сукон-

нымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большой части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую стать, а въ другой все на Рускую. Тутъ была прежде наша граница—о Петръ, Петръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мущины и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.*—Здѣсь-то живетъ братъ нещастнаго Л. * Онъ главный Пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнитъ ли онъ брата? Я говорилъ объ немъ съ однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человѣкомъ. «Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое то, что одного прославляетъ и щастливитъ, дѣлаетъ другаго злополучнымъ. Кто, читая Поэму шестнадцатилѣтняго Л. и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидитъ *утренней зари великаго духа?* Кто не подумаетъ: вотъ юный Клопштокъ, юный Шекспиръ? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не воз-

* Ленца, Нѣмецкаго Автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ нещастій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими піитическими идеями, а всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

сіяло. *Глубокая* чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства, — и Л. безсмертенъ!» —

Лишь только въѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговый городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ — гдѣ гдѣ Руской — и вездѣ требуютъ не рублей, а талеровъ. Городъ не очень красивъ; улицы узки—но много каменнаго строенія, и есть хорошіе домы.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извощика, который за тринадцать червонцевъ нанялся довести меня до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ Французскимъ купцомъ, который нанялъ у него въ свою коляску четырехъ лошадей; а я поѣду въ кибиткѣ.—Илью отправлю отсюда прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ, потому что давно съ вами разстался.

Курляндская корчма, 1 Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены, и

трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія вороты. Надобно было дописать письмо, расплатиться, уклaсть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ, и подалъ мнѣ самый аптекарскій счетъ, то есть, за однѣ сутки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ торопяхъ ничего не забылъ въ трактирѣ. Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ. Тутъ простился я съ добродушнымъ Ильею—онъ къ вамъ поѣхалъ, милые!—Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодаго путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маіору, который принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы въѣхали въ Курляндію—и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митава. Видъ сего города не красивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ, думалъ я — и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣха-

ли на плоту, стоитъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малый домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпный. Стекла почти вездѣ выбиты или вынуты; и видно, что внутри комнатъ передѣлываютъ. Герцогъ живетъ въ лѣтнемъ замкѣ, недалеко отъ Митавы. Берегъ рѣки покрытъ лѣсомъ, которымъ самъ Герцогъ исключительно торгуетъ, и который составляетъ для него немалый доходъ. Стоявшіе на караулѣ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитъ до города, то онъ великъ, но не хорошъ. Домы почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много.

Мы остановились въ трактирѣ, который считается лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ Жиды съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ трубку, другой старый Лютеранской молитвенникъ и Готшедову Грамматику, третій зрительное стекло, и каждый хотѣлъ продать товаръ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Француженка, ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, стала оправлять свои сѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу—видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ!

Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аппетитомъ, и послѣ обѣда имѣли время напиться кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ сопутника

своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое отечество и торгуетъ въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, а отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда остаться.—За все вмѣстѣ заплатили мы въ трактирѣ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать зажмурясь. Намъ попались Нѣмецкіе извощики изъ Либау и Пруссіи. Странные экипажи! длинныя фуры цугомъ; лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производятъ несносный для ушей шумъ.

Отъѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревами. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ одинъ Московской вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ-было я писать романъ, и хотѣлъ

въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный; что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ нещастливъ для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ. — Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, которые въ особливой кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки, и отъ скуки начали бранить Русской народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги? Нѣтъ, отвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Русскихъ, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать меня Русскимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастіе быть въ Голландіи и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. «Кто хочетъ

узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!»—Хорошъ гусь! думалъ я—и пожелалъ имъ добраго вечера.

═

Полангѣ, 3/14 Іюля 1789.

Наконецъ, проѣхавъ Курляндіею болѣе двухъ сотъ верстъ, въѣхали мы въ Польскія границы, и остановились ночевать въ богатой корчмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семдесятъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время, что пить и ѣсть: супъ, жареное съ салатомъ, яица; и за это платили не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человѣка. Есть вездѣ кофе и чай; правда, что все не очень хорошо.—Дорога довольно пуста. Кромѣ извощиковъ, которые намъ раза три попадались, и старомодныхъ берлиновъ, въ которыхъ Дворяне Курляндскіе ѣздятъ другъ къ другу въ гости, не встрѣчались никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодоносную землю, луга, рощи; тамъ и сямъ маленькія деревеньки, или врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ Французскимъ Италіянцомъ мы ладимъ. Къ Француженкѣ у меня не лежитъ сердце, для того, что ея физіогномія и ухватки мнѣ не нравятся.

Впрочемъ можно ее похвалить за опрятность. Лишь только остановимся, извощикъ нашъ Гаврила, котораго она зоветъ Габріелемъ, долженъ нести за нею въ горницу уборный ларчикъ ея, и по крайней мѣрѣ часъ она помадится, пудрится, притирается, такъ что всегда надобно ее дожидаться къ обѣду. Долго совѣтовались мы, сажать ли съ собою за столъ Нѣмцевъ. Мнѣ поручено было узнать ихъ состояніе. Открылось, что они купцы. Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ того времени они съ нами обѣдаютъ; а какъ Италіянецъ съ Француженкою не разумѣютъ по-Нѣмецки, а они по-Французски, то я долженъ служить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, который въ Роттердамѣ сталъ человѣкомъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ Французской языкъ, и забылъ его весьма недавно; а чтобы еще болѣе увѣрить въ этомъ меня и товарища своего, то при всякомъ поклонѣ Француженкѣ говоритъ онъ: *оплише, Матамъ!* obligé, Madame!

На Польской границѣ осмотръ былъ не строгой. Я далъ приставамъ копѣекъ сорокъ: послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ саженъ. Я около часа сидѣлъ на берегу, и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественный и унылый! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистый вѣтръ опрокинулъ бы челнъ его.—

Завтра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

═

Мемель, 15 Іюня 1789.

Я ожидалъ, что при въѣздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ, однакожь этаго не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу, остановились въ трактирѣ— и дали нѣсколько грошей осмотрщикамъ, чтобы они не перерывали нашихъ вещей.

Городъ не великъ; есть каменныя строенія, но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однакожь наши Русскіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндской Гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень глубокъ. Пристань наполнена разными судами, которыя грузятъ по большой части пенькою и лѣсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три пути; по берегу Гафа считается до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая розница! Но извощики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ весьма утомляютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, платя за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплатилъ три талера, сказавъ, что онъ поѣдетъ бе-

регомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тильзитъ; но Русской человѣкъ смекнулъ, что за 30 миль взяли бы съ него болѣе, нежели за 18! Третій путь водою черезъ Гафъ, самый кратчайшій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, которые наняли извощика только до Мемеля, ѣдутъ водою: что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Италіянцомъ — съ которымъ обыкновенно говоритъ онъ или знаками, или черезъ меня—ѣхать съ ними же: что было для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ ѣли мы живую, вкусную рыбу, которою Мемель изобилуетъ; а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы очень бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время отнести письмо на почту; у насъ лошадей впрягаютъ.

Что принадлежитъ до моего сердца .... благодаря судьбѣ! оно стало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ—но не съ такою уже горестію, какъ прежде—то даю волю глазамъ своимъ бродить по лугамъ и полямъ, ничего не думая; то воображаю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ видахъ.—Простите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего *рыцаремъ веселаго образа!*—

═

Корчма, въ милѣ за Тильзитомъ, 17 Іюня 1789, 11 часовъ ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ-было легъ на постелю; но около часа напрасно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои!

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали составляли также пріятный видъ. Qu'il est beau, ce pays-ci! твердили мы съ Италіянцемъ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обработана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе годы во всей здѣшней сторонѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедшій годъ урожай былъ такъ худъ, что Правительству надлежало довольствовать народъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ родится хорошо; въ седьмой годъ худо, и поселянину ѣсть нечего,— отъ того, что онъ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхъ необходимаго. — Тильзитъ есть весьма изрядно выстроенный городокъ и лежитъ среди самыхъ плодоноснѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ. Онъ производитъ знатный торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвратились еще со смотру. Толстой часовой, у котораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпажонка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и престраннымъ голосомъ закричалъ мнѣ: Wer sind Sie? *Кто вы*? Будучи занятъ разсматриваніемъ его необыкновенной физіогноміи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще страннѣйшимъ голосомъ; Wer seyd ihr? гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при всякомъ разѣ шаталъ онъ головою, дивясь чудному Русскому имени. Съ Италіянцомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно отзывался онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: толстобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизусть вытверженные. Наконецъ я былъ призванъ въ помощь, и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили.—Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ простреленную Русскими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ des oeufs au lait, или Русскую яишницу, которая съ молошнымъ супомъ и салатомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ

пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе, который вездѣ находили.

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ теперь ночуемъ, услышали лошадиный топотъ, и черезъ полминуты вошелъ человѣкъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ; подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ—на Француженку, занятую вечернимъ туалетомъ; на Италіянца, разсматривавшаго мою дорожную ландкарту, и на меня, пившаго чай—скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго вечера, и оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказалъ: «Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?»

Лиза (*сухая женщина лѣтъ въ тридцать*). А, Господинъ Поручикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М*** писалъ ко мнѣ, что у нихъ Комедіанты. «Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай!» Чортъ меня возьми! Если бы я зналъ, что за твари эти Комедіанты, ни изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Поручикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ жизнь свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за доктора Фауста съ Гансъ Вурстомъ*.

---

* Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, есть великой колдунъ, и по сіе время бываетъ обыкновенно героемъ глупыхъ піэсъ, играемыхъ въ дерев-

Лиза. Гансъ Вурстъ очень смѣшенъ, сказываютъ. — А что играли Комедіанты, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся, третій таращилъ глаза, а путнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Г. Поручикъ?

Поручикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ.

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожительницею изволилъ ли быть тамъ?

Поручикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхой дуракъ зѣвалъ, а чванная супруга его безпрестанно терла себѣ глаза платкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его

няхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ *странствующими* Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ, какъ честной гражданинъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, около средины XV вѣка; и когда Гуттенбергъ, Майнцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ вмѣстѣ съ нимъ пользовался выгодами сего изобрѣтенія. По смерти Гуттенберговой, Фаустъ взялъ себѣ въ помощники своего писаря Петра Шопфера, который искусство книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какъ простолюдины того вѣка приписывали дѣйствію сверхъестественныхъ силъ все то, чего они изъяснить не умѣли, то Фаустъ провозглашенъ былъ сообщникомъ дьявольскимъ, которымъ онъ слыветъ и понынѣ между чернію и въ сказкахъ.—А Гансъ Вурстъ значитъ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахъ то же, что у Италіянцовъ Арлекинъ.

подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и пересталѣ пялить ротъ.

Лиза. То-то насмѣшникъ!

Поручикъ. (*Садясь и кладя свою шляпу на столъ подлѣ моего чайника*) Um Vergebung, mein Herr! Простите, государь мой! — Я усталъ, Лиза. Дай мнѣ кружку вина. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ (*вошедшему слугѣ своему*) Каспаръ! набей мнѣ трубку. — (*Оборотясь къ Француженкѣ*) Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтеніемъ, жалуете ли вы табакъ?

Француженка. Monsieur! — Qu'est ce qu'il demande. Mr. Nicolas! (*Такъ она меня называетъ*).

Я. S'il peut fumer. — Курите, курите, Г. Поручикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Француженка. Dites qu' oui.

Поручикъ. А! Мадамъ не говоритъ по-Нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ. — Откуда ѣдете, естьли смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Петербурга, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Поручикъ: и тѣ и другіе бѣгаютъ отъ Русскихъ.

Поручикъ. Чортъ меня возьми! Русскіе стоятъ крѣпко. — Скажу вамъ по пріязни, государь мой, что естьли бы Король мой не отговорилъ мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ Штабъ-Офицеромъ въ Русской службѣ. У меня вездѣ не безъ друзей. Напримѣръ, племянникъ мой служитъ

старшимъ Адъютантомъ у Князя Потемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Постойте—я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятіе Очакова. Пятнадцать тысячь легло на мѣстѣ, государь мой, пятнадцать тысячь!

Я. Не правда, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Не правда! (*съ насмѣшкою*) Вы конечно, сами тамъ были?

Я. Хоть и не былъ, однакожь знаю, что Турковъ убито около 8000, а Русскихъ 1500.

Поручикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (*Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка*). Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Ваше здоровье, государь мой!— Ваше здоровье, Мадамъ!—(*Италіянцу*) Ваше здоровье!—Пиво изрядно, Лиза.—Послушайте, государь мой!—Теперь вы называете меня Господиномъ Поручикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поручикъ. Скажите, отъ того, что я (*надѣвъ шляпу*) поклонился моему Королю—и безвременно пошелъ въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (*приподнявъ шляпу*): «Господинъ Маіоръ, здравствуйте!» (*Допивая кружку*) Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, если я не по уши влюбился въ свою Анюту! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой,

даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ.—Лиза! скажи, какова моя Анюта?

Лиза. И, Г. Поручикъ! какъ будто вы сами этаго не знаете! — Чего говорить, что пригожа! — Скажу вамъ смѣхъ, Г. Поручикъ. Какъ вы на Святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга— правду сказать, баринъ добрый, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушать онъ много не спрашивалъ.—

Поручикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ добрый господинъ стоялъ на крыльцѣ, и увидѣлъ Госпожу Поручицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ—такъ ли, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ—ха! ха! ха!

Поручикъ. Видно, онъ не глупъ былъ — ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заставила васъ итти въ отставку, Г. Поручикъ?

Поручикъ. Проклятая любовь, государь мой. —Каспаръ, трубку!—Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у старика фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай женимся! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою; только она никакъ не хотѣла итти за служиваго. «Мамзель Анюта! сказалъ я: люблю тебя какъ душу; только люблю и службу Королевскую.» На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я топнулъ ногою, и—пошелъ въ отставку. Что

же вышло! На другой день послѣ свадьбы любезный мой тестюшка, вмѣсто золотыхъ горъ, наградилъ меня тремя сотнями талеровъ. Вотъ тебѣ приданое!—Дѣлать было нечего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бутылкою стараго Рейнскаго вина заключилъ вѣчный миръ. Правду сказать, старикъ былъ добросердеченъ— помяни Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оставилъ намъ въ наслѣдство дворянскій домъ.

Но перервемъ разговоръ, который занялъ уже слишкомъ двѣ страницы, и начинаетъ утомлять серебряное перо мое *. Словоохотный Поручикъ до десяти часовъ наговорилъ съ три короба, которыхъ я, жалѣя Габріелевыхъ лошадей, не возьму съ собою. Между прочимъ, услышавъ, что я изъ Кенигсберга поѣду въ публичной коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ, и 2) естьли будутъ со мной дамы, подчивать ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заключеніе желалъ, чтобы я путешествовалъ съ пользою, такъ какъ извѣстный Баронъ Тренкъ, съ которымъ онъ будто бы очень друженъ. — Господинъ Поручикъ, всунувъ свою трубку въ сапогъ, сѣлъ на коня и пустился во всю прыть, закричавъ мнѣ: *счастливый путь, государь мой!*

Чего не напишешь въ минуты безсонницы!— Простите до Кенгсберга!

---

* Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

Кенигсбергъ, 19 Іюня 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и сталъ, вмѣстѣ съ своимъ сопутникомъ, въ трактирѣ у Шенка.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не шире 150 или 160 футовъ, однакожь такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходить по ней. Домовъ считается около 4000, а жителей 40,000—какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется многолюднымъ, потому что множество людей собралось сюда на ярманку, которая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ огромныхъ, какъ въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенгсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры. Не скажу, чтобы Прусскіе солдаты были одѣты лучше нашихъ; а особливо не нравятся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы. Что принадлежитъ до Офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получаютъ, выключая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будто въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожь видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять патнадцатилѣтнихъ. Мун-

диры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми отворотами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Маіоровъ, толстыхъ Капитановъ, осанистыхъ Поручиковъ, безбородыхъ Подпоручиковъ и Прапорщиковъ человѣкъ съ тридцать. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотръ. Офицерскія шутки также со всѣхъ сторонъ сыпались. Напримѣръ: «Что за причина, Г. Ритмейстеръ, что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыты? Конечно, вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!»—«То-то фонъ Кребсъ! все знаетъ, что у меня дѣлается!»—и проч. и проч. Однакожь они учтивы. Лишь только наша Француженка показалась—всѣ встали, и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ.—Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я заблаго обѣдать одинъ въ своей комнатѣ, растворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ ароматическія испаренія сочной зелени.

Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомысленнаго, тонкаго Метафизика, который опровергаетъ и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боннета—Канта, котораго Іудейской Сократъ, покойный Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ der alles zermalmende Kant, т. е. *все сокрушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города беретъ—и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный. Первыя слова мои были: «Я Русской дворянинъ,

люблю великихъ мужей, и желаю изъявить мое почтеніе Канту.» Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; немногіе любятъ метафизическія тонкости.» Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Потомъ я, не безъ скачка, обратилъ разговоръ на природу и нравственность человѣка; и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его разсужденій:

«Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ пріобрѣтеніямъ. Смерть застаетъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но

представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *закономъ нравственнымъ*, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *нравственномъ законѣ:* назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла—но онъ *есть.* Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно.—Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, *глазами увидѣли ее?* Естьли бы она намъ очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынѣшнею жизнію и были въ безпрестанномъ томленіи; а въ противномъ случаѣ, не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: *авось тамъ будетъ лучше!*—Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевѣчнаго Творческаго разума, все для чего нибудь, и все благотворящаго. Что? Какъ?.... Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой, и мы во тьмѣ остаемся; одна фантазія можетъ носиться во тьмѣ сей и творить несобытное.»—Почтенный мужъ! прости, если въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и переписывался съ нимъ. «Лафатеръ весьма любезенъ по добротѣ своего сердца, говоритъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣпляется мечтами, вѣритъ Магнетизму, и пр.»—Коснулись до его непріяте-

лей. «Вы ихъ узнаете,» сказалъ онъ, «и увидите, что они всѣ добрые люди.»

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: Kritik der praktischen Vernunft и Metaphisik der Sitten—и сію записку буду хранить какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ. Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ.... его Метафизики.

═

Здѣшняя каѳедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, латы и шишакъ благочестивѣйшаго изъ Маркграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думалъ я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзаютъ вызывать ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему тѣни друзей изъ мрачныхъ жилищъ смерти—чтобы въ унылыхъ

пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ.—Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу.—На стѣнѣ изображена Маргграфова беременная супруга, которая, забывая свое состояніе, бросается на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молитъ Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ трогательности предмета!—Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, трофеевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемный лакей, провожавшій меня, увѣрялъ, что оттуда есть подземной ходъ за городъ въ старую церковь, до которой будетъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣстницею, которая ведетъ подъ землю. Правда ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣки на всякой случай прокапывали такіе ходы, чтобы сохранять богатство и жизнь отъ руки сильнаго.

—

Вчера ввечеру простился я съ своимъ товарищемъ, Господиномъ Ф***, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разставаться. Онъ съ Француженкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, можетъ быть, еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, Господина И***, который принялъ меня ласково. Онъ разсказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слу-

шалъ; и хотя уже давно живетъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоритъ по-Нѣмецки, однако же нимало не *обгерманился*, и сохранилъ въ цѣлости Русской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ которомъ просилъ его отвести мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, который называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ, что въ трактиръ къ Шенку пріѣхали иностранцы — ему сказали, Французы—явился онъ къ Господину Ф*** съ ношею комплиментовъ. Я тутъ былъ — и такъ мы познакомились. «Въ Парижѣ есть мнѣ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ: для того не хотѣлъ я тамъ остаться, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечистилъ Нѣмецкіе зубы; но я имѣлъ дѣло съ великими скрягами, и для того—уѣхалъ изъ Берлина. Теперь ѣду въ Варшаву. Польскіе господа, слышно, умѣютъ цѣнить достоинства и таланты: попробуемъ, полечимъ, почистимъ! А тамъ отправлюсь въ Москву—въ ваше отечество, государь мой, гдѣ конечно найду умныхъ людей болѣе, нежели гдѣ нибудь.» — Нынѣ, когда я только-что управился съ своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что узнаетъ людей съ перваго взгляду, и что имѣетъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ... трактатъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемный лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ трактирѣ, обо дворъ, остановился Русской курьеръ, Капи-

танъ Гвардіи. Allons le voir! сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой трактатъ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмистра Конной Гвардіи, Господина***; молодаго, любезнаго человѣка, который ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первый разъ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки, чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ, не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всѣ говорятъ.—Въ то время, какъ мы разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишутъ къ нему, что близъ сей столицы разбили почту, зарѣзали постиліона и отняли нѣсколько тысячь талеровъ: непріятная вѣсть для тѣхъ, которые туда ѣдутъ! — Я пожелалъ земляку своему счастливаго пути.

═

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматриваютъ путешественники цейггаузъ и библіотеку, въ которой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и квартантовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московская зала*, длиною во 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинный осьмиугольный столъ, цѣною въ 40,000 талеровъ. Для чего сія зала называется Московскою, не могъ узнать. Одинъ ска-

залъ, будто для того, что тутъ нѣкогда сидѣли Русскіе плѣнники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны народныя гульбища. Ремесленникъ, художникъ, ученый отдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды итти за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, который въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье, и толпа за толпою встрѣчается на улицахъ. Гостей принимаютъ на крыльцѣ, гдѣ подаютъ чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ на почту. Ѣдущіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ платы; у меня менѣе шестидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, который, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю такъ же, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкой вѣтерокъ струитъ воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минуту благодарю Судьбу за то, что оно таково.—Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не безпокой-

тесь! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

═

Маріенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть не что иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ ресоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, Капитанъ и Подпоручикъ, которые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и такъ называемый Ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась при готическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную картину праздника—вездѣ веселящихся людей; Офицеры мои были весьма учтивы, и разговоръ начавшійся между нами, довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже Прусскихъ. Онъ разсказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чтобы Королю миръ

наскучилъ. «Пора снова драться,» говорилъ онъ: «солдаты наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Миролюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился противъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасы ея: стонъ, вопль нещастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, друзей и сродниковъ; сиротство Музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся, и пр. Немилостивый мой Капитанъ смѣялся и кричалъ: «Намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Наконецъ я примѣтилъ, что взялся за работу Данаидъ; замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Постилліонъ нашъ не жалѣлъ лошадей; и такимъ образомъ не примѣтно доѣхали мыд о перемѣны, гдѣ только-что имѣли время отужинать на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувствовалъ выгоду, которую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую станцію. Чтобы сколько нибудь ободриться послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капитаномъ чашекъ по пяти кофе —что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣста пошли совѣмъ непріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькой городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводитъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда ве-

лическенный дубъ, безмолвный свидѣтель рожденія и смерти многихъ вѣковъ—дубъ священный для древнихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнію обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листвевъ наполнялъ сердца ужасомъ, въ который жрецы язычества облекали Богопочитаніе. Такъ Друиды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою Религію; такъ гласъ Греческихъ Оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака!—Нѣмецкіе Рыцари въ третьемъ-надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари язычества, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христаінства. Гордый дубъ, почтенный старецъ въ царствѣ растѣній, претыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Суевѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ топоры отскакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ топоръ, который разрушилъ очарованіе, отдѣливъ дерево отъ корня; и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира Святыхъ* славится какимъ-то отмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдный городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ

Капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — «И такъ это Фрауенбергъ?» — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей славный Математикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычетамъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца — земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и которую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опять остановить, но тщетно! — И такимъ образомъ Пиѳагоровы идеи, надъ которыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели Философу, воскресли въ системѣ Николая Коперника? — Сей Астрономъ былъ щастливѣе Галилея: суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заставляло его клятвенно отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо-де-Браде долженъ былъ оставить свой философской замокъ и отечество. Науки, подобно Религіи, имѣли своихъ страдальцовъ.

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, небольшой, но торговый городъ, и весьма изрядно выстроенный, гдѣ стоятъ два или три полка. Почтѣ надлежало тутъ пробыть болѣе часа. Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣтаго человѣка. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ парикѣ, че-

ловѣкъ лѣтъ за сорокъ, а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ; первый игралъ очень худо, и сердился: а другой хотѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрестанно свой толстый, запачканный галстукъ. Каррикатура за каррикатурою приходила въ трактиръ, и всякая каррикатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное волненіе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодаго Офицера и старую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что они ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ стало намъ гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу, съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ Шведской Помераніи, услышавъ, что я Руской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги разстилались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя стада блѣяніемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденіе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебный паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жи-

тели принадлежатъ, естьли не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестителей, Wiedertäufer. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорятъ они, вопіетъ на небо.—Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ примѣчанія только тѣмъ, что древній его замокъ былъ нѣкогда столицею Великихъ Мастеровъ Нѣмецкаго Ордена.—Отъ старой женщины, моей непріятельницы, мы здѣсь освободились; но мѣсто ея займетъ высокой Офицеръ, который теперь сидитъ подлѣ меня, дожидаясь отправленія почты.—Разсвѣтало. Простите! Изъ Данцига надѣюсь еще что нибудь приписать.

═

Данцигъ, 22 Іюня, 1789.

Проѣхавъ черезъ предмѣстіе Данцига, остановились мы въ Прусскомъ мѣстечкѣ Штоценбергѣ, лежащемъ на высокой горѣ сего имени. Данцигъ у насъ подъ ногами какъ на блюдечкѣ, такъ что можно считать кровли. Сей прекрасно-выстроенный городъ, море, гавань, корабли въ пристани и другіе, разсѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ — все сіе вмѣстѣ обра-

зуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни своей, и на которую смотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города померкъ съ нѣкотораго времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи строжайшаго Ордена, встрѣтясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умирающимъ голосомъ произносятъ: *помни смерть!* такъ жители сего города въ глубокомъ уныніи взываютъ другъ ко другу: *Данцигъ! Данцигъ! гдѣ твоя слава?* — Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ товары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы, которые присылаютъ сюда сельди свои, пользовались въ Данцигѣ всѣми правами гражданства, для того, что нѣкогда Шотландецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу. Тѣ изъ жителей, съ которыми я говорилъ, не могли мнѣ сказать, въ чемъ именно состояла услуга Догласова. Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробудетъ здѣсь такъ долго; а то бы успѣлъ осмотрѣть въ Данцигѣ нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздно: хотятъ впрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картину, въ главной Лютеранской церкви, представля-

ющую страшный судъ. Король Французской — не знаю, который — давалъ за нее 100,000 гульденовъ. — Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую Грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться *. — Огромнѣйшее зданіе въ городѣ есть Ратуша. Вообще всѣ домы въ пять этажей. Отмѣнная чистота стеколъ украшаетъ видъ ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственныя деньги, которыя однакожь внѣ города не ходятъ; я и въ самомъ городѣ Прусскія предпочитаются.

На западъ отъ Данцига возвышаются три песчаныя горы, которыхъ верхи гораздо выше городскихъ башень; одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ оттуда разрушить городъ. На горѣ Гагелсбергѣ былъ нѣкогда разбойничій замокъ; эхо ужаса его далеко отзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показываютъ могилу Рускихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда Графъ Миннхъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали, съ которой стороны будетъ приступъ; почему гарнизонъ и жители обратили туда всѣ силы свои, и дрались какъ отчаянные. Извѣстно, что городъ держалъ сторону Станислава Лещинскаго противъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

* Авторъ начиналъ тогда учиться Греческому языку; но послѣ не имѣлъ уже времени думать объ немъ.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостію, и возвратились назадъ. Солдаты по большой части старые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Коммендантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

═

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и Ширмейстеръ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣе. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь потѣснились и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ глухимъ ушамъ*, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ, по дорожному очень хорошо одѣтый, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ

Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистра вымочитъ дождь, который накрапывалъ. Новый нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть просторнѣе, взглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему становится *тѣсновато*. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офицеръ съ сердцемъ; закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *что бы это значило?* —«То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистру.» —«Государь мой!» сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ.—«Государь мой!» отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: «вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ.» — Французъ съ важностію увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пепелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ уткнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдный Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ Офицера оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои товарищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смѣялся; однакожь искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ тотчасъ забылъ все, и сталъ веселъ.

Теперь перемѣняютъ лошадей и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море, которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того, что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ серединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ алеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились-было атаковатъ Магистра; но онъ довольно искусно отразилъ первые приступы, такъ что они наконецъ оставили его. Онъ ѣдетъ въ Италію разсматривать древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа ***, который прислалъ ему экземпляръ Алъ-Корана, напечатаннаго въ Петербургѣ. Мы другъ съ другомъ гораздо согласнѣе, нежели съ Офицерами *.

═

Штолпе, 24 Іюня.

Путешественники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости Прусскихъ постиліоновъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, по ко-

* Послѣ читалъ я о Магистерѣ Рингѣ въ прибавленіи къ Енскимъ Литтературнымъ Вѣдомостямъ. Онъ извѣстенъ въ Германіи по своей учености.

торому всѣ Почтмейстеры обязаны имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не держать никого долѣе часа на перемѣнахъ, а постилліонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и нещастные путешественники должны были терпѣть, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожь не во всей точности исполняется. На примѣръ, не доѣзжая за милю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться постиллюновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Пріѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и требовали, чтобы онъ наказалъ ихъ. — *Выговоромъ?* спросилъ Почтмейстеръ. — *Палкою*, отвѣчали Офицеры. — «Я не имѣю права бить ихъ.» — «Вздоръ! вздоръ! сказалъ Капитанъ: или я самъ со всѣми управлюсь!» — Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею тростью. «Насиліе! насиліе!» закричалъ Почтмейстеръ: «хотятъ драться, бить меня!» — Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ тихо: «Я не хочу драться, а въ Берлинѣ поговорю объ васъ съ Министромъ.» Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Постилліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали—дверь затворилась и опять потихоньку стала отворяться — всѣ туда оборотили глаза, и увидѣли Почтмейстерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровымъ

голосомъ. Тутъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ Капитаномъ, и увѣрять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полку, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ постилліоновъ, которые повезутъ насъ изъ Штолпе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: «хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстеръ!» — Мы съ Магистромъ также улыбались; а Офицеры говорили тихонько: «дуракъ! трусъ!»

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасный бишофъ. И такъ естьли вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остается тотъ Офицеръ, который мучилъ Француза; и такъ сей послѣдній сидетъ съ нами. — Adieu!

Штаргардъ, 26 Іюня.

О Штаргардѣ, куда мы пріѣхали ужинать, могу вамъ сказать единственно то, что онъ есть изряд-

ный городъ, и что здѣшняя церковь Маріи считается высочайшею въ Германіи.

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и Керлинъ, два маленькіе городка. Въ первомъ бросается въ глаза большое четвероугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почести! думалъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать *великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ безъ разбора *величаютъ*. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для государства—не на ученость, не на острыя слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ!—Но Кеслинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ миловидная трактирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ! Неблагодаренъ путешественникъ, забывающій такіе обѣды, такихъ добрыхъ, ласковыхъ трактирщицъ! По крайней мѣрѣ я не забуду тебя миловидная Нѣмка! Вспомнивъ статую Фридриха Вильгельма, вспомню и любезное твое угощеніе, пріятные взоры, пріятныя слова твои!....

«Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?» спросилъ у моихъ товарищей старикъ, трактирщикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капитанъ. «Дай Богъ, чтобы и не было!» сказалъ трак-

тирщикъ: «я боюсь не Австрійскихъ гусаровъ, а Русскихъ козаковъ. О! что это за люди!» — А по чему ты ихъ знаешь? спросилъ Капитанъ. — «По чему? Развѣ они не были въ Керлинѣ? Ничто не уйдетъ отъ ихъ пики. Къ тому же у нихъ такія страшныя лица, что меня по кожѣ подираетъ, когда воображу ихъ!» Да вотъ Русской козакъ! сказалъ Капитанъ, указавъ на меня. «Русской козакъ!» закричалъ трактирщикъ, и ударился затылкомъ въ стѣну. Мы всѣ засмѣялись, а трактирщикъ заохалъ. «За эту шутку вы заплатите мнѣ дороже, Господа!» сказалъ онъ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ какъ голодной левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. «Ѣдетъ! Ѣдетъ!» кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались—гремѣли и опять подымались—и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенныя богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ нещастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь саженъ глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ ши-

рокимъ рвамъ, и смотря на сіи острыя башни, восклицалъ: «Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Нещастная мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!»

Стой, воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и — заплатилъ два гроша сухой старухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна стоитъ пустой, и начинаетъ уже развалиться.

Теперь накрываютъ намъ столъ. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кромѣ Капитана, ѣдутъ отсюда въ Штетинъ, куда мнѣ не дорога. Вѣроятно, что намъ уже никогда не видать другъ друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судьбы, естьли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смотрахъ, маршахъ и тому подобномъ. Самый языкъ ихъ страненъ. Не зная по-Французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим. Da ist eine Precipice — ich habe eine Ture gemacht — ich schanschire es, и проч.

Къ намъ присталъ еще молодой человѣкъ, Почтмейстерской сынъ, который ѣдетъ учиться въ Университетъ. Слыша, что Офицеры въ шутку называли меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово ratio? Потомъ началъ говорить *о духѣ языковъ*,

и проч. Надобно знать, что Магистеръ уже отъ насъ отсталъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и старались его дурачить. Пріѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человѣкъ, ѣдущій учиться въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманѣ такую вещь, стали смѣяться. Французъ подскочилъ съ лорнетомъ, и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. «Знакомыя черты,» съ важностію отвѣчалъ Французъ: «кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожь нѣтъ—я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кишотѣ!» Тутъ Офицеры во все горло захохотали, а Студентъ осердился. Насмѣявшись досыта, Капитанъ сказалъ мнѣ: «Есть ли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.» Не забудьте шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проѣзжихъ при въѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при въѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ: изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; третій въ городъ въѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Иса-

акомъ. Я не хотѣлъ шутить, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеверусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанный изъ Аѳинъ; иногда Альцибіадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докторъ Панглосъ, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Простите!

═

Берлинъ, 30 Іюня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этаго не было въ уговорѣ. А есть ли вы и впредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, который за нѣсколько тысячь верстъ беретъ участіе даже въ минутной вашей непріятности: то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будетъ грустить съ утра до вечера.

Послѣднее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ Капитана, было у меня двое новыхъ товарищей: Офицеръ, ѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардской. Я сѣлъ въ колясе-

кѣ назади, на своемъ чемоданѣ; могъ протянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась, и движеніе крови стало ровнѣе; тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью — и я, почитая себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, Капитанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему слово сыскать его въ Кенигсбергѣ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. «Вѣдь намъ еще надобно хоть одинъ разъ въ жизни видѣться,» сказалъ онъ, пожимая руку мою: «заѣзжайте ко мнѣ, и разскажите, что увидите въ свѣтѣ.» — Хорошо, хорошо, Г. Капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы! — И такъ мы разстались.

Въ послѣднюю ночь нашего путешествія приближаясь къ Берлину, начиналъ я думать, что тамъ дѣлать буду, и кого увижу. Ночью всякія мечты воображенія бываютъ живѣе, и я такъ ясно представилъ себѣ любезнаго А... *, идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ трубкою и кричащаго: *кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ?* что руки мои протянулись обнять его; но вмѣсто моего дражайшаго прі-

---

* Алексѣя Михайловича Кутузова, добродушнаго и любезнаго человѣка, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ въ Берлинѣ, бывъ жертвою нещастныхъ обстоятельствъ.

ятеля, который въ сію минуту былъ отъ меня такъ далеко, чуть не обнялъ я мокрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. «Но какъ зашла къ вамъ мокрая женщина?» Вотъ какъ. Солнце сѣло, пошелъ дождь, и вечеръ превратился въ глубокую ночь. Вдругъ коляска наша остановилась; Ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; потомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: «Господа! позволите ли сѣсть въ коляску одной честной женщинѣ и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь, и она боится занемочь.» А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, ѣдущій въ Имперію. Теперь темно, отвѣчалъ Ширмейстеръ.—Пускай ее садится, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, такъ что мы пятились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, которая текла съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена портнаго мастера, очень любитъ своего мужа, и съ нимъ никогда не разстается; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, зажиточнаго купца, который торгуетъ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, въ которой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливыя; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала цѣлую ночь,

читая эту книгу, а на другую ночь увидѣла во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотрѣть, что съ нею сдѣлалось—и проч. и проч. Вотъ все дѣло!

Но естьли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту минуту встрѣтилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я тотчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. «Руской — купецъ изъ Риги,» отвѣчалъ онъ. Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А***.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная аллея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Берлина не льзя было мнѣ судить потому, что безпрестанный дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать: *Кто вы? Откуда ѣдете? За чѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда поѣдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго Правительства! — Наконецъ мы въѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся отдохнуть въ объятіяхъ сердечной пріязни, разсказывать Русскому о Россіи и другу о друзьяхъ,

говорить о нашихъ веселыхъ Московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!... Но судьба смѣялась надо мною!

Коляска наша остановилась у почтоваго дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живетъ А***? И что же? Съ хладнокровіемъ, совсѣмъ противнымъ моему нетерпѣнію, отвѣчалъ онъ: «Его уже здѣсь нѣтъ!»—Его здѣсь нѣтъ?— «Нѣтъ, сударь,» повторилъ онъ, и началъ перебирать письма.—Гдѣ же онъ?—«Во Франкфуртѣ на Майнѣ. Подите къ своему Священнику; тамъ лучше все узнаете.»—Я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его здѣсь найти? спросилъ онъ. «Думалъ, государь мой, думалъ!» и съ сими словами я хотѣлъ итти вонъ. «Постойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ.» То есть, надобно было взять съ меня нѣсколько грошей. — Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ горестныхъ размышленіяхъ по Берлинскимъ улицамъ, въ слѣдъ за инвалидомъ, который несъ чемоданъ мой! Ни огромные домы, ни многолюдство, ни стукъ каретъ не могли вывести меня изъ меланхолической задумчивости. Я самъ себѣ казался жалкимъ сиротою, бѣднымъ, нещастнымъ и единственно отъ того, что А*** не хотѣлъ меня дождаться въ Берлинѣ!

Жаль, жаль, государь мой—сказалъ мнѣ Г. Блумъ, трактирщикъ *Англійскаго Короля* (*въ Братской улицѣ*—жаль, что у меня нѣтъ теперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы,

думаю, знаете, что къ нашему Королю пожаловала гостья, его сестрица. Въ Берлинѣ будутъ праздники, и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что я нынѣ отказалъ уже десяти человѣкамъ? — И такъ, Г. Блумъ —— «Вы изъ Россіи пріѣхали?» —Изъ Россіи. И такъ — «У васъ все войною занимаются?» — Да, Г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ остается——«Послушайте: теперь только опросталась у меня одна комната, и вы можете занять ее. Что же у васъ съ Турками дѣлается?» — Прикажите мнѣ указать комнату; а послѣ, естьли угодно —— «Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемте, пойдемте!» Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ. «Не правда ли, что она очень хороша и очень уютна?» — Я доволенъ, Г. Блумъ.—Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, парикмахеръ. Г. Блумъ отъ меня не выходилъ, безпрестанно говорилъ, и наконецъ мнѣ же вздумалъ разсказывать, что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте, Г. Блумъ, сказалъ я: это все писано къ вамъ отъ перваго числа Апрѣля по старому или по новому стилю. — «Какъ, государь мой!» — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ трость и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ — сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д***, желая найти въ немъ хотя часть любезныхъ свойствъ нашего А*, желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу. Я нашелъ, чего желалъ—нашелъ въ

Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любитъ свое отечество, и я люблю его; онъ любитъ А***, и я люблю его; онъ вроденъ къ откровенности, и я тоже: и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захотѣлъ еще проводить меня.

Лишь только вышли мы на улицу, я долженъ былъ зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха: здѣшніе каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы ихъ не чистить? Неужели нѣтъ у Берлинцевъ обонянія? — Д*** повелъ меня чрезъ славную *Липовую* улицу, которая въ самомѣ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены алеи для пѣшихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живутъ, или испаренія липъ истребляютъ нечистоту въ воздухѣ — только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Домы не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ алеяхъ, которыя простираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я увидѣлъ на бумагѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при въѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы въѣхали?* Они напечатаны, и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая осторожность! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Бер-

лидонская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ пріѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д*** осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и домы очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади; *Вильгельмова*, *Жандармская*, *Денгофская* и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица. Швеpинъ держитъ въ рукѣ знамя, съ которымъ онъ, въ жаркомъ сраженіи подъ Прагою, бросился на непріятеля, закричавъ своему полку: *Дѣти! за мной!* Тутъ умеръ онъ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семъ искусномъ и храбромъ Генералѣболѣе, нежели о потерѣ двадцати тысячь воиновъ.— Фридрихъ, принявъ Кейта въ свою службу, сказалъ: *я много выигралъ.* Фридрихъ зналъ людей, и Кейтъ оказалъ ему важныя услуги.—Говорятъ, что Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ похожъ на Винтерфельда. Я не имѣлъ щастія видѣть нашего Задунайскаго Героя, и потому не могъ искать сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винтерфельда. — Зейдлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважный воинъ. Отдавая справедливость его достоинствамъ, осуждаютъ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорятъ, что онѣ были причиною безвременной смерти его. Онъ умеръ не на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король тужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ. — Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ

во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юный воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и жить въ памяти потомства! Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и представлять себѣ дѣла ихъ. — На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, чрезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитый монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Рускія войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его тесаками. Мнѣ показывали сіи знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы прошли въ Королевскую библіотеку. Она огромна—и вотъ все, что могу сказать о ней! Болѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойный Король заплатилъ за него 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобрить его, не читавъ никогда рукописей того вѣка.—Книги давать на домъ запрещено; однакожь извѣстный человѣкъ, задобривъ деньгами помощника Библіотекарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д** взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библіотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бистеръ, который и живетъ въ семъ большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло человѣкъ тридцать: Офицеровъ, купцовъ и важныхъ Сак-

сонскихъ Бароновъ, пріѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ Штатгальтерши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близь Ораніенбурга разбили почту.—ВвечеруД*** водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга, и состоитъ изъ разныхъ алей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперегъ, иныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А*** писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производятъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и предавшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ изчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня.... Не есть ли—думалъ я—не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстный тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали

свѣтящемуся свѣту, и —— съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда, и часто поминаю тебя. «Любезный меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и стоялъ, можетъ быть, точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть, ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя!

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не полюбилось.—Садъ Принца Фердинанда, въ который мы прошли изъ звѣринца, отворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ отплатилъ намъ поклонъ.—Бьетъ часъ.

═

Іюля 1.

Нынѣ по утру, побывавъ у Господина М**, къ которому было у меня письмо отъ Князя Д**, я видѣлся съ извѣстнымъ Николаемъ, Авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостію, съ такою учтивостію, какой бы не льзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. «Васъ знаютъ и въ Россіи, ска-

залъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Литтература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельзонова.» — Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешественникомъ всего ближе говорить о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно имѣть въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Но скоро обратилъ я разговоръ на Берлинской Iезуитизмъ. Надобно знать, что съ нѣкотораго времени начали писать въ Германіи—или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первый подалъ къ тому мысль — будто есть тайные Iезуиты, которые всѣми силами стараются снова овладѣть Европою; будто Калліостро и подобные суть ихъ Миссіонеры, которые, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощаютъ ихъ власти тайныхъ Iезуитскихъ начальниковъ и проч. и проч. Съ сего времени стали вездѣ искать скрытыхъ Iезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Пасторами и солдатами. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Iезуитское. Началась ужасная война, и Берлинской журналъ, издаваемый Бистеромъ и Гедике, избранъ былъ въ ѳеатръ сей войны. Съ Iезуитизмомъ слили въ одно Католицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ* изъ извѣстныхъ Протестантскихъ Ученыхъ тайно приняли Католическую Религію; что они опасные люди, и проч. Тѣ, кото-

рыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или отбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Вотъ что сказалъ мнѣ Николай:

«Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи; что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ хотя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заставить внутреннихъ начальниковъ, или хранителей тайны, отказаться отъ ихъ цѣли? Не уже ли закрылись всѣ тайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Не уже ли исчезли всѣ банки ихъ?—Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипотеза моя, казалось, могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ.—Что принадлежитъ до Католицизма, то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ разсуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ Естьли вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую розницу между тѣми, которыя печатаются въ Протестантскихъ и Католическихъ земляхъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?» —Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ съ такою жестокостію писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно,

что они сомнѣваются въ существованіи тайпыхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаться вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта Доктора Бистера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, который съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія.—«Однакожъ Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли; мы съ нимъ нарочно для этаго видѣлись. Не надобно думать, чтобы Католики совсѣмъ перестали нынѣ стараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ Церкви, что внѣ ея нѣтъ спасенія: и такъ они, по нѣкоторому человѣколюбію, хотятъ расиространить ея область. Однимъ словомъ, осторожность была нужна.—Впрочемъ всякой отвѣчаетъ за себя. Естьли нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виноватъ. Только во многомъ насъ *хотятъ* криво толковать: къ чему Штаркъ * и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія; но естьли оно имѣетъ несравненно болѣе добрыхъ, то не льзя не назвать его хорошимъ дѣломъ.»—Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство, сказалъ онъ.

---

* Придворный Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы объявили тайнымъ Католикомъ, Іезуитомъ, мечтателемъ; который судился съ Издателями Берлинскаго Журнала гражданскимъ судомъ, и писалъ цѣлыя книги противъ своихъ обвинителей.

Я записалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щастливаго пути. Потомъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ.—Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, естьли самые Философы, самые просвѣтители—а они такъ себя называютъ—оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинный Философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мірѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и почему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подъ какимъ предлогомъ вы себя не мучите! — Лафатеръ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и естьли онъ у нихъ не совершенный Іезуитъ, то по крайней мѣрѣ великой мечтатель. Я къ Лафатеру не пристрастенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожь увѣренъ, что его Физіогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенный Докторъ Бистеръ. Но оставимъ ихъ.—Что принадлежитъ до Николаевой наружности, то въ ней хотя и нѣтъ ничего особеннаго, привлекательнаго, однакожь есть что-то почтенное. Онъ высокъ, худощавъ, смуглъ. Ла-

фатеръ въ Физіогномикѣ своей говоритъ, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человѣка.

У Г. Блума живетъ одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минутъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Рускими. Секретарь Датскаго Посольства, который тутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патріотическою ревностію. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣрить ли вашей побѣдѣ? сказалъ Датчанинъ: мы будемъ ждать подтвержденія. — Какого подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Между тѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрашивалъ меня не входить въ разговоръ. «За чѣмъ вамъ тутъ мѣшаться? Вы видите, что Шведъ очень горячь. Сохрани Боже, естьли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!» Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будетъ; но послѣ стола не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ Шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тотчасъ подлетѣлъ къ намъ, и посматривалъ то на меня, то на него, будучи готовъ затушить огонь при первомъ его воспыланіи. Однакожь мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи, и по мундиру моему тотчасъ узналъ, что я Руской. При началѣ войны

меня выслали изъ Петербурга, сказалъ онъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ. Жалуйтесь на своего Короля, отвѣчалъ я, который объявилъ намъ войну безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чтобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступаютъ не по тѣмъ правиламъ, которыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. «Это говоритъ Фридрихъ,» сказалъ сквозь зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д***, и Г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ монументы и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винтерфельда, любезный Клейстъ, безсмертный пѣвецъ Весны, Герой и патріотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, и взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ храбрый Клейстъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною физіогноміею и ухватками одного

козака, который снималъ съ него платье? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили близь огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть ему въ руку нѣсколько талеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими товарищами. Поутру увидѣлъ Клейстъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ спокойно разговаривалъ съ Философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми Учеными и нашими Офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостію Стоическаго Философа. Всѣ наши Офицеры присутствовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и въ могилѣ.* — Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, естьли бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

═

Іюля 2.

Нынѣ пріѣхалъ сюда Король съ своею гостьею, Штатгальтершею. Не можете вообразить, что за

пышная была ей встрѣча! Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья стая не можетъ такъ нестриться, какъ пестрился этотъ фрунтъ. Офицеры отличались отъ рядовыхъ только тѣмъ, что у нихъ косы привиты были гораздо круче. Въ ожиданіи Штатгальтерши тянули они всѣмъ фрунтомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые стукались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ отмахнуть на караулъ мастерски. «И конечно, конечно! кричали они: мы не ударимъ себя лицемъ въ грязь.» Не льзя было не смѣяться этому фарсу.—Купцы, всѣ въ красныхъ кафтанахъ, подъ начальствомъ одного банкира, выѣзжали встрѣчать Штатгальтершу за городъ.— И за то, что я посмѣялся надъ Берлинскими гражданами и взглянулъ на Штатгальтершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнутся здѣсь пиры. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли Драму: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, сочиненную Господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, нещастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!.... Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! По-

слѣдняя сцена въ піесѣ несравненна. — Г. Флекъ играетъ ролю мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя.—Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, естьли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою живостію представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи Французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть. — Вышедши изъ Театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ щастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что Изящныя Искусства не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

═

Іюля 4.

Вчера въ шесть часовъ утра поѣхали мы съ Д* верхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однакожь въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойный Король, живучи въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое украшено Римскими колоннадами, училась гвардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроенъ; въ большой, такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, строенныхъ отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ, и на собственныя деньги покойнаго Короля: онъ дарилъ ихъ, кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимаются солдатами. Жителей очень мало: причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцомъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразите, что цѣлый домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятьдесятъ рублей въ годъ; да и то нанимать не кому.

На дверяхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Коротко сказать, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустоты!

Въ Потсдамѣ есть Русская церковь подъ надзираніемъ стараго Русскаго солдата, который живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Рускіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Слава Богу! Слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Руски. «Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его.» И то и другое правда, отвѣчали мы. «Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.» Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по Воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ

книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.» — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему—тихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселительный замокъ лежитъ на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всѣми окрестностями: что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ— не Стоической и не Циникъ—но Философъ любившій удовольствія и находившій ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить здѣсь простоту съ великолѣпіемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекраснымъ. Внутри комнаты отдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мертвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срытой уступами, (которые одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору) сошли мы въ пріятный садъ, украшенный мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольтерами и Даланбертами.

Гдѣ ты теперь? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣста твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты.—Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасные храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, который видѣнъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести милліоновъ талеровъ стоилъ Королю сей дворецъ. — Правда, я былъ тутъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя волновалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходить. Оставивъ дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ, чтобы отдохнуть нѣсколько въ томъ трактирѣ, гдѣ обѣдали.

День склонялся къ вечеру, и надобно было думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжила меня, и мы поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлотенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой тутъ не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ не льзя сбиться съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ становилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на травѣ. Ночь застала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать, ни итти пѣшкомъ, и какъ полумертвый ле-

жалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой стоялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и горевалъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми украшаются модные романы! Д** вздумалъ-было искать по близости какого нибудь селенія, нанять телѣгу и везти меня въ Берлинъ; но какъ же было остаться мнѣ одному, ночью, въ лѣсу и въ такой слабости? Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золотой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконецъ, черезъ часъ, я всталъ, и пожавъ руку у моего любезнаго товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ версту прошли мы пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смертельная жажда томила меня, и за стаканъ воды отдалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлотенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ надѣялись мы видѣть его, подъѣзжали и видѣли — лѣсъ и мракъ. Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностію, какой еще никогда въ жизни своей не чувствовалъ, пилъ я въ себя холодную воду. До Берлина оставалась одна миля. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добраться до мѣста и мы въѣхали въ алею звѣринца. Луна взошла надъ нами; ясной свѣтъ ея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упитанъ былъ благовонными испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минуты—тогда, какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Эта ночь оставила во мнѣ какія-то романическія, пріятныя

впечатлѣнія. — Городскія ворота были уже затворены; однакожь насъ впустили.

Нынѣ поутру всталъ я совершенно здоровъ, одѣлся и поѣхалъ къ Господину М**. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Берлинской Академіи, который принялъ насъ ласково. Сей старикъ все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное имъ изъ П* отъ своего родственника, который всякую недѣлю пишетъ къ нему, и не щадя бумаги. «Не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я все это читаю!» сказалъ онъ. Г. Формей былъ знакомъ съ Вольтеромъ, и разсказывалъ намъ нѣкоторые анекдоты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ. — Въ слѣдующій Четвертокъ будетъ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое угодно было Господину Формею пригласить меня. Мы поѣхали къ зятю его, Господину М***, Профессору, содержателю большаго пансіона и также Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ минеральный кабинетъ и библіотеку сестры покойнаго Короля, состоящую изъ Французскихъ, Англійскихъ, Италіянскихъ и Нѣмецкихъ книгъ — Философовъ, Историковъ и Поэтовъ. — Послѣ обѣда я былъ у Графа Н**: объ немъ ни слова! Говорятъ, что онъ въ старину имѣлъ имя остроумнаго человѣка въ свѣтѣ. Австрійскій Посолъ, Князь Р*, бывшій у него въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хозяина.

Я поѣхалъ въ Оперу. Оперный домъ великъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ я всю Королевскую фамилію и Штатгальтершу съ дочерью. Играли Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слышалъ

эту славную пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу — можетъ быть къ стыду своему — что ея пѣніе мало трогаетъ мое сердце. Для меня не пріятно видѣть напряженіе, съ которымъ она поетъ. Впрочемъ, будучи только любителемъ музыки, не могу цѣнить искусства ея. Что принадлежитъ до декорацій, то онѣ были великолѣпны.

═

Іюля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлера, Нѣмецкаго Горація. Самый почтенный Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почитаются у насъ классическими. Ему пріятно было слышать, что и въ Россіи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ цѣну. Рамлеръ напитался духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть истинные восторги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе восторги, и заимствуетъ огонь у Горація или другихъ древнихъ Поэтовъ—правда, всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ Поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже піитическаго жара, который всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его

упражненіе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти всегда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сіи піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. «Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ были до его времени извѣстны на Нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.» —Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилліи. «Я подражаю Сократу — писалъ онъ къ Автору, своему другу—который въ старости своей перелагалъ въ стихи Езоповы басни.» Искусные Критики не довольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говорятъ они, пропадаетъ въ экзаметрахъ. Къ тому же въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рамлеръ думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилліи были единственно потому несовершенны, что Авторъ писалъ ихъ не экзаметрами.—Стихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное *чувство изящнаго*. «Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ нею, когда она находитъ что нибудь противное въ моихъ сочиненіяхъ. *Говорите, что хотите*, отвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но остаюсь при своемъ чувствѣ*. Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь передъ нею.» — Мнѣ пришла на мысль Аспазія, которой

Аѳинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ — и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мущинъ. — Рамлеръ возстаетъ противъ Греческихъ миѳологическихъ именъ, которыя Графъ Штолбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Латинскимъ, говоритъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія, мнѣ очень полюбилось. Славный Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; естьли не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ то же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ противное, и кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсѣ. «Вейсе лучшій другъ мой,» сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его. — Наконецъ я простился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать, кантатъ, выбранный изъ псалмовъ. — Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говоритъ отборно и протяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Нещастная любовь Принца къ его мачихѣ Елисаветѣ, которая прежде была его невѣстою, есть содержаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о которомъ Исторія говоритъ столько худаго и добраго; который, для истребленія ереси, проливалъ кровь человѣческую, но услы-

шалъ о погибели флота своего, разсѣяннаго вѣтромъ и разбитаго Англичанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе нещастіе перенесъ съ твердостію героя — сей характеръ изображенъ съ великимъ искусствомъ. Благородный и пылкій въ страстяхъ своихъ Донъ Карлосъ трогаетъ зрителя до глубины сердца. Великодушный Маркизъ Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила нещастная страсть, представленъ Авторомъ въ примѣръ истинно-великаго мужа. Есть трогательныя и ужасныя сцены. — Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великой Актеръ. Маттаушъ, молодой человѣкъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежитъ до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Ненависти къ людямъ* стараго Генерала, который отъ скуки бьетъ мухъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла очень слабо какая-то молодая актриса. Гж. Унцельманъ трогательно представляла молодую Принцессу, влюбленную въ Принца. — Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самого Шекспира), которыя хотя и показыва-

ютъ остроуміе Автора, однакожь въ Драмѣ не у мѣста.

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею.—«А кто этотъ Морицъ?» — Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ. —— «Постойте, постойте! Вы мнѣ много насказали; надобно поискать его въ календарѣ подъ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ кармана книгу*) и такъ онъ Философъ, говорите вы? Посмотримъ.» — Простодушіе сего добраго человѣка, который съ важностію переворачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ, и непремѣнно хотѣлъ найти въ немъ роспись Философовъ, заставило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я — пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ* — — «Пойдемъ же къ нему».

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, весьма любопытную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли, чувства, и развитіе душевныхъ своихъ способностей. Confessions de J. J. Rosseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужиться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько лундоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ титуломъ Reisen eines Deutschen in England, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — старикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ свѣжимъ лицемъ! — «Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!» Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій.

«Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о

Древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію.» — Онъ спрашивалъ меня о нашемъ языкѣ, о нашей Литтературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, которыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. «Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Рускому языку; но для этаго надобно вамъ написать что нибудь превосходное.» Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ которомъ изъ нихъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знатоковъ Нѣмецкаго языка, и что, можетъ быть, никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы Ueber die Sprache in psychologischer Rücksicht, которыя сообщаетъ онъ въ своемъ Психологическомъ Магазинѣ.— «Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искателя, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истиною.» Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, который въ Вѣдомостяхъ разбранилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. «Я хотѣлъ отвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ-было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправ-

даніе.» — Странные вы люди! думалъ я: вамъ не льзя ужиться въ мірѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, который бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной ссоры; и Публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія! — Adieu, Г. Профессоръ! —

Я хотѣлъ-было видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Мимики*; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову Familiengemählde—піесу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла та Актриса, которая въ Донъ-Карлосѣ представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожь дѣвку молошницу играетъ она лучше, нежели Королеву.

==

Берлинъ, Іюля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена отчасти съ худой стороны. Г. Ц* называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожь Берлинъ еще не провалился, и Небесный гнѣвъ не обраща-

етъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц*, писавъ это, забылъ, что во всѣхъ семьяхъ бываютъ уроды, и что по симъ уродамъ не льзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ считаться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе. — Однимъ словомъ, естьли бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ непристрастенъ; естьли бы *нѣкоторые* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за-живое, то бы онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ, для Космополита и Филантропа оскорбительнымъ языкомъ.

Говорятъ, что въ Берлинѣ много распутныхъ женщинъ; но естьли бы Правительство не терпѣло ихъ, то оказалось бы, можетъ быть, болѣе распутства въ семействахъ — или надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и которые по своему состоянію не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ развращенныя Берлинскія Вакханты какъ Фуріи бросились на одного нещастнаго Орфея, который уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, естьли бы подошедшіе люди не принудили ихъ разбѣжаться. Но когда бы разсказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѳемѣ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, и что самые богатые и знат-

ные люди не расточаютъ денегъ на суетную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономію въ столѣ, платьѣ, экипажѣ и проч. Я видѣлъ старика Ф** ѣдущаго верхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я постыдился ѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, который сшитъ конечно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Нынѣшній Король живетъ пышнѣе своего предшественника; однакожь окружающіе его держатся по большой части старины.—Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо-одѣтыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ Дамъ виденъ вкусъ.

═

Берлинъ, Іюля 8.

Естьли бы изъ народной брани можно было заключать о народномъ характерѣ, то̀ бы изъ schwer Noth *, любимаго Нѣмецкаго слова, путешественникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ много желчи; но чтобы тогда должно было заключить изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь стоятъ на улицахъ наемныя кареты, такъ какъ у насъ извощичьи дрожки или сани. За восемь грошей—что по нынѣшнему курсу составитъ

---

* Т. е. падучая болѣзнь.

40 копѣекъ—можно ѣхать въ городѣ куда угодно, только въ одно мѣсто. Карета и лошади очень изрядны.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не потребуютъ; а въ худыхъ трактирахъ стараюся взять съ васъ какъ можно болѣе, естьли примѣтятъ, что въ кошелькѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, который состоитъ изъ четырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемный лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полтину.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На ординарной почтѣ платятъ за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать постилліонамъ на вино.

═

За двѣ мили отъ Дрездена.
10 Іюля, 1789.

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи! — Осьмаго числа отправилъ я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще пробыть тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю; но l'homme propose, Dieu dispose. Въ

тотъ же вечеръ стало мнѣ такъ грустно, что я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлобучивъ себѣ на глаза шляпу, и тростью своею считалъ на мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не утихала. Прошелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, остановясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ тихомъ великолѣпіи сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазоревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ третью нашелъ его — сказалъ: *поѣдемъ далѣе!* и тростью своею провелъ на пескѣ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамѣ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. vi. chap. xxiv), говоря о пріятностяхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушный Тримъ! nothing can de so sweet as liberty *, думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ; и кто еще не запертъ въ клѣтку — кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь—тотъ можетъ наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть щастливъ, и долженъ быть щастливъ.

И такъ, не дожидаясь торжественнаго собранія Берлинской Академіи, рѣшился я на другой день ѣхать. Мнѣ надлежало бы еще побывать у Гр. К*, которая звала меня къ себѣ черезъ Господина М*;

* Т. е. ничего не можетъ быть пріятнѣе свободы.

однакожь и это не могло меня остановить.—Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по утру, уклавъ свой чемоданъ и расплатясь съ Господиномъ Блумомъ, отправился въ Саксонію—на ординарной почтѣ, въ открытой колдскѣ, съ двумя Студентами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемѣны поѣхалъ я на такъ называемой экстренной почтѣ. Въ проклятой Нѣмецкой фурѣ такъ растрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверхъ того остался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знать, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большой части лѣсомъ; а какъ почтовая коляска открыта и очень высока, то сидящіе въ ней безпрестанно должны нагибаться, чтобы не удариться головою объ дерево. Ввечеру я задремалъ и схватилъ отъ какого то вѣтвистаго дерева такую пощечину, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Все это вмѣстѣ заставило меня проститься съ веселыми Студентами.

Экстренная почта стоитъ почти вчетверо дороже ординарной. Мнѣ даютъ пару лошадей съ коляскою, и берутъ съ меня за милю по талеру (120 коп).

Саксонскіе постилліоны отмѣнны отъ Прусскихъ только цвѣтомъ своихъ кафтановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ воротникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ); впрочемъ они также жалѣ-

ютъ своихъ лошадей, также любятъ пить въ корчмахъ и также грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны, и отъ Берлина до сего мѣста не встрѣчалось глазамъ моимъ ни одного пріятнаго вида; только земля здѣсь, кажется, лучше обработана, нежели въ Бранденбургѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что Саксонскіе земледѣльцы вообще гораздо богатѣе Прусскихъ.

Я долженъ описать вамъ одну встрѣчу, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень перемѣнялъ лошадей, Почтмейстеръ не отправлялъ меня очень долго. Я прохаживался по двору, и думалъ—не знаю, о чемъ. Знаю только, что стукъ коляски, подъѣхавшей къ крыльцу почтоваго дома, перервалъ нить моихъ мыслей. Я взошелъ на крыльцо, и увидѣлъ молодую, прекрасную, нѣжную, бѣлокурую женщину, —въ маленькой черной шляпкѣ, въ Амазонскомъ зеленомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, —вышедшую изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долгоносымъ мущиною, котораго изображеніе было бы не послѣднею піесою между Гогардскими каррикатурами. Онъ подалъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снялъ шляпу и поклонился красавицѣ, правда, не очень низко, для того, чтобы ни на секунду не выпустить изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что взоръ мой стоилъ комплимента: на меня взглянули умильно, и даже ласково! Почтмейстеръ встрѣтилъ гостей въ сѣняхъ, отвелъ имъ комнату, и самъ побѣжалъ

за ключевою водою, въ которой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я остался одинъ въ сѣняхъ. Но развѣ эта дверь не отворяется! вздумалъ я, и тихонько отворилъ ее. Красавица стояла передъ зеркаломъ и бѣлымъ платкомъ отирала пыль съ бѣлаго лица своего; а сопутникъ ея сидѣлъ на креслахъ и зѣвалъ. «Извините, сказалъ я: у меня здѣсь осталась книга.» Горбатый кавалеръ кивнулъ головою, и указалъ мнѣ книгу мою, которая лежала на столѣ. Красавица отворотилась отъ зеркала, и взглянула на меня такими быстрыми, проницательными глазами, что я вѣрно бы закраснѣлся, естьли бы у меня что нибудь дурное было на мысли; но я съ спокойствіемъ невинности смотрѣлъ на ея прекрасные голубые глаза, на ея правильный Греческой носъ, на ея розовыя губы и щеки, и любовался прелестями ея такъ, какъ молодой ваятель любуется Микель-Анджеловою статуею, или живописецъ Рафаэлевою картиною.—Красавица сѣла, а я стоялъ противъ нее, и все еще не бралъ своей книги. «День очень жарокъ,»—сказала она пріятнымъ голосомъ, взглянувъ на своего сопутника и на меня. Онъ зѣвнулъ, а я повторилъ ея слова: «день очень жарокъ.» Тутъ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины въ *рѣшительныхъ* случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: не въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня? — «Нѣтъ, отвѣчала она: мы ѣдемъ въ деревню къ своему пріятелю. А вы конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?» — Такъ, сударыня: я надѣ-

юсь быть тамъ завтра очень рано.—«Вы конечно иностранецъ, если смѣю спросить?»—Такъ, сударыня.—«Конечно Англичанинъ? потому что Англичане хорошо говорятъ по-Нѣмецки.»—Извините, сударыня: я Московитянинъ.—«Московитянинъ? Ахъ, Боже мой! я еще отъ роду не видывала Московитянъ.»—А я видалъ, сказалъ горбатый кавалеръ, и началъ снова зѣвать.—«Да скажите пожалуйте, какъ вы къ намъ заѣхали?»—Изъ любопытства, сударыня.—«Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Вѣдь вы конечно оставили въ отечествѣ своемъ много любезнаго?»—Много, сударыня, много: я оставилъ отечество и друзей.—Не знаю до чего бы мы съ нею договорились, естьли бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, что коляска моя готова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щастливаго пути.—«И только?»—Чтожь дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасный лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина—однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію картинной галлереи моего воображенія.—На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣшился ночевать. Теперь бьетъ 10 часовъ. Въ четыре меня разбудятъ.

═

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное; птички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долинѣ, по которой течетъ кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественный городъ, и обширная плодоносная долина, составляютъ великолѣпный видъ.—Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ которому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень ласково, и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденѣ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо тѣснѣе. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35,000: очень не много по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще

слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году.—Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемый *Новый городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсматриваніемъ пріятной картины, которую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы.—Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П*—и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самый умѣренный, однакожь и не голодный. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хотя и не есть Ученый, однакожь много читалъ; и за бутылкою стараго Реинскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкимъ Поэтовъ. Миловидная Щарлотта по большой части молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хотя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожь не безъ пріятности.—Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галлерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ

тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно на то, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галлерею. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаэлеву * Марію (которая держитъ на рукахъ Младенца, и передъ которую стоятъ на колѣняхъ Св.

---

* Рафаэль, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никто изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоты антиковъ, никто не учился Анатоміи съ такою прилѣжностію, какъ Рафаэль—и потому никто не могъ превзойти его въ рисовкѣ. Но знанія, которыя симъ средствомъ пріобрѣлъ онъ въ формѣ человѣческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, естьли бы Натура не одарила его творческимъ духомъ, безъ котораго живописецъ есть не что иное, какъ бѣдный копистъ. Небесный огнь оживляетъ черты кисти его, когда онъ изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, а въ образѣ Маріи красоту, невинность и святость. Лица тирановъ, имъ изображенныя, приводятъ въ ужасъ; въ лицахъ Мучениковъ его надобно удивляться живымъ чертамъ небеснаго терпѣнія.—Правда, что картины его не равной цѣны; послѣднія несравненно превосходнѣе первыхъ. Преображеніе Христово считается лучшимъ его произведеніемъ.—Сей великой художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, которая вовлекла его въ распутство. Онъ родился въ Убрино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву * *ночь*, о которой столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляются смѣси свѣта со тьмою; Микель-Анджелову ** картину, представляющую

* Корреджіо, первый Ломбардскій живописецъ, почти безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжавъ никогда изъ своего отечества, и не видавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ, ни антиковъ. Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совсѣмъ правильна, однакожь искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Нагое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорятъ. Однимъ словомъ, картины его отмѣнно милы даже и для незнатоковъ; и естьли бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ бы конечно правильнѣе въ рисовкѣ, и превзошелъ бы, можетъ быть, самого Рафаэля. — Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скроменъ, доволенъ малымъ и человѣколюбивъ. Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ, и ему надлежало перейти четыре мили. Радуясь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое время вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой, занемогъ горячкою, которая черзъ нѣсколько дней скончала жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

** Микель-Анджело былъ великой Архитекторъ, живописецъ и рѣщикъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служитъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что принадлежитъ до картинъ его, то онѣ нестоль-

осужденнаго на смерть человѣка, и вдали городъ; картины Юлія Романа *: Пана, который учитъ на

ко пріятны, сколько удивительны: для того, что онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слишкомъ сильно означать мускулы въ своихъ фигурахъ; а тѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но естьли Микель-Анджело не первый живописецъ по своей кисти, то едва ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ. — Въ Скульпторѣ былъ онъ, кажется, еще искуснѣе. Его Купидонъ, Бахусъ и молодой Сатиръ, считаются лучшими твореніями сего художества. Микель-Анджело былъ остроуменъ. Когда Папа Юлій спросилъ у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ писанныхъ имъ картинахъ изъ Ветхаго Завѣта не употребилъ золота, по примѣру старинныхъ живописцевъ: то онъ съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ, что Святые мужи, имъ изображенные, считали блескъ одежды за ложное украшеніе человѣка. Желая дать знать Рафаэлю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галатею, начертилъ онъ углемъ на стѣнѣ Фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаэль, увидѣвъ се, сказалъ, что никто, кромѣ Микеля-Анджело, не могъ начертить такой головы. — Показывая Микель-Анджелову картину Распятія Христова, разсказываютъ всегда, будто бы онъ желая естественнѣе представить умирающаго Спасителя, умертвилъ человѣка, который служилъ ему моделью; но анекдотъ сей совсѣмъ невѣроятенъ. — Онъ родился въ 1474, а умеръ въ 1564 г.

* Юлій Романъ, лучшій Рафаэлевъ ученикъ, имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весьма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль,

флейте молодаго пастуха; играющую Цецилію, окруженную Святыми, и проч.,— Веронезовы: * Воскресеніе, похищеніе Европы, и проч.—Караччіевы **: Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со

что онъ слѣдовалъ антикамъ болѣе, нежели Натурѣ! Можно сказать, что рисунки его слишкомъ правильны, и отъ того всѣ его лица слишкомъ единообразны. Тѣло онъ писалъ кирпичнаго цвѣта, такъ какъ Микель-Анджело, и краски его вообще темны. Онъ родился въ 1492, а умеръ въ 1546 году.

* Картины Павла Веронеза превосходны по живости и пріятности фигуръ и по свѣжести красокъ. Натура была образцомъ его; однакожь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недостатки.—Между прочимъ разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды въ окрестностяхъ Венеціи, застала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требовать убѣжища въ загородномъ домѣ Прокуратора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружелюбно, что живописецъ не могъ выѣхать отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ тихонько Даріеву фамилію (картину, на которой изображено двадцать фигуръ во весь ростъ) и спряталъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощеніе.—Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

** Не многіе изъ живописцевъ имѣли такое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши.

Младенцемъ, Матѳеемъ и Іоанномъ, и проч.— Тинторетовы *; Аполлона съ Музами, паденіе Ангеловъ, и проч.—Бассановы **: Израильской народъ въ пустынѣ, Ноево семейство, и проч.—Джіордановы***;

Лучшее произведеніе его кисти есть Фарнезская галлерея въ Римѣ, надъ которою онъ восемь лѣтъ трудился, и за которую заплатили ему весьма худо, для того что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ въ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаэля, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

* Тинторетъ, Венеціянской живописецъ, старался въ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микеля-Анджело съ Тиціановымъ, т. е. первому подражалъ онъ въ рисункахъ, а второму въ краскахъ. (Тиціанъ считается первымъ колористомъ въ свѣтѣ.) Картины его весьма неравной цѣны, и потому говорили объ немъ, что онъ пишетъ иногда золотою, иногда серебряною, а иногда желѣзною кистію. Онъ родился въ 1512, а умеръ въ 1594 году.

** Въ Бассановыхъ картинахъ надобно удивляться живости красокъ, а въ рисовкѣ былъ онъ не весьма искусенъ, подобно всѣмъ Венеціянскимъ живописцамъ. Тѣло писалъ очень живо, а платье не хорошо. Ландшафты его прекрасны.—Онъ родился 1570, а умеръ въ 1592 году.

*** Во всѣхъ Джіордановыхъ картинахъ видна отмѣнная легкость кисти; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, то почти всѣ картины его не додѣланы, и вообще рисовка неочень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самые знатоки иногда обманывались, и

похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч.—Розовы *: собственный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими—Пуссеневы**: Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ, который смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, которую разсматриваютъ изъ за-дерева двое мущинъ—Рубенсовы ***: сидящую

принимали его подражаніе за оригиналъ. — Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

* Салваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большой части неправильны; однакожь въ нихъ видна смѣлая кисть и отмѣнная живость. Дерева, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

** Въ картинахъ Николая Пуссеня, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе страстей; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, которые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

*** Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаэлемъ. Какой піитической духъ видѣнъ въ его картинахъ! какія богатыя мысли! какое согласіе въ цѣломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ никакъ не хотѣлъ подражать антикамъ, и писалъ все съ натуры. Къ совершенству его картинъ недостаетъ той правильности

Марію съ Младенцемъ, которому Ангелы подаютъ плоды; Страшный Судъ, Христа спящаго на кораблѣ во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая сѣчетъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч. — Фанъ Диковы: * изображенія Королей Карла II и Якова II; Іеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять. — Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую гал-

---

въ рисовкѣ, которою славится Римская школа. — Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англіи, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гишпаніею. Возвратясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ въ 1640 году.

* Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, есть конечно первый портретный живописецъ въ свѣтѣ. Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову; головы и руки писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того, что не имѣлъ Рубенсова піитическаго духа. Король Карлъ I призвалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться отъ своей работы, естьли бы жилъ умѣреннѣе и не прилѣпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ 1641 г.

лерею изъ Моденской, на прим. Корреджіева *ночь.* Августъ III, Польской Король, былъ великой любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзиратель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, украли изъ галлереи картинъ десять, и притомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ щастію, воровъ скоро отыскали, и картины возвратились на прежнее свое мѣсто.—Выходя, вручилъ я Господину надзирателю Голландской червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gewölbe), или собраніе драгоцѣнныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфирста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно заплатить Голландской червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знатный Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфирсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлереи и *зеленой кладовой* третія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на ученость, считаетъ за должность видѣть ее, то есть, взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная библіотека!*—Между Греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми

другими, взялъ онъ съ Курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Маттей досталъ сіи рукописи?

Ввечеру гулялъ я въ саду, который называется Zwinger Garten, и который хотя не великъ, однакожь пріятенъ. Посланника нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

═

Іюля 12.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную Католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки Священниковъ — все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

═

Іюля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодаго Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ

одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый *большой садъ.* Длинная аллея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело!—Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щастливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книги жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминать прошедшее!

═

Мейсенъ, Іюля 13.

Я рѣшился нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной почтовой коляскѣ (которая называется *желтою* Gelbe Kutsche, для того, что обита желтымъ сукномъ). Въ десять часовъ надлежало намъ отправиться. Отдавъ свой чемоданъ Шафнеру (такъ называется въ Саксоніи проводникъ почты), и сказавъ ему, что буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Наемный слуга согласился за нѣсколько грошей быть моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ города; но вышедши, почти на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною Натурою и плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрытыя частымъ зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодоносная равнина съ полями и деревеньками, которую въ отдаленіи ограничиваютъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами — думалъ я — веселъ и щастливъ въ часъ отдохновенія, бу-

дучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтетъ душа его. — Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою пастушкою. Она спѣшитъ къ своему пастуху — думалъ я —который ожидаетъ ее подъ тѣнію каштановаго дерева,—тамъ, на правой сторонѣ, близъ виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Пастушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ отверзтыя объятія милаго своего пастуха. —Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни каштановаго дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно товарищей; между прочими Магистеръ, или деревенской Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской, который сидѣлъ подлѣ меня, и тотчасъ вступилъ со мною въ разговоръ —о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. «Федонъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое *остроумнѣйшее* философическое сочиненіе; однакожь всѣ доказательства безсмертія нашего основываетъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не тщетно будемъ искать

его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!» —Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я.—«О! государь мой! возразилъ Студентъ: *сердечное* увѣреніе; не есть еще *философическое* увѣреніе; оно не надежно; теперь чувствуете его, а черезъ минуту оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются всѣ вѣчныя, необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метафизикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампады, забывая сонъ и отдохновеніе.—Ежели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *сама въ себѣ*, то намъ все бы открылось; но» —— Тутъ вынулъ я изъ записной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Студенту слѣдующее:

«Глазъ, по своему образованію, не можетъ смо«трѣть на себя безъ зеркала. Мы созерцаемся толь«ко въ другихъ предметахъ. Чувство бытія, лич«ность, душа — все сіе существуетъ единственно «потому, что внѣ насъ существуетъ,—по феноме«намъ или явленіямъ, которыя до насъ касаются.» — «Прекрасно! сказалъ Студентъ, — прекрасно! Но естьли думаетъ онъ, что» —— Тутъ коляска остановилась; Шафнеръ отворилъ дверцы и сказалъ: «Госпожи и господа! извольте обѣдать.»

Мы вошли въ трактиръ, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Намъ подали пивной супъ съ лимономъ, часть жареной телятины, салатъ и масло,—за что взяли послѣ съ каждаго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ образомъ обработана. Виноградные сады, которые сперва видны были въ отдаленіи, подходятъ ближе къ Эльбѣ, и наконецъ только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ стоятъ перпендикулярно огромныя гранитныя скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ — чего не дѣлаетъ трудолюбіе! — покрыты землею и превращены въ сады, въ которыхъ родится лучшій Саксонскій виноградъ.—На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ летучія мыши, свистятъ и воютъ вѣтры.

Одинъ древній Поэтъ сказалъ:

Est locus, Albiacis ubi Misna sigatur ab undis
Fertilis et viridi totus amoenus humo.

Въ этомъ мѣстѣ теперь я.—— Мейсенъ лежитъ частію на горѣ, счастію въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы; домы всѣ готическіе, и показываютъ странный вкусъ прошедшихъ вѣковъ. Главная церковь есть большое зданіе, почтенное своею древностію. Старый дворецъ возвышается на горѣ. Нѣкогда воспитывались тамъ Герои отъ племени Виттекиндова (сего славнаго Саксонскаго Князя, который столь храбро защищалъ свободу своего отечества, и котораго Карлъ Великій побѣдилъ не оружіемъ, а великодушіемъ своимъ). Нынѣ въ семъ дворцѣ дѣлаютъ славный Саксонскій

фарфоръ. Чтобы видѣть фабрику, надобно выпросить билетъ у главнаго Надзирателя.

Г. Маттей былъ нѣсколько лѣтъ Директоромъ здѣшней школы; но недѣль за шесть передъ симъ оставилъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Виттенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ мѣсто. Онъ считается въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ.

Надобно садиться въ коляску, и проститься съ перомъ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Іюля 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, кроткая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ за-котораго въ разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отъѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ Студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса: женатъ ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ и притомъ не въ похвалу ихъ. «На гробѣ друга моего — сказалъ онъ — друга, который пошелъ въ землю отъ нещастной любви къ одной вѣтреной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ этаго опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю мою душу—и благодаря Бога! мо-

гу быть щастливъ самъ собою.» — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Стали находить облака, и мы сѣли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ Студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію Студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. «Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, потирая рукою свой красный лобъ—что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ который ничего влить не льзя; или желѣзному шару, въ который ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ» ——И такія головы, перервалъ Студентъ, часто бываютъ покрыты рыжими париками, и торчатъ на каѳедрахъ.—Государь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите?—О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали, — спокойно отвѣчалъ Студентъ. Лучше замолчать, сказалъ Магистеръ. —Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Студентъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Студентъ тотчасъ присталъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, затянули такое *дуо*, что надобно было зажать уши. — Къ щастію, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять ло-

шадей, и когда стали выходить изъ коляски, чтобы итти въ трактиръ пить кофе, Магистеръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могши найти, поднялъ крикъ и вопль: «Куда онъ дѣвался? Какъ мнѣ быть безъ него? Какъ я бѣдный покажусь въ городъ?»—Онъ приступилъ къ Шафнеру, и требовалъ, чтобы парикъ его непремѣнно былъ отысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигской Студентъ тирански смѣялся надъ горестію бѣднаго Магистра, и наконецъ какъ будто бы сжалясь надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего тутъ искать! сказалъ онъ; однакожь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана, и—вытащилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистеръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказать ни одного слова. «Вы ищите за милю того, что у васъ подъ носомъ» — сказалъ ему Шафнеръ съ сердцемъ; но душа Магистрова была въ сію минуту такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естьли не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Боннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣвственной* фибры (fibre vierge). Конечно, долѣе минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ ту-

да, о томъ вѣдаетъ Сатана и—— Тутъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! — Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. — Не льзя возвратить потеряннаго!

Въ 11 *часовъ ночи.* Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, разсказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ,—о своемъ безкорыстіи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которые жили у меня —говорилъ онъ—были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна — а у кого покойна совѣсть, тотъ щастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ» —— Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и Г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. »Ничего, отвѣчалъ онъ, запинаясь, ничего; толь-

ко надобно затворить окно, чтобы не было сквознаго вѣтру.»

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыхалъ такой грозы, какая была сегодни. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблистала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ-Клейстомъ, который служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непріятнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить Пруссію, и который, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами.—Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

═

Іюля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ Петербурга отъ Ш*, Англійскаго купца, и который, принявъ меня учтиво, взялъ на себя продать

здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнять на Французской. — Отъ него зашелъ я въ теологическую Аудиторію; видѣлъ множество присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемый городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать, *убраны* полями, садами, рощицами и деревеньками, то взоръ находитъ тутъ довольно разнообразія, и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первыя можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же нравится, но только *тихо;* которую всѣ же хвалятъ, но только безъ восторга; о которой съ кроткимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она миловидна!*

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большой части въ четыре этажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не боятся быть раздавлены.

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюд-

наго города, какъ Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ.

Послѣ обѣда былъ я у Г. Бека, молодаго, но весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистру Р*, который у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ разсказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ Дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть Проповѣдникомъ въ его деревнѣ; но что, пріѣхавъ туда, нашелъ онъ много препятствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержать престрогой экзаменъ, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ побольѣе любви къ ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромный человѣкъ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Бартелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Литтераторы преклонили колѣна свои, и признали, что древняя Греція, столь для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана столь совершенно. Геттингенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Гре-

ческой Литтературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г. Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не славенъ, какъ Докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. *Афоризмы* его весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служитъ Аріадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ алеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ—высокой, сухощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. «Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста»—сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. «Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма; завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ» —и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. «Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя по-

святили?» спросилъ онъ. *Изящнымъ*, отвѣчалъ я, и закраснѣлся,—знаю, отъ чего — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Ввечеру я бродилъ по садамъ и по алеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я изъявилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда, читая его *Инкле* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ **, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, Мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moraliече Vorlesungen), съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете щастливы!» Воспоминанія растрогали мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: довольно тѣни! и что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ саду въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерту учениками и друзьями его иной памятникъ, представляющій Религію, которая изъ металла вылитый и лаврами увѣнчанный образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!) Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя

его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: «Сему учителю и примѣру добродѣтели и Религіи посвятило сей памятникъ общеттво друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ.» — Пріятно, восхитительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи, и знать, что не лесть, а истина начертала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерта, единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя,—и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими. «Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго—говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ — всѣмъ обязанъ я Христіанству.» — Описаніе его жизни заключается сими словами: «Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, котораго вѣкъ есть—вѣчность!»

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинать. Сяду подъ окномъ, буду читать Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и—можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго. Онъ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

Іюля 16.

Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть *наука вкуса.* Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая — оставляя Логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, Эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каѳедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однакожь не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому часто находитъ важнымъ то, что обык-

новенному человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью источенныхъ бумагъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи — Брауншвейгскаго Дому! Но проницательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важныя для человѣчества вообще.—Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка видѣнъ особливый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества! — Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Естьли бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Іерузалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но, одушевляемая симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя.»

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ.

Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его. — Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. «Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ — а естьли бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто.» Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ *интересныхъ людей.*

═

Іюля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ Студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ собраніяхъ: играютъ въ карты, танцуютъ, *куртизируютъ.* Сверхъ того здѣсь есть особливыя ученыя общества или клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги и проч.—Здѣсь есть и театръ; только комедіанты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярманкѣ.—Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ; а для того, кто любитъ услаждать

вкусъ, есть здѣсь отмѣнно вкусные жаворонки, славные пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишня, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ.—Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За столъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за комнату также 30 коп., то же платилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣютъ, — что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или Авторы или переводчики, и собирая библіотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку.—Книгопродавцы изо всей Германіи съѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняются между собою новыми книгами. Безчестными почитаются изъ нихъ тѣ, которые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, которые купили манускрипты у Авторовъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ.—Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ

книгопродавцы Авторамъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочинителю. Естьли онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенный часъ я пришелъ къ Платнеру. «Вы конечно поживете съ нами,» сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. — «Только? А я думалъ, что вы пріѣхали *пользоватся* Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоземцевъ искали просвѣщенія и, надѣюсь, не тщетно.» — Я почелъ бы за особливое счастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — «И такъ мнѣ остается жалѣть, естьли они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами.»

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Руских, которые здѣсь учились. «Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь.» — По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы....

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ

должность Ректора.—У меня не много свободнаго времени, сказалъ онъ: однакожъ вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубаго Ангела.*

Я имѣлъ время погулять въ Рихтеровомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опять вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ трактиръ *Голубаго Ангела.* Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представлялъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ: но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ стараго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ,—самый Аѳинскій; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литтературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Руской языкъ. «Я не думалъ бы—сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи—чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей.» Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ.—Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ Рускіе стихи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произ-

веденіяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду и Владиміра, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ Исторіи Россійской Поэзіи. — Платнеръ игралъ за ужиномъ первую ролю, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Естьли вообще справедливо укоряютъ Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою неловкостію въ обхожденіи, то по крайней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любитъ и умѣетъ говорить; говоритъ смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну. — Старикъ Эзеръ любезенъ по своему простосердечію. Къ нему имѣютъ уваженіе; слушаютъ его анекдоты, и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшить. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны сбирался онъ ѣхать въ Россію, но раздумалъ. — Что принадлежитъ до Биргермейстера Миллера, то онъ, кажется, очень важничаетъ. — Въ десять часовъ встали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплатить за ужинъ: что для меня не совсѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ — но всѣ они далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не

заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хватится меня завтра, естьли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полетитъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о переселеніи вашего друга!

=

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на траву бальзамическаго луга, наслаждался утромъ, — и былъ щастливъ!

Солнце взошло высоко, и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень не далеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? — «Тамъ, на правой сторонѣ большой домъ съ садомъ!»

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы — другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, который ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія—Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу и видѣлъ въ окно, какъ любезный хозяинъ, маленькой человѣчекъ въ крас-

номъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Москвитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезный Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами!—Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣжее лице его не показываетъ ни пятидесяти—и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, и сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ—и въ такой жаръ: подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга дѣтей* переведены на Руской, и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издаетъ нынѣ *Переписку Фамиліи Друга Дѣтей*, пріятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ; однакожь безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же против-

но, какъ и самохвальство.—Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое щастіе! «Благодарю Бога,—сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ, естьли бы Небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей не помогаетъ.» — Однимъ словомъ, естьли я любилъ Вейсе какъ Автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человѣка.

У него есть рукописная исторія нашего Театра, переведенная съ Рускаго. Г. Дмитревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Рускихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. «Путешествуйте щастливо — сказалъ онъ — и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ.» — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонтеновъ стихъ: sa fin (т. е. конецъ мудраго) est le soir d'un beau jour—и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра.

Возвратясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную

лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и Vicar of Wakefild. —

Въ полночь. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородный садъ. Тамъ было множество людей: и Студентовъ и Филистровъ *. Одни, сидя подъ тѣнію деревъ, читали или держали передъ собою книги, не удостоивая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, которыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ темныхъ алеяхъ гуляли съ дамами, и,—проч. Музыка гремѣла и человѣкъ, ходя съ тарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по-Руски. «Я жилъ четыре года въ Москвѣ — сказалъ онъ—и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не забылъ еще вашего языка « — Къ намъ присоединились Гг. Шнейдеръ и Годи, путешествующіе съ Княгинею Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до

* Такъ Студенты называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно почитать это слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова Balistarii. Симъименемъ назывались городскіе солдаты и простые граждане.

полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ. Ворота были заперты, и каждый изъ насъ заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

═

Іюля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, которыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль, и хочетъ, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Страсбургѣ; но мнѣ никакъ не льзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, которое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни одного человѣка, близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр., молодой Ученый, съ которымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенталь, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстный обманщикъ Шрепферъ кончилъ тутъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать его подлинной, таинственной исторіи? Сей человѣкъ долгое время былъ слугою въ одномъ

кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и чрезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Натурою и Духами, и въ громкую трубу звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учатъ; а другимъ болѣе всего нравился его хорошій столъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шрепфера*, а банкиры, получа векселя, давали ему большія суммы денегъ. Съ разительнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ таинствахъ, будто бы въ Италіи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушателей, показывалъ имъ Духовъ, тѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *Пріиди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, которые сомнѣвались—приходили и видѣли тѣни и разные страхи, отъ которыхъ у трусливыхъ людей волосы дыбомъ становились. Надобно замѣтить, что кругъ ревностныхъ его почитателей состоялъ не изъ Ученыхъ, т. е. не изъ тѣхъ, которые привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ терпѣть, какъ такихъ, которые вѣрятъ разуму болѣе, нежели глазамъ), а изъ дворянъ и купцовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣтить надобно и то, что онъ только *показывалъ* чудеса, а никого въ самомъ дѣлѣ *не*

научалъ дѣлать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ только у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особливо на то опредѣленныхъ комнатахъ. Г. Бр. разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ, для того, чтобы видѣть его духопризываніе. Онъ нашелъ у него множество гостей, которымъ безпрестанно подносили пуншъ: М* не хотѣлъ пить. Шрепферъ приступалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ хоть одинъ стаканъ; но М* отговорился. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, обитую чернымъ сукномъ, и въ которой окна были затворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ, очертилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому трогаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ, на маленькомъ жертвенникѣ горѣлъ спиртъ,—чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жертвенникомъ Шрепферъ, обнаживъ грудь свою и взявъ въ руку большой блестящій мечь, бросился на колѣни и громко началъ молиться, съ такимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ, что М*, пришедшій видѣть обманщика и обманъ, почувствовалъ трепетъ и благоговѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блисталъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему надлежало призвать тѣнь одного извѣстнаго человѣка, не давно умершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе сими словами: «О ты, блаженный духъ, преселившійся въ безплотный и смертнымъ неизвѣстный міръ! внемли гласу оставленныхъ тобою друзей, желающихъ тебя видѣть; внемли, и оставя на время новую свою обитель, явися

очамъ ихъ!» и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясенiе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобный громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкiй паръ, который мало по малу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожь М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, который сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился выйти изъ круга и приближиться къ Шрепферу; но сей, примѣтивъ его движенiе, вскочилъ, бросился на него, и устремивъ мечь къ его сердцу, закричалъ страшнымъ голосомъ: *ты умрешь, нещастный, естьли хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкосились ноги; такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ отъ усталости растянулся на полу, и велѣлъ выйти всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжiе плоды.—Многiе приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся тайная мудрость его состояла въ шарлатанствѣ, однакожь съ удовольствiемъ смотрѣли на важныя комедiи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и притомъ такимъ, которые, не имѣя никакого желанiя видѣть его Духовъ, требовали немедленно платежа. Векселей къ нему уже не присылали, банкиры не давали ему ни гроша, и нещастный мудрецъ, доведенный до крайности, застрѣлился въ

Розенталѣ.—По сіе время не извѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе тайныхъ Іезуитовъ (вмѣстѣ съ Каліостромъ, который въ самомъ дѣлѣ есть вторый Шрепферъ)—Іезуитовъ, хотящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Естьли это правда — въ чемъ однакожь я очень, очень сомнѣваюсь—то съ дозволенія Господъ тайныхъ Іезуитовъ можно сказать, что они напрасно льстятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ — тогда, какъ законы разума всенародно возглашаются, и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется — просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденій.—Вы скажете, можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имъ людей? Но точно не извѣстенъ ни одинъ человѣкъ, съ котораго бы онъ бралъ ихъ.

Сію минуту получилъ я записку отъ Платнера, въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе, и подалъ ему случай *заслужить мою благодарность*.—Профессоръ Бекъ, который очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для П*. Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихъ.—Простите, любезные друзья!

═

Веймаръ, Іюля 20.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребятишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску — къ *намъ*, говорю, потому что я ѣхалъ до Буттельштета съ однимъ молодымъ Французомъ, который былъ чѣмъ-то въ свитѣ Французскаго Посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребятишки хотѣли денегъ; мы бросили нѣсколько грошей, и они громко закричали намъ *спасибо!*—Французъ, который не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и которому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Буттельштетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ постилліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: «здѣсь ли Виландъ? здѣ лисъ Гердеръ? здѣсь ли Гете? «Здѣсь,

здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ постилліону везти себя въ трактиръ *Слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гете? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передразнивая слугу, — взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый *звѣздою*, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала. — Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ какой-то Нѣмецкой Авторъ, *и сія мысль есть цѣлый міръ.* Я читалъ его Urkunde des menschlichen Geschlechts, читалъ, многаго не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе! — Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный Философъ и ревностный чтитель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и

творенiи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтенiе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многiя мѣста, которыя мнѣ отмѣнно полюбились. Постойте — не найду ли чего нибудь въ записной книжкѣ своей?... Нашелъ одно мѣсто, которое, можетъ быть, и вамъ полюбится—и для того включу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о «смерти. «Взглянемъ на лилiю въ полѣ; она впива-«етъ въ себя воздухъ, свѣтъ, всѣ стихiи — и со-«единяетъ ихъ съ существомъ своимъ, для того, «чтобы расти, накопить жизненнаго соку и рас-«цвѣсть; цвѣтетъ, и потомъ исчезаетъ. Всю силу, «любовь и жизнь свою истощила она на то, чтобы «сдѣлаться матерью, оставить по себѣ образы свои «и размножить свое бытiе. Теперь исчезло явле-«нiе лилiи; она истлѣла въ неутомимомъ служенiи «Натуры; готовилась къ разрушенiю съ начала «жизни. Но что разрушилось въ ней, кромѣ явле-«нiя, которое не могло быть долѣе, которое,—до-«стигнувъ до высочайшей степени, заключавшей «въ себѣ видъ и мѣру красоты ея,—назадъ обрати-«лось? и не съ тѣмъ, чтобы, лишась жизни, усту-«пить мѣсто юнѣйшимъ живымъ явленiямъ — сiе «было бы для насъ весьма печальнымъ симво-«ломъ — нѣтъ! напротивъ того она, какъ живая, «со всею радостiю бытiя произвела бытiе ихъ, и «въ зародышѣ любезнаго вида предала его вѣч-«ноцвѣтущему саду времени, въ которомъ и са-«ма цвѣтетъ. Ибо лилiя не погибла съ симъ явле-«нiемъ; сила корня ея существуетъ; она вновь про-

«будится отъ зимняго сна своего и возстанетъ въ «новой весенней красотѣ, подлѣ милыхъ дочерей «бытія своего, которыя стали ея подругами и се«страми. И такъ нѣтъ смерти въ твореніи; или «смерть есть не что иное, какъ *удаленіе того, что «не можетъ быть долѣе*, т. е. *дѣйствіе вѣчно-юной, «неутомимой силы*, которая по своему свойству не «можетъ ни минуты быть праздною или покоиться. «По изящному закону Премудрости и Благости, все «въ быстрѣйшемъ теченіи стремится къ новой силѣ «юности и красоты — стремится, и всякую минуту «превращается.» — Въ семъ сочиненіи все ясно и понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображеніе юноши кружится на высотахъ и сверкаетъ во мракѣ, подобно ночному метеору, блестящему и въ минуту исчезающему: но мысль мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ крыльяхъ вѣющаго зефира — несется ко храму вѣчной Истины, и свѣтлою струею свой путь означаетъ. — Я читалъ еще его *Парамиѳіи* *, нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка. — Онъ

* Т. е. *отдохновенія*. Симъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавныя краткія повѣсти.

разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литтературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ Пѣвцовъ Германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэму.» — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ Meine Göttin, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand streit' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Iovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

«Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!» — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ

духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литтературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду и Цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *Физіогномическаго Путешествія* и *Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*. Подъ барельефомъ стоитъ на книгѣ урна, съ надписью: *незабвенному Музеусу*. — Чувствительная Амалія! * потомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чтить дарованія.

=

21 Іюля.

Вчера два раза былъ я у Виланда и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ

* Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

къ нему въ восемь часовъ утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные — таковъ Виландъ. Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. «Это не стоило труда!» отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ Нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего нещастнаго человѣка, который нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли: изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. «Конечно я пришелъ не во время?» спросилъ я. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ поутру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — «И такъ позвольте мнѣ притти въ другое время; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть.» — *Виландъ*. Чего вы отъ меня хотите? — *Я*. Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать Автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — *В*. Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно? — *Я*.

Скажите. — *В.* Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни по чему не извѣстны. Я васъ не знаю. — *Я.* Правда; но чего вамъ опасаться? — *В.* Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* откровененъ. — *Я.* Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка. — *В.* Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не будете жить? — *Я.* Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда — узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей. — *В.* Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь дурнаго. — *Я.* Вы шутите. — *В.* Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, естьли бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, на прим. въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе. — *Я.* Вы Поэтъ, а я люб-

лю Поэзію: какъ бы пріятно для меня было, естьли бы вы дозволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея? — *В.* Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть, вы учитель мой въ Поэзіи. — *Я.* О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и въ послѣдній разъ. — *В.* (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*). Я не физіогномистъ; однакожь видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность; и я вижу еще перваго Русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этаго старика (*указывая на бюстъ Вольтеровъ*). Обыкновенно ваши единоземцы стараются подражать Французамъ; а вы — *Я.* Благодарю. — *В.* И такъ естьли вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго. — *Я.* Вы хотите быть только снисходительны! — *В.* Хочу имѣть удовольствіе быть съ вами, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны. — *Я.* Простите! — *В.* Въ третьемъ часу васъ ожидаю.— *Я.* Буду. — Простите!

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, который сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все еще въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою

ласкою, какъ и вчера — съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, естьли бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію, и взглянулъ на Медицисскую Венеру, Бельведерскаго Аполлова, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о тлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большой части не понятною. «Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ.» —Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ не высокаго росту, посредственной толщины, и лицемъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ — (но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физіогномическимъ колдуномъ). Видъ

его важенъ и привлекателенъ; въ мнѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, такого, ничего что бы показывало *желаніе казаться чѣмъ нибудь.* Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсъ словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великій Ученый и глубокомысленный Метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Батюшка васъ дожидается*, сказалъ одинъ. *Подите къ нему*, сказали двое вмѣстѣ. *Мы васъ проводимъ*, сказалъ четвертый. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему — простите, естьли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — «Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что этотъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда

какъ онъ въ Германіи пропадаетъ.» — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ Поэзіи, сказалъ онъ: «Естьли бы Судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни.» Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: «Жалѣю, естьли вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду? «Тихая жизнь, отвѣчалъ *я*. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ. — Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его щастливымъ.»

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — «Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ читателей, какъ

Боннетъ; а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою. — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ титуломъ Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Verstellungsvermögens, которое только-что отпечатано, и которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, есть-ли вы читаете! книги такого рода. Вашъ Агатонъ или Оберронъ, для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однакожь иногда изъ любопытства заглядываю и въ областъ Философіи. — «А развѣ Агатонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самые важнѣйшіе вопросы Философіи.» — Правда, сказалъ я: и такъ прошу извинить меня.

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова.

Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Русской. «Но каковъ переводъ?» спросилъ онъ. — Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. «Такова моя участь, сказалъ онъ: и Французскіе и Англійскіе переводчики меня обезобразили.»

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ щастія въ жизни. «Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Простите, и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!» — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самого меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разстались — можетъ быть навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Естьли бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберонъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, на прим., *нравоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недостатковъ; однакожь отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ

въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остротѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Естьли Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой Литтературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, какъ Нѣмцы прилѣжали только къ сухой учености) — естьли знающіе и справедливѣйшіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти Вilандовы сочиненія, хотя и не хорошо на Французской языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно, — остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное Греческое лице! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену. — Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные Писатели: Бертухъ, Боде, и проч. Бертухъ перевелъ съ Гишпанскаго Донъ-Кишота, и выдавалъ *Магазинъ Гишпанской и Португальской Литтературы*; а Боде славится переводомъ Стернова *Путешествія* и Тристрама Шанди. Герцогиня Амалія любила дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и поручила ему воспитаніе молодаго Герцога; она призвала Гете, когда онъ прославился своимъ

Вертеромъ; она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго Духовенства.

Простите, друзья мои! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой страннической посохъ — иду смотрѣть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звѣздному небу.

═

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ разсказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете, друга своего, который вмѣстѣ съ нимъ учился въ Страсбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ Дворѣ. Его приняли очень хорошо, какъ человѣка съ дарованіями; но скоро примѣтили въ немъ великія странности. На прим. однажды явился онъ на придворный балъ въ доминѣ, въ маскѣ и шляпѣ, и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца, но чиновные господа и госпожи, составляющія Веймарской Дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ отрубить голову. — Съ самаго своего пріѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовные пѣсни

Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей: онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминулъ въ нихъ уподобить себя Иксіону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу. — Однажды онъ встрѣтился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы поклониться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣхать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ стоявшій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣтлости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился странствовать по бѣлому свѣту.

═

Эрфуртъ, 22 Іюля.

Въ два часа пріѣхалъ я сюда изъ Веймара, остановился въ трактирѣ (котораго имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на такъ

называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской монастырь, и просилъ тамъ перваго встрѣтившагося мнѣ отца указать то мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глейхенъ. *Толстой* отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ отцу церковнику. Мнѣ надлежало итти через длинныя сѣни или коридоръ, гдѣ въ печальномъ сумракѣ представились глазамъ моимъ распятія и лампады угасающія. Вожатый оставилъ меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника. Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ, въ глубокой тишинѣ, по сему темному коридору, и смотря на лампады и на старыя картины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодный ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ щастію, въ самую сію минуту пришелъ мой вожатый, и фантомы моего воображенія исчезли. Отецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими отцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я. Могу, отвѣчалъ онъ, естьли вы только его хотите видѣть. — Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ

широкія скованныя доски, и я увидѣлъ большой камень. — Выслушайте исторію.

Когда святая ревность выгнать невѣрныхъ изъ земли Обѣтованной заразила всю Европу, и благочестивые рыцари, крестомъ ознаменованные, устремились къ востоку: тогда и Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ странамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества. Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить нещастіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знатнаго Магометанца, который велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, нещастный Графъ поливалъ цвѣты, и стеналъ въ тяжкомъ рабствѣ. Но тщетны были бы всѣ его стенанія и всѣ обѣты, естьли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обратила взоровъ нѣжной любви на злощастнаго Героя. Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часто видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая стыдливость долгое время не допускала ее изъясниться и сказать ему, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ искра воспылала — стыдливость исчезла — любовь не могла уже таиться въ сердце, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленнаго Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтущая красота и способъ разорвать цѣпь

неволи, не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, естьли она согласится оставить своего отца, отечество, и бѣжать съ нимъ въ страны Христіанскія. Но она уже не помнила ни отца, ни отечества — Графъ былъ для нее все. Прекрасная летитъ, приноситъ ключь, отпираетъ дверь въ поле —летитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до отечества Графскаго. Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго считали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смотрятъ они на его статную сопутницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятія. «Ты опять меня видишь, любезная супруга! говоритъ Графъ: благодари ее (*указывая на свою избавительницу*) — она все для меня оставила. Ахъ! я клялся любить ее!» — Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои. Сарацынка открываетъ свое лице, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ: *я теперь раба твоя!* — «Ты сестра моя, отвѣчаетъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: супругъ мой будетъ твоимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его.» Графъ удивляется великодушію супруги — прижимаетъ ее къ своему сердцу — всѣ обнимаются и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей тройственный союзъ, и самъ Папа подтвердилъ его. Миръ и щастіе обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣ-

стѣ — въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты одним большим камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петровой горы* на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиротской домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столикѣ лежитъ Нѣмецкая Библія перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы простой монахъ, жившій во мракѣ этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую нравственную революцію въ свѣтѣ! — Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество странныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величіе и отправиться на тотъ свѣтъ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣяніи, поднимающая кинжалъ съ маскою. На третьей изображены содержатель типографіи въ штофномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смертъ, хотящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели типографіи умереть должны! и проч. и проч.

═

Гота, 23 Іюля, въ полночь.

Я пріѣхалъ сюда въ одиннадцать часовъ утра, и остановился въ трактирѣ *Колокольчика.* Сильная головная боль заставила меня пролежать весь день. Ввечеру я всталъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и фейерверкъ, которымъ Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, пріѣхавшаго къ нему въ гости.

═

Франкфуртъ на Майнѣ, Іюля 28.

Вчера, милые друзья мои, пріѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать — (я ѣхалъ на ординарной почтѣ) — или по крайней мѣрѣ стоять по нѣскольку часовъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень просторно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего любопытнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много занимательнаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Натуры. Еще замѣтилъ я замокъ Вартбургъ, который лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ которомъ послѣ Вормсскаго Сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ. Тутъ возвышаются два камня, въ которыхъ воображеніе находитъ нѣчто похожее на человѣческія фигуры, и о которыхъ, по старому преданію, разсказывается слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присутствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушный сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ тотъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее лилъ пламенныя слезы, и видѣлъ огненный румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, страшились своихъ чувствъ и — питали ихъ. Наконецъ молодой монахъ трепещущею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора. Я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я свергнусь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣчною смертію.* Сердце ея

затрепетало. «Мнѣ видѣть его — думаетъ она — мнѣ видѣть его за стѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ страшнаго грѣха самоубійства.» — Она находитъ способъ вытти ночью изъ монастыря — идетъ во мракѣ и страшится всякаго шороха — всходитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего страстнаго обожателя. Они забываютъ все, трепещутъ въ восторгѣ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмѣютъ члены, сердца перестаютъ биться, и Небесный гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. «Вы видите ихъ» — сказалъ мнѣ постилліонъ, указывая на верхъ горы. — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ титуломъ: der Mönch und die Nonne.

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко близъ Гиршфельда, постилліонъ мой остановился у дверей одного дома. Я счелъ этотъ домъ трактиромъ, вошелъ въ него, и первому человѣку, который встрѣтилъ меня съ низкимъ поклономъ, велѣлъ принести бутылку воды и рейнвейна; сѣлъ на стулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнатѣ было еще человѣка три, которые съ великою учтивостію начинали говорить со мною. Принесли рейнвейнъ. Я пилъ, хвалилъ вино, и наконецъ спросилъ, что надобно заплатить за него? «Ничего, отвѣчали мнѣ съ поклономъ: вы не въ трактирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, который очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвейнъ.» Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя

шляпу и сталъ извиняться. «Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ.» Буду почтителенъ, и все, что вамъ угодно, — отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ сертукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей теткѣ. Я не хотѣлъ безпокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего Vicar of Wakefield и началъ читать. Сопутница моя стала зѣвать, жмуриться, дремать, и наконецъ голова ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ тронуться, чтобы не разбудить ее; но вдругъ насъ такъ тряхнуло, что она отлетѣла отъ меня въ другой уголъ коляски. Я предложилъ ей большую свою подушку. Она взяла ее, положила себѣ подъ голову и опять заснула. Между тѣмъ смерклось, и наступила ночь. Каролина спала крѣпкимъ сномъ, и не просыпалась до самаго того мѣста, гдѣ надлежало намъ съ нею разстаться. Что принадлежитъ до меня, то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренный рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности. Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каролина, по своей невинности, не думала благодарить меня за мою воздержность, и простилась со мною очень сухо. Богъ съ ней!

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я пріѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Читать не могъ — писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованію, и принесла мнѣ цѣлую тетрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ о друзьяхъ отдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ трактирѣ *Звѣзды*, гдѣ отвели мнѣ хорошую комнату.

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Ненастье продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ раствореннымъ окномъ; и хотя косой дождь мочитъ меня и разливаетъ дрожь по моей внутренности, однакожь каменная Русская грудь не боится простуды, и питомецъ желѣзнаго сѣвера смѣется надъ слабымъ усиліемъ Майнскихъ бурь. Но такой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ кроткомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслію, что оставляю за собою холодъ и сырость, все сердитое, жестокое и угрюмое въ Натурѣ. Тамъ, гдѣ течетъ Майнъ и Рейнъ, думалъ я, тамъ небо чисто, дни красны, и

одни Зефиры струятъ воздухъ; тамъ цвѣтущая Природа ликуетъ въ яркомъ свѣтѣ лучей солнечныхъ. Но — пріѣзжаю, и нахожу пасмурную осень середи лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду; и клянусь Титанами и страшнымъ Стиксомъ, что не выѣду изъ Франкфурта не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго Банкира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (который уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библіотека въ трехъ шагахъ отъ трактира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову трагедію, и читалъ ее съ великимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ Республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ! Вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя критика от-

даетъ ему преимущество. — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Иффландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбилисъ бы нашей Публикѣ, естьли бы искусный человѣкъ обработалъ ихъ для Русскаго театра.

Въ одномъ трактирѣ со мною живетъ молодой Докторъ Медицины, который вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. «Испорченный желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего Моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда, какъ они больны, — и когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько пріемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевный бываетъ всегда слѣдствіемъ тѣлеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть отправляетъ ту должность, которую поручила ей Натура: тогда и душа бываетъ здорова; тогда человѣкъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и щастливъ.» — И такъ естьли бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить

моста на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ мой Докторъ: и естьли бы лекарь его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то смѣшное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Отъ чего въ златомъ вѣкѣ были люди и добры и щастливы? Конечно отъ того, что они, питаясь только растѣніями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что естьли бы я былъ Государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанія, отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу Публикѣ свои мнѣнія и доказательства, которыя, можетъ быть, сдѣлаютъ революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали.» — Я удивлялся Логикѣ Господина Доктора.

═

Іюля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо перестало хмурить брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ и такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Трактирщикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ старикомъ и, какъ сказы-

вають, очень богатымъ человѣкомъ. Узнавъ отъ моего вожатаго, что я путешествующій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изряднымъ въ моемъ саду. Какова эта темная алея?» — Въ жаркое время тутъ хорошо прохлаждаться, отвѣчалъ я. — «А эта маленькая бесѣдка подъ вѣтьвями каштановыхъ деревъ?» — Тутъ прекрасно сидѣть ввечеру, когда луна покажется на небѣ и свѣтъ свой прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтьви на эту бархатную зелень. — «А этотъ холмикъ?» — Ахъ! какъ бы я желалъ встрѣтить тутъ восходящее солнце! — »А этотъ маленькой лѣсокъ?» — Тутъ вѣрно поютъ весною соловьи, такъ спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы, ни мало не подозрѣвая, чтобы сюда заманивало ихъ искусство. — «Что вы скажете объ этомъ домикѣ?» — Онъ построенъ на то, чтобъ быть жилищемъ Философа, любящаго простоту, уединеніе и тишину. — «Теперь вамъ надобно согласиться выпить у меня чашку кофе.» — — Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ стульяхъ вокругъ маленькаго столика. Намъ подали кофе. Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріимство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — отъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, которымъ уже по крайней нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь обра-

довавшись солнцу, всё какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.»

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой житель купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, *промышлености* *, изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милостыни.

Только не льзя назвать Франкфурта хорошо выстроеннымъ городомъ. Домы почти всѣ старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ столъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу не болѣе 50 копѣекъ. Вино также очень дешево. Бутылка молодаго рейнвейна стоитъ 10 копѣекъ, а стараго 40.

Послѣ обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и винограды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салватора Розы или Пуссеневой!

---

* Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: Авторъ употребилъ его первый.

Уединенный домикъ съ садикомъ, не далеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой тропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на травѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтьвями. Минутъ черезъ пять мальчики выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать, пріятная лицемъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла съ улыбкою на играющихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ платкомъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первый!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ, и также кинулся къ ней на шею. Любезная картина семейственнаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго щастія, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой. — Прости, уединенный домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣтьвистое дерево!

долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невинности и добродѣтели!

═

Франкфуртъ, Іюля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною Гановерскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Брольй.

Въ здѣшней ратушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаетъ новоизбранный Императоръ, и гдѣ стоятъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тотъ тамъ же въ Архивѣ можетъ видѣть и славную *золотую Буллу*, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанный на 43 пергаментныхъ листахъ и названный симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ снуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а съ другой стороны Римская крѣпость, или такъ называемой *замокъ Св. Ангела* (il castello di S. Angelo) съ словами

aurea Roma (золотой Римъ), которыя расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ:

$$\begin{Bmatrix} a & u & r \\ e & a & r \\ o & m & a \end{Bmatrix}$$

Я былъ и въ каѳедральной церкви Католиковъ, гдѣ по уставу Майнцской Архіепископъ коронуетъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза статуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Часто ли шьютъ ей обновы? спросилъ я моего провожатаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ. — Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Католикамъ, однакожь господствующая Религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Католицкому Духовенству запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформатовъ, большею частію Французовъ, выгнанныхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ всенародно отправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ Синагогу. Такая нетерпимость конечно не служитъ къ чести Франкфуртскаго Правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что нельзя итти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ нещастныхъ людей, столь униженныхъ между человѣками! Платье ихъ состоитъ по большой части изъ засаленныхъ

лоскутковъ, сквозь которое видно нагое тѣло. По Воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ Христіянскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, естьли случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно покланяться Тебѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молить судію своего

о помилованіи. «За чѣмъ вы пришли сюда?» (сказалъ мнѣ тотъ умный Жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ.) «Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ «въ Іерусалимѣ: тамъ Всевышній благоволилъ яв«ляться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ «великолѣпный; и мы, разсѣянные по лицу зем«ли, приходимъ сюда сѣтовать о бѣдствіи народа «нашего. Оставьте насъ; мы представляемъ для «васъ печальную картину.» — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе Христіяне. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа общественности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докторъ Н*. — Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. «Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ Израильтянинъ: мы не безчестнѣе Христіянъ.» Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на Французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельзоновъ Іерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великой человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его

(спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою.) Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я? «Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ Жидъ мой бросилъ на столъ талеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе Актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціянскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, естьли сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

═

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштатскаго Проповѣдника, то я нынѣ по утру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштатъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе

къ Дармштату (до котораго считается отъ Франкфурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбита — и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать чрезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я трактиры подъ разными, отчасти странными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близъ покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресла отдыхать; но черезъ нѣсколько минутъ позвали меня обѣдать. Въ столовой комнатѣ нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Стразбурга, подробно разсказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что трудно было отъ смѣха удержаться — на примѣръ: *ильз-онъ дешире ла мезонъ де виль; ильз-онъ бриле* (brulé) *ле докиманъ* (le documens); *иль вуле бандръ* (pendre) *ле машистра* (magistrats). — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Штарка нѣтъ въ Дармштатѣ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. «Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ си-

дѣвшій подлѣ меня человѣкъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ трудомъ могли потушить пожаръ.» Отъ всего сердца жалѣю о Штаркѣ. Дорогá человѣку добрая слава — и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сіе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты? Кто убѣдительнѣе твоего представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls.
Who steals my purse, steals trash; 'tis something, nothing,
Twas mine, "tis his, and has been slave to thousands;
But he, that filches from me my good name,
Robs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed *.

Златые Пиѳагоровы *стихи* кажутся мѣдными подлѣ сихъ строкъ, которыя всякому человѣку, Христіянину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, надлежало бы вписать незагладимыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштатѣ такъ называемый *домъ экзерциціи*, въ которомъ можетъ учиться цѣлый

---

* Т е. «Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашей. Кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.»

полкъ, и въ которомъ хранится множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ которомъ считается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

Два раза былъ я въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствію моему, играли очень неважныя Французо-Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я единственно то, что молодые люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходятъ въ Театръ не шумѣть, а слушать піесы, или — зѣвать.

═

Маинцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ я въ Маинцъ въ *дилижансъ* или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Стразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Маинца! Какіе пріятные виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Маинцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ величественный Реинъ и тихой Маинъ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, которыхъ не льзя обнять глазами. Любезные друзья! какъ радостно билось мое сердце! Реинъ, Реинъ! наконецъ вижу тебя (думалъ я) — вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его теченіи!

Маинцъ лежитъ на западномъ берегу Реина,

гдѣ впадаетъ въ него Маинъ. Въ городѣ улицы узки, хорошихъ домовъ мало, церквей, монастырей и монаховъ великое множество. — «Угодно ли вамъ видѣть кишки Св. Бонифація, которыя хранятся въ церкви Св. Іоанна,» спросилъ у меня съ важнымъ видомъ наемный слуга. Нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ я: хотя Св. Бонифацій былъ добрый человѣкъ и обратилъ въ Христіянство Баварцевъ, однакожь кишки его не имѣютъ для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за городъ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Реина, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучь солнца и картину зеленыхъ береговъ.

Возвратясь въ трактиръ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я потребовалъ у трактирщика бутылку Гохгеймскаго вина, и притомъ самаго стараго, какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Реинскихъ винъ. «Вы конечно поблагодарите меня за этотъ нектаръ (сказалъ мнѣ услужливый трактирщикъ, ставя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ моего отца, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ.» Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обонянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Реина, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлостію вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ

царь. Скоро бутылка опорожнилась. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Костгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь памяти покойника, сказалъ я, — всталъ и пошелъ въ свою комнату.

═

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Маинца въ большой почтовой каретѣ съ пятью товарищами, и по западному берегу Реина, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, пріѣхалъ въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ столъ — вездѣ прекрасныя деревни — вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя дерева — груши, яблоки и Грецкіе орѣхи растутъ на дорогѣ (зрѣлище, въ восторгъ приводящее сѣвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и потомъ орошаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ!) И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенный, винородный Реинъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенные плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ женъ рожденныхъ? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ слезы горести не ліются? Здѣсь ліются онѣ, и я видѣлъ ихъ — видѣлъ тоску поселянъ нещастныхъ. Реинъ и Неккеръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и затопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь неслась часть домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствіе — тутъ бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина — тамъ плыла бѣдная, блеющая овца. Мы должны были ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при въѣздѣ въ длинную алею, версты за три до Мангейма — алею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцскомъ городѣ, мы завтракали и пили славное Ниренштеинское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Реина, стоитъ высокая Пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечь. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Реинъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ достойна примѣчанія старинная ратуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на

которой лопнулъ стаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія отрава, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасный городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами: что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень пріятно. Ворота Реинскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены баральефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Реиномъ. Естьли бы я не торопился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

═

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія копіи славныхъ Бельведерскихъ антиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло влагать душу въ мраморъ, и прекрасную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣ-

нію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждаютъ, что она подала Виргилію мысль къ описанію нещастнаго Лаокоонова конца *. Смотря на нее, прочиталъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ:

«Другое, ужаснѣйшее происшествіе вселяетъ «трепетъ въ сердца наши. Лаокоонъ, избранный «по жребію въ жрецы Нептуновы, торжественно «приносилъ въ жертву тучнаго быка — и вдругъ на «поверхности тихихъ водъ, отъ страны Тенедоса, «являются... (страшное воспоминаніе!)... являются «два ужасные змія, и рядомъ плывутъ къ бе«регу; кровавая глава и грудь ихъ гордо возвы«шается надъ волнами; неизмѣримый хребетъ ихъ «извивается въ кругахъ безчисленныхъ; плывутъ, «съ шумомъ разсѣкаютъ пѣнистую влагу и до«стигаютъ берега. Пламя и кровь въ очахъ ихъ. «Страшно шипятъ они, страшно зіяютъ — и на«родъ въ ужасѣ спасается бѣгствомъ. — Сіи чу«довища спѣшатъ къ Лаокоону; бросаются спер«ва на двухъ юныхъ сыновъ его, и терзаютъ не«щастныхъ. Лаокоонъ стремится съ копіемъ на «помощь къ нимъ: отецъ злополучный! Зміи об-

---

* Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ *деревянную лошадь*, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе.

«вивяются вокругъ его тѣла, вокругъ шеи, и шипятъ надъ его головою. Тщетно хочетъ онъ «освободиться отъ чудовищъ ужасныхъ; руки «старца безсильны. Покрытый ихъ нечистымъ «гноемъ, ихъ ядомъ смертоносным, Лаоконъ «стенаетъ — и вопль его до звѣздъ возносится.»

Съ какою живостію изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горесть нещастнаго родителя, который видитъ погибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ! — Фидіасъ былъ Поэтъ.

═

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины — гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ,

не могутъ выттн изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Натурою, и умираютъ, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышлености, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипокондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашъ постилліонъ остановился. Vous êtes déjà en France, Messieurs, сказалъ намъ худо-одѣтый человѣкъ, подошедши къ нашей каретѣ: et je vous en félicite. Это былъ осмотрщикъ, который за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ

кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, постиліоны, бабы, говорятъ о революціи.

А въ Стразбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются Офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ Прелата, и принудила его пить пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье націи. Прелатъ блѣднѣлъ отъ страха, и трепещущимъ голосомъ повторялъ: mes amis, mes amis! — Oui, nous sommes vos amis! кричали солдаты: *пей же съ нами!* — Крикъ на улицахъ продолжается почти безпрерывно. Но жители затыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла. Офицеры сидятъ подъ окномъ, и смѣются, смотря на неистовыхъ. — Я былъ нынѣ въ Театрѣ, и кромѣ веселости, ничего не примѣтилъ въ зрителяхъ. Молодые Офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и отъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ, который раза три приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между тѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Стразбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри. Сказываютъ, что по деревнямъ ѣздилъ какой-то человѣкъ, который называлъ себя Графомъ д'Артуа, и возбуждалъ поселянъ къ мятежу, говоря, что Король дастъ народу полную свободу до 15 Августа, и что до сего времени всякой можетъ

дѣлать, что хочетъ. Сей слухъ заставилъ здѣшняго начальника обнародовать, что *одна адская злоба, достойная неслыханнаго наказанія*, могла распустить такой слухъ —

Здѣшняя каѳедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, не льзя не почувствовать благоговѣнія; но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на баральефы корнизовъ и колоннъ, гдѣ вы увидите престранныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ Орденовъ; иные съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ, и пр. На одномъ баральефѣ представленъ монахъ съ монахинею въ самомъ непристойномъ положеніи. — Богатыя одежды Священниковъ и украшеніе олтарей показываютъ за диковинку. Одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоитъ 60,000 талеровъ. — По круглой лѣстницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самый верхъ башни, откуда безъ нѣкотораго ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насѣкомыми, и цѣлый городъ, казалось, можно было въ минуту измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Стразбурга едва были примѣтны; миль за десять и болѣе синѣлись горы. Говорятъ, что въ самую

ясную погоду можно видѣть и снѣжные верхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе. — Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаютъ.— Между колоколами, изъ которыхъ самый большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемый *серебряный*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣстятъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранится большой охотничій рогъ, которымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятья Стразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе раззорены, а другіе выгнаны изъ города. Въ память щастливо разрушеннаго заговора трубятъ въ этотъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни путешественники пишутъ свои имена, или стихи, или что кому вздумается. Я нашелъ и Рускія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти. — Высоко! — Здравствуй, братъ землякъ! — Какой же видъ!*

Въ Лютеранской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморный монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалеза. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изображаютъ соединенныя арміи, побѣжденныя Гра-

фомъ во Фландріи. На лѣвой сторонѣ представлена Франція въ образѣ прекрасной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочетъ одною рукою удержать его, а другою отталкиваетъ смерть. Печальный Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же сторонѣ развѣваются побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искуству: по мнѣнію знатоковъ, онъ достигъ своей цѣли. Я, не будучи знатокомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую, на третью — и былъ въ своемъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онѣ сдѣланы. Смерть, въ образѣ скелета, одѣтаго мантіею, была мнѣ противна. Древніе не такъ изображали ее, — и горе новымъ художникамъ, пугающимъ насъ такими представленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ горестной Франціи, нежели къ гнусному скелету. Коротко сказать, Пигаль, по моему чувству, есть искусный художникъ, но худой Поэтъ. — Подъ симъ монументомъ, въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежитъ бальзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудѣ, стоящемъ на гробѣ, а внутренность погребена въ землѣ. Людовикъ XV, по своей чувствительности или по чему иному, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія умирающаго Маршала, которое состояло въ томъ, чтобы тѣло его было сожжено. Qu'il ne

reste rien de moi dans le monde, сказалъ онъ, que ma mémoire parmi mes amis! —

Здѣшній Университетъ также почти славенъ, какъ Лейпцигской и Геттингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане пріѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Страсбургскихъ Профессоровъ очень не многіе извѣстны въ ученомъ свѣтѣ какъ Авторы. Ихъ называютъ лѣнивыми въ сравненіи съ другими. Можетъ быть они богатѣе другихъ; а въ Германіи бѣдность дѣлаетъ многихъ Авторами.—

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ; но что улицы тѣсны, и не льзя похвалить архитектуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма страненъ. Крѣпко, счесанные и насаленные волосы связываются (т. е. передніе съ задними) на срединѣ головы; а на верху пришивается маленькая корона. Ничего не можетъ быть безобразнѣе такого убора. —

Что принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ обществахъ говорятъ всегда по-Французски.

Я надѣялся здѣсь найти письмо отъ А*, но не нашелъ. Когда-то отъ васъ, мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Что съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Геній не шепчетъ мнѣ на ухо отвѣта. Путешествовать пріятно, но разставаться съ друзьями больно. — —

П. П. Мнѣ сказывали, что Лафатеръ за нѣсколько дней передъ симъ былъ въ Базелѣ для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ

Магистромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, который водилъ меня въ Университетъ, въ анатомической театръ, въ медицинской садъ, и который нынѣ за обѣдомъ и за ужиномъ пилъ здоровье отечественныхъ друзей моихъ. За ужиномъ у насъ былъ превеликой споръ между Офицерами о томъ, что дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ честному человѣку, Французу и Офицеру? Положить руку на ефесъ, говорили одни, и быть въ готовности защищать правую сторону. Взять абшидъ, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣяться, сказалъ пожилой Капитанъ, опорожнивъ свою бутылку.

═

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Страсбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасѣ много разбойниковъ.* Мы посмотрѣли другъ на друга. «У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ» — сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. «У меня есть кортикъ и собака» — сказалъ молодой человѣкъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій подлѣ меня. «Чего бояться?» сказали всѣ мы; поѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, черезъ которыя мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лотарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляютъ для глазъ нѣчто романическое, и придаютъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сіи горы болѣе и болѣе удаляются и темнѣютъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышаются черные хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничиваютъ горизонтъ. Близь дороги изрѣдка попадаются въ глаза дерева и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Постилліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ, и въ такихъ сапогахъ, которые были бы впору Гиганту въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати верстахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно платить прогоны впередъ, нашими деньгами копѣекъ по двадцати за милю (lieue) Изъ Страсбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть переѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того, что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базелѣ ворота, кото-

рыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я коротко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Копенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медицинѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапрота), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ кортикомъ на бедрѣ, пересылая чрезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Стразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочетъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ отправиться во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любитъ онъ свою собаку, и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣтилъ, мили за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она устала и начала отставать, то, пожелавъ намъ счастливаго пути, вышелъ самъ изъ дилижанса, чтобы брести потихоньку съ своимъ другомъ. — Здѣсь въ Базелѣ остановились мы съ нимъ въ одномъ трактирѣ, подъ вывѣскою *Аиста.*

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя само собою подымается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но, кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкира Саразеня, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень не много, и нѣкоторые переулки заросли травою. Реинъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Маинцѣ, однакожъ, по быстрѣйшему своему теченію и по свѣтлости воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важный торгъ съ Нѣмцами, и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минстерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старые монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для меня примѣчательнѣе другихъ. Первый считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ: въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстный вамъ, анекдотъ: Эразмъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Политикѣ, Религіи и другихъ пред-

метахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!* — Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого Папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры; но многія грубы, сухи и натянуты — и вообще книга сія довольно скучна *для* тѣхъ, которые уже читали остроумныя сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмагонадесять вѣка. — Минстеръ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, откуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библіотекѣ показываютъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, которыхъ цѣну знаютъ только Антикваріи и Нумисматографы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на картины славнаго Гольбейна, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Іуду, какъ онъ здѣсь представленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Христѣ, снятомъ со креста, не видно ничего божественнаго; но какъ умершій человѣкъ, изображенъ онъ весьма естественно. По преданію разсказываютъ, что Гольбейнъ писалъ его съ одного утопшаго Жида. Страсти Христовы изображены на осьми картинахъ. — Въ Ратушѣ есть цѣлая зала, расписанная *альфреско* Гольбейномъ. Знатоки говорятъ о семъ живописцѣ, что фигуры его вообще весь-

на хороши; что тѣло писалъ онъ живо, но одежду очень дурно. — Въ оградѣ церкви Св. Петра, на стѣнѣ за рѣшеткою, видѣлъ я и славный *танецъ мертвыхъ*, который, по крайней мѣрѣ отчасти, очитаютъ за Гольбеннову работу. Смерть ведетъ на тотъ свѣтъ людей всякаго состоянія: и Папу и Нимфу радости, и Короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знатокомъ, могу сказать, что конечно не одно воображеніе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: столь хороши нѣкоторыя, и столь дурны прочія! Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбенновой руки *. Впрочемъ вся картина испорчена воздухомъ и сыростію.

Между прочими Гольбенновыми картинами, которыми гордится Базель, есть прекрасный портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лаисы (по чему легко можно догадаться, какого роду была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сія картина найдена была на олтарѣ, гдѣ народъ покланялся ей подъ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: Verbum Domini manet in aeternum, (*слово Господне пребываетъ вовѣки*).

Кабинетъ Господина Феша есть достойный предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, лю-

* Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

бящихъ искусство. Его цѣнятъ въ 150,000 талеровъ. Конечно не многіе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣютъ такое собраніе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многіе изъ богачей имѣютъ такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоцѣнныя его картины, столько же, или еще болѣе, завиденъ для меня и тотъ прекрасный видъ, которымъ наслаждается сей любимецъ фортуны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественный Рейнъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его теченіемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подъ голубымъ сводомъ неба — и я могъ бы цѣлый день неподвижно простоять въ семъ магическомъ кабинетѣ, смотрѣть и тихо въ душѣ восхищаться, естьли бы не побоялся быть въ тягость Господину Фешу. — На дворѣ передъ его домомъ показываютъ деревянную и очень топорно выработанную статую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, когда онъ войсками своими окружилъ Базель; послѣ чего отворили ему городскія ворота — и онъ жилъ здѣсь, сказываютъ, точно въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Г. Фешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой человѣкъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горесть и

блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатный Французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человѣкъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. Mon père! ma mère! mon fils! ma fille! — и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которые всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, отирая ліющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои,*

простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ *, *но, благодаря Всевышняго! видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе!* Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — «Я могу вамъ сказать единственно то», отвѣчалъ онъ, «что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господина; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, которыя были въ гостяхъ у брата его, и которыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.»

Естьли вы въ полдень спросите здѣсь, *который часъ?* то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ* — то есть, здѣшніе часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе разсказыва-

---

* Слово въ слово съ Французскаго; но галлицизмы такого рода простительны.

ютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженный заговоръ — и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомистровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился домой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щастливой Бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *Церковнаго Собора*, для того, чтобы лѣнивые Кардиналы и Епископы вставали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почитаетъ сей обманъ за драгоцѣнное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избирать начальниковъ, однакожь правленіе сего Кантона можно назвать отчасти демократическимъ; потому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самаго низкаго состоянія бываютъ Членами Большаго и Малаго Совѣта, которые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати, и сами избираютъ Членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, портные, играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характернаго. — Въ домахъ гражданъ и въ трактирахъ соблюдается отмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь отмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частый, зеленый кустарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассеинъ, стоитъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ тихомъ гротѣ, въ семъ святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь, Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселовомъ сундукѣ изобра-

жены были*. — Мы сходили въ подземный храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайный холодъ и сырость не позволяли намъ ни минуты пробыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлейсгеймѣ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель.

Верстахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе между Французами и Швейцарами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякой годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣвать геройскія дѣла своихъ предковъ и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть тотъ домъ, въ которомъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и понынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человѣка, которому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но который

---

* Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, бѣлаго и чернаго; одинъ спалъ, а другой *казался* спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

отъ страшнаго хвастовства своего прослылъ шарлатаномъ въ цѣлой Европѣ *.

Вообразите, что новый мой знакомецъ Б*, съ которымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираетъ — умираетъ отъ любви! Здѣсь въ трактирѣ живетъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодни ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Нѣжное сердце моего Датчанина растопилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть, и только что подчивалъ красавицу; а при концѣ ужина подалъ ей записную книжку свою и карандашъ, прося, чтобы она написала ему какое нибудь наставленіе. Красавица взяла книжку, карандашъ — взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели* — написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенный Б*... Madame!... Въ самую сію минуту всѣ изъ-за стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* стоялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ

* Пишутъ, что онъ часто лекціи свои начиналъ такъ: «Знайте, о Медики! что колпакъ мой ученѣе всѣхъ васъ, «и что борода моя опытнѣе вашихъ Академій. Греки, «Римляне, Французы, Италіянцы! я буду вашимъ царемъ.»

къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

═

Базель, Августа 9.

Молодая дама изъ Ивердона нынѣ поутру уѣхала, и Датчанинъ Б* исцѣлился отъ любовной своей болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли мы здѣсь извощика, или такъ называемаго *кучера* (Kutscher), который за два луидора съ талеромъ повезетъ насъ въ Цирихъ на парѣ жирныхъ лошадей, въ двумѣстной старомодной каретѣ; и такимъ образомъ за 60 верстъ платимъ мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ почты. — *Ступайте, господа!* кричитъ намъ почтенный извощикъ Швейцарской въ плисовомъ фракѣ: *ступайте! чемоданы ваши привязаны.* И такъ простите!

═

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швей-

цары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу *, не возмущаемую тиранскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естьли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость

* Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя *кротко умерщвляли* смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію *вѣчно-юнаго Аполлона*, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

не была бы высочайшею Благостію, естьли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Реина, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Рейнфельденъ, Австрійской городокъ.

И такъ я теперь во владѣніи нашего Союзника! — Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ трактирѣ подъ окномъ, и смотрю на Рейнъ, котораго пѣна чуть до меня не долетаетъ.

═

Бругъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ платьѣ, съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печальное платье, блѣдное лице и томность въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. «Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать» — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, который для Датчанина былъ очень нѣженъ. «Естьли это не будетъ вамъ противно» — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. «Господинъ трактирщикъ!» закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: «вы конечно не заставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?» *Увидите*, отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на головѣ своей шапку. — «Швейцары добрые люди» — сказала Француженка съ

улыбкою, сѣвъ за накрытый столъ — «только немного грубоваты.» Поставили кушанье: Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески старался услуживать дамѣ и сыну ея. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не спросить у нее, по комъ носитъ она трауръ? «По братѣ», отвѣчала Француженка со вздохомъ. «Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и — нашла его лежащаго во гробѣ.» Тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ. — А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ. — «Старѣе меня пятью годами» — отвѣчала она, и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней ресницѣ лѣваго глаза* ея. Господинъ Б*! сказалъ я: вы оскорбляете чувствительность Госпожи N. N. горестными воспоминаніями. Я этаго не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Простите меня, сударыня! «Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, сказала она, что кровь не переставала изъ нее литься.» — Маленькой Пьеръ бросилъ ложку, посмотрѣлъ на мать, всталъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между поцѣлуями взглядывалъ на нее такъ умильно, и говорилъ ей такъ нѣжно: *маменька, не плачьте! не плачьте, любезная маменька!* что я пошелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ, а Б* въ восторгѣ вскочилъ со стула, схватилъ руку ея, которою обнимала она сына своего, и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ

трактирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ, что вы обѣдаете.* Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа N. N. высвободила свою руку (на которой осталось розовое пятно), и томнымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за нескромный жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я трактирщику; но онъ стоялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа N. N. успокоилась, и разсказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, который родомъ Швейцаръ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ К*. Онъ очень щастливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было расплатиться съ трактирщикомъ и проститься съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера, — изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа N. N. ахнула; а трактирщикъ,

стоявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку стащили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*? Учтивый пріятель мой увѣрялъ Госпожу N. N., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. «Ахъ, государь мой!» сказала она: «я вижу кровь, я вижу кровь!»... и бѣлымъ своимъ платкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. «Ахъ, сударыня!» отвѣчалъ Б*, будучи тронутъ до глубины сердца: «какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.» Госпожа N. N. подарила ему трубочку Англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила преступленіе ея звѣрка. Тутъ мы снова простились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькой Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы садились. Простите, сударыня, простите! кричалъ ей Б*. Простите! отвѣчала она. Простите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы поѣхали, и долго еще говорили о любезной Госпожѣ N. N., которая въ воображеніи моего Б* затмила образъ молодой Госпожи изъ Ивердона. —

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое стеченіе народа; велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и втерлись въ толпу. Тутъ

вязали одного молодаго человѣка, который со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. «Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ»—отвѣчали намъ вдругъ человѣка четыре: «у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать.»—Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пустите его! — «Нѣтъ, его надобно наказать, чтобы онъ пересталъ красть» — отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажите его такъ, какъ отцы наказываютъ дѣтей своихъ за ихъ проступки, — сказалъ я, и пошелъ къ своей каретѣ. — Можетъ быть ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываетъ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровства, которое считается здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убійствахъ совсѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуютъ въ щастливой Гельвеціи. —

Спускаясь съ высокой горы, которая виситъ надъ городомъ, могъ я обнять глазами великое пространство; и все сіе пространство усѣяно щедротами Натуры. Здѣсь мы ночуемъ; а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

═

Цирихъ.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я *къ Цириху*; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смо-

трѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германѣ*: гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество—видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ *; гдѣ нашъ *Л** бродилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ. —

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стрем-

* Т. е. Нѣмцовъ. — Штолбергъ перевелъ Иліаду.

леніе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать—Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома.» — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физіогномическій Кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго уди-

вленія? Но на чемъ же основалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цюрихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ проницательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфеннигеръ, издатель Христіянскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожь первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ними сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который

можно назвать колыбелію новой Физіогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Естьли бы я хотѣлъ вообразить совершен»наго Министра, то представилъ бы себѣ Некке«ра. Лице, голосъ и движеція не измѣняютъ у не«го сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. «Однакожь онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ «Невтонъ, Вольтеръ, и пр. Величость его есть прі«обрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное.» Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Націопальнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры *, возвратиться въ бурный Па-

* Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ унынія. Размышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію, и взываетъ съ Царемъ Леаромъ или Лиромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness; I called not you my

рижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее конечно отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ сво-

---

children; J never gave you kingdom («Шумите, свирѣпые вѣтры, шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздраженныя стихіи! вы не дѣти мои; вамъ не «отдавалъ я царства.») Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его sur l'Administration de M. Nekker, par lui-même, едва могъ я отъ слезъ удержаться. Французы! вы кричали нѣкогда: «да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

имъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе; а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

«Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною ліются.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ — когда мы изъ грудей ея піемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.»

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

---

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго Графа Штолберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафрокѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякой чужестранецъ, пріѣзжающій въ Цирихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сіи посѣщенія могли бы иному наскучить; но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей, и что отъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ — поговорили о Французской революціи, и разошлись. Послѣ обѣда я опять пришелъ къ нему, и нашелъ его опять занятаго дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ, или требовать совѣта, или просить милостыни. Всякому отвѣчалъ онъ безъ сердца, и давалъ, что

могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцомъ Липсомъ, который не давно пріѣхалъ изъ Италіи, и живетъ у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфенингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ, и съ которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. ратуши и проч, не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многія улицы или переулки не будутъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славный Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и застрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три Латинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ Реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполненныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, приведенныя ею въ сихъ письмахъ изъ Еврейскихъ и Греческихъ книгъ, показываютъ, что она знала и тотъ и другой языкъ. Такая ученость въ шестнадцати-лѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: что же тогда? Нещастная Гре! ты была украшеніемъ своего времени, и скончала цвѣтущую жизнь столь ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

Августа 12.

„Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его итти обѣдать къ деревенскому Священнику Т*. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ сопутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафтаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. «Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодоносныя долины), удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красотъ здѣсь разсѣяно!» — На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежитъ та маленькая деревенька, которая была цѣлію нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный Священникъ со всѣми знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы служить образцемъ красоты, и которыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er the wid:

So flourish'd blooming, and unseen by ald,
The sweet Lavinia *. — —

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щастливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама Натура возлелѣяла; хотѣлъ бы сравнять бѣлорумяныя щеки ваши съ чистымъ снѣгомъ высокихъ горъ, когда восходящее солнце сыплетъ на него алыя розы; хотѣлъ бы уподобить улыбку вашу улыбкѣ весенней Природы, глаза ваши звѣздамъ вечернимъ — но скромность вашихъ взоровъ отнимаетъ у меня смѣлость хвалить васъ. — Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажется, что Граціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакой, лица одинакія; у обѣихъ черные глаза и русые волосы, по плечамъ распущенные; на обѣихъ и бѣлыя платья одинакаго покроя **. — «Я привелъ къ вамъ Русскаго (сказалъ Лафатеръ), который знакомъ съ вашею родственницею, дѣвицею Т*.» Хозяйка меня разспрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я вы-

* «Подобно какъ въ лонѣ горъ Аппенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходитъ миртъ, удаленный отъ глазъ человѣческихъ, и бальзамическое свое благоуханіе разливаетъ въ пустынѣ: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія.»

** Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы Швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной, жестокой смерти!

пилъ другую чашку, и выпилъ бы еще десять, естьли бы красавицы не перестали меня подчивать. — Между тѣмъ я обратилъ глаза свои на большой шкапъ съ книгами, и нашелъ тутъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Стихотворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романической землѣ*, отвѣчалъ онъ, *какъ не любить Поэзіи*. Между тѣмъ мы отдохнули, и пошли гулять по саду. Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсные предѣлы нашему зрѣнію. — Естьли мнѣ когда нибудь наскучитъ свѣтъ; естьли сердце мое когда нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общежитія; естьли уже не будетъ для него ни одного сочувствующаго сердца: то я удалюсь въ эту пустыню, которую сама Натура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ, — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры. — Возвратясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самый изобильный; говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, потрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожъ не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на тотъ ворпосъ, который ему достался, и написать новый. Такимъ

образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось бѣлаго мѣста. Тутъ прочли въ слухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а Лафатеровы отличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинный благодѣтель;* отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ* настоящей *его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на *сей разъ* имѣетъ нужду; не читай нравоученій тому человѣку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытащи его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то человѣка для совершенія такого-то дѣла?* Отвѣтъ: *Нужна, естьли онъ живъ останется; не нужна, естьли онъ умретъ.* — Вопросъ: *Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь?* Отвѣтъ: *Люди.* Потомъ изъ нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. Тутъ выходило все смѣшное. — Желалъ бы я, чтобы мы переняли у Нѣмцовъ сіи острящія разумъ игры, которыя могутъ быть столь забавны въ пріятельскихъ обществахъ *.

* Желаніе Автора исполнилось: нѣкоторыя изъ нашихъ Дамъ полюбили играть въ вопросы и отвѣты.

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились мы назадъ въ Цирихъ. Добродушный Священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень устали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ взять мою трость. На вершинѣ горы мы съ ними разстались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни, потому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Б* итти пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

==

Эглизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самый ясный — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы чрезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и

увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ. и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? «Я думаю, отвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.» — «Мы одно думаемъ»; сказалъ я: «рѣка съ пѣною и шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучный ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердце? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я дотащиться до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *Вѣнца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтань упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтань былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодни былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо принятой книги, подъ титу-

ломъ Philosophische Aufsätze, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали дивиться, и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмотрю на него съ другой стороны и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотникомъ; моста, который дрожитъ подъ ногами одного человѣка, и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится ужасною яростію, и нако-

нецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и впаденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ; она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался — и готовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ въ томъ, что вчера говорилъ я о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или

два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ Стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока) — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодочникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

═

Эглизау.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе: солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленые рѣшетки вѣтьвистыхъ де-

ревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчеваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Реннской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ Натуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодошнику новый Французской талеръ, или два рубли. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, который съ кортикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости — всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію. До Цириха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра Воскресенье, и Лафатеръ поутру въ семь или въ восемь часовъ будетъ говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется притти туда къ сему времени. — Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

Ночью.

Лишь только вышли мы изъ Эльзау, солнце закатилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было итти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слушали — но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтьвію. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизъяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣтясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тутъ повѣялъ сильный, холодный вѣтръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до трактира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣтній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ трактиръ. Съ видомъ удивленія посмотрѣлъ на насъ трактирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ!* отворилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего, кромѣ пяти или шести столовъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде

всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказалъ трактирщикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бутылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего, отвѣчалъ онъ. Дѣлать было не чего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Потомъ хозяинъ проводилъ насъ въ спальню, то есть на чердакъ, въ маленькой чуланъ, гдѣ мы нашли постелю, очень не мягкую и не чистую; однакожь усталость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, друзья мои! Между тѣмъ товарищъ мой спитъ очень покойно. Однакожь я намѣренъ теперь разбудить его, чтобы, напившись кофе, итти въ Цирихъ. Вѣтеръ утихъ, и небо прояснилось; скоро будетъ свѣтать.

═

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шелъ изъ церкви; и такимъ образомъ въ сіе Воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мущины и женщины, которыя мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣты по праздничному: первые большею частію въ темныхъ кафтанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длин-

номъ платьѣ изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чепчики или покрывала. Праздничное платье Цирихскихъ Сенаторовъ состоитъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ такомъ нарядѣ ходятъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по Воскресеньямъ. . . .

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. «Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣрить Публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного необдуманнаго слова.» Что вы объ этомъ скажете, друзья мои? найдутся ли у насъ читатели для такой книги? По крайней мѣрѣ сомнѣваюсь, чтобъ ихъ нашлось много. Однакожъ я принялъ Лафатерово предложеніе, и мы ударили съ нимъ по рукамъ. — Отъ него ходилъ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасный лугъ, на берѣгу рѣки Лимматы, осѣняемый старыми, почтенными липами. Тутъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Такой обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ человѣкъ говоритъ вамъ: *добрый день*, или *добрый вечеръ*! Учтивость хороша; однакожъ рука устанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою! Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафате-

ру, и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, который теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицемъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые бранятъ его такъ жестоко; довольно, если онъ не платитъ имъ такою же бранью. Пфеннингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человѣкъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

═

Нынѣ поутру пилъ я кофе у Господина Т*, отца извѣстной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился со

всѣмъ его семействомъ, довольно многочисленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и мать могли отпустить дочь свою въ такую отдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очень не бѣдно — да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ страстно любятъ свое отечество, что почитаютъ за великое нещастіе надолго оставлять его. — Вмѣстѣ съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученья Цирихской милиціи. Почти всѣ жители были зрителями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и — непріятное. Г. Профессоръ Брейтингеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученье, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каковою показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я думалъ, что онъ говоритъ о паденіи Рейна; воображеніе мое тотчасъ представило мнѣ эту величественную сцену — земля затряслась подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ! кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* «Это были наши волонтеры» — отвѣчалъ мнѣ Господинъ Профессоръ и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я понялъ, что онъ спрашивалъ меня не о паденіи Рейна, а объ ученьи Цирихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаться, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чтобы вывести его изъ заблужденія, столь оскорби-

тельнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ мнѣ, что я могу итти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда, — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ со всѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на крестьянской дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится*, отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю — умираю*, отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ приготовлять ее къ смерти. «Часъ твой

приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только бренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возросшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицемъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно щастливое семейство!» — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей — сказалъ, чтобы они не плакали, и давъ имъ по нѣсколько копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожь слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. «Другъ мой!» отвѣчалъ онъ съ улыбкою: «человѣкъ можетъ дѣлать много, естьли захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствію.»

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ; доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя,

въ пользу неимущихъ братій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физіогномическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ*;* за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному Французу, который пришелъ къ нему просить милостыни.

═

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодни съ человѣкомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Гесперомъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ Господиномъ Т*, и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ

* Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физіогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе. — Памятникъ для путешественниковъ есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliotek für Freunde.

нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка и вода едва, едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо-выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, которые простираются безпрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертный Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвицъ — катался по озеру. «Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ. Виртмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественный пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя.» Сію эѳирную радость — радость, какую могутъ только чувствовать великія души — воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и миртами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ — говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь пѣвецъ Мессіады— сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя пастушки, единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (*ахъ, читая*

Клариссу и Мессіаду, я внѣ себя бываю!) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце Пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы отплыли отъ города двѣ мили или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ вытти на берегъ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ растутъ благовонные цвѣты и поваренные травы. Во внутренности домовъ все чисто. Тутъ видѣлъ я семейный крестьянскій обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола — мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры — и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою: при чемъ мужчины стояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ, — что почитается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цирихскомъ озерѣ. Говорятъ, будто въ Швейцаріи вообще больше ѣдятъ, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствію здѣшняго остраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожъ

не могу назвать его чрезмѣрнымъ или отмѣннымъ. Послѣ обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодовитый садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодни въ ихъ обществѣ.

═

Въ Цирихѣ есть такъ называемая *дѣвичья школа* (Töchter-Schole), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 молодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ) читать, писать, ариѳметикѣ, правиламъ нравственности и экономіи:

точеть; приготовляются быть хорошими хозяйками, супругами и матерьми. Пріятно видѣть вмѣстѣ столько молодыхъ, опрятно и чисто одѣтыхъ красавицъ, которыя занимаются своимъ дѣломъ въ тишинѣ и съ великою прилежностію, подъ надзираніемъ благонравныхъ учительницъ, обходящихся съ ними кротко и ласково. Тутъ дочь богатѣйшего Цирихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гн. Профессоромъ Устери, который, къ общему сожалѣнію своихъ согражданъ, умеръ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетъ быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдаются законы супружеской вѣрности — и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почитаетъ воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздностію, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы — разговариваютъ дружески — вмѣстѣ работаютъ, или

читаютъ Гесснера, Клопштока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые не приводятъ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бываютъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами, а при чужестранцахъ стыдятся говорить, думая, что Цирихской выговоръ противенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ. — Мущины отправляютъ по утру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку, Ученый садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а ввечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе — купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства убивать время (простите мнѣ этотъ Галлицизмъ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ свою республику. Мущины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго платья, а женщины ни бриліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и потому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ дру-

гихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреблять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго наблюдается. На прим. у Лафатера за столомъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее, можетъ быть, изъ Аптеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоитъ здѣсь восемь гривенъ; то же самое платилъ я въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ. Правда, что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ блюдъ, и потомъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

=

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкаетъ и распрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, доз-

воляя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* * для мудрыхъ и слабоумныхъ?» — Отвѣтъ: «Бытіе есть цѣль бытія.— «Чувство и радость бытія (Daseynsfrohheit) есть «цѣль всего, чего мы искать можемъ. Мудрый и «слабоумный ищутъ только средствъ наслаждать«ся бытіемъ своимъ, или чувствовать его — «ищутъ того, черезъ что они самихъ себя силь«нѣе ощутить могутъ. — Всякое *чувство* и вся«кой *предметъ*, постигаемый которымъ нибудь «изъ нашихъ чувствъ, суть прибавленія (Bey«träge) нашего самочувствованія (Selbstgefühles); «чѣмъ болѣе самочувствованія, тѣмъ болѣе бла«женства. — Какъ различны наши организаціи «или образованія, такъ же различны и наши по«требности въ *средствахъ* и *предметахъ*, кото«рые новымъ образомъ даютъ намъ чувствовать «наше бытіе, наши силы, нашу жизнь. Мудрый «отличается отъ слабоумнаго только средства«ми самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущ«нѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благо«дѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ кото«ромъ или черезъ который мы сильнѣе существ«уемъ, тѣмъ существеннѣе (existenter) мы сами,

---

* То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово.

«тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе ваше — тѣмъ «мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (liebender), «любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, «человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія на«шего сообразнѣе. — Изслѣдуйте точно, чрезъ «что и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже суще«ствуете? Что вамъ доставляетъ болѣе насла«жденія — разумѣется такого, которое никогда «не можетъ причинить раскаянія — которое все«гда съ спокойствіемъ и внутреннею свободою «духа можетъ и должно быть снова желаемо? «Чѣмъ достойнѣе и существеннѣе избираемое «вами средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе «вы сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь, то «есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе суще«ствованіе ваше — тѣмъ болѣе приближаетесь «вы ко всеобщей и особливой цѣли бытія ваше«го. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованіе сего «положенія (отношеніе и изслѣдованіе есть одно) «покажетъ вамъ истину, или (что опять все одно) «всеотносимость онаго. Цирихъ, въ Четвертокъ «ввечеру, 20 Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ Ла«фатеръ.» Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же написанный, — оставляя у себя копію. Я увѣ-

ренъ, что все это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года должно выходить въ Берлинѣ подъ титуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей* *.

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библіотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщаемы такія піесы, которыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію библіотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; естьли онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, но его

* *Я угадалъ*, — и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: die constante, solideste, sutenabelste existenz — или: Daseyn ist der Zweck des Daseyns, — — и проч. «Г. К* (говоритъ Рецензентъ во Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего.» — Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жизни своей, который есть тайна и для самыхъ друзей его, и который останется въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много любопытнаго — и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны — естьли не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ, друзья мои. Девятый-надесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь считается тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много разсказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокритѣ! «Геснеръ украсилъ весну жизни моей «(говоритъ онъ) — и во всѣхъ пріятныхъ сце«нахъ моей юности, о которыхъ теперь съ удо«вольствіемъ воспоминаю, вижу его передъ со«бою. Часто проводили мы вмѣстѣ длинные зим«ніе вечера въ чтеніи Поэтовъ; и почти всегда, «когда я приходилъ къ нему, встрѣчалъ онъ меня «съ какою нибудь пріятною новостію, имъ сочи«ненною. Домъ его былъ Академіею изящной Лит«тературы и Искусства — Академіею, какой Го«судари основать не могутъ.» Вы знаете, что Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣвицѣ;

но не знаете, можетъ быть, что эта дѣвица была дочь Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сенатора, и что творецъ Дафниса скоро послѣ того женился на ней, и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ съ любовницею. — По любви къ человѣчеству прискорбно было мнѣ слышать, что Геснеръ не могъ терпѣть Лафатера, и не смотря на всѣ старанія общихъ друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейстеромъ, — братомъ того Мейстера, который написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу *о естественномъ нравоученіи*, и который, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (Kleine Reisen и Characteristik Deutscher Dichter). и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Естьли бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесный громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины: но онѣ

стояли, и рука его утомилась — громы умолкли; и тихая луна сквозь облака проглянула.

═

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180,000 жителей, а въ городѣ около 10,000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ другими то преимущество, что изъ него выбирается въ Члены Верховнаго Совѣта осьмнадцать человѣкъ, — изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему Совѣту принадлежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судитъ такъ называемый *Малый Совѣтъ*, или Сенатъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомистровъ), для котораго избирается особенно изъ каждаго цеха по шести человѣкъ; они называются Сенаторами, и всякой годъ смѣняются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду, тотъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ, то есть, можетъ избирать въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быть Членомъ Верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенаторомъ, или Членомъ Малаго Совѣта. Цирихской житель, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь

своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ никто не получалъ сего права; однакожь его хотѣли дать Клопштоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда остался въ Цирихѣ.

Въ Субботу ввечеру Лафатеръ затворяется въ своемъ кабинетѣ для сочиненія проповѣди — и чрезъ часъ бываетъ она готова. Правда, естьли онъ говоритъ все такія проповѣди, какую я нынѣ слышалъ, то ихъ сочинять не трудно. *Спаситель снялъ съ насъ бремя грѣховъ: и такъ будемъ благодарить Его* — сіи мысли, выраженныя различнымъ образомъ, составляли содержаніе всего поученія. Одни восклицанія, одна декламація и болѣе ничего! Признаюсь, что я ожидалъ чего нибудь лучшаго. Вы скажите, что съ народомъ такъ говорить надобно; но Лаврентій Стернъ говорилъ съ народомъ, говорилъ просто, и трогалъ сердце — мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ полюбился.

Цирихскіе проповѣдники являются на каѳедрахъ въ какихъ-то странныхъ черныхъ *шушунахъ*, съ большими бѣлыми и жестко-накрухмаленными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку — но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мужчины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ. — —

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, которыя отмѣнно полюбились Коппенгагенской публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но тутъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила противъ него многихъ Писателей; они вздумали увѣрять публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ — однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ отбранивался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмонтъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ воздухомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать. Оба они познакомились съ Лафатеромъ, и полюбились ему своею живостію. И тотъ и другой любитъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ нибудь съ

жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ; любезный мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

═

Цирихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цириха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктатурою (вы удивитесь; но учтивый Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмецки не худо). Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Линматы — и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, противъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!) — я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза. «Потомство справедливо чтитъ урну съ пепломъ Пѣснопѣвца, котораго Музы себѣ посвятили, да «учитъ онъ смертныхъ добродѣтели и невинности. Слава его, вѣчно юная, живетъ и тогда, когда трофеи завоевателя гніютъ во прахѣ, и великолѣпный памятникъ недостойнаго Владѣтеля «среди пустыни заростаетъ дикимъ терновымъ

«кустарникомъ и сѣдымъ мхомъ, на которомъ «иногда отдыхаетъ заблуждшійся странникъ. «Хотя, по закону Натуры, не многіе могутъ до-«стигнуть до сего величія, однакожь похвально «стремиться къ оному. Уединенная прогулка моя «и каждый уединенный часъ мой да будутъ по-«священы сему стремленію!» Вообразите, друзья мои, съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ читать сіе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить слезы на урну незабвеннаго Геснера! * Не его ли посвятили Музы въ учители невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить будетъ и тогда, когда трофеи завоевателей истлѣютъ во прахѣ? Предчувствіемъ безсмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіе столѣтій загладитъ развалины Цириха; но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

Друзья мои! Писателямъ открыты многіе пути ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; мно-

---

* На монументѣ Геснеровомъ изображены Поэзія и Натура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ урною.

гихъ хвалитъ потомство — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?. . . . .

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но естьли хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!

═

Баденъ.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда, говоря, что я непремѣнно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непремѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышленій. —

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое,

что мнѣ не полюблюсь. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверхъ ногами, другой кривлялся, третій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ ихъ просить милостыни; имъ нравится только сей легкой способъ получать деньги. — Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ отечествѣ опасную нравственную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможетъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларисскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquae Helveticae). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику, и потому самые дѣйствительнѣйшіе — бываютъ всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ человѣкъ

двадцать, опустясь въ воду по горло; блѣдныя и желтыя лица ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и пахнетъ сѣрою. Она проведена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротой) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у водъ до осьми сотъ прiѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинные рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сатировъ. — Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ) почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschir aufs Feuer, und glüht (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огнѣ горитъ*) — а надъ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt (*сохрани насъ Господь отъ пожара ночною порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss (*о человѣки! покайтеся душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою*) — а вторая: Auf Gott deine Hoffnung bau,

denn dies Haus heist zur schwarzen Sau *(на Бога уповай ты мыслію своею, ибо сей домъ называется черною свиньею)*. Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писать, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники — и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ риѳмахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведеніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. — Поселяне Швейцарскіе любятъ расписывать свои домы разными красками и фигурами; по большой части изображаются тутъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht, da ward der Schweizer-Bund gemacht (т. е. *когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась, тогда заключился союзъ Швейцаровъ)*.

═

Арау, въ 8 часовъ вечера.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійскій домъ — и потому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, отку-

да храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ сторожъ, который въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, стрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяный, запутанный лабиринтъ. Тамъ видны аллеи, самою Природою насажденныя; здѣсь густые лѣсочки, прохладу странникамъ обѣщающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе домы покрыты соломою, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, житницъ и хлѣвовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, неочищеннаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не платятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ими есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ рублей капиталу, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ толстаго полотна; а въ праздники надѣ-

ваютъ суконные кафтаны, по большой части синіе или дикіе. Женщины носятъ желтыя соломенныя шляпы, красные стамедные корсеты съ крючками и юбки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою.

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно выстроеннаго городка въ Бернскомъ Кантонѣ. Въ ожиданіи Базельскаго *дилижанса* (въ которомъ хочу ѣхать до Берна, и котораго ожидаютъ сюда къ девяти часамъ) велѣлъ я приготовить себѣ ужинъ.

═

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Вѣнца:* такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренггеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожъ красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ

того весьма полезная въ случаѣ пожара. Домы почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, который есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*. —Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть

Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины, и даже маленькія дрожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человѣкъ съ удивительною неутомимостію странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ—снималъ мѣры—и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностію. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ каѳедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самый жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Веинценфли,*

Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсѣ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года. Хотя иному чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуху, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ: Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's, der der Berge Spitzen röthet mit Blitzen! (*Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ*). Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно — и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

Нынѣ поутру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго Натуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ *краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ*, и сочиняетъ теперь *описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи*. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія, и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожъ мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную — а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно!—Виттенбахъ, путешествуя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ), когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ.»

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бываютъ въ жизни человѣческой!—Про-

живъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливый путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незванымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Вѣнца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодня за ужиномъ бѣдный Италіянской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.

Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;

Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
Смотрю — и въ сердцѣ горя нѣтъ!...
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски: * я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты.» *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровъ.

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой сертукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

=

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большаго озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофѣ;* заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

=

* Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проницаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

═

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера безпрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чистые ручьи ниспадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькой ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій изъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый замокъ Шпицъ, который принадлежалъ нѣкогда Бубен-

бергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали отечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Послѣдними отраслями сего Дому были Леонардъ и Амалія, прекрасный юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединялись тѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Утѣхи свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда новобрачные и всѣ гости гуляли въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ веселыхъ гребцовъ и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мелкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали томность въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ ко другу прижимались. Уже наступалъ вечеръ, и плаватели безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро страшно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва ста-

рались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ остаются тщетными, и что гибель неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, обтерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кромѣ одного гребца, который доплылъ до берега, и принесъ вѣсть о погибели нещастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ. — Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

═

Унтерзеенъ въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены отмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особливое. — Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ — и черезъ часъ пойду въ деревню Лаутербруннеnъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

═

Лаутербруннень. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Литшины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина становится часъ отъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье. Потомъ ходилъ я къ другому водопаду; называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу изъ внутренности ея, съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха*

составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любителей Натуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербруннѣнъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

=

Въ восемь часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные, составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго творенія! — — Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

=

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ,
въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею —

пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому нещастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ

для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *Штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды *, забываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.

---

* Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Естьли бы можно было перечесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гринденвальдъ. 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату — мимо стадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени — начали мы спускаться съ го-

ры. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*; а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или Писатель имѣлъ піитическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими но-

гами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаетъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолѣвалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естьли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожь отмѣнно сладкой и вкусной, которая прохладила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаюсь ужина.

═

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и

съ такою же трудностію, какъ вчера на Венгеральпъ. Горныя ласточки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 саженъ; а теперь возвышается передо мною грозный Веттергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ *лавины*, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой трескъ, (который заставилъ меня вздрогнуть) — а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому, — причемъ на нѣсколько саженъ вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми, ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь западная храмина Натуры, храмина, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И естьли бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй

потопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не льзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни—нѣтъ ни деревъ, ни травъ—гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ. Иногда, надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійской орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщетно сіи послѣднія стараются спастись отъ него легкостію ногъ своихъ, прыгая съ одной высоты на другую! Лютый врагъ гонится повсюду за своею добычею и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ нещастная уже не находитъ для себя никакого пути. Тутъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое искусство въ прыганіи, неизбѣжно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее оттуда въ острыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна птица сія умерщвляетъ безоружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для нихъ страшнѣе. Презирая всѣ опасности, съ удивительнымъ проворствомъ взбираются они на крутизны; однакожь многіе погибаютъ, падая въ пропасти, или утопая въ морѣ снѣговъ. Страшные анекдоты объ нихъ разсказываютъ. На примѣръ одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрекгорнѣ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой—уже острые граниты готовы были растерзать нещастна-

го — но онъ зацѣпился ногою за камень и повисъ надъ пропастію. Представьте себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отважился лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, стать на ноги и спуститься внизъ.

=

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемый *Розенлавинглетшеръ*, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острыя свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ, дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упадали кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить не льзя—и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое

зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣскольку минутъ, и естьли не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя. — Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человѣкъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и естьли бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ

люди были пастухами и братьями! * Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми *истинными* удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно щастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди, и будь щастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему щастія; — но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ перервалъ нить моихъ размышленій. Что это значитъ? спросилъ я у проводни-

---

* Когда же?

ка моего, остановясь и слушая. «Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, отвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.» — Хотя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно; однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*, Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ — рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное—нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — отъ своего сердца! Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти

опять на высокой пригорокъ и спуститься съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлаженной водяною пылью, летящею отъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однакожь я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той яростію воды ископанной ямѣ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхъ подымется, будучи отвержена его вѣчнокипящею пучиною, и распространяя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!... Ренпъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякой, имѣющій чувство; но кто можетъ изобразить или кистію или словами? — Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и притомъ съ такими порывами вихря (производимаго въ воздухѣ силою падающей воды), что, боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякой, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ

не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе трехъ верстъ, и дорога была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи три версты довели усталость мою до высочайшей степени, потому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные отпрыгиваютъ отъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производятъ духоту, весьма рѣдко вѣтеркомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго: въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливаютъ домы поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и каменями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣяніями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Натура, столь прекрасны и *люди*, а особливо женщины, изъ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, естьли я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетъ быть, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго Мейрингена. Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою; на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажется, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. Здѣсь нашелъ я очень хорошій трактиръ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинѣ, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мущинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невѣстою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная томность, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, отличала ихъ отъ прочихъ пастуховъ и пастушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: «ты щастливъ, мой другъ!» Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ пастушкахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Пастухъ съ улыбкою посмотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣтились. Тутъ странная

мысль пришла въ мою голову: мнѣ захотѣлось оставить будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, который бы, въ теченіе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны Сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердецъ. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золотую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на которой изображена голова Греческаго юноши, и которую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. «Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства.» Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. «Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстъ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.» — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ старикъ, сидѣвшій на бревнѣ. — «Въ Россіи.» — *Въ Россіи!... Да, я слыхалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да гдѣ-бишь она?* — «Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ Сѣверу.» — *Точно я это помню.* — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептывались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, который повертѣлъ ее въ рукахъ и опять возвратилъ ей. Я радовался щастливою четою, и въ мысляхъ своихъ читалъ Галлеровы стихи (изъ его Поэмы: Die Alpen, т. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut kein Donner-Wetter.
Man liebet für sich selbst, und nicht für seine Väter.
So bald ein junger Hirt die sanfte Glut empfunden.
Die leicht ein schmachtend Aug in muntern Geistern schürt,
So wird des Schäfers Mund von keiner Furcht gebunden;
Ein ungeheuchelt Wort bekennet. was ihn rührt;
Sie hört ihn, und, verdient sein Brand ihr Herz zum Lohne,
So sagt sie, was sie fühlt. und, thut, wornach sie strebt,
Denn zarte Regung dient den Schönen nicht zum Hohne,
Die aus der Anmuth fliesst. und durch die Tugend lebt.

— — — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler Pracht belästigt;
Er liebet sie, sie ihn, dies macht den Heyraths-Schluss,
Die Eh wird oft durch nichts, als beyder Treu befestigt,
Für Schwüre deint ein Ja, das Siegel ist ein Kuss.
Die holde Nachtigall grüsst sie von nahen Zweigen;
Die Wollust deckt ihr Bett aut sanft geschwollnes Mooss,
Zum Vorhang dient ein Baum, die Einsamkeit zum Zeugen;
Die Liebe führt die Braut in ihres Hirten Schooss.
O dreymahl seligs Paar! Euch muss ein Fürst beneiden *.

---

* «Здѣсь любовь пылаетъ свободно, никакой грозы не страшася; здѣсь любятъ для себя, а не для отцовъ своихъ. Когда молодой пастухъ почувствуетъ нѣжную страсть, которую прекрасные глаза легко воспаляютъ въ веселомъ сердцѣ, то уста его не таятъ ее. Пастушка внимаетъ ему, сказываетъ свои чувства, и слѣдуетъ движенію своей склонности, естьли онъ достоинъ ея сердца; ибо сіе движеніе, раждаемое пріятностію и питаемое добродѣтелію, не постыдно для красавицы. Суетная пышность не тяготитъ страстныхъ желаній; онъ любитъ ее, она его любитъ — симъ заключается бракъ,

Между тѣмъ солнце сѣло, пастухи и пастушки начали расходиться по домамъ. Я простился съ женихомъ, съ невѣстою — и естьли бы Альпійскія красавицы были не такъ стыдливы, то, можетъ быть, пришло бы мнѣ на мысль потребовать отъ нее.... невиннаго поцѣлуя!

═

Деревня Трахтъ, на берегу Бринцскаго озера,
въ 8 часовъ вечера.

Вотъ конецъ моего пѣшеходства! Ноги у меня очень болятъ, и лице мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Трахта идетъ долиною, и хотя очень пріятна, однакожь не могу сказать объ ней ничего примѣчанія достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ другаго

который часто одною взаимною вѣрностію утверждается; согласіе служитъ вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный соловей поздравляетъ ихъ съ ближнихъ вѣтьвей; мягкая трава есть брачное ложе ихъ, дерево занавѣсъ, уединеніе свидѣтель, и любовь приводитъ невѣсту въ объятія молодаго пастуха. Блаженная чета! Цари должны завидовать вамъ.»

повалитъ, зрители кричатъ: *браво!* Между тѣмъ я сижу подъ окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ трактирщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унтерзеенъ, а оттуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ странствующій другъ вашъ, который на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ? — Будьте здоровы и благополучны.

=

Унтерзеенъ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній трактиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахта, пристала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильный дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, плывя по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя, будучи покрыты облаками, дымились какъ Этны или Везувія. Теперь, въ ожиданіи обѣда, сушусь и приготовляюсь опять къ путешествію. Дождь все еще не пересталъ.

=

Тунъ, въ 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, безпрестанно кричали; одна изъ нихъ упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Что принадлежитъ до меня, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь пересталъ, и благодѣтельное солнце высушило мое платье. Пріѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, сталъ опять совершенно здоровъ. — Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ остались мои пожитки.

═

Бернъ, 10 Сентября 1789.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней и притомъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно: то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Третьяго дня водилъ меня Пасторъ Штапферъ къ Господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ птицъ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ

примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасный, за городомъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправляетъ должность приворотника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все отмѣнно чисто. Сей старикъ богатъ — наслаждается Натурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ онъ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ отъ наслѣдства, полученнаго имъ нечаянно послѣ одного дальняго свойственника. — Учася Орнитологіи въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ птицъ, анатомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлать изъ нихъ чучелы: вотъ основаніе того полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной женѣ*. Думаю, что вы читали или слыхали о семъ памятникѣ, котораго исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знатный Бернской гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлать мраморный монументъ отцу своему. Наль, занимаяся сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣд-

ника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышный Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золоту, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золото все испортитъ; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла родами жена Ланганcова, молодая прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ!* Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: «Слезы наши те«кутъ, и въ прахѣ исчезаютъ; изящныя произве«денія художествъ живутъ вовѣки — рука моя, «повинуясь сердцу, изобразитъ на камнѣ твою «любезную; жители отдаленныхъ земель захотятъ «видѣть сіе изображеніе и въ сравненіе съ нимъ «будутъ презирать Эрлахской памятникъ.» — Сказалъ, и сдѣлалъ.

Онъ представилъ мать (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гробный распался. Она поднимаетъ голову; одною рукою держитъ сына, а другою хочетъ отвалить камень, и между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ слушаетъ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетъ піитической духъ Художника; работа отвѣчаетъ ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): «Се трубный гласъ! онъ проницаетъ въ

«могилу. Пробудись, сынъ мой, и сложи съ себя «тлѣнность! Спѣши во срѣтеніе твоему Искупи«телю, отъ Котораго бѣжитъ смерть и время! въ «вѣчное благо превращается все страданіе.» Надпись хороша; но для перваго мгновенія, въ которомъ представлена воскресающая, слишкомъ плодовита. Лучше, естьли бы она сказала только: *Трубный гласъ!... Пробудись, сынъ мой! се Спаситель!* — Нѣкоторые думаютъ, что Художникъ не искусственно представилъ распадшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его, вырѣзавъ прежде на немъ надпись; но ревностные защитники искусства смѣются надъ сею мыслію. Повыше Галлеровой надписи вырѣзанъ стихъ изъ Св. Писанія: *Се азъ и чадо мое, еже далъ ми еси Ты.* Жаль только, что сей прекрасный монументъ стоитъ очень дурно! Онъ скрытъ подъ поломъ, и чтобы видѣть его, то надобно поднять двѣ доски. Объ Эрлахскомъ пышномъ памятникѣ не скажу ни слова: Художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ говорили. — Нынѣшній Гиндельбанкской Проповѣдникъ не могъ подружиться съ Налемъ; въ физіогноміи его не примѣтилъ я ничего пастырскаго. Какъ онъ учитъ своихъ поселянъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкѣ есть бѣдный трактиръ, въ которомъ я едва могъ утолить свой голодъ; отобѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ потребностей; но болѣе вниманія заслуживаютъ латы древнихъ

Бернскихъ Героевъ, славныхъ храбростію, и дѣлами своими. Самыя большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ Гигантъ. — и естьли не хотѣлъ взять приступомъ неба, то по крайней мѣрѣ ужасъ былъ его предтечею, когда онъ шелъ противъ непріятелей. Не знаю, любезные друзья мои, какой хладъ разливается по моимъ жиламъ при видѣ памятниковъ рыцарскаго времени, когда люди всего болѣе вѣрили рукѣ своей и — Провидѣнію; когда число побѣдъ бывало числомъ достоинствъ человѣка, и когда въ храбрости вмѣщалось понятіе всѣхъ добродѣтелей. — Пистолеты Карла *Смѣлаго*, Герцога Бургундскаго, украшенные серебромъ и слоновою костью, показались мнѣ также примѣчанія достойными; я смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ и воображалъ руку, ихъ нѣкогда державшую.

Здѣсь нравы не такъ уже строги, какъ въ Цирихѣ. Женщины и мущины сходятся вмѣстѣ — обыкновенно послѣ обѣда, часа въ четыре — и первыя говорятъ свободно, шутятъ и бываютъ душею общества. Нѣкоторыя дѣвицы играютъ на клавесинѣ, поютъ, и восхищаютъ слушателей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сіи собранія, которыя были довольно многочисленны. Но въ карты здѣсь также не играютъ. Съ иностранцами говорятъ всегда по-Французски, и притомъ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцаріи; что же принадлежитъ до здѣшняго

Нѣмецкаго языка, то онъ весьма испорченъ и непріятенъ слуху.

Бернской Аристократизмъ почитается самымъ строжайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ Республикѣ; изъ нихъ составляется Большой Совѣтъ и Сенатъ (изъ которыхъ первый имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную власть); изъ нихъ выбираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ.

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтьвями каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей добрый Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочетъ прощаться со мною. Чувствительный человѣкъ!

Здѣсь разстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Простите, мои друзья! Пакетъ свой отнесу я на почту. Естьли бы вы съ такимъ удовольствiемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

═

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Дерева вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и златая осень сiяла вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ Воскресный; нарядные поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнистое вино, съ восклицанiемъ: *да здравствуетъ Швейцарiя!*

Проѣхавъ городокъ Муртенъ, кучеръ мой остановился, и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непрiятелей?* — «Гдѣ? — *Здѣсь, на правой сторонѣ дороги.* — Я выскочилъ изъ кареты, и увидѣлъ за желѣзною решеткою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ *Дерзостный*, Герцогъ Бургундскiй, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жителей Гельвецiи, и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранства. Двинулось его воинство; разноцвѣтныя знамена возвѣялись, и земля засто-

пала подъ тяжестію его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муртенскаго озера, и Карлъ, завистливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ * разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставивъ хижины и стада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ отчаяніи бросился въ озеро, и сильный конь вынесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный служитель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія, и видя гибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ изступленіи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, сказавъ: *тебѣ ли одному оставаться?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ близъ дороги, гдѣ лежатъ онѣ и понынѣ.

Я затрепеталъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей тлѣнности. Швейцары! не уже

---

* Посредствомъ сигналовъ.

ли можете вы веселиться такимъ печальнымъ *трофеемъ?* Бургундцы по человѣчеству были вамъ братья. Ахъ! есть ли бы, омочивъ слезами сіи остатки тридцати тысячъ нещастныхъ, вы съ благословеніемъ предали ихъ землѣ, и на мѣстѣ побѣды своей соорудили черный монументъ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцары сражались за свое отечество, побѣдили, но сожалѣли о побѣжденныхъ* — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ Швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени человѣка!

Множество надписей читалъ я на стѣнахъ, которыми обведенъ сей открытый гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ, сочиненную Галлеромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne Heer,
Vor welchem Lüttich feil, und Frankreichs Thron erbebte.
Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künstlichers Gewehr,
Die Eintracht schlug den Feind, die ihren Arm belebte.
Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in unsrer Treu.
O würde sie noch heut in jedem Leser neu! *.

---

* «Остановись, сынъ Гельвеціи! здѣсь лежитъ дерзостное воинство, предъ которымъ палъ Литтихъ и трепеталъ престолъ Франціи. Не число нашихъ предковъ, не искуснѣйшее оружіе, но согласіе, оживлявшее руку ихъ, побѣдило врага. Познайте, братья, силу свою: она состоитъ въ нашей вѣрности — ахъ! да обновится и нынѣ вѣрность сія въ сердцахъ вашихъ.»

Сверхъ того написаны тутъ тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ не обнаруживается склонность человѣка къ распространенію бытія своего, или слуха объ немъ? Для сего открываютъ новыя земли; для сего путешественникъ пишетъ имя свое на гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ память того, что они посѣщали этотъ гробъ, берутъ изъ него кости: я не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру.

Далѣе за Муртеномъ представились мнѣ развалины Авентикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія въ остаткѣ колоннадъ, стѣнъ, водяныхъ трубъ, и проч. Гдѣ великолѣпіе его города, который былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жители? Исчезаютъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!... Гдѣ будутъ стоять гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣтила могилу тѣхъ, которые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

=

Лозанна.

Я пріѣхалъ въ Лозану почью. Городъ спалъ; и все молчало, кромѣ такъ называемаго ночнаго караульщика, который, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило часъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остановиться въ трактирѣ *Золотаго льва;* но на стукъ мой отвѣчали такъ: tout est plein, Monsieur! tout est plein! (все занято, государь мой, все занято!)

Я постучался въ другомъ трактирѣ, à la Couronne; но и тамъ отвѣчали мнѣ: tout est plein, Monsieur! — Вообразите мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ сжалился надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ трактира, увѣрялъ сонливаго отпирателя, что Monsieur est un voyageur de qualité (что пріѣхавшій господинъ не изъ простыхъ путешественниковъ); но намъ тѣмъ же голосомъ отвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!* — C'est impertinent ça (это безстыдно!) сказалъ мой заступникъ: «подите за мною въ трактиръ *Оленя*, гдѣ васъ вѣрно примутъ.» — Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли, и отвели мнѣ порядочную комнату. Добродушный караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, отказался отъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему отъ меня, — пошелъ и закричалъ: *ударило часъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозаннѣ нашелъ добраго человѣка, который безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день поутру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень не хорошъ; лежитъ отчасти въ ямѣ, отчасти на косогорѣ, и куда ни пойди, вездѣ надобно спускаться съ горы или всходить на гору. Улицы узки, не чисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ открываются живописные виды. Чистое

обширное Женевское озеро; цѣпь Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихся, и разсѣянныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Ніонъ — составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба велитъ вамъ быть въ Лозанѣ, то взойдите на террасу каѳедральной церкви, и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни протекло тутъ въ удовольствіи и тихой радости! Естьли бы теперь спросили меня: чѣмъ не льзя никогда насытиться? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смотрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ Г. Леваду (Натуралисту и Автору разныхъ піесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбились; въ послѣднемъ встрѣчаются глазамъ Латинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятые имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щастливъ Г. Левадъ, естьли въ Аддиссоновыхъ стихахъ находитъ онъ собственныя свои чувства! — Сія Ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно читать Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этотъ кофейный домъ, пока буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ нещастію, не льзя прогуливаться; почти съ самаго утра идетъ пресильный дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые пріѣзжаютъ сюда учиться по-Французски и дѣлать разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвать въ наукахъ, успѣваютъ въ шалостяхъ. По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посылать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь: чему доказательствомъ служитъ и то, что самые Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Платнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ

никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, платя за то шесть или семь луидоровъ въ мѣсяцъ: что составитъ на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотечественникъ, Графъ Григорій Кириловичь Разумовскій, ученый Натуралистъ. По любви къ наукамъ отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право — удалился въ такую землю, гдѣ Натура столь великолѣпна, и гдѣ склонность его находитъ для себя болѣе пищи — живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаетъ честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

═

Сію минуту пришелъ я изъ каѳедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ Княгини Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была

предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Натуру и Поэзію; Натура и Музы Британніи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ея.

═

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ — и съ Руссовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразные уступы и возвышенія горы Юры, на которыхъ представляются глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами Савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевѣе (до котораго отъ Лозаны четыре Франц. мили), и остановясь подъ тѣнію каштановыхъ деревъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери,

съ которыхъ отчаянный Сенъ-Прё хотѣлъ низвергнуться въ озеро, и откуда писалъ онъ къ Юліи слѣдующія строки:

«Въ ужасныхъ изступленіяхъ и въ волненіи ду-«ши моей не могу я быть на одномъ мѣстѣ; бро-«жу, съ усиліемъ взбираюсь на высоты, устремля-«юсь на вершины скалъ; скорыми шагами обхо-«жу всѣ окрестности, и вижу во всѣхъ предме-«тахъ тотъ самый ужасъ, который царствуетъ въ «моей внутренности. Нигдѣ уже нѣтъ зелени; тра-«ва поблекла и пожелтѣла, дерева стоятъ безъ «листьевъ, холодный вѣтеръ надуваетъ сугробы, «и вся Натура мертва въ глазахъ моихъ, какъ «мертва надежда въ моемъ сердцѣ. — Между ска-«лами сего берега нашелъ я, въ уединенномъ убѣ-«жищѣ, маленькую равнину, откуда видѣлъ щаст-«ливый городъ, въ которомъ ты обитаешь. Вооб-«рази, съ какою жадностію устремился взоръ мой «къ сему любезному мѣсту! Въ первый день я »всячески старался найти глазами домъ твой, но «отъ чрезмѣрной отдаленности всѣ мои усилія о-«ставались тщетными; и я, примѣтивъ, что вооб-«раженіе обманываетъ глаза мои, пошелъ къ Свя-«щеннику и взялъ у него телескопъ, посредствомъ «котораго увидѣлъ жилище твое. . . .

«Съ того времени цѣлые дни провожу въ семъ «убѣжищѣ, и смотрю на блаженныя стѣны, заклю-«чающія въ себѣ источникъ жизни моей. Не взирая «на дурную погоду, прихожу туда поутру, и воз-«вращаюсь оттуда ночью. Листья, сухія вѣтви, «мною зажигаемыя, и безпрестанное движеніе о-

«храняютъ меня отъ чрезвычайнаго холода. Сіе «дикое мѣсто мнѣ такъ полюбилось, что я приношу туда бумагу съ чернилицею, и теперь пишу «тамъ письмо, на камнѣ, отвалившемся отъ ближ-«ней скалы.»

Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много неестественнаго, много увеличеннаго — однимъ словомъ, много *романическаго* — однакожь на Французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ Элоизѣ описана — въ Элоизѣ, безъ которой не существовалъ бы и Нѣмецкой *Вертеръ* *. — Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ; всѣ описанія его такъ живы, и притомъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (esplanade), которая была столь привлекательна для нещастнаго Сен-Прё. Ахъ друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не велитъ искать здѣсь слѣдовъ ея! Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное существо, и послѣ говоришь: *его нѣтъ!* Вы помните это мѣсто въ его Confessions: «Я скажу всѣмъ,

---

* Основаніе романа то же, и многія положенія (situations) въ Вертерѣ взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе Натуры.

имѣющимъ вкусъ, всѣмъ чувствительнымъ: поѣз-«жайте въ Веве, осмотрите его окрестности, гу-«ляйте по озеру — и вы согласитесь, что сіи пре-«красныя мѣста достойны Юліи, Клеры и Сен-«Прё; но не ищите ихъ тамъ».—Коксъ, извѣстный Англійскій Путешественникъ, пишетъ, что Руссо сочинялъ Элоизу, живучи въ деревнѣ Мельери; но это несправедливо. Господинъ де Л*, о которомъ вы слыхали, зналъ Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажѣ*, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Парижа *.

---

* Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ *Признаній* или *Confessions*, которое вышло въ свѣтъ въ бытность мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано происхожденіе всѣхъ его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся до Элоизы. Руссо, прославясь въ Парижѣ своею Оперою *Devin du Village* и другими сочиненіями, пріѣхалъ въ Женеву, и былъ принятъ тамъ отмѣнно ласково; всѣ увѣряли его въ своей любви, въ почтеніи къ его дарованіямъ, и чувствительный, растроганный Руссо обѣщалъ своимъ согражданамъ навсегда къ нимъ переселиться, и только на короткое время съѣздить въ Парижъ, чтобы учредить тамъ дѣла свои. «Послѣ того «(говоритъ онъ) я оставилъ всѣ важныя упражненія, «чтобы веселиться съ друзьями до моего отъѣзда. Всего «болѣе полюбилась мнѣ тогда прогулка съ семействомъ «добраго Делюка. Въ самое прекрасное время наняли мы «лодку, и въ семь дней объѣхали кругомъ Женевскаго «озера. Мѣста на другомъ концѣ его впечатлѣлись въ «моей памяти, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я

Отдохнувъ въ трактирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чтобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кларанъ*. Высокія густыя дерева скрываютъ его отъ нетерпѣливыхъ взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ — бѣдную маленькую деревеньку, лежащую у подошвы горъ, покрытыхъ елями. Вмѣсто жилища Юліина, столь прекрасно описаннаго, представился мнѣ старый

«описалъ ихъ въ Новой Элоизѣ.» — Господинъ де Л* сказалъ мнѣ правду: Руссо сочинялъ свою Элоизу въ то время, когда жилъ въ Эрмитажѣ подлѣ Парижа. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи своего романа: «Я «представлялъ себѣ любовь и дружбу (двухъ идоловъ мо-«его сердца) въ самыхъ восхитительнѣйшихъ образахъ; «украсилъ ихъ всѣми прелестями нѣжнаго пола, всегда «мною любимаго; воображалъ себѣ сихъ друзей не му-«щинами, а женщинами (естьли такой примѣръ и рѣже, «то по крайней мѣрѣ онъ еще любезнѣе). Я далъ имъ «два характера сходные, но не одинакіе; два образа, не «совершенные, но по моему вкусу; доброта и чувстви-«тельность одушевляли ихъ. Одна была черноволосая, «другая бѣлокурая; одна разсудительна, другая слаба, но «въ самой слабости своей любезная и добродѣтельная. «Одна изъ нихъ имѣла любовника, которому другая была «нѣжнымъ другомъ, и еще болѣе, нежели другомъ; но «только безъ всякаго совмѣстничества, безъ ревности и «ссоры; ибо душѣ моей трудно воображать противныя «чувства, и притомъ мнѣ не хотѣлось помрачить сей «картины пятнами, унижающими Натуру. Будучи восхи-«щенъ сими двумя прекрасными образцами, я всячески «сближалъ себя съ любовникомъ и другомъ; однакожь «представилъ его молодымъ и прекраснымъ, давъ ему мои

замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ жителей знаютъ Новую Элоизу, и весьма довольны тѣмъ, что великой Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Работающій поселянинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Новую Элоизу?* Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и

«добродѣтели и пороки. Чтобы поселить моихъ любов-«никовъ въ пристойной для нихъ странѣ, я проходилъ «въ памяти своей всѣ лучшія мѣста, видѣнныя мною въ «путешествіяхъ; но не могъ найти ни одного совершен-«но хорошаго. Долины Θессалійскія могли бы меня удо-»вольствовать, естьли бы я видѣлъ ихъ; но воображе-«ніе мое, утомленное выдумками, хотѣло какого нибудь «существеннаго мѣста, которое могло бы служить ему «основаніемъ. Наконецъ я выбралъ берегъ того озера, «вокругъ котораго сердце мое не переставало носиться» — и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Женевѣ сіи *Confessions*, въ которыхъ такъ живо изображается душа и сердце Руссо. Нѣсколько времени послѣ того воображеніе мое только имъ занималось, и даже во снѣ. Духъ его парилъ надо мною. — Одинъ молодой знакомый мнѣ живописецъ, прочитавъ *Confessions*, такъ полюбилъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его въ разныхъ положеніяхъ, хотя (сколько мнѣ извѣстно) не кончилъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что онъ между прочимъ изобразилъ его цѣлующаго фланелевую юбку, присланную ему на жилетъ отъ Госпожи Депине. Молодому живописцу казалось это очень трогательнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разныя чувства!

тотъ лѣсокъ, въ которомъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первый разъ страстнаго Сен-Пре, и магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю нервную систему его. — За деревенькою волны озера омываютъ стѣны укрѣпленнаго замка Шильйона; унылый шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежитъ Вильнёвъ, маленькой городокъ; но я посмотрѣлъ на него издали, и возвратился въ Веве.

О семъ городѣ скажу вамъ, что положеніе его — на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, противъ дикихъ Савойскихъ утесовъ, и подлѣ горъ плодоносныхъ — очень пріятно. Онъ несравненно лучше Лозаны; улицы равны; есть хорошіе домы и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне Французской Швейцаріи, или Pays-de-Vaud; за всѣмъ тѣмъ Веве не кажется многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній трактиръ вмѣстѣ со мною вошли четыре человѣка въ дорожныхъ платьяхъ, и вмѣстѣ со мною потребовали обѣда. Въ нѣсколько минутъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ Вестфальскіе Бароны, а четвертый Польскій Князь. Послѣдній возвращается изъ Франціи въ свое отечество, и заѣхалъ въ Швейцарію для того, чтобы взглянуть на Мельери и Кларанъ. Бароны *по довѣренности* сказали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комнаты), что они весьма недовольны его товариществомъ; что онъ навязался на нихъ въ городкѣ Моржѣ, и съ того времени не

даетъ покою ушамъ ихъ, безпрестанно бранясь или съ кучеромъ, или съ гребцами, или съ трактирщиками; и что онъ, по ихъ примѣчанію, есть великой лжецъ. Скоро я имѣлъ случай увѣриться въ справедливости сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за столъ, Польскій Князь началъ бранить хозяина за кушанье; все было для него дурно, всего мало. Трактирщикъ напомнилъ ему, что онъ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. Потомъ вздумалъ онъ разсказывать мнѣ о Бастильскомъ штурмѣ, на которомъ будто бы прострѣлили ему шляпу и кафтанъ. Я не могъ его долго слушать, чувствуя нужду въ отдохновеніи, и ушелъ въ отведенную мнѣ комнату.

Всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Романа, взойдетъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы, сидя между гробами, подъ мрачною тѣнію столѣтнихъ деревъ, проводить глазами заходящее солнце, наслаждаться тишиною вечернею, и видѣть сгущеніе ночныхъ тѣней на романической картинѣ Вевейскихъ окрестностей. Я былъ тамъ, и погрузясь въ самого себя, не чувствовалъ какъ черная, величественная ночь окинула покровомъ своимъ и небо и землю. — Простите.

═

Лозана.

Вчера возвратился я изъ Веве, и насилу дошелъ до Лозаны, будучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Отъ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія. Мнѣ привидѣлось, что я въ большой залѣ стою на каѳедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о темпераментахъ. Проснувшись, схватилъ я перо и написалъ, что осталось у меня въ памяти: изъ чего, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядочное. Судите сами — вотъ сей отрывокъ:

«*Темпераментъ* есть основаніе нравственнаго «существа нашего, а *характеръ* случайная форма «его. Мы родимся съ темпераментомъ, но безъ ха«рактера, который образуется мало по малу отъ «внѣшнихъ впечатлѣній. Характеръ зависитъ ко«нечно отъ темперамента, но только отъ части, за«вися впрочемъ отъ рода дѣйствующихъ на насъ «предметовъ. Особливая способность принимать «впечатлѣнія есть темпераментъ, форма, которую «даютъ сіи впечатлѣнія нравственному существу, «есть характеръ. Одинъ предметъ производитъ «разныя дѣйствія въ людяхъ—отъ чего? отъ раз«ности темпераментовъ, или отъ разнаго свой«ства *нравственной массы*, которая есть мла«денецъ.»

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, а написалъ слова точно такъ, какъ сновидѣніе впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераментахъ и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада съ двумя Французскими Маркизами, пріѣхавшими изъ Парижа. Они сообщили мнѣ весьма худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, видя нагой трупъ нещастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшенымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы разсказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворотилось.

=

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ во первыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карты, а во вторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жители переняли не только языкъ, но и самые нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то есть, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жестокость и холодность свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня противно. Цѣлость, оригинальность; вы во всемъ драгоцѣнны; вы занимаете, питаете мою душу—всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слышалъ нынѣ проповѣдь въ каѳедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ тѣлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а комплементъ начальникамъ и всему красному городу Лозанѣ былъ за-

ключеніемъ. Я посматривалъ то на проповѣдника, то на слушателей; вообразилъ себѣ нашего П., Знам. Священника, Лафатера — пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Кстати или не кстати скажу вамъ, что изъ всѣхъ церковныхъ Риторовъ, которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравится мнѣ болѣе — Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Benon, нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захожденія солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савоіи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодоносные сады, изобиліе и богатство; мнѣ казалось, что въ вѣтеркѣ, несущемся съ противоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ.

═

Женева, Октября 2, 1789.

Вдругъ три письма отъ васъ, милые! Естьли бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю Судьбу! Естьли щастіе ваше несовершенно; естьли — — * Друзья

* Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для Публики.

мои! болѣе ничего не скажу; но я хотѣлъ бы отдать вамъ всѣ свои пріятныя минуты, чтобы сдѣлать жизнь вашу цѣпію минутъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда нибудь — мы будемъ щастливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, которыя впрочемъ не такъ хорошо обработаны, какъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цирихскомъ Кантонахъ.—Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбился мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекрасны, городъ хорошъ. По рекомендательнымъ письмамъ отворенъ мнѣ входъ въ первые домы. Образъ жизни Женевцовъ свободенъ и пріятенъ — чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя утомилась отъ множества любопытныхъ и безпрестанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно отдохновеніе — нуженъ тонкой, сладостный, питательный сонъ на персяхъ любезной Природы.

Трактирная жизнь моя кончилась. За десять рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ большую, свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ домѣ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, платя за то рубли четыре въ недѣлю. Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь по-

вый образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство! Вставъ рано поутру, и надѣвъ свой походный сюртукъ, выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣто; отдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь трактирѣ, или во Франціи, или въ Швейцаріи, или въ Савоіи (вы знаете, что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, который варитъ мнѣ хозяйка моя, Мадамъ Лажье — читаю книгу или пишу, — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множество людей и гдѣ разсказываются вѣсти; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ, о декретахъ Національнаго Собранія, о Неккерѣ, о Графѣ Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театръ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончится вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *пить чай.* Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай и ѣдятъ бисквиты; садятся играть въ карты, по большой части въ Вистъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходятся, кромѣ трехъ или четырехъ короткихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихъ *вечеринкахъ* сбирается человѣкъ по шестидесяти; тутъ видите вы знатныхъ Французовъ, оставившихъ свое оте-

чество—Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Синдиковъ здѣшней Республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородный домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, который десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи. Баронъ де Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшой гораздо живѣе и остроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго трона. Вы наслышались о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, который можетъ безъ всякаго суда— отъ чего Боже сохрани! — снять съ него шляпу и голову... Вчера позвалъ меня ужинать Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще не готовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и начали сбираться гости. Между прочими былъ тутъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія Дамы весьма забавлялись. Онѣ загадывали ему загадки: Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ нещастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: *для чего Генрихъ* IV, *врагъ всякой пышно-*

сти, имѣлъ златыя шпоры? Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: pour piquer son cheval (чтобы шпорить свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: c'est tout clair! *ни что не можетъ быть яснѣе!* — Еще: *что находится* au milieu de Paris (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, который недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь.* Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что au milieu de Paris находится г. *Я только лишь хотѣлъ это сказать!* закричалъ Баронъ, и всѣ захохотали. Хозяйка, которая почитается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, распрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: *хороши ли онѣ?* Отвѣтъ: *прекрасны.* Вопросъ: *умны ли онѣ?* Отвѣтъ: *безпримѣрно.* Вопросъ: *сочиняютъ ли онѣ стихи?* Отвѣтъ: *безподобные.* Вопросъ: *какого роду?* Отвѣтъ: *молитвы.* — Vous badinez, Monsieur! *Вы шутите!* — «Извините, сударыня; я говорю точную правду.» — *Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ?* — Нѣтъ, сударыня; онѣ молятся о томъ, чтобы не грѣшить.» — *А! это другое дѣло!*—Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку, и мы пошли ужинать.

═

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чувствовалъ я въ душѣ своей великую тягость и скуку: каждая мысль, которая приходила ко мнѣ въ голову, давила мозгъ

мой; мнѣ не ловко было ни стоять, ни ходить. Я пошедъ въ Бастіонъ, здѣшнее гульбище — легъ на углу вала и далъ глазамъ своимъ волю перебѣгать отъ предмета къ предмету. Мало по малу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самый теплый и пріятный. На обѣихъ сторонахъ представились мнѣ горы, окруженныя облаками, которыя носились выше и ниже ихъ вершинъ: видъ величественный и грозный! Прямо передо мною простиралась большая равнина, усѣянная рощицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Отъ времени до времени — по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины — мчались въ колясках молодые Англичане, которые, боясь слѣдствія скоплявшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чтобы скорѣе возвратиться въ городъ. Вѣтерокъ какъ птичка прилетѣлъ отъ Юры и шепталъ мнѣ на ухо — не знаю, что. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чтобы меня не заперли въ Бастіонѣ, я вскочилъ и вышелъ оттуда; но не желая разстаться съ вечеромъ, пошелъ на *Трель*, другое гульбище подлѣ Ратуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орѣховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ тѣ же виды, которыми веселился я въ Бастіонѣ. Темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался, и шумѣлъ ужасно между деревами; облака неслись быстро, натекли на городъ, и пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ темнотѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтель-

ныхъ Фей — и всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кишотомъ, оживились въ моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ Фей, укрылся я отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною — схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно * искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

═

Кто будучи въ Женевской Республикѣ, не почтенъ за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка.

---

* Я жилъ тогда въ деревнѣ.

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда идетъ къ нему прекрасная аллея. Передъ домомъ на лѣвой сторонѣ увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу*.

«Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почи«тателей Божества (говоритъ Лагарпъ въ похваль«номъ Словѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu n'exis«tait pas il faudrait l'inventer (*естьли бы не су«ществовалъ Богъ, то надлежало бы Его выду«мать*) — сей прекрасный стихъ написанъ имъ «въ старости, и показываетъ его Философію».

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Госпожа Деписъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черный монументъ, съ надписью: son ésprit est partout et son coeur est ici (*духъ его вездѣ, сердце его здѣсь*), выше: mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous (*тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ*). На стѣнахъ висятъ портреты а пер-

вый нашей Императрицы (шитый на шелковой матеріи съ надписью: presenté a Mr. Voltaire par l'Auteur, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ большимъ примѣчаніемъ и съ большимъ удовольствіемъ, нежели на другіе); второй покойнаго Прусскаго Короля; третій Лекеня, славнаго Парижскаго Актера; четвертый самого Вольтера, и (пятый) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и картины не важны. Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторовъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ *. — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ;

---

* Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ и никакая Философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться. — Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Геній Натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бываютъ только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любуется пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ *Заиры*? но многіе ли удивляются *Отеллу*? *

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ бы изъ оконъ своихъ видѣть *Бѣлую* Савойскую *гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистый прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерова твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтьвями каштановаго дерева,

---

* Тогда я такъ думалъ!

прочиталъ я съ чувствомъ, сіе мѣсто въ Лагарповомъ похвальномъ Словѣ:

«Подданные, лишенные отца и господина своего, и дѣти ихъ, наслѣдники его благодѣяній, «скажутъ страннику, который уклонится отъ пу«ти своего, чтобы видѣть Ферней: *Вотъ домы,* «*имъ построенные — убѣжище, которое далъ онъ* «*полезнымъ искусствамъ** *— поля, которыя обо«гатилъ онъ плодами. Сіе многолюдное и цвѣту«щее селеніе родилось подъ его смотрѣніемъ, роди«лось среди пустыни. Вотъ рощи, дороги и тропин«ки, гдѣ мы столь часто его видали. Здѣсь горест«ное Каласово семейство окружило своего покро«вителя; здѣсь сіи нещастные обнимали колѣна «его. Сіе дерево посвящено благодарностію, и сѣ«кира никогда не отдѣлитъ его отъ корня. Онъ «сидѣлъ подъ его тѣнію, когда разоренные посе«ляне пришли требовать его помощи; тутъ про«ливалъ онъ слезы сожалѣнія, и скорбь бѣдныхъ «превратилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ видѣли «мы его въ послѣдній разъ* — — и внимающій «странникъ, который при чтеніи Заиры не могъ «удержать слезъ своихъ, прольетъ, можетъ быть, «еще пріятнѣйшія въ память благотворителя.»

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми Англичанами, и пили очень хорошее

* Извѣстно, что Вольтеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, которые принуждены были оставить Женеву.

Французское вино, желая блаженства душѣ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели меня въ свои такъ называемые *Серкли*, которыхъ здѣсь очень много, и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили Франціи милліоны, и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы Французы не сказались банкрутами: отъ чего могутъ разориться въ Женевы первые домы. Но тебя, бѣдный Сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбитъ, Бѣлградъ взятъ — никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучатъ рюмки, стаканы, когда Слава протрубитъ щастливый подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ и вино Токайское пѣнятся въ купкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самый веселый; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола одни катались въ лодкѣ по озеру, другіе играли *въ шары*, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои

трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семъ пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись; наступилъ на змѣю и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начанила уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала вверхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня....Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но естьли Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся.*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue No 17. На сей разъ простите!

═

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафатера, не получалъ я отъ васъ ни одной строки. Не совѣстно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я только посредствомъ васъ сообщаюсь съ любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть полное поня-

тіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ. Строгій, любезный Руссо! соотечественники твои не послушались тебя; построили театръ и любятъ его страстно *. Здѣсь играютъ двѣ Дижонскія Труппы: одна лѣтомъ и осенью, а другая зимою и весною: первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Атиса, большую оперу, которой музыку сочинялъ славный Пиччини. Въ композиціи есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: Vivre ou mourir, которую поютъ нещастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибеллы, прекрасна, неоравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ *оперетокъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ les petits Savoyards (маленькіе Савояры); есть трогательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человѣкъ двѣнадцать. Датскій Баронъ, Французскій Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французскій языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ

* Руссо съ великимъ жаромъ утверждалъ, что театръ вреденъ для нравовъ.

бранится по-Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и готовъ драться всякую минуту; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ. — Маркизъ сказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать, и никакъ не хочетъ заводить знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе. Даетъ чувствовать, что онъ Авторъ; хвалитъ Ж. Жака, и *увѣряетъ*, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Натурою. Вольтеръ, говоритъ онъ, былъ человѣкъ умный, но разсуждалъ очень худо. Однакожь Г. Маркизъ собирается ѣхать въ Ферней, думая, что въ Вольтеровомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спустится на его голову. — Женевскій Капитанъ, служившій нѣсколько лѣтъ Королю Прусскому, говоритъ весьма охотно и по временамъ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденъ бываетъ *ретироваться*, когда загремятъ громы изъ устъ Баронскихъ. Всѣ піесы, играемыя на здѣшнемъ театрѣ, хвалитъ онъ одинакимъ образомъ. *Эдипъ*, по его словамъ, est rempli de sentiment (исполненъ чувства) и опера *Кузнецъ*, est rempli de sentiment (исполненъ чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляютъ насъ смѣяться. — Между прочими есть еще одинъ примѣчанія достойный человѣкъ, родомъ Женевецъ, который объѣздилъ всѣ четыре части свѣта, при-

своилъ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлъ увѣрить меня, что многіе изъ жителей Патагоніи бываютъ ростомъ въ четыре аршина.

Докторъ Беккеръ пріѣхалъ въ Женеву. Мы встрѣтились на улицѣ и бросились обнимать другъ друга, какъ старинные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминомъ; онъ нанялъ себѣ комнату въ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ, остались въ Бернѣ. Послѣдній скоро женится, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Оттуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минуту, какъ лодошникъ хотѣлъ уже отвалить отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мущиною, — дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ рукахъ, — приближилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ птичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): Bonjour, Messieurs! Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмотрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспомнили, что имъ надлежало отвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докторъ Беккеръ увѣряетъ меня — а онъ чело-

вѣкъ правдивой — Беккеръ увѣряетъ, что они отвѣчали ей весьма хорошо, хотя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ Докторъ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали лодку на влажныхъ хребтахъ своихъ — или, просто сказать, они плыли и начинали мало помалу разговаривать. Дѣвушка сказала Датчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Унтерзеенѣ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее? спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. «Славу Богу! ей стало гораздо легче» — отвѣчала незнакомка. Потомъ она захотѣла знать отечество и фамилію своихъ сопутниковъ; узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунѣ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до трактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ трактирщика, что прелестная сопутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова представляться, и увѣрять ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. «Ахъ! естьли бы вы знали его лично!» сказала она съ чувствомъ: «въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу удержаться

отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безпечно и весело игрывалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.» — — Тутъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвицею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунѣ. «Не ужели мы навсегда простимся?» сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Беккеръ протянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *вотъ адресъ нашей фамиліи, которая почтетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Датчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ отведенную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должность явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожъ дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу сопутницу?* вотъ вопросы, на которые этотъ дядя и эта тетка принуждены были

отвѣчать всякую минуту. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Датчане увидѣли свою пріятную сопутницу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ся входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье; собрались пріятели и пріятельницы — но Датчане никого не видали, никого не слыхали, кромѣ Софіи. Разстались съ тѣмъ, чтобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти также. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ требованія на отличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ, можетъ быть, то же, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи, и началъ искать разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежитъ до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ страстно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не трепетала такъ сильно въ святыхъ восторгахъ своихъ, какъ трепеталъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ съ нею, и

чувства его были — пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла быть равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блистали какъ молніи. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ аллеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самого того времени, какъ платоническої любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ щастливы!...* «Она твоя» — отвѣчала Софія, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію: «она твоя! и я надѣюсь быть съ тобою щастлива!» — Пусть другой, а не я, опишетъ сію минуту! — Въ тотъ же самый вечеръ всѣ родственники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили быть свадьбѣ.— Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того щастія, которое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію. — Между тѣмъ Графъ Молтке совершенно успокоился и радуется щастію своего друга; Беккеръ также радуется — и разсказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина

Юры покрылась снѣгомъ; дерева желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ унынiемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горесть мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствiемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что теченiе Натуры есть образъ нашего жизненнаго теченiя!... Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходитъ лѣто — и въ сiю минуту сердце мое чувствуетъ холодъ осеннiй. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Таверние, который объѣздилъ большую часть свѣта, — Таверние говорилъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменiи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скатѣ высокой Юры, недалеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы: и такъ, взявъ въ руки Дiогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше города Обоня — смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ — по сю сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди какъ дѣятельные муравьи — а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *Бѣлая гора* въ снѣжной своей мантіи, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ.... Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! я долженъ оставить сію землю.... Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхитительный сонъ!... Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Натуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но естьли огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепелъ красотъ твоихъ — естьли земля не разступится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть, дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна!

Солнце закатилось; но горы блистают. Темнеетъ синяя твердь — еще сіяютъ три холма *Бѣлой* горы. Шумитъ вѣтеръ — облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

=

Оконь, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвратясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но страсть къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего государства, въ 1689 году. Возвратясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего достопамятнаго человѣка, который объѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Турціи, Персіи, Индіи, и все еще не насытился путешествіями. — Отецъ его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ разсматривать, и часто говорилъ отцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вотъ начало его страсти!

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ родится и умираетъ въ отцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за полями его; другой хо-

четъ все знать, все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовію къ новостямъ*, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожь, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всего *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шардена и прочихъ славныхъ путешественниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — Ахъ, друзья мои! человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ *чужихъ* земляхъ, между *чужими* людьми, не тоскуя о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался

однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ!

Простите! Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, и мягкая постеля манитъ меня въ свои объятія.

═

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того, что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдальцомъ, и сняла съ головы моей свинцовую тягость. Вчера я въ первый разъ вздохнулъ свободно, и первый разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось на-

слаждаться, — чувствуетъ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минуту исчезло раздѣляющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Натурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ противъ матери моей, Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ!

═

Женева, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая движетъ и міры и атомы; которая бережетъ и червя и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами: но какъ быть! — Стану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона де-Лю, а ужинать въ трактирѣ *Золотыхъ весовъ*, гдѣ у насъ будетъ веселый концертъ.

Женева.

Вы можетъ быть удивляетесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, который живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ: почему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго-дни Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы пріѣхали къ нему поутру, но не застали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Русской путешественникъ желаетъ быть у него—и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннета, и удивился. Я думалъ найти слабаго старца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ — обвѣтшалую скинію, которой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный безпокойствомъ телѣсной жизни, ежедневно сбирается летѣть обратно въ свою отчизну —

однимъ словомъ, развалины великаго Боннета. Что же нашелъ? хотя старца, но весьма бодраго — старца, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни — старца, котораго голосъ еще твердъ и пріятенъ — однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй *Палингенезіи* *. Онъ встрѣтилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку. «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ я, который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно.» *Я всегда радуюсь*, отвѣчалъ онъ, *когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе*, сказалъ онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: *чувства мои тупѣютъ.* Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, который продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми отрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ равнымъ себѣ, и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что всѣ учтивыя

* Титулъ одного изъ его сочиненій.

слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая розница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первый съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, который хвалитъ его; но Боннетъ за всякую учтивость старается платить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть равенъ: я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимымъ; а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Русской языкъ. «Съ чего же вы думаете начать?» спросилъ онъ. Съ *Созерцанія Природы* (Contemplation de la Nature) отвѣчалъ я, которое по справедливости можетъ быть названо магазиномъ любопытнѣйшихъ знаній для человѣка.—Никогда не приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы это сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете (изъ предисловія къ Contemplation), что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведя *Палингенезію*, вы переведете лучшее и полезнѣйшее мое сочиненіе. Ахъ, государь мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!»—Ему непріятно, что на Англійской и Нѣмецкой языкъ переведено *Созерцаніе Натуры* безъ его вѣдома. *Когда Авторъ еще живъ*, сказалъ онъ, *то надлежало бы у него спроситься.*—Боннетъ хвалитъ одинъ Спаланцаніевъ переводъ, а Нѣмецкимъ Переводчи-

комъ, Профессоромъ Тиціусомъ, весьма не доволенъ потому, что сей ученый Германецъ думалъ поправлять его, и собственныя свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочинателевы. Я сказалъ Боннету, что Тиціусъ, не смотря на свою ученость, во многихъ мѣстахъ не понималъ его. На примѣръ начало: je m'éleve à la Raison Eternelle, перевелъ онъ: ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft: грубая ошибка! Вмѣсто Vernunft надлежало бы сказать Ursache; подъ словомъ raison разумѣлъ Авторъ *причину*, а не *разумъ*. Боннетъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалитъ его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него Философіи. — Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннета, вдругъ схватилъ съ него парикъ и сказалъ сыну своему, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую голову*, *тамъ учись мудрости*.

Говоря о честолюбіи Авторскомъ, Боннетъ сказалъ: «Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудяся для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству; ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.»

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Риторомъ, слогъ его музыкою, а Философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патріотомъ, Боннетъ не можетъ простить согражданину своему, что онъ въ Lettres écrites de la Montagne не пощадилъ Женевскаго правительства.

«Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннетъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники, купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои библіотеки, и читаютъ не только романы и стихи, но и философическія книги.» — *И я* могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера, и что Женевскія дамы, въ домѣ у Господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодаго Графа, Мартенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Боннетъ вызвался словесно или письменно объяснить для меня тѣ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ темными; но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенный старецъ проводилъ меня до крыльца. — Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ.

Женева, Генваря 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то. Нынѣ слышалъ я пышную проповѣдь, на текстъ: *естьли забуду тебя, о Іерусалимъ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ къ*

гортани моей, естьли ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости! * Разумѣется, что Iерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щастлива со всѣхъ сторонъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множество людей, а особливо женщинъ, хотя Риторъ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ тронутъ, видя слезы красавицъ, матерей и супругъ.

=

Вотъ письмо къ Боннету, писанное мною вчера поутру:

Monsieur,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le dé-

---

* По Французскому переводу.

figurer, ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style; mais pour conserver toute la fraicheur de beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils sont commencé à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force necessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, et Vos expressions sont si précises, que pour aprèsent je n'ai qu'a Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois, pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr N. N. à Moscou), qui s'éstime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et medité Vos ouvrages, et qui m'aidera dans mon agréable travail; et peut être que dans l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occu-

pe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie*, pour en faire un present à son ami, à son retour dans sa patrie.

En présentant au Public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même*, et le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remercimens de l'accueil favorable que Vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis, *

Monsieur,

Votre très-humble

et très-obeissant serviteur

N. N.

---

* «Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо мое обезпокоитъ васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое могло бы на нѣсколько минутъ перервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читалъ я снова ваше Созерцаніе Природы, и могу сказать безъ тщеславія, что надѣюсь перевести его съ довольною точностію; надѣюсь, что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для того, чтобы сохранить всю свѣжесть красотъ, находящихся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало бы имѣть Боннетовъ духъ. Сверхъ того языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожь не такъ обработанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногія философическія и физическія книги переведены на Русской. Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая всю справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по

Вотъ отвѣтъ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre langue comme un François qui l'a cultivée, et je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous

---

«себѣ гораздо пріятнѣе. Переводъ мой можетъ быть «полезенъ — и сія мысль послужитъ мнѣ ободреніемъ «къ преодолѣнію всѣхъ трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ «только благодарить васъ за данное мнѣ позволеніе «требовать у васъ изъясненія въ такомъ случаѣ, естьли «бы что нибудь показалось для меня непонятнымъ въ «*Созерцаніи*. Можетъ быть, трудно будетъ мнѣ выра«жать ясно на Русскомъ языкѣ то, что на Француз«скомъ весьма понятно для всякаго, кто хотя не много «знаетъ сей языкъ.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Палингенезію*. Одинъ «пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я, «любитъ читать ваши сочиненія и будетъ моимъ со«трудникомъ; можетъ быть въ самую сію минуту, когда «имѣю честь писать къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ «*Созерцанія* или *Палингенезіи*.

«Предлагая публикѣ переводъ мой, скажу: *я видѣлъ «его самого*, и читатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ «своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный «пріемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь «быть» — и проч.

l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*, et ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, et qui est très susceptible d'instruction.

J'aî, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuilléz me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction, qui il goûte à me lire et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime et de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,
Votre très-humble
et très obéissant serviteur.
Le Contemplateur d. l. Nature. *

=

---

* Начало письма есть не что иное, какъ одна Французская учтивость. — «Я радуюсь, нашедши такого пере-

Женева, 26 Января, 1780.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отправился въ Жанту пѣшкомъ; но скоро небо помрачилось, и сильный дождь принудилъ меня искать убѣжища. Я зашелъ въ крестьянской домикъ, гдѣ многочисленное семейство сидѣло за обѣдомъ. Хозяинъ, узнавъ причину нечаяннаго посѣщенія моего, принесъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и просилъ меня отвѣдать картофелей, сваренныхъ его женою. Я отвѣдалъ, похвалилъ, и положилъ вилку. — «Что же вы не ѣдите?» — Я иду обѣдать въ Жанту, къ Г. Боннету. — «Къ Господину Боннету? И такъ вы съ нимъ знакомы?» —

«водчика: вы конечно хорошо переведете и *Палингенезію* и *Созерцаніе* Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ.

«Не можно ли вамъ въ Понедѣльникъ, то есть 25 числа сего мѣсяца, отобѣдать со мною *по-философски* въ сельскомъ моемъ уединеніи? Естьли можно, то около двѣнадцати часовъ буду ожидать васъ, и мы поговоримъ о томъ трудѣ, которымъ вы намѣрены обязать меня. Прошу объ отвѣтѣ.

«Мнѣ пріятно слышать, что у васъ есть пріятель, который вмѣстѣ съ вами любитъ просвѣщеніе, и находитъ удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

«Увѣряя васъ въ моемъ уваженіи, имѣю честь быть,

«Государь мой,

«Вашъ покорный слуга,

«*Созерцатель Природы*».

знакомъ, хотя очень недавно. — «Какой добрый человѣкъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно, а бѣдные называютъ отцомъ и благодѣтелемъ.» — Онъ помогаетъ имъ? — «Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицемъ.» — И такъ онъ много раздаетъ денегъ? — «Очень много; и сверхъ того говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ навертываются, и всякому хочется схватить и поцѣловать руку его.» — *Правда, правда, батюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина. *Правда*, повторила молодая жена его, взглянувъ на мужа и на меня. — — Дождь пересталъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность мою гостепріимному и добросердечному поселянину. И такъ Женевскій мудрецъ не только по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!.....

Я нашелъ его въ саду; но онъ тотчасъ повелъ меня въ домъ, примѣтивъ на кафтанѣ моемъ слѣды дождевыхъ капель, — посадилъ въ кабинетѣ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чтобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ — и есть ли, по словамъ Виландовымъ, сочиненія Боннетовы заставляютъ читателей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я такъ смѣло, такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряютъ меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человѣкъ!

«Вы рѣшились переводить *Созерцаніе Природы*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо.»—Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ приближился къ письменному столу великаго Философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ титулъ — первый параграфъ — и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю,* сказалъ любезный Боннетъ съ усмѣшкою: *но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣе меня. — Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства.*

Онъ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести Contemplation, въ какой форматъ буду печатать эту книгу, и самъ ли стану читать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе то, что онъ обѣщалъ мнѣ дать новыя и самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ *Созерцанію*, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. «Я человѣкъ (сказалъ онъ), и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стараясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую ошибку, которую нахожу въ нихъ.» — Онъ хочетъ,

чтобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный старецъ бережетъ слабые свои глаза и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю.

На вопросъ, чью Философію преподаютъ у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная того вѣрно. *Вольфъ есть хорошій Философъ*, сказалъ Боннетъ: *но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методѣ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ готовъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Боннетъ, которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обласкала меня; и между тѣмъ, какъ Боннетъ ѣлъ супъ, хвалила мнѣ *тихонько* доброту его сердца. «О его «разумѣ, о его знаніяхъ пусть судитъ публика; но «я знаю то, что любовь его, доброправіе и нѣжныя «попеченія составляютъ мое щастіе. Мнѣ кажет«ся, что безъ него я давно бы лишилась жизни, «будучи такъ слаба и не здорова; видя же его по«длѣ себя терпѣливо переношу всѣ припадки, вся«кую болѣзнь, и вмѣсто роптанія изъявляю Небу «благодарность мою за такого супруга.» — О чемъ вы говорите? спросилъ Боннетъ, перемѣнивъ тарелку. *О хорошей погодѣ*, отвѣчала Госпожа Боннетъ, и утерла платкомъ глаза свои.

Я сидѣлъ между ними, какъ между Филемономъ

и Бавкидою. Обѣдъ былъ очень хорошъ, и такъ изобиленъ, какъ Природа, описанная хозяиномъ. — Когда же мы пили кофе, пришелъ тотъ Датчанинъ, живописецъ, о которомъ говоритъ Боннетъ въ Contemplation, и который живетъ у него въ домѣ. Онъ началъ разсказыватъ о болѣзни Гжи Соссюръ, племянницы Боннетовой, и говоря по-Французски не очень хорошо, на третьемъ словѣ остановился, и нѣсколько времени не могъ сыскать выраженія. Почтенный старецъ сидѣлъ, приставя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ могъ изъясниться. Эта черта для меня характерна, и показываетъ кротость Боннетовой души, которая никого и ничѣмъ оскорбить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы, призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карету. Естьли бы вы видѣли, какими глазами смотрѣлъ на него этотъ кучеръ! и какимъ голосомъ отвѣчалъ ему: *слышу, добрый, любезный господинъ мой, слышу!* Всѣ домашніе любятъ его какъ отца.

Жалѣть ли о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей, которыя могли бы развеселить мрачную осень дней его? Но мудрецъ, дружелюбно бесѣдующій съ Геніемъ Натуры — мудрецъ, почитающій весь родъ человѣческій однимъ семействомъ, и трудами своими споспѣшествующій его просвѣщенію и благополучію — можетъ быть щастливъ и безъ сего удовольствія.

Г-жа Боннетъ любитъ и держитъ у себя птицъ всякаго рода: попугаевъ, чижей, горлицъ, и проч.

«Не удивляюсь вашему вкусу, сказалъ я: кто не любитъ того, что описано вашимъ супругомъ?» Боннетъ вслушался, и пожалъ руку мою. — «Однакожь знаете ли, сказалъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Пати;* слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находитъ въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я — однѣ антитезы.» — Гжа Боннетъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *Аналитическаго Опыта*,** не всегда чувствуетъ красоты піитическія. — Они довезли меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ.

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы; и дни бываютъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаетъ огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и черезъ нѣсколько часовъ разстаялъ; но всѣ вершины горъ имъ покрыты. Видъ странный! Вверху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цирихскимъ уроженцомъ, который природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человѣка, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. По-

---

* Lettres sur l'Italie.

** Essai analytique sur l'amè.

средствомъ его искусства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва — показывая ей, какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы — научаетъ онъ ее произношенію тоновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не скоро и произносятъ извѣстныя ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ кажется никакъ не льзя изъяснить знаками! Третьяго-дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ не льзя поправить. Она пишетъ чисто и съ наблюденіемъ ороографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякой день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ея между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: *Госпожа* N. N. *звала меня къ себѣ въ гости — я не пошла къ ней — она не звала моего учителя.* — Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ за тѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л'Епе, который завелъ тамъ особливое училище для нѣмыхъ. Чему удивиться болѣе: разуму ли учителя, или понятію учениковъ! Конечно сему

последнему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

На сихъ же дняхъ узналъ я и молодаго Верна. Вамъ извѣстны его *Франсіада* и Voyageur sentimental, въ которыхъ много хорошаго и трогательнаго. Онъ обѣдаетъ иногда въ нашемъ пансіонѣ.

═

Женева.

Пріятель мой Б* уѣхалъ въ Лозану. Сію минуту получилъ я отъ него письмо. Вотъ оно:

«Ахъ мой другъ! жалѣй о нещастномъ! Про«студа, кашель, боль въ груди, едва ли позволя«ютъ мнѣ за перо взяться; но я непремѣнно дол«женъ извѣстить тебя о моемъ меланхолическомъ «приключеніи.

«Ты помнишь молодую Ивердонскую красави«цу, съ которою мы ужинали въ Базелѣ, въ трак«тирѣ *Аиста*; * помнишь, можетъ быть, и то, что «я сидѣлъ рядомъ съ нею; что она говорила со «мною ласково, и смотрѣла на меня съ нѣжно«стію — ахъ! какая гранитная гора могла защи«тить мое сердце отъ ея пронзительныхъ взо«ровъ? Какія снѣжныя громады могли погасить «огонь, воспаленный сими взорами въ источникѣ «жизни моей? Такъ, мой другъ! я учился Анато«міи, Медицинѣ, и знаю, что сердце есть точно «источникъ жизни, хотя почтенный Докторъ Ме-

«гадидактосъ, вмѣстѣ съ уваженія достойнымъ «Микрологосомъ, искалъ души и жизненнаго на«чала въ чудесномъ, отъ глазъ нашихъ укрывающемся сплетеніи нервъ..... Но я боюсь удалиться отъ моего предмета, и потому, оставляя на «сей разъ почтеннаго Мегадидактоса, и ува«женія достойнаго Микрологоса, скажу тебѣ «откровенно, что Ивердонская красавица возбу«дила во мнѣ такія чувства, которыхъ — теперь «описать не умѣю. Не знаю, что бы изъ меня вы«шло, и что бы я сдѣлалъ, естьли бы она — о «жестокой ударъ! — не уѣхала изъ трактира въ «самую ту ночь, въ которую душа моя занималась «ею съ величайшимъ жаромъ, и въ которую утѣ«шительный сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Ты «вывезъ меня изъ Базеля; путешествіе, пріятныя «мѣста, встрѣча съ Француженкою, маленькой «Пьеръ, бѣлка, злая бѣлка, новыя знакомства. «водопады, горы, дѣвица Г** — все сіе не могло «совершенно затереть образа прекрасной Ивер«донки въ сердцѣ моемъ. Долго старался я прео«долѣвать себя; но тщетно! Быстрая рѣка рано «или поздно разрываетъ всѣ оплоты: такъ и лю«бовь! Нанявъ въ Лозанѣ лошадь, поѣхалъ я вер«хомъ въ Ивердонъ: скакалъ, летѣлъ, и въ 10 ча«совъ утра былъ уже на мѣстѣ — остановился «въ трактирѣ, напудрился, снялъ съ себя кор«тикъ, шпоры, и пошелъ, куда стремилось мое «сердце. Тамъ съ пасмурнымъ видомъ встрѣ«тилъ меня шестидесятилѣтній старикъ, отецъ «моей красавицы. *Милостивый государь!* сказалъ

«я: *почтеніе, которымъ душа моя преисполнена* «*къ вашей любезной дочери; великое, сильное же-* «*ланіе видѣть ее.* — — Въ самую сію минуту она «вошла. *Юлія! знаешь ли ты этаго господина?* «спросилъ у нее старикъ. Юлія посмотрѣла на «меня, и учтивымъ образомъ отвѣчала, что она «не имѣетъ сей чести. Вообрази мое удивле-«ніе! Я весь затрепеталъ — *затрепеталъ вслухъ*, «какъ говоритъ Клопштокъ. Мнѣ казалось, что «всѣ Швейцарскія и Савойскія горы обрушились «на мою голову. Насилу могъ я собраться съ ду-«хомъ, и не говоря ни слова, подалъ безпамятной «Юліи записную книжку мою, гдѣ увидѣла она «имя свое, ея собственною рукою написанное. «Краска выступила на лицѣ жестокой; она стала «передо мною извиняться, и сказала отцу: *я имѣ-* «*ла честь вмѣстѣ съ нимъ ужинать въ Базелѣ.* «Онъ просилъ меня сѣсть. Кровь моя все еще не «могла успокоиться, и я не имѣлъ духа смотрѣть «на Юлію, которая также была въ замѣшатель-«ствѣ. Старикъ, услышавъ отъ меня, что я Док-«торъ Медицины, очень обрадовался, и началъ «говорить со мною о своихъ болѣзняхъ. Увы! (ду-«малъ я) за тѣмъ ли Судьба привела меня въ Ивер-«донъ, чтобы разсуждать о геморондальныхъ при-«падкахъ дряхлаго старика? Между тѣмъ дочь «его сидѣла, нюхала табакъ, и взглядывала на ме-«ня, но совсѣмъ уже не такъ, какъ въ Базелѣ. «Взоры ея были такъ холодны, такъ холодны, «какъ Сѣверный Полюсъ. Наконецъ самолюбіе «мое, жестоко уязвленное, заставило меня—встать

«со стула и откланяться. *Долго ли вы пробудете «въ Ивердонѣ?* спросила Юлія пріятнымъ своимъ «голосомъ (и съ такою усмѣшкою, которая весьма «ясно говорила: *надѣюсь, что ты уже не при«дешь къ намъ въ другой разъ*). Нѣсколько часовъ «отвѣчалъ я. — *Въ такомъ случаѣ желаю вамъ «щастливаго пути.* — И щастливой практики — «примолвилъ старикъ, снявъ свой колпакъ. Мы «разстались; и когда я вышелъ на улицу, наемный «слуга, провожатый мой, сказалъ мнѣ, что дѣвица «Юлія скоро выдетъ за мужъ за господина N. N. *А! «теперь знаю причину холоднаго пріема!* думалъ «я, и удвоилъ шаги свои, чтобы скорѣе удалиться «отъ дому будущей супруги господина N. N. — «Городъ Ивердонъ сталъ мнѣ противенъ. Я съ «великимъ нетерпѣніемъ дожидался обѣда, и сѣвъ «за столъ, велѣлъ слугѣ осѣдлать мою лошадь. «Вмѣстѣ со мною обѣдало четверо Англичанъ, ко«торые вздумали пить мое здоровье всѣми вина«ми, какія были у трактирщика. Я самъ велѣлъ «подать бутылки двѣ Бургонскаго, чтобы отбла«годарить ихъ — и такимъ образомъ прошло не«примѣтно около трехъ часовъ. Сердце мое забыло «все земное горе, и простило невѣрную Юлію. «Англичане, по своему обыкновенію, выдумывали «разныя *сентиментальныя* или *чувствительныя* «здоровья. Мнѣ также въ свою очередь надлежа«ло предложить три или четыре. При послѣднемъ «я налилъ полную рюмку, поднялъ ее высоко и «сказалъ громко: *кто любитъ красоту и нѣж«ность, тотъ пей со мною за здоровье Юліи, и*

«*желай красавицѣ щастливаго супружества!*
«Рюмки застучали, вино запѣнилось, и всѣ Англи-
«чане въ одинъ голосъ воскликнули: *мы пьемъ за*
«*здоровье Юліи, и желаемъ красавицѣ щастлива-*
«*го супружества!* — Между тѣмъ я разъ десять
«спрашивалъ, готова ли моя лошадь? и десять
«разъ отвѣчали мнѣ, что она давно стоитъ у
«крыльца. Наконецъ слуга пришелъ сказать, что
«мнѣ не льзя ѣхать. — Не льзя? для чего же?—
«*Становится поздно, и находятъ облака.* —
«Вздоръ! я поѣду! лошадь!» Черезъ полчаса о-
«пять пришелъ слуга. *Вамъ не льзя ѣхать.* —
«Не льзя? для чего же?» — *Стало поздно; обла-*
«*ка сгустились, и пошелъ снѣгъ.* — «Вздоръ! я
«поѣду! лошадь!» — Черезъ нѣсколько минутъ
«слуга опять подошелъ ко мнѣ. *Вамъ не льзя*
«*ѣхать!* Не льзя? для чего же?» — *Ночь на дво-*
«*рѣ: снѣгъ валится хлопками, и скоро сильный*
«*вѣтеръ надуетъ вездѣ сугробы.* — «Вздоръ! по-
«ѣду, сію минуту поѣду! лошадь!» — Сказалъ,
«всталъ со стула, пожалъ у Англичанъ руки, под-
«поясалъ кортикъ, расплатился съ хозяиномъ,
«вскочилъ на коня своего, и пустился во всю
«прыть по Лозанской дорогѣ. Вѣтеръ со снѣгомъ
«дулъ мнѣ въ лице; но я протиралъ глаза, и без-
«престанно шпорилъ свою лошадь. Скоро сдѣла-
«лась страшная вьюга, и бѣлая тьма совсѣмъ ли-
«шила меня зрѣнія. Я чувствовалъ, что ѣду не по
«дорогѣ; но дѣлать было нечего. Впередъ, впе-
«редъ, на волю Божію — и такимъ образомъ стран-
«ствовалъ до половины ночи. Наконецъ добрый

«конь, вѣрный товарищъ мой, совсѣмъ изъ силъ «выбился, и сталъ. Я сошелъ съ него, и повелъ «его за узду; но скоро и мои силы истощились. «Уже нещастный пріятель твой готовъ былъ у-«пасть на пушистую снѣжную постелю, покрыть-«ся снѣжнымъ одѣяломъ, и поручить участь свою «Богу; хладная смерть со всѣми своими ужасами «вилась надо мною! Увы! я прощался уже съ мо-«имъ отечествомъ, съ друзьями, съ *химическими* «*лекціями* *, и со всѣми моими лестными надеж-«дами! Но судьба изрекла мнѣ помилованіе и «вдругъ увидѣлъ я передъ собою крестьянской «домикъ. Ты легко можешь представить себѣ ра-«дость мою, и для того не буду ее описывать. До-«вольно, что меня тамъ приняли, отогрѣли, накор-«мили, успокоили. На другой день поутру я при-«нудилъ хозяина взять у меня шесть франковъ, и «въ десять часовъ утра возвратился въ Лозану,— «съ жестокою простудою. Вотъ конецъ моего ро-«мана! Vale! B. — P. S. Какъ скоро уймется мой «кашель, возвращусь на старое свое жилище, въ «Женевскую Республику, подъ надежный по-«кровъ *великолѣпныхъ* * Синдиковъ. У васъ, ска-«зываютъ, много шуму!» Такъ, или почти такъ пишетъ мой Б.

* Пріятель мой говаривалъ всегда съ восхищеніемъ о будущихъ своихъ химическихъ лекціяхъ, которыми онъ хотѣлъ удивить всю ученую Данію.

* Ихъ называли всегда magnifiques.

Женевская каөедральная церковь напоминаетъ мнѣ давно-прошедшія времена. Тутъ былъ нѣкогда храмъ Аполлоновъ; но огонь пылалъ въ стѣнахъ его и разрушилъ отчасти величественное зданіе древняго искусства — воцарилась новая Религія, и развалины языческаго храма послужили основаніемъ Христіянской церкви.

Вхожу во внутренность—огромно и пусто! Ищу глазами какого нибудь предмета, который могъ бы занять душу мою. Мнѣ представляется громада чернаго мрамора, держимая львами—это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV любилъ какъ друга, котораго Людовикъ XIII страшился какъ грознаго непріятеля, который жилъ и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait naitre.
Il agit en héros, en sage il écrivit *;
Il fut même grand homme en combattant son maitre,
Et plus grand lorsqu il servit.

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Протестантовъ во Франціи и предводителемъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многіе изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предате-

* Онъ сочинилъ Les Intérêts des Princes, Le parfait Capitaine, и другія книги.

лемъ, и готовы были обагрить руки свои кровію Героя, чистаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоенъ явился онъ среди мятущагося народа — обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказалъ озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертвовалъ я моею жизнію; теперь хочу умереть отъ руки вашей* — сказалъ, и народъ, устыдясь своей несправедливости, палъ передъ нимъ на колѣна. Такъ торжествуетъ добродѣтель, и другъ человѣчества проливаетъ радостныя слезы! — Подобныя черты великодушія суть блестящія перлы въ мрачной Исторіи вѣковъ.

Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ покоится и нещастный Танкредъ. Судьба сего Принца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго человѣка. Роганъ хотѣлъ до времени таить рожденіе своего сына, боясь, чтобы Кардиналъ Ришелье не отнялъ его и не воспиталъ въ Католической религіи. Корыстолюбивая Танкредова сестра, желая одна владѣть имѣніемъ отца своего, воспользовалась симъ обстоятельствомъ, и нѣкоторымъ преданнымъ ей людямъ велѣла похитить младенца, увезти изъ Франціи и отдать на воспитаніе какому нибудь человѣку низкаго состоянія. Все сіе сдѣлалось, какъ она хотѣла, — и Танкредъ отданъ былъ въ Голландіи одному небогатому мѣщанину; а Герцога и супругу его, дочь великаго Сюлли, увѣрили, что сынъ ихъ умеръ. Юный Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ, работалъ въ саду, и называлъ воспитателя своимъ отцомъ, его жену

матерью, а дѣтей братьями и сестрами. Онъ былъ прекрасный, умный мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые его знали. — Между тѣмъ Герцогъ умеръ. Супруга его давно уже перестала проливать слезы о любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ нечаянной радости своей, получила достовѣрное извѣстіе *, что онъ живъ. Въ ту же минуту она послала за нимъ въ Голландію. Танкредъ услышалъ о своемъ родѣ, и казался равнодушнымъ; услышалъ о смерти отца своего, и пролилъ слезы; услышалъ о матери, объ ея нетерпѣніи видѣть милаго сына, и схвативъ присланнаго за руку, сказалъ ему: *пойдемъ къ ней!* увидѣлъ горесть воспитателя своего, горесть его жены и дѣтей, и бросился обнимать ихъ. *Никогда, никогда васъ не забуду!* сказалъ онъ съ нѣжностію: *никогда не перестану называть тебя отцомъ моимъ, тебя матерью, васъ братьями и сестрами! Теперь простите: если мнѣ хорошо будетъ въ Парижѣ, то я отпишу къ вамъ, чтобы и вы туда пріѣхали.* — Танкредъ поѣхалъ, и всякую минуту спрашивалъ: *скоро ли увижу мать мою?* Онъ увидѣлъ ее, и нѣжная родительница едва не лишилась жизни отъ радостнаго восторга.... Герцогиня немедленно объявила Танкреда сыномъ и наслѣдникомъ Герцога Рогана; однакожъ дочь ея не хотѣла признать его своимъ братомъ. Началось дѣло, и до рѣ-

* Отъ одного изъ тѣхъ, которые отвезли его въ Голландію.

шенія запрещено было молодому Рогану называться Герцогомъ. — Франція была тогда театромъ междоусобной войны. Герцогъ Орлеанской и Принцъ Конде хотѣли овладѣть Парижемъ, и уничтожить Парламентъ; но многіе дворяне, держа сторону сего послѣдняго, защищали городъ. Осьмнадцатилѣтній Танкредъ присталъ къ нимъ, и въ разныхъ случаяхъ оказалъ удивительную смѣлость и мужество.—Самая сія геройская пылкость погубила его. Въ одномъ сраженіи онъ былъ оставленъ своими и со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелями, которые, щадя юнаго Героя, требовали, чтобы онъ сдался; но храбрый Танкредъ махалъ мечемъ вокругъ головы своей и кричалъ: point de quartier! il faut vaincre ou mourir! (*побѣдить или умереть*)! Свинцовая пуля пролетѣла сквозь его сердце, и Герой умеръ Героемъ. — Сія безвременная смерть сократила жизнь несчастной Герцогини. Она велѣла написать надъ гробомъ его. *Здѣсь лежитъ Танкредъ, сынъ Герцога Рогана, истинный наслѣдникъ добродѣтели и великаго имени отца своего. Онъ умеръ на девятнадцатомъ году отъ рожденія, сражаясь за своихъ согражданъ. Небо показало — и сокрыло его, къ горести всѣхъ родственниковъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Маргарита Бетюнъ, Герцогиня де Роганъ, печальная вдова, неутѣшная мать, соорудила сей памятникъ, да будетъ оный вѣчнымъ свидѣтельствомъ ея скорби и любви къ милому сыну*. Но злобная Танкредова сестра, по смерти матери своей, (которая также погребена

въ Женевѣ, подлѣ супруга и сына) — злобная сестра, питая ненависть даже и къ мертвому брату своему, заставила Короля писать къ начальникамъ Женевской Республики, чтобы сія эпитафія была уничтожена. Они исполнили его приказаніе и стерли трогательную надпись; но я нашелъ ее въ Histoire de Tancrede. — Извѣстный Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе стихи (поднесенные имъ самой сестрѣ Танкредовой):

Olimpe. le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la Erance admire,
Semble déposer contre vous.
L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,
Vit finir ses jours à la gerre *,
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort. —

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ Госпожи Ментенонъ, Теодоръ Агриппа Обинье, который нѣкоторое время пользовался благосклонностію Генриха IV; но послѣ долженъ былъ удалиться отъ Двора, и даже выѣхать изъ Франціи.

---

* Сей стихъ можно поставить въ примѣръ слабыхъ и непіитическихъ стиховъ.

Прекрасное время продолжается. Я стараюсь имъ пользоваться, и часто, взявъ въ карманъ луидора три и записную книжку, странствую по Савоіи, Швейцаріи, или Pays de Gex, и дни черезъ четыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островѣ С. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевскаго гражданина и Философа: подъ вѣтьвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь» думалъ я, «здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей.... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!... Здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ было; но его нѣтъ—нѣтъ! Тутъ послышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь островъ показался мнѣ въ трaурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ. — Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ пространствѣ сво-

емъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ее, и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ Азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, — тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нёшателя — какъ будто бы за то, что Небо одарило его отмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!

Какими живыми красками описываетъ Руссо * пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра, — жизнь, совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, тотъ конечно не можетъ понять блаженства сего роду — блаженства сей *Субботы*, которою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и которая приготовляетъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

Но кратко было успокоеніе твое! Новый ударъ грома перервалъ его, и сердце великаго мужа облилось кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключи-

---

* Въ Promenades solitaires.

те, заключите меня на семъ островѣ, естьли вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать нещастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только въ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!» Нѣтъ, слабый старецъ долженъ проститься съ любезнымъ своимъ островомъ — и послѣ того говорятъ, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кто бы не сдѣлался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ тотъ, кто никогда не любилъ человѣчества!

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодаго человѣка, который, нахлучивъ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: Vous pensez à lui *(вы объ немъ думаете)*, пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотрѣть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; тутъ жилъ и Руссо. — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большой части Руссовымъ.

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нёшателѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библіотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ, близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя ур-

ны и маленькія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константинова времени. — Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство; но какъ скоро переступишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ раздранныхъ рубищахъ, множество нищихъ, — вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана, деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карушѣ, первомъ Савойскомъ городкѣ, стоитъ полкъ; но какіе солдаты! какіе Офицеры! Нещаствая земля! Нещастливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ трактирахъ искать обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, естьли хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Наконецъ миръ и тишина царствуютъ въ Женевѣ. Перемѣна, происшедшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи Республики, утверждена союзными державами: Франціею, Кантономъ, Берномъ, Савоіею; и тѣ изъ гражданъ которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Не давно выбирали новыхъ Синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ Церкви Св. Петра, подтверждали сей выборъ, кладя руку на Библію. Первый Синдикъ говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые Синдики, держа въ рукахъ

жезды правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галлерею.

Не давно случился здѣсь слѣдующій комикопечальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ sur la Treille, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мущинъ и женщинъ, Женевцовъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой Англичанинъ,—но не тотъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Петра, — къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по аллеѣ и едва не передавилъ гуляющихъ. Здѣшній Полицейской судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трели* ходятъ, а не ѣздятъ. *А я хочу ѣхать*, отвѣчалъ Англичанинъ.— «Вамъ не позволятъ.» — «*Кто, кто мнѣ не позволитъ?*» — «Я, именемъ закона.» Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трели* отрядъ здѣшней Гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ — онъ ѣздилъ по аллеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ тѣхъ, которыхъ физіогномія ему не нравилась, и хотѣлъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго Британца, не смотря на его храброе сопротивленіе, стащили съ лошади и отвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему молодая женщина, и со

слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезы ея.* Увѣряютъ, что Синдики за такое Женевохуленіе продержали его лишній день подъ стражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ теперь въ Женевѣ. Они ѣздили на нѣсколько дней въ Парижъ и возвращаются опять въ Бернъ. Багзенъ еще не женился, и спѣшитъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говоритъ о своемъ путешествіи, о Парижѣ, Ліонѣ, и проч.; но Поэтъ говоритъ мало, потому, что онъ весь свой жаръ истощаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ ввечеру ходили мы прогуливаться, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и виды вокругъ Женевы. Молтке, смотря на Бѣлую гору, подымалъ руки, — громкими восклицаніями изъявлялъ восторгъ свой, — увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ намостить большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что Графъ любитъ исполинскія мысли!

Датчане Молтке, Багзенъ, Беккеръ и я были нынѣ поутру въ Фернеѣ, — осмотрѣли все, поговорили о Вольтерѣ, и проѣхали обѣдать въ Жанту, къ Созерцателю Натуры, который принялъ насъ съ обыкновенною своею привѣтливостію.

«Теперь вы окружены сѣверомъ» — сказалъ я, когда мы сѣли вокругъ его. *Мы многимъ обязаны вашему краю,* отвѣчалъ онъ: *тамъ взошла новая заря наукъ; я говорю объ Англіи, которая есть также сѣверная земля; а Линней былъ вашъ сосѣдъ.* — Каждаго изъ насъ по очереди сажалъ Боннетъ подлѣ себя, и со всякимъ находилъ особливую матерію для разговора: съ Графомъ, котораго дѣдушка былъ Министромъ, говорилъ онъ о политическомъ состояніи Даніи, съ Багзеномъ о невѣстѣ его, съ Беккеромъ о Химіи и Минералогіи, со мною о Русской Литтературѣ и характерѣ Женевцовъ. Потомъ разговоръ сдѣлался общимъ: Галлеръ былъ предметомъ его. Съ какимъ жаромъ великой Боннетъ превозносилъ достоинства великаго Галлера! Тридцать лѣтъ любили они другъ друга. Слезы нѣсколько разъ показывались въ глазахъ нашего почтеннаго старца. Онъ сыскалъ письма покойнаго друга своего, и отдалъ Багзену читать ихъ; послѣднее, писанное Галлеромъ за нѣсколько дней передъ его смертію, всѣхъ насъ заставило плакать. Нѣкоторыя строки остались въ моей памяти; вотъ онѣ: «Скоро, «любезный и почтенный другъ мой! скоро не бу-«детъ меня въ семъ мірѣ. Обращаю глаза на про-«шедшую жизнь мою, и полагаясь на благость «Провидѣнія, спокойно ожидаю смерти. Въ сію «минуту болѣе, нежели когда нибудь, благодарю «Бога за то, что я воспитанъ былъ въ Христіян-«ской Религіи, и что спасительныя истины ея «всегда жили въ моемъ сердцѣ. Благодарю Его и

«за вашу драгоцѣнную дружбу, которая служила «мнѣ утѣшеніемъ въ жизни, и питала въ душѣ «моей любовь къ мудрости и добродѣтели..... Про«стите, дражайшій другъ мой! Живите еще мно«гія лѣта, и просвѣщайте человѣчество; живите «и распространяйте царство добродѣтели!.... Про«стите! Въ сію минуту душа моя къ вамъ стре«мится: — я хотѣлъ бы обнять васъ въ послѣд«ній разъ; хотѣлъ бы въ послѣдній разъ слышать «изъ устъ вашихъ сладостное наименованіе дру«га; хотѣлъ бы словесно изъявить вамъ всю при«знательность, всю чувствительность моего серд«ца.... Я оставляю дѣтей: будьте имъ вторымъ от«цомъ, наставникомъ, покровителемъ, другомъ!.... «Простите! Гдѣ и какъ мы увидимся, не знаю; но «знаю то, что Богъ премудръ, благъ и всесиленъ: «мы безсмертны! дружба наша безсмертна!.... «Скоро зашумитъ и подымется передо мною не«проницаемая завѣса—слава Всевышнему!..... Про«стите въ послѣдній разъ — рука моя слабѣетъ — «въ послѣдній разъ называюсь здѣсь вашимъ вѣр«нымъ, нѣжнымъ, признательнымъ, благодар«нымъ, умирающимъ, но вѣчнымъ другомъ!» — Съ такими чувствами, любезные друзья мои, кончилъ жизнь свою сей великій мужъ — и да будетъ конецъ нашъ подобенъ его концу! — Боннетъ взялъ за руку Багзена, и сказалъ ему голосомъ растроганнаго сердца: *Вы женитесь на внукѣ его: обнимите меня!*

Тутъ слуга пришелъ сказать, что Госпожа Боннетъ дожидается насъ къ обѣду. Почтенный хо-

зяинъ рекомендовалъ ей моихъ товарищей, и указывая на Багзена, сказалъ: *онъ любитъ тою, которая намъ столь любезна!*

За обѣдомъ Багзенъ долженъ былъ разсказать хозяйкѣ, какимъ образомъ онъ познакомился съ дѣвицею Галлеръ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы послушали его. По-Французски изъясняется онъ съ трудомъ; но живость его словъ и движеній трогаетъ душу. — Въ жару своемъ Поэтъ нашъ заговорилъ-было съ Боннетомъ, по любезный старецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему весьма покойно: *мой другъ! я Нивагореецъ, и обѣдаю въ молчаніи.* Багзенъ замѣшался и замолчалъ; но Госпожа Боннетъ просила его досказать.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаться. «Въ «этой бесѣдкѣ,» говоритъ Боннетъ, «сочинялъ я «предисловіе къ Палингенезіи; здѣсь, на берегу «озера, первыя главы ея; тутъ, подъ высокимъ «каштановымъ деревомъ, заключеніе *Созерцанія* «*Природы*. На чистомъ воздухѣ мысли мои бывают свѣжѣе.» — Часы или минуты сочиненія — тѣ минуты, въ которыя душа его, божественнымъ огнемъ согрѣтая, предается быстрому стремленію мыслей и чувствъ своихъ — называетъ онъ щастливѣйшими, сладкими, небесными минутами.

Разговоръ зашелъ о стихотворствѣ. Багзенъ увѣрилъ, что онъ никогда уже не будетъ писать стихами *, потому что сей родъ сочиненій есть

---

* Однакожъ не давно выдалъ онъ многія піесы въ стихахъ.

совсѣмъ неестественный, и мѣшаетъ чувствамъ изливаться во всей ихъ полнотѣ и свободѣ. «Я отчасти согласенъ съ вами,» сказалъ Боннетъ, «и признаюсь, что хорошая проза мнѣ лучше нравится; но можетъ быть для того, что я не Поэтъ. — *Тотъ, кто въ заключеніи Палингенезіи написалъ:* notre Pere!... notre Pere!... nous.... *есть величайшій изъ Поэтовъ*, сказалъ Бакзенъ, и сею искреннею похвалою тронулъ чувствительнаго старца.

Боннетъ называетъ Галлерову Поэму *о происхожденіи зла* самою лучшею изъ философическихъ стихотвореній; хвалитъ также и Essay on Man. Онъ любитъ и уважаетъ Клопштока, хотя никогда съ нимъ не видался.

Мы пробыли въ Жанту до пяти часовъ.

==

Февраля 2, 1790.

Аббатъ Н*, раздаватель милостыни при Французскомъ Посольствѣ, игралъ важную ролю въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, знакомъ со всѣми Французскими славными и полуславными стихотворцами и прозаистами, остроуменъ, веселъ, забавенъ. Отъ шести часовъ до осьми — время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за карточные столы — бывалъ

онъ душею дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады; разсказывалъ смѣшные и трогательные Парижскіе анекдоты и тому подобное. Любезный, милый Аббатъ! говорили дамы, садясь за карты.

Въ мірѣ все подвержено перемѣнѣ — и вдругъ веселый, забавный Аббатъ сталъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ же часто, какъ и прежде, но ролю игралъ совсѣмъ иную. Напрасно дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: отвѣты его были коротки, улыбки принужденны. Что сдѣлалось съ нашимъ Аббатомъ? говорили всѣ знакомые съ удивленіемъ. Нѣкоторыя изъ пріятельницъ старались проникнуть въ тайну; однакожь всѣ опыты были безуспѣшны. На примѣръ: «Съ нѣкотораго времени вы печальны, Г. Аббатъ.» — «Я, сударыня? Можетъ быть.» — «Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и не знаютъ причины ея.» — «Мнѣ имъ сказать нечего.» — «Позвольте въ этомъ сомнѣваться.» — «Какъ вамъ угодно.» — Однимъ словомъ, Аббатъ молчалъ, и дамы наконецъ его оставили. Другой Аббатъ, пріѣхавшій изъ Парижа, занялъ ихъ своею любезностію.

Въ сіе время я узналъ Н*. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакожь по свѣжести лица, которая и отъ самой печали не увяла, всякой бы почелъ его тридцати-пяти-лѣтнимъ человѣкомъ. Видъ былъ сумраченъ и важенъ; глаза томны, — но въ нихъ блистали еще искры душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ его

сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда съ правой стороны видны снѣжныя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а съ лѣвой синяя гора Юра, которая простирается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто сіе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самаго себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббата, которая отъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стеклянною дверью. Ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Аббатъ.... Онъ подошелъ къ двери, и увидѣлъ его стоящаго на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Руки его были простерты къ предмету, имъ обожаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы катились изъ глазъ. Молодой Секретарь никогда не былъ набоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббатъ всталъ, сѣлъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелю, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббата до самаго утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лице блѣдно; впрочемъ непримѣтно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему итти

прогуливаться. Они вышли на *Трель*, ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничный, и Аббату въ десять часовъ надлежало служить обѣдню. Службу отправлялъ онъ съ отмѣннымъ усердіемъ: послѣ чего, не сказавъ ни слова, скрылся. Насталъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; насталъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Резидента. Послали спрашивать къ знакомымъ; но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ накапунѣ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ; но болѣе не могли о немъ ничего свѣдать. Всѣ пожитки его и кошелекъ съ луидорами остались въ его комнатѣ. Аббатъ пропалъ! говорили въ городѣ, и наконецъ позабыли Аббата. У него не было друзей! Онъ не имѣлъ того, что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается съ зеленою Роною, прогуливались два чужестранца, и разговаривали о жизни человѣческой. Быстро, быстро течетъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ, взглянулъ на стремительную Рону, и увидѣлъ — несущееся тѣло; большой камень остановилъ его.

Тѣло вытащили, и узнали нещастный жребій Аббата. Два мѣсяца лежалъ онъ въ водѣ. Глазъ было совсѣмъ не видно; синее, размокшее лице устрашало взоры чувствительнаго. Въ одномъ кар-

манѣ нашли у него муфту, въ другомъ черную его мантію.

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, верстахъ въ трехъ отъ Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его — нѣтъ надписи. Страшливое суевѣріе бѣжитъ отъ сего мѣста. Тутъ лежитъ погибшій, говорятъ поселяне.

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время неизвѣстна.

═

Женева, 28 Февраля, 1790.

Не знаю, что думать о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ нетерпѣніемъ ожидаю почты — она приходитъ — бѣгу, спрашиваю — и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ — и возможности устрашаютъ меня. Ахъ! естьли васъ не будетъ на свѣтѣ, то связь моя съ отечествомъ перервется — я пойду искать какой нибудь пустыни во глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ среди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ Натуры, въ вѣчномъ уныніи проведу жизнь мою.

Но можетъ быть вы живы и благополучны; можетъ быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ — вотъ моя надежда, мое утѣщеніе! Су-

мракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняются теперь въ душѣ моей, подобно какъ въ непостоянномъ Апрѣлѣ. — Въ самомъ печальномъ расположеніи принялся я за перо; теперь мнѣ лучше.

Черезъ три дни, друзья мои, выѣду изъ Женевы. Главное мое упражненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы разсматривать ландкарту и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробыть тамъ долго, то вы должны писать ко мнѣ въ Парижъ, подъ адресомъ: à Messieurs Breguet et Compagnie, Quai des Morfondus, pour remettre à Mr. N. N. Естьли же по отъѣздѣ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма, то Г. Бьенцъ, любезный знакомецъ мой, перешлетъ ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часто досадовалъ на Женевцовъ, и нѣсколько разъ хотѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвѣтлыми красками; но теперь, на прощаньи, не могу сказать объ нихъ ничего худаго. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть цвѣтетъ маленькая область ихъ подъ тѣнію Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства и промышлености! Да разсуждаютъ спокойно въ *Серклахъ* своихъ о происшествіяхъ міра, и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть всѣ Европейцы съ сѣвера и юга пріѣзжаютъ къ нимъ на вечеринки, играть въ вискъ по гривнѣ партію, и пить чай и кофе! Да

будетъ ихъ Республика многія, многія лѣта прекрасною игрушкою на земномъ шарѣ.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплый, такой чистый! На деревахъ порхали птички, махали крылошками, и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтвяхъ, еще не одѣтыхъ листьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у Боннета, и говоря съ нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня — голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было не притворное. — Обѣщанныя примѣчанія къ Contemplation * я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннета, когда онъ позволитъ ему про-

---

* Quelques Notes additionelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature*, par M....

статься съ нимъ? *Онъ вашъ пріятель*, отвѣчалъ любезный старикъ: *и такъ во всякое время я буду радъ ему.* Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки! — Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ прощаться. «Живите (сказалъ я), живите для блага человѣчества!» Онъ обнялъ меня — желалъ мнѣ щастія; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы, и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Филосооъ съ чувствомъ! — Я затворилъ за собою дверь его кабинета; но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ въ слѣдъ: adieu, cher K...., adieu! — Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Ліонъ, къ Гг. Жилліберту и де-ла-Туреталю, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крутой скалы низвергается пѣнистый ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; оттуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки — вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ — и едва не забылъ того времени, въ которое запираются городскія ворота. — Простите, друзья мои! Естьли вы здоровы, то я доволенъ Судьбою, и получивъ отъ васъ письмо, забуду все теперешнее горе! Простите! — Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы! — *Марта 1.*

Горная деревенька въ Pays de Gex,
Марта 4, 1790, въ полночь.

Нынѣ послѣ обѣда поѣхали мы изъ Женевы, въ двумѣстной Англійской каретѣ, которую нанялъ я до самаго Ліона за четыре луидора съ талеромъ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приближились къ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея въ моемъ сердце. Никогда еще не путешествовалъ я такъ пріятно, съ такою удобностію. Добрый товарищъ, покойная карета, услужливый извощикъ, перемѣна мѣста — мысль о томъ, что скоро увижу — все это привело меня въ самое счастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъже веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же, веселъ какъ и мы. Прекрасный выѣздъ! . . . .

Тамъ, гдѣ гора Юра за нѣсколько тысящелѣтій передъ симъ разступилась на своемъ основаніи, съ такимъ трескомъ, отъ котораго можетъ быть Альпы, Апеннины и Пиренеи задрожали, въѣхали мы во Францію при страшномъ сѣверномъ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмотрщиками, которые съ величайшею учтивостію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключь отъ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ каминомъ сидѣли *Монтаньяры*, или

горные жители. Они взглянули на меня гордо, и оборотились опять къ огню; но услышавъ привѣтствіе мое: bonjour, mes amis! *(здравствуйте, друзья!)* приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заставилъ меня думать, что люди, живущіе между скалъ, на пустыхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ — ибо душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корчма есть живой образъ бѣдности. Вмѣсто крыльца служатъ два дикіе камня, одинъ на другой положенные, и на которые должно взбираться какъ на Алпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго стола и десяти или двѣнадцати толстыхъ отрубковъ или чурбановъ, называемыхъ стульями; полъ кирпичный — но онъ почти весь выломанъ. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки. Старикъ который сидѣлъ за столомъ и ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ, протянулъ уши, улыбнулся и сказалъ: *даичь! даичь!* давая намъ разумѣть, что онъ знаетъ, какимъ языкомъ мы говоримъ между собою. *Не удивляйтесь,* продолжалъ старикъ: *я служилъ нѣсколько кампаній въ Нѣмецкой землѣ и въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ храбраго Саксонскаго Маршала. Вы конечно слыхали о сраженіи при Фонтенуа: тамъ ранили меня въ лѣвую руку.* Смотрите — *я*

не могу поднять ее выше этаго. — «Почтенный воинъ!» сказалъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за правую руку: «дозволь мнѣ посмотрѣть на тебя.» — Инвалидъ усмѣхнулся. «Давно ли ты въ отставкѣ, добрый старикъ?» спросилъ Беккеръ. «Тридцать лѣтъ,» отвѣчалъ онъ — «много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно лежитъ въ землѣ.» — «Мы видѣли гробъ его.» — «Вы видѣли гробъ его? гдѣ?» — «Въ Стразбургѣ, мой другъ.» — «Въ Стразбургѣ? Это далеко отсюда; я не дойду туда — а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои — Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и быть не можетъ. Солдаты любили въ немъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возили на тележкѣ — жестокая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь — однакожь онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ отчаянные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ воскликнула побѣду, и когда непріятели бѣжали отъ насъ какъ робкіе зайцы. Какой день! какой день!» Старикъ поднялъ вверхъ голову, и болѣе двадцати лѣтъ свалилось въ одну минуту съ плечъ его; число морщинъ на ветхомъ лицѣ уменьшилось; тусклые глаза стали свѣтлѣе, и осьмидесятилѣтній воинъ съ толстою своею клюкою готовъ былъ маршировать противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Я спросилъ вина, налилъ ему рюмку, и сказалъ: — «здоровье храбрыхъ, за-

служенныхъ *Ветерановъ!»* — «И *молодыхъ путешественниковъ!»* примолвилъ старикъ съ улыбкою, и выпилъ до дна. — Мы узнали отъ него, что онъ живетъ у своего внука въ одной изъ горныхъ деревень, ходилъ въ гости къ другому внуку, и зашелъ въ корчму отдохнуть. Между тѣмъ намъ должно было ѣхать. Я хотѣлъ было дать ему *экю*, но побоялся оскорбить благородную гордость стараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца и кричалъ осмотрщикамъ: «я надѣюсь, государи мои, что вы были учтивы противъ иностранныхъ господъ!» *Конечно!* отвѣчали они со смѣхомъ и пожелали намъ щастливаго пути, не требуя съ насъ ни копѣйки.

Мы долго ѣхали отверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась какъ гранитная стѣна — и на сихъ страшныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами, или гоня передъ собою навьюченныхъ ословъ. Не льзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ; кажется, что они всякую секунду готовы упасть. — Насъ остановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де л'Еклюзъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ окружаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крутизны. Сто человѣкъ могутъ защитить эту крѣпость противъ десяти тысячь непріятелей. Тамошній гарнизонъ состоитъ изо 150 инвалидовъ, подъ командою стараго Майора, который долженъ былъ подписать имя свое на

пропускѣ нашемъ. Я позабылъ сказать вамъ, что мнѣ дали въ Женевѣ паспортъ — слѣдующаго со-содержанія:

Nous Syndics et Conseil de la Ville et République de Genève, certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. agé de 24 ans, Gentilhomme Russe, lequel allant voyager én France, afin, qu'en son voyage il ne lui soit fait aucun deplaisir, ni moleste, Nous prions, et affectueusement requerons, tous ceux qu'il appartiendra et auxquels il s'adressera, de lui donner libre et assuré passage dans les Lieux de leur Obéissance, sans lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui donner toute l'aide et l'assistance qu'ils desireroient de Nous envers ceux qui de leur part nous seroient recommandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Présentes sous notre Sceau et Seing de notre Secrétaire, ce premier Mars Mil sept cent quatrevingt dix.

PAR MESDITS SEIGNEURS SYNDICS ET CONSEIL.

Puerari.

И такъ, естьли кто нибудь оскорбитъ меня во Франціи, то я имѣю право принести жалобу Женевской Республикѣ и, она должна за меня вступиться! Но не думайте, чтобы *великолѣпные* Синдики изъ отмѣнной благосклонности дали мнѣ эту грамоту: всякой можетъ получить такой паспортъ. —

Ночью пріѣхали мы къ тому мѣсту, которое называется la perte du Rhône, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извощикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ нещастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Не далеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькой домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явилось шесть или семь человѣкъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели или, лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла — и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ сіи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышенъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасности. Въ нѣсколькихъ саженяхъ оттуда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стремится уже не такъ быстро, и свѣтлѣетъ между береговъ своихъ — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились къ каретѣ, заплативъ гривенъ шесть нашимъ провожатымъ *.

* Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ, находимыхъ близъ того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

Проѣхавъ еще версты четыре, остановились мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактирѣ отвели намъ очень хорошую и чисто прибранную комнату; развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители, и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятностію гармоніи услаждайте житейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человѣкъ ни за какою горою, ни за какою пропастью укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу. — Трактирщица разсказала намъ слѣдующій анекдотъ:

Всѣ дѣвушки здѣшней деревни заглядывались на любезнаго Жана; всѣ молодые люди засматривались на милую Лизету. Жанъ съ самаго младенчества любилъ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихъ одобряли сію взаимную, нѣжную склонность, и щастливые любовники надѣялись уже скоро соединиться навѣки. Въ одинъ день, гуляя по горамъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной стремнины. Жанъ схватилъ Лизету за руку, и сказалъ ей: *удалимся! страшно!* — *Робкой!* отвѣчала она съ усмѣшкою: *не стыдно ли тебѣ бояться? земля тверда*

подъ ногами. Я хочу заглянуть туда — сказала, вырвалась у него изъ рукъ, приближилась къ пропасти, и въ самую ту минуту камни подъ ея ногами покатились. Она ахнула — хотѣла схватиться, но не успѣла — гора трещала — все валилось — нещастная низверглась въ бездну, и погибла! — Жанъ хотѣлъ броситься за нею — ноги его подкосились — онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Товарищи его поблѣднѣли отъ ужаса — кричали: *Жанъ! Жанъ!* но Жанъ не откликался; толкали его, но онъ молчалъ; приложили руку къ сердцу — оно не билось — Жанъ умеръ! Лизету вытащили изъ пропасти; черепа не было на головѣ ея; лице..... Но сердце мое содрогается. — Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи. Мать Лизетина умерла съ горести.

---

6 Марта, 1790

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Страшный вѣтеръ грозилъ безпрестанно опрокинуть нашу карету. Со всѣхъ сторонъ окружали насъ пропасти, изъ которыхъ каждая напоминала мнѣ Лизету и Жана — пропасти, въ которыя нельзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ, и въ этомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души

моей. Жерло всякой бездны *обсажено* острыми камнями; а во глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплютъ зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, заростаютъ травою печальные остатки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантіи сидитъ безмолвно на развалинахъ, и неподвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькаютъ въ вѣчность, оставляя едва примѣтную тѣнь на земномъ шарѣ. — Такія мысли, такія образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно разъѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменныя горы, для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолюбіе и политическое просвѣщеніе народовъ торжествуетъ, такъ сказать, надъ Естествомъ, и гранитныя преграды какъ прахъ разсыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человѣка, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ нравственныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтѣ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ лѣсу

встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ Амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ; всѣ бѣлокурыя, и прекрасныя лицемъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо. — Это были путешествующія Англичанки: четвероместная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось не много проѣзжихъ.

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкоторую радость. Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное отечество, мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши — думалъ я, предавшись сему мечтательному чувству — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце растопляетъ снѣжную одежду ихъ, и оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасный; умолкли горные вѣтры; пріятная теплота разливалась въ лучахъ заходящаго свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, нѣтъ на свѣтѣ — прощайте, всѣ пріятныя чувства! Я желалъ возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра.

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе трактиры, сытный столъ и чистую комнату съ каминомъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двоихъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су: что составитъ на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи отмѣнныя примѣтилъ я во Французскихъ *обержахъ*: первое, что въ ужинѣ не подаютъ супа, слѣдственно on soupe sans soupe; второе, что на столъ кладутъ только ложки съ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ.—Нигдѣ не видалъ я такихъ мерзостныхъ надписей, какъ въ сихъ трактирахъ. Для чего вы ихъ не стираете? спросилъ я однажды у хозяйки. *Мнѣ не случилось взглянуть на нихъ*, отвѣчала она: *кто станетъ читать такой вздоръ?*

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое стеченіе народа. Что у васъ дѣлается? спросилъ я. — «Сосѣдъ нашъ Андрей (отвѣчала мнѣ молодая женщина), содержатель трактира подъ вывѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ*, что онъ плюетъ *на націю*. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь наконецъ умилостивились, дали ему проспаться, и принудили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ просить прощенія у милосердаго Господа. Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!»

═

Ліонъ, 9 Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Ліонъ. Рона*, которая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширнѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему первокласному Французскому городу, отдѣляя *Бресъ* отъ *Дофине*, одной изъ пространнѣйшихъ Французскихъ провинцій, которую вдали вѣнчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, отрасли Савойскихъ Гигантовъ.—Издали казался Ліонъ не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ подымались изъ темной громады зданій. — Когда мы подъѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская линія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышной! — У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не дотронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы въѣхали въ набережную улицу — и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону; а на другой сторонѣ рѣки разсѣяны прекрасные лѣтніе домики, окруженные садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ Hôtel de Milan. Четыре человѣка бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою у-

лыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ, ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ нещастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣрила насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и быть! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы итти въ Комедію. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней не давно жила чернобровая и черноглазая красавица, пріѣхавшая изъ Константинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ и взяли билетъ въ партеръ. Ложи, паркетъ, раекъ — все было наполнено людьми. Вестрисъ, первый Парижской танцовщикъ, въ послѣдній разъ обѣщалъ веселить Ліонскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами какъ улій пчелъ. Необыкновенная вольность удивила меня. Если въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! прочь!* à das! à das! Вокругъ насъ было не много порядочныхъ людей, и для того уговорилъ я Беккера итти въ паркетъ; но намъ сказали, что тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и одинъ молодой человѣкъ провелъ насъ въ ложу третьяго этажа, гдѣ нашли мы даму и знакомца нашего Барона Баельвица, Гофмейстера Принцевъ Шварцбургскихъ, которые въ тотъ же день пріѣхали въ Ліонъ и остановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся потѣснить ее и вошелъ въ другую

маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли Комедію les Plaideurs. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался піесою, сколько тѣми людьми, которые безпрестанно приходили ко мнѣ въ ложу, и опять уходили. Лишь только опустили занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы *въ неглижѣ*, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались или плясали, другіе смѣялись, иные кричали: новый спектакль! Вестрисъ въ пастушьемъ платьѣ прыгалъ какъ рѣзвая коза. Музыка снова заиграла — всѣ театральные герои разсыпались — занавѣсъ поднялся — начался балетъ — Вестрисъ показался — рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ испытателей естества человѣческаго, которые ищутъ ее въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не думалъ я, чтобы танцовщикъ могъ доставить мнѣ столько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусство, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей! — Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи страстнаго любовника, котораго душа въ томныхъ вздохахъ сливается съ душею любовницы, сокрылся Вестрисъ отъ глазъ зрителей, поцѣловалъ свою пастушку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедію въ одинъ актъ, самую пустую. На-

чался новый балетъ — Вестрисъ снова показался — и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между тѣмъ сѣли подлѣ меня два человѣка, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ:

Одинъ (*оборотясь ко мнѣ*). Подлѣ насъ въ ложѣ сидитъ Русской?

Я (*взглянувъ въ другую ложу*). Одинъ Нѣмецъ, другой Датчанинъ, третьяго не знаю.

Одинъ. По крайней мѣрѣ я имѣю честь говорить съ Русскимъ?

Я. Я Русской.

Другой. Быть не можетъ; вы Французъ.

Я. Я Русской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живутъ весело. Не правда ли?

Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около трехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы пріѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасный городъ! Что говорятъ тамъ о Неккерѣ?

Я. По большой части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Браво! браво! Мы сей часъ оттуда. Что за городъ! А, государь мой! какія удовольствія васъ тамъ ожидаютъ! удовольствія, о которыхъ здѣсь въ Ліонѣ не имѣютъ понятія. Вы конечно остановились въ Hôtel de Mi-

lan? и мы такъ же. (*Своему товарищу*) Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги....

Одинъ. Что ты говоришь! Русскіе всѣ богаты какъ Крезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣздятъ.

Другой. Какъ будто я не знаю этаго! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театрахъ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пять, шесть тысячь ливровъ въ мѣсяцъ — по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издерживалъ!

Другой. Браво, Вестрисъ! браво!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage, qui'il soit bête. Je le connois très bien (Жаль, что онъ превеликая скотина. Я его знаю). Графъ Мирабо имѣлъ дѣло, сказываютъ —

Другой. Съ Маркизомъ —

Одинъ. За что?

Другой. Маркизъ зацѣпилъ его за живое въ Національномъ Собраніи. — (*Оборотясь ко мнѣ*) Парижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбится. Вы можете проживать, сколько вамъ угодно. Что принадлежитъ до моего товарища, то онъ жилъ слишкомъ пышно. Надобно признаться, что Лизета тебѣ дорого стоила.

Одинъ. А! (*зажмуривается и храпитъ*).

Я. Откуда вы, естьли смѣю спросить?

Другой. Мы изъ Лангедока, жили долго въ Парижѣ, и теперь возвращаемся въ Монпелье.

Одинъ (*просыпаясь*). Браво, браво, Вестрисъ! (*Стучитъ палкою въ декорацію*). Онъ первый танцовщикъ во вселенной! — (*Задумывается и вздыхаетъ*). Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнію; все видѣлъ —

Другой. Все видѣлъ и все испыталъ! Примолви это, мой другъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui, oui! Правда! — Вы вѣрно знаете того Русскаго Графа, который нынѣшнюю зиму провелъ въ Моннелье?

Я. Графа В....? по слуху.

Одинъ. Онъ у меня обѣдалъ въ загородномъ домѣ. Brave homme! (*Задумывается и храпитъ*).

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините — я говорю очень худо.

Одинъ (*просыпаясь*). Прекрасно! очень хорошо!

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черный кафтанъ приличнѣе всего для чужестранца въ Парижѣ.

Другой. Черный шелковый. — Женщины у васъ хороши?

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никто не знаетъ женщинъ такъ, какъ я! Мы видали Нѣмокъ, Италіянокъ, — (*помолчавъ*) Гишпанокъ, — (*помолчавъ*) Турчанокъ, — (*помолчавъ*) и прочихъ, и прочихъ.

Другой. О! ты съ ними очень знакомъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Вы пріѣхали водою?

Я. Извините.

Одинъ. И такъ сухимъ путемъ! А какъ называется тотъ Русской городъ, откуда можно ѣхать водою въ Англію?

Я. Вы говорите конечно о Петербургѣ?

Одинъ. Да, да! Жаль только, что у васъ холодно. *(Оборотясь къ своему пріятелю).* Кучера отмораживаютъ тамъ бороды съ усами. — Браво, браво, Вестрисъ! —

Между тѣмъ вошелъ къ намъ въ ложу Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки.

Одинъ (оборотясь къ Беккеру). Вы Нѣмецъ?

Беккеръ. Извините — я изъ Копенгагена.

Одинъ. А! — Вашъ языкъ сходенъ съ Нѣмецкимъ. Вѣдь вы говорите: *я менъ геръ?* А куда вы ѣдете?

Беккеръ. Въ Парижъ — съ нимъ (*указывая на меня*).

Одинъ. Браво! Tant mieux.

Балетъ кончился — занавѣсъ опустился. Паркетъ, ложи, партеръ — всѣ въ одинъ голосъ закричали: *останься здѣсь, Вестрисъ, останься здѣсь!* Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся. Вестрисъ выступилъ — какой скромный видъ! какая кротость во всей наружности! какіе поклоны! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло — можно было слышать работу кузнечика.

Вестрисъ. Только на мѣсяцъ позволено мнѣ отлучиться изъ Парижа; мѣсяцъ проходитъ, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но....

Здѣсь голосъ его перервался; онъ поднялъ глаза вверхъ, стараясь собрать силы. Страшное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло.

Вестрисъ: «Въ знакъ благодарности за то благоволеніе, котораго вы меня удостоиваете, я буду танцовать еще завтра.» Шумящее *браво* соединилось со всеобщимъ плескомъ — и занавѣсъ закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что въ сію минуту легкіе Французы могли бы, думаю, провозгласить Вестриса Диктаторомъ!

Учтивые господа, съ которыми имѣлъ я вышеописанный разговоръ, пожелали мнѣ щастливаго пути, и обѣщали сыскать меня въ Парижѣ черезъ мѣсяцъ. Пришедши въ свою компату, сѣли мы съ Беккеромъ передъ каминомъ (въ которомъ дубовыя дрова пылали), и съ нѣкоторымъ родомъ восхищенія разговаривали о Французской учтивости.

На другой день отвели намъ двѣ небольшія, веселыя комнаты, окнами на мѣсто de Terraux передъ ратушею, гдѣ безпрестанно бываетъ множество людей, кромѣ множества торговокъ, продающихъ яблоки, апельсины, померанцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись, пошли мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должность перевощиковъ: *не хотите ли переѣхать черезъ рѣку?* хотя мостовъ много, и одинъ отъ дру-

гаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкъ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣсколько домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами — не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ треглавый *Монъ-Бланъ*, нашъ Женевской знакомецъ) съ цѣпію Дофинскихъ простираются амфитеатромъ, ограничивая область зрѣнія. Обширныя зеленыя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофине — равнины, гдѣ уже оперяется весна, отмѣнно миловидны. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, щастливыя цвѣтущія страны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ напитанъ ароматами, и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши! Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями, и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Лудовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два Героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: вторый, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ принуждены были оставить отечество; вто-

рый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ — перваго уважаю какъ сильнаго Царя, втораго почитаю какъ великаго мужа, какъ Героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля *. — При

* Можетъ быть не всѣ Читатели знаютъ тѣ стихи, въ которыхъ Англинскій Поэтъ Томсонъ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они:

What cannot active government perform,
New-moulding Man? Wide stretching from these shores,
A people savage from remotest time,
A huge neglected empire one vast Mind,
By Heaven inspir'd from Gothic darkness call'd.
Immortal Peter! first of monarchs! He
His stubborn country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
To more exalted soul he rais'd the *Man*.
Ye shades of ancient heroes, ye who toil'd
Thro'long successive ages to build up
A labouring plan of state! behold at once
The wonder done! behold the matchless prince,
Who left his native throne, where reign'd till then
A mighty shadow of unreal power;
Who greatly spurn'd the slothful pomp of courts;
And roaming every land, in every port
His sceptre laid aside, with glorious hand
Unwearied plying the mechanic tool,
Galther'd the seeds of tpade, of useful arts,
Of civil wisdom and of martial skille.
Charg'd with the stores of *Europe* home he goes!

семъ случаѣ скажу, что мысль поставить статую Петра Великаго на дикомъ камнѣ, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служитъ разительнымъ образомъ того со-

---

Then cities rise amid th'illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural reign;
Far-distant flood to flood is social join'd;
Th'astonish'd *Euxine* hears the *Baltick* roar,
Proud navies ride on seas that never foam'd
With daring keel before; and armies stretch
Each way their dazzling files, repressing here
The frantic *Alexander* of the north,
And awing there stern *Othman's* shrinking sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance*, and *Vice*,
Of old dishonour proud; it glows around,
Taught by the Royal Hand that rous'd the whole,
One scene of arts, of arms, of rasing trade:
For what his wisdom plann'd, and power enforc'd,
More potent still, his great *example* shew'd.

То есть: Чего не можетъ произвести дѣятельное Правительство, преобразуя человѣка? Одна великая Душа вдохновенная Небомъ, извлекла изъ Готическаго мрака обширную Имперію, народъ издревле дикой и грубой. Безсмертный Петръ! первый изъ Монарховъ, укротившій суровую Россію съ ея грозными скалами, блатами, шумными рѣками, озерами и непокорными жителями! Смиривъ жестокаго варвара, возвысилъ онъ нравственность человѣка. О вы, тѣни древнихъ Героевъ, устроявшихъ вѣками порядокъ гражданскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся чудо! воззрите на безпримѣрнаго Государя, оставившаго наслѣдствен-

стоянія Россіи, въ которомъ была она до времени своего преобразователя. Не менѣе нравится мнѣ и краткая, сильная, многозначущая надпись: Петру Первому Екатерина Вторая. Что написано на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратилися мы обѣдать. Болѣе тридцати человѣкъ сидѣло за столомъ. Всякой бралъ, что хотѣлъ. Щастливъ, передъ кѣмъ стояли лучшія блюда! Но столъ былъ очень изобиленъ.

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Матти-

ный престолъ, на коемъ дотолѣ царствовала могущественная тѣнь неутвержденной власти — презрѣвшаго пышность и нѣгу, проходящаго всѣ земли, отлагающаго свой скипетръ въ каждомъ корабельномъ пристанищѣ, неутомимо работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго сѣмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и воинской науки! Обремененный сокровищами Европы, онъ возвращается въ свое отечество, и вдругъ среди степей возносятся грады, въ печальныхъ пустыняхъ улыбаются красоты сельскія, отдаленныя рѣки соединяютъ свое теченіе, изумленный Евксинъ слышитъ шумъ Бальтійскихъ волнъ, гордые флоты преплываютъ моря, которыя дотолѣ не пѣнились еще подъ дерзостными рулями, и многочисленныя воинства въ блестящихъ рядахъ на враговъ устремляются, поражаютъ неистоваго Сѣвернаго Александра, и ужасаютъ свирѣпыхъ сыновъ Отомана. Удаляется лѣпость, невѣжество и пороки, коими прежнее варварство гордилось. Вездѣ является картина искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣтущей торговли: мудрость его вымышляетъ, власть повелѣваетъ, примѣръ показываетъ — и государство благополучно!

сону, Нѣмецкому стихотворцу, который воспитываетъ дѣтей одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-Нѣмецки; вы любите Нѣмецкую Литтературу, Нѣмецкое прямодушіе!* Съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатическаго сердца — не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ три піесы, имъ не давно сочиненныя. Я слушалъ его съ непритворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кротость, живыя чувства, чистота языка составляютъ красоту его пѣсней. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу? Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въ Ліонѣ!* — Я также засмѣялся и пожалъ ему руку, увѣряя, что Музу его люблю сердечно. — Отъ него пошелъ въ Комедію. Играли *Руссова Деревенскаго Колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что Автору ея надлежало быть весьма чувствительну! Я воображалъ его, какъ онъ, въ бородѣ и въ непричесанномъ парикѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фонтенеблосскаго театра во время перваго представленія оперы своей, укрываясь отъ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только зана-

въсъ началъ опускаться, всѣ закричали: *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли — утомленный танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ какъ вкопанный и молчалъ — голосъ нетерпѣнія раздался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть Риторъ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ быть освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: Messieurs! je suis penetré de vos bontés — mon devoir m'apelle à Paris. *Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ.* Довольно для публики! Рукоплесканіе и *браво!* Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ сторонъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой указывалъ на него пальцомъ. И такъ легкость ногъ есть добродѣтель почтенная! Что принадлежитъ до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Теперь ужинаютъ у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живетъ въ Hôtel de Milan) и такъ шумятъ, что я не надѣюсь заснуть.

Нынѣ поутру Маттисонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ

принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно воображеніе, какъ и Поэту; Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовитъ въ подарокъ супругѣ своей, щастливой матери любезнаго младенца, приближающагося къ возрасту отрока. Художникъ представилъ прекраснаго мальчика, спящаго кроткимъ сномъ невинности подъ надежнымъ щитомъ Минервы, изображенной по мысли Греческихъ художниковъ съ отмѣннымъ искусствомъ; внизу видѣнъ образъ Улиссовъ. — *Нынѣ мало работаю*, сказалъ онъ, *будучи принужденъ* (здѣсь онъ вздохнулъ) *часто вооружаться и ходить на караулъ, такъ какъ и всѣ прочіе граждане. Видъ недодѣланныхъ статуй приводитъ меня въ уныніе. Ахъ, государи мои! вы не можете войти въ чувства художника, отвлекаемаго отъ работы!* — Ты истинный художникъ! думалъ я. — Мы пошли въ гошпиталь, огромное зданіе на берегу Роны. Въ первой залѣ, куда насъ ввели, стояло около двухъ сотъ постелей въ нѣсколько рядовъ — о! какое зрѣлище! сердце мое трепетало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ, томную слабость; на другомъ яростный приступъ смерти, напряженный отпоръ жизни; на иномъ побѣду первой — жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь-то надобно собирать черты для картинъ страждущаго человѣчества, прибирая тѣни къ тѣнямъ. Но какое упражненіе! кто вынесетъ весь ужасъ его!

— Между смертію и болѣзнію попадалось въ глаза и томно-радостное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами — чувство къ красотамъ Натуры возобновлялось въ сердцахъ ихъ! Старецъ, подымаясь съ одра, подымалъ глаза на небо, или обращалъ ихъ вокругъ себя. *И такъ я еще буду жить!* говорили радостные глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнію!* говорили веселые взоры выздоравливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствъ! Какъ грудь моя могла вмѣщать ихъ! — Такимъ образомъ переходили мы изъ залы въ залу. Въ каждой заключается особливый родъ болѣзни: въ одной лежатъ чахотные, въ другой изувѣченные, въ третьей родильницы, и такъ далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотръ за больными также достоинъ хвалы всякаго друга человѣчества — и гдѣ можно расточать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! состраданіе! святыя добродѣтели! Такъ называемыя *жалостливыя сестры* * служатъ въ семъ *домѣ плача*, и чувство добраго дѣла есть ихъ награда. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подаютъ имъ лекарства, пищу. Нѣкоторыя изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; кротость сіяетъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоитъ олтарь; тутъ всякой день служатъ обѣдню. *Вотъ комната* (сказалъ намъ провожатый, указы-

* Женской монашеской Орденъ.

вая на дверь), *за которую надобно платить въ день* 12 *ливровъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста.*—«А что платятъ бѣдные?» 10 *су въ день за все, и* 20, *кто хочетъ имѣть постелю съ занавѣсомъ.* — «Что здѣсь?» спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите*, отвѣчалъ вожатой — и четыре гроба, покрытые черным полотномъ, встрѣтили взоръ мой. *Всякой день*, говорилъ онъ, *умираетъ здѣсь нѣсколько человѣкъ. Нынѣ, слава Богу! умерли только четверо. Къ вечеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ отворотился отъ сего мрачнаго жилища смерти. — *Теперь поведу васъ въ кухню.*—Кстати! думалъ я, однакожь пошелъ за нимъ. Тамъ въ превеликой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. «И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?» спросилъ я. *Тысяча больныхъ*, отвѣчалъ онъ, *пѣть по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.* — Мы вошли въ большую комнату, загроможденную столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали. — Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. — *Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными решетками содержатся безумные.*— Одинъ изъ сихъ нещастныхъ сидѣлъ на галлереѣ за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернилица. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ.—*Это*

Философъ, сказалъ съ усмѣшкою провожатый: *бумага и чернилица ему дороже хлѣба.* — «А что онъ пишетъ?» — *Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но на что лишать его такого безвреднаго удовольствія?* — Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: на что лишать его безвреднаго удовольствія!» — Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

═

Ліонъ, Марта ... 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезіанской церкви, и провожатый мой съ великою важностію разсказалъ мнѣ о тѣхъ чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего строжайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году — неизвѣстно, въ какомъ городѣ — погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ голову и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ затрепеталъ: но черезъ нѣсколько минутъ собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и трескъ — гробъ затрясся, свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ: *Небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно Кельнскій уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшил-

ся оставить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ — (Лѣтописи говорятъ, съ шестью) — пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чтобы онъ отвелъ имъ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою въ благочестіи и въ спасительныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленый лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на томъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему странниковъ, отвелъ онъ набожному Бруну и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкоторое время построили новый монастырь — и этотъ монастырь былъ первый Картезіанской. — Съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь обѣда, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятель-

ности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* — (ибо человѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человѣкъ съ первой степени земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо — вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго въ церкви колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма — увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить не льзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушать цѣлыя вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, естьли бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолюбіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мефитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Вмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить Азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы. — Зданіе не

велико, и состоитъ изъ коридоровъ, въ которые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-то нѣжились роскошные Римляне! (думалъ я) — здѣсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная толпою невольницъ, мылась ключевымъ кристалломъ, въ то самое время, когда прекрасный юноша, плѣненный ея красотою, издалека преселялся своимъ воображеніемъ въ сіи стѣны, и желалъ быть щастливымъ божествомъ источника, водою котораго освѣжалась прелестная!—Мнѣ пришла на мысль басня Алфея и Аретузы, а почему, не знаю. Я началъ-было хвалить нѣжность миѳологическихъ вымысловъ; но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой, садовникъ монастырской, ни мало не хотѣлъ слушать меня. — При семъ случаѣ вспомнилъ я также читанное мною въ Луціановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда они изъ бани возвращались домой, то передъ ними шли всегда невольники, которые при всякомъ камешкѣ, лежавшемъ на дорогѣ, кричали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ! «Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ коридорахъ бочки, горшки, корзины и прочее. *Здѣсь мой погребъ*, отвѣчалъ онъ—*и мнѣ очень пріятно, что всѣ путешественники любопытствуютъ его видѣть.* — Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ саду, разговаривая съ садовникомъ, который, будучи весьма словоохотенъ, насказалъ мнѣ довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Старыя, говоритъ онъ,

бранчивы, грубы и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и говорятъ — о политикѣ! а молодыя печальны, любятъ гулять въ темныхъ аллеяхъ, смотрѣть на мѣсяцъ и — вздыхать изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Христіанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонителей, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ—кровь несчастныхъ жертвъ обагрила помостъ храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. — Въ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; иныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ восторгѣ ударяли себя въ грудь и прикасались блѣдными устами къ хладному полу. И такъ во Франціи набожность еще не истребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ все шумѣло и веселилось — танцовщики прыгали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, толпы народа изъявляли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля! какая нація! —

Ударило шесть часовъ — театръ былъ наполненъ зрителями: я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабый Король, правимый своею суевѣрною матерью и чернодушнымъ Прелатомъ (который всегда говоритъ ему именемъ Неба), соглашается пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они — не Католики,

Дѣйствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ Поэтовъ — и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ. Авторъ имѣлъ въ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но отними сіи *отношенія*, и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ, по обыкновенію Французскихъ Трагиковъ; рѣчи предлинныя, и наполнены обвѣтшалыми сентенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣваютъ отъ праздности и скуки. Одна сцена тронула меня — та, гдѣ сонмъ фанатиковъ упадаетъ на колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они истребить еретиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣствуется, и для того мало трогаетъ зрителя. Добродѣтельный Колиньи умираетъ за сценою. На театрѣ остается одинъ нещастный Карлъ, который въ сильной горячкѣ то бросается на землю, то — встаетъ. Онъ видитъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колиньи, такъ какъ Синавъ видитъ умерщвленнаго Трувора; лишается силъ, но между тѣмъ читаетъ пышную рѣчь стиховъ въ двѣсти. C'est terrible! (*это ужасно!*) говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Маттисонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ.

Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Маттисонъ читалъ мнѣ Виландовы письма, писанныя не къ нему, а къ извѣстной госпожѣ ла-Рошъ, сочинительницѣ *Исторіи дѣвицы Штернгеймъ* и другихъ романовъ — письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа стараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошъ любитъ Маттисона и присылаетъ ему копію своей переписки. — Три часа протекли для насъ какъ три минуты. Б* разсказывалъ намъ любопытные анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и потребовалъ ночлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ кортикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла никакому животному; что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Немейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный, и кроткій обожатель красоты, на дубинкѣ котораго во дворцѣ Королевы Лидійской ѣздили верхомъ Эроты, и котораго Омфала могла бить по щекамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Миѳологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, кортикъ — сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Гер-

кулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные*, отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ*. — «По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?» — *Нѣтъ*. — «Есть молоко?» — *Нѣтъ*: — «Есть сыръ?» — *Нѣтъ*. — «Хлѣбъ?» — *Нѣтъ*. Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скрылась — дѣлать было нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстваго хлѣба — взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторыя крохи вѣрному Геркулесу, который, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой человѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновый лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постелю, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ

лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. *Я не войду первый*, говорилъ одинъ голосъ — *ни я*, говорилъ другой — *ступай ты*, говорилъ третій — *у тебя ружье; ты можешь достать его издали*, говорилъ четвертый. Мой Б* не трусъ; однакожь, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другаго сбираются достать издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щита, деревянный стулъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался топотъ, и Датской Геркулесъ, потерявъ терпѣніе, приблизился къ двери, отворилъ ее лапой — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шесть или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго, и сей нещастный, сѣвъ на нее верхомъ, кричалъ изо всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! друзья! спасите своего старосту!* Но товарищи его стояли на одномъ мѣстѣ, дрожали отъ страха, и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! разбой! разбой!* — Б*, видя, что непріятели его не очень храбры, а потому и не очень опасны, ободрился, подошелъ къ нимъ, и спрашивалъ, что они: разбойники, воры, или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а вся-

кой кричалъ: *бьютъ! режутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, соскучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилъ съ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ ужасомъ побѣжали отъ него въ разныя стороны. Деревенскій начальникъ лежалъ на землѣ, и не кричалъ уже для того, что почиталъ себя мертвымъ. Б* поднялъ его, поставилъ на ноги и тряся за воротъ, говорилъ ему: «естьли ты не безумный, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?» Наконецъ староста дрожащимъ, и прерывающимся голосомъ отвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхъ мѣстъ, который ходитъ всегда съ кортикомъ и съ собакою, и котораго голова оцѣнена въ нѣсколько сотъ талеровъ. Пріятель мой старался разувѣрить его; показалъ ему свой паспортъ, и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдный храбрецъ пересталъ дрожать, облегчилъ вздохомъ стѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ, прыгая отъ радости: «Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человѣкъ! Слава Богу, что мы не убили тебя! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ, и бываетъ лучше инаго дня. Пойдемъ, пойдемъ, Г. Докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!» Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшехода, съ дозволенія моего пріятеля

надѣлъ на себя кортикъ * и шляпу его, и съ гордостію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался обѣщанному ужину, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напиталъ желудокъ его. — Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего идущаго въ торжествѣ съ кортикомъ, осмѣлились вытти на улицу, и староста громкимъ голосомъ сказывалъ имъ, что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенный Господинъ Докторъ, который *инкогнито* странствуетъ по бѣлому свѣту. Жена и двѣ дочери выбѣжали къ нему на встрѣчу, и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родитель совершилъ благополучно опасный подвигъ свой. — Б* не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ и ужиномъ старосты. Сей добрый человѣкъ, сидя съ нимъ за столомъ, разспрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ отдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ разсказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, который около двухъ лѣтъ живетъ въ ихъ лѣсу, ходитъ съ кортикомъ и съ собакою, грабитъ проѣзжихъ и прохожихъ, и цѣлыя деревни приводитъ въ ужасъ. «Только меня онъ не испугаетъ» — продолжалъ староста, выпивъ

*** Въ Нѣмецкой землѣ носятъ кортики на ремнѣ черезъ плечо.**

рюмки три вина: — «лишь бы попался мнѣ въ руки! — Такъ, Господинъ Докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой былъ грозою всѣхъ разбойниковъ, и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшней деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня.» — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ, и обѣщалъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и посматривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уступилъ ему свою постелю, накормилъ Геркулеса (забылъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни, и простился съ нимъ дружески.

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ; помните Амандуса, который, будучи разлученъ съ своею Амандою, странствовалъ по свѣту, попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того, что онъ не хотѣлъ измѣнить своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Мароккской Принцессы; помните Аманду, которая исходила всю Европу, Азію, Африку, босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ, у всякихъ воротъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхо мрачныхъ лѣсовъ, эхо горъ кремнистыхъ, твердить имя его — *Амандусъ! Амандусъ!* — помните, какъ сіи любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ, отечественномъ ихъ городѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и — упали мертвые.... души ихъ на крыльяхъ радости улетѣли на небо! — помните, что нѣжный Стернъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, по описанію, надлежало быть ихъ могилѣ, и чувствуя въ сердцѣ своемъ огнь и пламя, воскликнулъ: *нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно, давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; пріимите ихъ отъ чувствительнаго сердца!* — но вы помните и то, что Стерну не на что было пролить слезъ своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ: увы! и я не могъ найти его!.... спрашивалъ — но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности!

Кто, будучи здѣсь, не вспомнитъ еще о другихъ,

нещастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный, добрый юноша, обогащенный лучшими дарами Природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближился тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсувую жилу, отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать нещастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали передъ олтаремъ на колѣни, и — приставили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти — выстрѣлъ раздался — они упа-

ли, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась на мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Естьли бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или естьли бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства нещастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія, взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны — чего болѣе? * Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохлаждаетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ

---

* Кто хочетъ, разсмѣется.

его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ которомъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ! — Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

=

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество*, отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: qu'en sais-je? (*почему мнѣ знать?*) Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его.... à la

lanterne (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою людей, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, чтобы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ; à la lanterne! a la lanterne! Бабы торговки кричали: a la lanterne! a la lanterne! — Тѣ, которые наиболѣе шумѣли и возбуждали другихъ къ мятежу, были нищіе и празднолюбцы, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественномъ видомъ сказалъ намъ: «Около получаса ходитъ за вами подозрительный человѣкъ: будьте осторожны — вы конечно иностранцы — seuvez vous messieurs! спасайтесь!» Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ Ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жи-

телей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточкомъ, увидѣлъ фіялку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіялки — можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

Ліонъ... 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе!... Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью луидорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разстаться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Датчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкоторыя изъ моихъ вещей.

Вотъ твои книги, говорилъ онъ — *твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся.* — *Нѣтъ*, сказалъ я, вставъ со стула, и обнявъ съ чувствительностію Беккера — *мы ѣдемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ! * шумный, пѣнистый ключь, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу!..... Луга Прованскіе, гдѣ тимонъ съ розмариномъ благоухаютъ! не ступитъ нога моя на вашу цвѣтущую зелень!.... Нимскій храмъ Діаны, огромный Амфитеатръ, драгоцѣнные остатки древности! я васъ не увижу! ** — Не увижу и тебя, отчизна Пилата Понтійскаго! *** не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, гдѣ сей нещастный сидѣлъ въ заключеніи; не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ отчаянія! **** — Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ разставались мы съ Маттисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ удфвольствіемъ*

---

* Въ 12 верстахъ отъ Авиньйона.

** Въ Нимѣ много Римскихъ древностей.

*** Городъ Вьенъ.

**** Такъ говоритъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьеня!

стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ — не забудьте Маттисона! Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонъ. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день стоилъ намъ здѣсь около луидора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — сижу за столикомъ, и лечу мыслями въ мое отечество, — къ вамъ, моимъ любезнымъ!

═

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами — подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гетѣ *, которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили

* Индѣйская книга.

въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи: сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ.... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтьвями столѣтнихъ дубовъ — какое превращеніе!.... Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости!

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.... Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ,

въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ — и естьли запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой за то у подошвы Юры видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи Философіи есть младенецъ.

Болѣе писать негдѣ.

Маконъ въ Бургоніи, полночь.

Путешествіе наше очень пріятно. День былъ прекрасный, вечеръ теплой, солнце тихо и великолѣпно скатилось съ голубаго неба, и давно не видалъ я такой розовой зари, какую видѣлъ нынѣ.

Въ полдень пристали мы къ берегу противъ одного небольшаго мѣстечка. Тутъ встрѣтили насъ пятнадцать или двадцать трактирщицъ, изъ которыхъ каждая звала къ себѣ въ гости *любезныхъ путешественниковъ*, увѣряя, что у нее прекрасный супъ, прекрасные соусы, прекрасный десертъ и самое лучшее вино. Я, Б*, молодой Французской Офицеръ и двое Англичанъ обѣдали вмѣстѣ, и съ великою благодарностію заплатили хозяйкѣ по 30 су, для того что она въ самомъ дѣлѣ очень хорошо насъ угостила. — Послѣ обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили въ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселяне живутъ чисто и опрятно. Офицеръ, Б* и я говорили съ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили съ молодыми крестьянками, которыя умѣютъ еще краснѣться. Одно семейство застали мы за обѣдомъ: на большомъ столѣ, покрытомъ довольно-чистою скатертью, стояла чаша съ супомъ, блюдо шпинату и крынка молока. — Но весьма не полюбились мнѣ деревянные башмаки Французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ. —

Около вечера мы проплыли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны; болѣе всего извѣстенъ онъ по Mémoires de Trevoux, анти-фи-

лософическому, Iезуитскому Журналу, который, подобно черной молнieносной тучѣ, металъ страшные перуны на Вольтеровъ и д'Аланбертовъ, и грозилъ попалить священнымъ огнемъ всѣ произведенiя ума человѣческаго.

Въ девять часовъ вышли мы на берегъ въ городѣ Маконѣ, ужинали въ первомъ здѣшнемъ трактирѣ и пили самое лучшее Бургонское вино. Оно густаго, темнаго цвѣта, и совсѣмъ не похоже на то, что у насъ въ Россiи называется Бургонскимъ.

Здѣсь ночуемъ, и въ четыре часа поплывемъ въ Шалонъ, гдѣ надѣемся быть завтра послѣ обѣда.

═

Фонтенебло, 9 часовъ утра.

Третьяго-дни ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, который, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чтобы мы спрятали до Парижа свои кошельки; онъ платитъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, останется у него нѣсколько талеровъ или экю; но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и притомъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы; дороги прекрасныя; постильйоны не лѣнивы — города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому не достойны сожалѣнія; но я не могъ спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькой городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святый Лудовикъ подписывалъ на указахъ: donné en nos déserts de Fontainebleau (*дано въ нашей пустынѣ Фонтенебло*). Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Франциско I построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два *экю* видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галлерею Франциска I съ ея славными картинами, Королевскія и Королевины комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галлереѣ сего дворца показываютъ то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Шталмейстера и любовника, Маркиза Мональдески. — Въ маскарадной залѣ, расписанной живописцемъ Николо, многія картины стерты, для того что онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Соваль, Адвокатъ Парижскаго

Парламента, описывая *любовныя похожденія Королей Французскихъ*, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ. «Ступай въ Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивой Адвокатъ, скончавшій жизнь свою въ 1670 году) — и вездѣ на стѣ-«нахъ увидишь ты боговъ и богинь, мущинъ и «женщинъ, которыя посрамляютъ натуру и уто-«паютъ въ морѣ распутства. Добродѣтельная су-«пруга Генриха IV истребила многія изъ сихъ «картинъ; но чтобы истребить все погибельное, «все развратное, надлежитъ предать пламени весь «Фонтенебло.» — Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда, — и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна. — Сіи анекдоты взялъ я изъ Дюлора.

Мы завтракали — постильйонъ хлопаетъ бичемъ — простите — простите до Парижа!

═

Парижъ, 27 Марта 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ

открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу, и буду въ немъ!» — Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, — съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой «сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и «дю-Тампль; противъ насъ Св. Антонія; а на лѣ«вой сторонѣ за Сеною предмѣстіе Ст. Марсель, «Мишель и Жермень. Эта высокая готическая «башня есть древняя церковь Богоматери; сей но«вый великолѣпный храмъ, котораго архитектурѣ «вы конечно удивляетесь, есть храмъ Святой Же«невьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали «возвышается съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel

«Royal des Invalides, одно изъ огромнѣйшихъ Па-
«рижскихъ зданій, гдѣ Короли и отечество по-
«коятъ заслуженныхъ престарѣлыхъ воиновъ.»

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые домы и людей въ раздранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?» (думалъ я) — «городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?» — Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, домы въ шесть этажей, богатыя лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; — безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. — Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ Hôtel Britannique. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашлись для насъ двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два луидора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила: aimables étrangers — *любезные иностранцы, почтенные иностранцы!* Купецъ, сопутникъ нашъ, пожелалъ

намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться — заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились; взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него своратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегету, который живетъ не далеко отъ Новаго мосту на quai des morfondus. Жена его приняла меня передъ каминомъ, и услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо—письмо отъ моихъ любезныхъ!... Вообразите радость вашего друга!... вы здоровы и благополучны!...Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ — читалъ десять разъ письмо — забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями.—*Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка: *это пріятно видѣть.* — Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень нескладно; хотѣлъ разсказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась—но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лице—и обрадовался сер-

дечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ Мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрикъ, смотря на насъ, улыбался. Pont neuf! я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло: наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Палерояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется столицею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда нибудь Царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!... И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галлереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга!—Тутъ видите вы и кофейные домы, первые въ Парижѣ, гдѣ также все

людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галлереи, и сѣли отдыхать въ каштановой аллеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленыя вѣтви; но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой аллеи неслись тихіе, сладостные звуки нѣжной музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. — *Нимфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, обѣщали тьму удовольствій, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсинымъ островомъ, Армидинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость....

═

Парижъ, 2 Апрѣля, 1790.

Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе.... *я въ Парижѣ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на домы, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами— веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго,

славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій. —

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать. — Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность—на примѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Парижъ, Апрѣля ... 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ; долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *яицъ Леды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался нѣкогда Лютеціею; что имя Парижскихъ жителей, Parisii, значитъ *народъ покровительствуемый Изидою* — то есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя NB. Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ и не думали искать ея покровительства? Перевести ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цесаря (перваго изъ древнихъ Авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ-было въ немъ отъ угара? * Окружить ли мнѣ себя твореніями Іоанна

---

* Я провелъ зиму въ моей любезной Лютеціи, (говоритъ онъ) «она построена на острову и окружена стѣнами, которыя омываются водами рѣки, пріятными для «глазъ и вкуса. Зима бываетъ тамъ обыкновенно не о«чень холодна; но въ мое время морозы были такъ же«стоки, что рѣка покрылась льдомъ. Жители нагрѣва«ютъ свои жилища посредствомъ печей; но я не позво«лилъ развести огня въ моей горницѣ, а велѣлъ толь«ко принести къ себѣ нѣсколько горящихъ угольевъ.

Готвиля, Вильгельма Коррозета, Клавдія Фошета, Николая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филибьеня, Коллетета, де-ла-Мара, Брисса, Буаесо Праделя, ле-Мера, Монфокона — ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показать ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобные Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лансъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо не Мори удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Итти ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колоннады? — Я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы прочитаемъ Сент-Фуа, его; «Essais sur Paris, и узнаемъ все то, что ты можешь сказать о древности Парижа; скажи намъ «только, каковъ онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и болѣе ничего не требуемъ.» — И такъ, оставляя почтенную старину, оставляя все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

«Паръ, который отъ нихъ распространился по всей комнатѣ, едва-было не задушилъ меня, и я упалъ безъ чувства.»

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы въѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтренными мельницами, которыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, строусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладкая какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ въѣзжаете въ *Поля Елисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселые мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевили*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умиленныхъ рощицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окружен-

ная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней, и увидите передъ собою густыя аллеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою ли древнихъ аллей, или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ де-Нотръ, творецъ сего конечно искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ *Поляхъ Елисейскихъ*, а такъ называемыя *лучшіе люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивые берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучитъ множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ? Мало естьли назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь, естьли не хотите перемѣнить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите.... тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблоковъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — зажмете носъ, и закроете глаза. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ

на свѣтѣ черезъ подземельные трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе щастливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ Провансихъ: значитъ, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада, и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты—такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ * и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная *Сентъ-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, а особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или вмѣсить грязь на срединѣ улицы **, или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима ***,

---

* Потому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

** Мостовая дѣлается въ Парижѣ скатомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда страшная грязь.

*** За порядочную наемную карету надобно заплатить въ день рубля четыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, т. е. извощичьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень не хороши, какъ снаружи такъ и внутри; кучеръ сидитъ на коз-

по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень, и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ аллей, называемыхъ *Булеварами*; ихъ три: одна для каретъ, а два для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались нѣкогда играть въ шары (à la boule) на зеленой травѣ; отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *булеваръ*. Сначала на мѣстѣ аллей былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; дерева посажены гораздо послѣ. Одна часть булеваровъ называется *старыми*, а другая *новыми*; на первыхъ видите предметы вкуса,

---

лахъ въ худомъ камзолѣ или ветхой епанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ — не лошадей, а лошадиныхъ скелетовъ, которые то дернутъ, то станутъ — побѣгутъ, и опять ни съ мѣста. Въ семъ экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

богатства, пышности; все вымышленное праздностію для занятія праздности — здѣсь Комедія, тутъ Опера; здѣсь блестящія палаты, тутъ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирляндами, тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькой пріятной лѣсочикъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какой нибудь *фигляръ* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются вамъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія, звѣри Африканскіе, колибріи и строусы, тигры и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирцея, смотритъ на васъ томными глазами, кладетъ руку на сердце, и видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говоритъ со вздохомъ: *нечувствительный! жестокій!* тутъ молодой растрепанный *франтъ* встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ... маршируетъ отрядъ національной гвардіи. Цѣлый день употребилъ я на то, чтобы обойти эту шумную часть Булеваровъ *.

---

* Между великолѣпными, домами къ нимъ примыкающими замѣтилъ я домъ извѣстнаго Бомарше. Сей человѣкъ умѣлъ

Такъ называемая *новая* часть представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ дерева сѣнистѣе, аллеи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ, не слышите ни стука каретнаго, ни топота лошадинаго, ни пѣсней, ни музыки; не видите ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разрумяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремесленникъ съ своею женою и дочерью; тутъ по аллеѣ медленными шагами прохаживается сынъ его съ молодою своею невѣстою; тамъ поля съ хлѣбомъ, сельскія работы, трудящіеся земледѣльцы; словомъ все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V говаривалъ: Lutetia non urbs, sed orbis (Лютеція, то есть Парижъ есть не городъ, а цѣлый міръ): что жь бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимъ пространствомъ, и вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите

не только странною Комедіею вскружить голову Парижской публикѣ, но и разбогатѣть удивительнымъ образомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ слабыя стороны человѣческаго сердца, но и пользоваться ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумный авторъ и тонкой свѣтской человѣкъ, и хитрой придворный и расчетистый купецъ. Теперь имѣетъ Бомарше всѣ средства и способы наслаждаться жизнію. Домъ его смотрятъ любопытные какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоитъ 30 или 40 тысячъ ливровъ.

себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, которые съ верху до низу наполнены людьми? Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многолюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому исчисленію, 1,130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Ступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ; вездѣ шумъ и гамъ, — на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ — однакожь сіи два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показываются на улицахъ работники, Савояры, поденщики — и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Теперь хотите ли осмотрѣть со мною славнѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ это до другаго времени; вы устали, я также: надобно перемѣнить матерію или — кончить.

Нынѣшній день обѣдалъ я у Господина Гло**, къ которому было у меня письмо изъ Женевы. Худо не знать обычаевъ: я пришелъ въ два часа, но въ домѣ совсѣмъ еще не думали принимать гостей.

Хозяинъ, послѣ *утренней прогулки*, одѣвался въ своемъ кабинетѣ, а хозяйка занималась *утреннимъ чтеніемъ*. Минутъ черезъ десять вышла послѣдняя въ гостиную комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, перевертывая листы въ Мармонтелевой Поэтикѣ, которая лежала на экранѣ. Госпожа Гло** есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, говоритъ по-Англійски, Италіянски, и (подобно Госпожѣ Неккеръ, у которой собирались нѣкогда д'Аланберты, Дидроты и Мармонтели) любитъ обходиться съ Авторами. Мы начали говорить о Литтературѣ, и съ жаромъ, потому, что Госпожа Гло** противорѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ. На примѣръ, я сказалъ, что Расинъ и Вольтеръ лучшіе Французскіе Трагики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье — есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ, но она сказала мнѣ, что въ домѣ у нее собирается около двадцати сочинителей, которые всѣ несравненны. Я хвалилъ дю-Пати: она увѣряла, что его въ Парижѣ не читаютъ; что онъ былъ хорошій Адвокатъ, но худой Авторъ и наблюдатель. Я хвалилъ Драму Рауля: она говорила объ ней съ презрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончились, естьли бы слуга не растворилъ дверей, и не увѣдомилъ Гж. Гло** о пріѣздѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами Св. Людовика, Адвокатами, Англичанами; каждый гость подходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всѣхъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ,

декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, критиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ присталъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Столъ былъ очень хорошъ, но Риторы не умолкали. Между прочими отличалъ себя одинъ Адвокатъ, который хотѣлъ быть Министромъ единственно для того, чтобы въ 6 мѣсяцовъ заплатить всѣ долги Франціи, умножить втрое доходы ея, обогатить Короля, духовенство, дворянство, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ.... Тутъ Господинъ Гло* схватилъ его за руку и съ важнымъ видомъ сказалъ: «довольно, довольно, о великодушный человѣкъ!» Я засмѣялся — къ щастію, не одинъ. Впрочемъ Адвокатъ ни мало тѣмъ не оскорбился, и продолжалъ доказывать пользу своихъ великихъ плановъ, относясь наиболѣе къ Неккерову брату, который обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, и который съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ его. Такихъ говоруновъ нынѣ тьма въ Парижѣ, а особливо подъ аркадами въ Пале-Рояль, и надобно имѣть очень здоровую голову, чтобы отъ ихъ краснорѣчія не чувствовать въ ней боли. — Подлѣ меня сидѣлъ за столомъ Англичанинъ, человѣкъ умный и важный, который, узнавъ, что я Русской, распрашивалъ меня о нашемъ климатѣ, образѣ жизни, и проч. Извѣстный путешественникъ Коксъ ему пріятель; онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Швейцаріи и въ Германіи. — Мы встали изъ-за-стола въ пять часовъ, и хозяинъ сказалъ мнѣ, что я всякое Во-

скресенье могу обѣдать у него вмѣстѣ съ его пріятелями.

Еще было у меня письмо къ Господину Н*, старому Прованскому дворянину, отъ брата его *Эмигранта* (съ которымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К*). Онъ почти слѣпъ, глухъ, насилу ходитъ и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, томной, бѣлокурой, миловидной жены своей, которая любитъ спектакли и проч. Какая неровная чета! Можетъ ли такое супружество быть щастливо? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу Н*, на Вулкана и Венеру, на мертвый Октябрь и цвѣтущій Май. О природа! въ царствѣ твоемъ растутъ ли подлѣ снѣговъ розы? — Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принимаютъ; звали обѣдать, ужинать, и проч. Госпожа Н* сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро поѣдетъ въ Швейцарію, поселится на той прекрасной горѣ близъ Нёшателя, которую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ писмѣ къ д'Аланберту, и будетъ жить тамъ щастливо въ объятіяхъ Натуры. Я похвалилъ ея піитическое намѣреніе.

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится подъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками; остался одинъ блѣдный лучь ея сіянія, который едва свер-

каетъ на горизонтѣ, подобно умирающей зарѣ вечера. Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большой части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

«Здѣсь» — сказалъ мнѣ Аббатъ Н*, идучи со мною по улицѣ St. Honoré, и указывая тростью на большіе домы, которые стоятъ нынѣ пустые — «здѣсь, по Воскресеньямъ, у Маркиза Д* съѣжались самыя модныя Парижскія дамы, знатные люди, славнѣйшіе *остроумцы* (beaux esprits); одни играли въ карты, другіе судили о житейской философіи, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ — тутъ, по Четвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Политики обоего пола, сравнивали Мабли съ Ж. Жакомъ и сочиняли планы для новой Утопіи — тамъ по Субботамъ, у Баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, изъясняя любопытнымъ женщинамъ свойство древняго Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ; щастливыя времена исчезли; пріятные ужины кончились; *хорошее общество* (la bonne compagnie) разсѣялось по всѣмъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чтобы постричься тамъ въ монахини. Порядочный человѣкъ не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать, и какъ провести вечеръ.

Однакожъ Аббатъ Н*, (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа Н*) признался мнѣ, что Французы давно уже разучились веселиться въ обществахъ, такъ какъ они во время Людовика XIV веселились, на примѣръ въ домѣ извѣстной Маріоны де-Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Нинóны Ланкло, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Вуатюръ, Сентъ-Эвремонъ, Саразенъ, Граммонъ, Менажъ, Пелиссонъ, Бено, блистали остроуміемъ, сыпали Аттическую соль на общій разговоръ и были законодателями забавъ и вкуса. — «Жанъ Ла (или Ласъ)», продолжалъ мой Аббатъ, Жанъ Ла нещастною выдумкою Банка погубилъ и богатство и любезность Парижскихъ жителей, превративъ нашихъ забавныхъ Маркизовъ въ торгашей и ростовщиковъ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общественнаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ оттѣнки Французскаго языка истощались въ пріятныхъ шуткахъ, въ острыхъ словахъ, тамъ заговорили.... о цѣнѣ банковыхъ ассигнацій, и домы, въ которыхъ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обстоятельства перемѣнились — Жанъ Ла бѣжалъ въ Италію — но истинная Французская веселость была уже съ того времени рѣдкимъ явленіемъ въ Парижскихъ собраніяхъ. Начались страшныя игры; молодыя дамы съѣзжались по вечерамъ для того, чтобы разорять другъ друга, метая карты на право и на лѣво, и забывали искусство Грацій, искусство нравиться. Потомъ вошли въ моду попугаи и Экономисты, *Академическія интриги* и Энцикло-

педисты, *каланбуры* и Магнетизмъ, Химія и Драматургія, Метафизика и Политика. Красавицы сдѣлались Авторами, и нашли способъ.... усыплять самыхъ своихъ любовниковъ. О спектакляхъ, Операхъ, балетахъ говорили мы наконецъ математическими посылками и числами изъясняли красоты Новой Элоизы. Всѣ философствовали, важничали, хитрили, и вводили въ языкъ новыя странныя выраженія, которыхъ бы Расинъ и Депрео понять не могли или не захотѣли — и я не знаю, къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнуть отъ скуки, естьли бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ Революціи.»

Тутъ мы разстались съ Аббатомъ.

═

Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я Короля и Королеву. Спокойствіе, кротость и добродушіе изображаются на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не раждалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ щастливые характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ — но правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную. — Королева, не смотря на всѣ удары

рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на которую вѣютъ холодные вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красоту свою. Марія рождена быть Королевою. Видъ, взоръ, усмѣшка — все показываетъ необыкновенную душу. Не льзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умѣетъ сокрывать горесть свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея катились слезы. — Въ церкви было множество народу, такъ что я отъ жару и духоты упалъ бы въ обморокъ, естьли бы одна дама, примѣтивъ мою блѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на Короля и Королеву, еще болѣе на послѣднюю; иные вздыхали, утирали глаза свои бѣлыми платками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню. — На Королѣ былъ фіолетовый кафтанъ; на Королевѣ, Елисаветѣ и Принцессѣ черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная Ланбаль, которой Флоріанъ посвятилъ сказки свои, вела его за руку. Милый младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзольчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди

смотрѣть его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, который ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любитъ еще кровь Царскую!

=

Парижъ, Апрѣля.... 1790.

Говорять ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяка до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi....

Для любезнаго народа
Щастье добрый Государь...

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все от-

нять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большой части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенкѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодаго, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: vive la nation! *да здравствуетъ нація!* Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: vive la nation! *Хорошо! хорошо!* сказали они: *мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай, куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое..... нація?*

Разсказываютъ, что маленькой Дофинъ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка!* Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: que faire? j'aime

les te-te-troubles! *что дѣлать? я люблю мятете-тежи!* Маркизъ заика.

Но читалъ ли Маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверзтый гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утопія* * будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца Государей — и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Го-

---

* Или *царство щастія*, сочиненія Моруса.

сударей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ.... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ!*

Новые Республиканцы съ порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что *безначаліе хуже всякой власти!*

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббатъ Н*, находитъ предсказаніе нынѣшней революціи.

Gargantua, ch. LVIII.

Enigme et Prophetie.

Je fays sçavoir à qui le veut entendre,
Que cet hyver prochain, sans plus attendre,
En ce lieu où nous sommes,
Il sortira une maniere d'hommes,
Las du repos et faschez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,
Suborner gents de toutes qualitez,
A differends et partialitez.
Et qui voudra les croire et escouter,
Quoy qu'il en doive advenir et couter,
Ils feront mettre en debats apparents
Amys entre eux et les proches parents.
Le fils hardi ne craindra l'impropere
De se bander contre son propre pere.

Mesme les Grands, de noble lieu saillis,
De leurs subjects se verront assaillis,
Et sur ce point naistra tant de meslées,
Tant de discords, venuës et allées,
Que nulle histoire, où sont les grands merveilles,
N'a fait récit d'émotions pareilles.
Alors auront non moindre authorité
Hommes sans foy, que gents de verité:
Car touts suivront la creance et estude
De l'ingnorante et sotte multitude,
Dont le plus lourd sera reçu pour juge.
O dommageable et penible deluge!
Deluge, dis-je, et à bonne raison:
Car ce travail ne perdra sa saison,
Et n'en sera la terre delivrée,
Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
De flots de sang.....

Французской старинный языкъ, можетъ быть, для васъ теменъ. Я переведу:

«Объявляю всѣмъ, кто хочетъ знать, что не да-«лѣе, какъ въ слѣдующую зиму, увидимъ во Фран-«ціи злодѣевъ, которые явно будутъ развращать «людей всякаго состоянія, и поссорятъ друзей съ «друзьями, родныхъ съ родными. Дерзской сынъ «не побоится возстать противъ отца своего, и «рабъ противъ господина, такъ, что въ самой чу-«десной Исторіи не найдемъ примѣровъ подобнаго «раздора, волненія и мятежа. Тогда нечестивые, «вѣроломные сравняются властію съ добрыми; тог-«да глупая чернь будетъ давать законы, и без-«смысленные сядутъ на мѣсто судей. О страш-«ный, гибельный потопъ! *потопъ*, говорю: ибо

«земля освободится отъ сего бѣдствія не иначе «какъ *упившись кровію.*»

—

Парижъ, Апрѣля....

Въ Четвертокъ, въ Пятницу и въ Субботу на Страстной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье въ аллеяхъ Булонскаго лѣсу; *бывало*: потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсѣмъ не могло войти въ сравненіе съ прежними, для которыхъ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ четыре, пять тысячь каретъ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамъ зрителей. Я ходилъ туда пѣшкомъ, и видѣлъ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское, 1-го Мая. Также карета за каретою, отъ Елисейскихъ полей до монастыря Longchamp. Народъ стоялъ въ два ряда подлѣ дороги, шумѣлъ, кричалъ и смѣялся непристойнымъ образомъ надъ гуляющими. На примѣръ: «Смотрите! вотъ ѣдетъ торговка изъ рыбнаго ряда съ «своею сосѣдкою, башмашницею! Вотъ красный «носъ, самый длинный во всемъ Парижѣ! Вотъ «молодая кокетка въ 70 лѣтъ: влюбляйтесь! Вотъ «Кавалеръ Св. Людовика съ молодою женою и съ «рогами! Вотъ Философъ, который продаетъ свой «умъ за двѣ копѣйки!» Молодые франты прыгали на Англійскихъ коняхъ, заглядывали въ каждую

карету и дразнили чернь: allons, allons, mes amis! de l'esprits, de l'esprits! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne! Другіе бродили пѣшкомъ, съ длинными деревянными саблями вмѣсто тростей pour se confondre avec le peuple. — Прежде болѣе всего отличались тутъ славныя жрицы Венерины; онѣ выѣзжали въ самыхъ лучшихъ экипажахъ. Одна молодая Актриса разорвала связь свою съ Графомъ Д*, прекраснымъ мущиною. Ея знакомыя удивлялись. «Чему дивиться?» сказала имъ Актриса: «онъ чудовище, извергъ: онъ не хотѣлъ подарить «мнѣ новой кареты для Булонскаго гулянья. Я «должна была предпочесть ему стараго Маркиза, «который заложилъ всѣ брилліанты жены своей, «чтобы купить мнѣ самую дорогую карету въ Па»рижѣ!»

Я прошелъ въ монастырь Longchamp, видѣлъ гробницу Изабеллы, сестры Людовика Святаго, и двѣ остроумныя надписи подъ монументомъ отца Фременя и брата Франциска Серафима. Первая:

Fremin, tu fais frémir le sort
Et ton nom vit malgré la mort.

Другая: Qui la vie a vecu de François Seraphique,
80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique.

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Нынѣ цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ, съ головною болью; но когда стало смеркаться, вышелъ на Pont neuf *, и облокотясь на подножіе Генриковой статуи, смотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣчались. Съ пріѣзду моего въ Парижъ всѣ вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немиловидномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ быть всякой день въ спектакляхъ! быть, и не насытиться ни смѣхомъ Таліи, ни слезами Мельпомены!... и всякой разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!... Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о Французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждый въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ театровъ: Большая Опера, такъ называемый Французской Театръ

---

* Такъ называемый *новый мостъ*, близъ котораго я жилъ.

(les François), Италіянской (les Italiens), Графа Прованскаго (theâtre de Monsieur) и Variétés — и всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души праведныхъ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетъ; гдѣ слухъ вашъ плѣняется тихими звуками лиръ; гдѣ все любезно, восхитительно — то мрачный Тартаръ, гдѣ вздохи умирающихъ волнуютъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коцита и Стикса заглушается стенаніемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютъ; гдѣ Танталъ, Иксіонъ и Данаиды вѣчно страдаютъ, и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета томнымъ журчаніемъ призываетъ нещастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзаютъ Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молніею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакиваютъ смерть добродѣтельнаго Царя

своего, и какъ горестная Нефта, надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно благотворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таетъ въ восторгѣ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красотъ волшебнаго искусства, разсѣянныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміона, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможныя очарованія, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя, милыя Нимфы — одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе — окружаютъ его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь, и каждымъ сладострастнымъ движеніемъ говорятъ ему: *люби! люби!* какъ нѣжный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты Мудрости, и... сверженный благодѣтельною рукою Ментора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море: летитъ вмѣстѣ съ душею зрителей.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ забывался, и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты расцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и

сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ сіяетъ между ими какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь — все соединяется вмѣстѣ, и естьли можно быть Риторомъ безъ словъ, то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: *люблю!* когда онъ, бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положитъ кисть, и скажетъ только: «Вестрисъ!» — Гардель безподобенъ въ трагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Вестрисъ питомецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ. — Нивлонъ есть вторый Вестрисъ. О другихъ танцовщикахъ скажу только, что они составляютъ прекрасную групу живописныхъ фигуръ, плѣнительную для зрѣнія. — Когда же являются на сценѣ Терпсихорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ Зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ теряется между раз-

нообразными красотами — но любезная Периньйонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лилеѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лансъ, Шенаръ, Леве, Руссо — вотъ первые пѣвцы Оперы; и естьли вѣрить Французамъ, то никогда и никакая земля не производила лучшихъ. Они нравятся мнѣ не только пѣніемъ, но и самою игрою: два таланта, которые не всегда бываютъ вмѣстѣ! Маркези никогда не могъ тронуть меня такъ, какъ Лансъ и Шенаръ трогаютъ. Пусть смѣются надъ моею простотою и невѣжествомъ; но въ голосѣ сего славнаго Италіянскаго пѣвца нѣтъ того, что для меня всего любезнѣе — нѣтъ души! Вы спросите, что я разумѣю подъ сею душею? Не умѣю изъяснить; однакожь чувствую. Ахъ! какой Маркези можетъ пѣть такъ хорошо:

> J'ai perdu mon Eurydice:
> Rien n'égale mon malheur!

какой Италіянской получеловѣкъ можетъ пѣть сію несравненную Глукову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой, статный, прекрасный Руссо, достойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слыхали о Сентъ-Юберти: ее уже нѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любители Оперы воспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно отвѣчаетъ и оркестръ, составленный изъ

лучшихъ музыкантовъ Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степени совершенства, и всѣ вмѣстѣ производятъ въ зрителѣ чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ.— Такой спектакль требуетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложи и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по два и по три; не смотря на то, что всѣ сіи дорогія мѣста бываютъ наполнены людьми, Опера стоила Двору, по счету Неккерову, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

=

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе Поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры* — простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящ-

ными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большой части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне à la Françoise, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations,) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою *.

---

* Я прошу знатоковъ Французскаго Театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное — на примѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе — скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ.

Blow winds.... rage, blow!
You sulph'rous and thought-executing fires,
Vaunt couriers of oak-cleaving thunder-bolts,

Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны— красотою слога и блестящими стихами; но естьли Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не

Singe my white head! And thou allshaking thunder,
Strike flat the thick rotundity o'th' world:
Crack nature's mould, all germins spill at once,
That make ingrateful man!...
I tax not you, you elements, with unkindness!
I never gave you kingdom, call'd you children;
. . . . Then let fall
Your horrible pleasure!.... Here I stand, your slave,
A poor, infirm, weak and despis'd old man!

«Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Сѣрные, быстрые «огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ! лейте пла«мя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите «зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣ«ка, неблагодарнаго человѣка!.... Не жалуюсь на ва«шу свирѣпость, разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ «вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми свои«ми! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! Разите — се я, «рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, от«верженный отъ человѣчества!»

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: *какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?*

имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Когда же онѣ непремѣнно должны быть играны, то по крайней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ актеровъ, какъ ла-Ривъ, Сенъ-При, Сенъ-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сенъ-Валь, Рокуръ, и проч. которые заступили нынѣ мѣсто Барона и ле-Кеня, ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламація! вотъ *дѣйствіе!* Благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа, то есть, всякая Поэтова мысль оттѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ картины — и естьли зритель, не смотря на сіе утонченіе искусства, остается холоденъ, то конечно не актеры виноваты.

Ле-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и рѣдкой органъ!—Сей актеръ совсѣмъ-было простился съ театромъ. Разсказываютъ, что онъ, не любя молодой актрисы Дегарсенъ (которую можно назвать живымъ образомъ слабой томности), старался всячески замѣшивать ее въ игрѣ. Публика съ неудовольствіемъ примѣтила сію непохвальную черту сердца его, и славный ла-Ривъ былъ освистанъ партеромъ; послѣ чего онъ скрылся и клялся никогда уже не выходить на сцену. Но — гдѣ клятва, тутъ и преступленіе. Два года бездѣйствія ему наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и

рукоплесканіямъ, безъ нихъ не могъ быть щастливъ, сражался самъ съ собою, и наконецъ, оставя всѣ сомнѣнія, снова явился на сценѣ въ ролѣ Эдипа. Я видѣлъ его. Ужасное стеченіе людей! Не говоря о паркетѣ, ложахъ, партерѣ—самый оркестръ былъ наполненъ зрителями, которымъ музыканты уступили свои мѣста. Въ пять часовъ начался стукъ и топотъ нетерпѣнія; въ половинѣ шестаго поднялся занавѣсъ — и все утихло. Первое явленіе — Эдипа нѣтъ — молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: Oedipe en ces lieux va paraitre, страшныя рукоплесканія загремѣли, которыя продолжались до самой той минуты, какъ ла-Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо-смиреннымъ наклоненіемъ головы изъявилъ публикѣ благодарную свою чувствительность. — Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди. Не понимаю, какъ онъ могъ выдержать до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не устали отъ рукоплесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умертвилъ отца; что онъ супругъ своей матери; узнаетъ, и страшнымъ образомъ проклинаетъ судьбу *, я почти оцѣпенѣлъ.

---

* Въ слѣдующихъ стихахъ:
Un Dieu plus fort que moi m'entrainait vers le crime,
Sous mes pas fugitifs il creusait un abime,

никакая кисть не изобразитъ того, что свирѣпствовало на лицѣ ла-Рива въ сію минуту: ужасъ, грызеніе сердца, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу выразить словами. Зрители ахнули, когда онъ, терзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о перистиль, такъ что всѣ колонны задрожали. Вдали слышны были его стенанія. — Публика не насытилась еще Эдипомъ своимъ, и по окончаніи піесы вызвала бѣднаго ла-Рива на сцену. Актриса Рокуръ, которая представляла Іокасту, держала его за руку; едва могъ онъ сказать два или три слова, и готовъ былъ упасть на землю — занавѣсъ опустился.

Сенъ-При играетъ однѣ роли съ ла-Ривомъ: искусный актеръ съ великими талантами, но не ла-Ривъ. — Сенъ-Фаль представляетъ любовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ: молодой, статный человѣкъ пріятнаго вида. Въ Корнелевомъ *Сидѣ* онъ восхищаетъ публику. Такъ надобно играть Родрига, кромѣ двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не совер-

---

Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,
D'un pouvoir inconnu l'esclave et l'instrument,
Voilà tous mes forfaits; je n'en connais point d'autres.
Impitoyables Dieux, mes crimes sont les vôtres,
Et vous m'en punissez?.... Où suis je? quelle nuit
Couvre d'un voile affreux la clarté qui nous luit?
Ces murs sont teints de sang; je vois Eumenides
Secouer leurs flambeaux vengeurs des patricid es.
Le tonnere en éclats semble fondre sur moi;
L'enfer s'ouvre......

шенно доволенъ былъ игрою сего актера. На примѣръ, описывая королю сраженіе съ Маврами, излишно старался онъ выразить въ голосѣ своемъ— сперва тишину ночи, а потомъ шумъ битвы, стукъ мечей и проч. Французы хлопали; но тѣ, которые размышляли о правилахъ истинной мимики, не могутъ любить такого неестественнаго подражанія. Сенъ-Валь, первая трагическая актриса, хотя слишкомъ стара и немиловидна для роли любовницъ, однакожъ нравится блестящимъ своимъ искусствомъ и жаромъ игры. —Рокуръ есть совершенная Медея, и потому въ сей ролѣ она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, которые между густыми ресницами сіяютъ какъ молніи ночью; волосы, какъ вороново крыло; всѣ черты лица правильны, но не милы; красота безъ нѣжности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ твердый и проницательный — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвается на ней огненная мантія, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Рокуръ можетъ сказать такъ разительно сіи слова:

Le destin de Medée est d'être criminelle;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Конта — славная своею красотою и кокетствомъ болѣе, нежели театральною игрою—представляетъ роли любовницъ въ комедіяхъ

и драмахъ, иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь за тридцать лѣтъ; но она все еще хороша, и партеръ наполненъ ея обожателями, щастливыми и нещастными. Сказываютъ, что одинъ молодой Графъ отъ любви къ ней сошелъ съ ума, и заключился въ Картезіанскомъ монастырѣ. Никогда не бываетъ она такъ прелестна, какъ въ новой піесѣ le Couvent. Черное платье, бѣлое покрывало, видъ невинности, чистосердечія.... ахъ, бѣдный Графъ! я вѣрю твоему сумасшествію! — Зрители всегда заставляютъ ее нѣсколько разъ повторять арію:

L'attrait qui fait chérir ces lieux,
Est le charme de l'innocence.

Несказанно-пріятный голосъ! — Но никто изъ актеровъ сего театра не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія, какъ Моле, единственный, несравненный Моле, играющій по большой части ролю отцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Померанцевъ кажется ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ Мизантропѣ, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескье*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благородный видъ, такую улыбку добродушія, человѣколюбія, обходительности, надлежало имѣть Автору безсмертной книги о *законахъ!* *

Я не буду говорить о другихъ комическихъ ак-

---

* То есть, въ сей драмѣ Моле представляетъ благодѣтельнаго Монтескью.

терахъ сего Театра: ихъ много. — Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступить преимущество Французской. Англійскія комедіи по большой части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

Такъ называемый Италіянской Театръ, но гдѣ играютъ однѣ Французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ полюбились двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семъ Театрѣ: Рауль *синяя борода* и **Петръ Великій**. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театрально. Рауль, богатый дворянинъ, влюбляется въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкоторую склонность къ молодому Вержи, который любитъ ее страстно: но, ахъ! бѣдный Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца — а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавицъ, дары щастія. Богатство Раулево ослѣп-

ляетъ Розалію. Она разсматриваетъ подарки.... какое великолѣпіе! какой вкусъ! Болѣе всего нравится ей прекрасный головной уборъ, осыпанный бриліантами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу.... и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдный Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суетности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ невѣрной груди; иногда, но очень рѣдко кажется ей, что съ добрымъ, пламеннымъ Вержи была бы она щастливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ. — Скоро Рауль ѣдетъ — не извѣстно куда — и прощаясь съ красавицею, отдаетъ ей ключь отъ одной запертой комнаты. «Естьли не хочешь моей погибели.» говоритъ онъ: «естьли не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!» Розалія клянется — въ чемъ иногда не клянутся милыя женщины? — клянется, и черезъ двѣ минуты.... отпираетъ дверь... Вообразите ужасъ ея!... Она видитъ головы двухъ прежнихъ Раулевыхъ женъ, съ огненною надписью: *вотъ доля твоя!* (Раулю было пророчество, что любопытство жены погубитъ его; для того онъ испытывалъ супругъ своихъ, и умерщвлялъ ихъ за сію слабость, надѣясь спасти тѣмъ собственную жизнь) — Дюгазонъ представляетъ Розалію. Блѣдная, съ распущенными волосами, она бросается на креслы, и поетъ дрожащимъ голосомъ:

Ah! quel sort
Le barbare

Me prépare!
C'est la mort!
C'est la mort!

Въ сію минуту является Вержи, въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ Розаліиной сестры. Какое свиданіе! Должно спасти погибающую; но какъ? Вержи безъ оружія, среди множества непріятелей. Одно средство остается: увѣдомить обо всемъ Розаліина брата. Вержи отправляетъ къ нему письмо съ конюшимъ своимъ. — Между тѣмъ Рауль возвращается; онъ знаетъ все, и грознымъ голосомъ велитъ Розаліи готовиться къ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его — нѣтъ избавленія! Тщетно любовникъ смотритъ въ поле, нетерпѣливо ожидая помощи —

Рѣки тамъ віясь сверкаютъ,
Солнца ясные лучи
Всю природу озлащаютъ;
Но булатные мечи
Не сіяютъ, не сверкаютъ.

Нѣтъ помощи! Не спѣшатъ рыцари избавить Розалію! Наконецъ отчаянный Вержи сказываетъ о себѣ Раулю, что онъ не женщина; что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умерсть вмѣстѣ съ нею: его ведутъ въ темницу. Розалія ожидаетъ смертоноснаго удара; острый мечь блистаетъ надъ ея головою.... но вдругъ съ шумомъ отворяются двери; вооруженные рыцари нападаютъ на Рауля и воиновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ

своего брата. Жестокій ея супругъ умираетъ; нѣжный Вержи падаетъ передъ нею на колѣни.... занавѣсъ опускается. Гретри сочинялъ музыку: она прекрасна.

Въ мелодрамѣ Петръ Великій есть очень трогательныя сцены; по крайней мѣрѣ для Русскаго. Дѣйствіе происходитъ недалеко отъ границъ Россіи. — Государь съ другомъ своимъ ле-Фортомъ, живучи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учится корабельному искусству, и всякой день, съ утра до вечера, трудится въ пристани. Всѣ почитаютъ его обыкновеннымъ работникомъ, и называютъ добрымъ, смышленымъ, умнымъ Петромъ. Молодой, видный актеръ Мишю играетъ эту ролю: мнѣ казался онъ живымъ портретомъ нашего Императора. Можетъ быть и воображеніе мое прибавило нѣчто къ сему сходству; но я не хотѣлъ чувствовать обмана — хотѣлъ имъ наслаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ прелестная Катерина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкій во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу, и открываетъ ей страсть свою. Катерина обожаетъ Петра: никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга катятся по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ:* слово вылетѣло изъ устъ его — оно свято.

Ле-Фортъ, оставшись на единѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная крестьянка будетъ супру-«гою моего Императора! Но ты во всѣхъ своихъ «дѣлахъ безпримѣренъ; ты великъ духомъ своимъ; «хочешь возвысить въ отечествѣ нашемъ санъ че-«ловѣка, и презираешь суетную надменность лю-«дей; одно душевное благородство достойно ува-«женія въ глазахъ твоихъ; Катерина благородна, «душею — и такъ да будетъ она супругою моего «Государя, моего отца и друга!» Второе дѣйствіе открывается сговоромъ. Столѣтніе старцы, опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходятъ къ невѣстѣ; хладными, слабыми руками пожимаютъ ея руку, и съ радостными слезами желаютъ ей благополучія. Молодыя дѣвушки приносятъ розовые вѣнки, украшаютъ ими любезную чету, и поютъ свадебныя пѣсни. «Добрый Петръ!» говорятъ старцы: «люби всегда милую Катерину, и будь дру-«гомъ нашей деревни!» Государь тронутъ до глубины сердца. «Вотъ другая блаженная минута въ «жизни моей!» тихо говоритъ онъ ле-Форту: «пер-«вою насладился я тогда, когда рѣшился въ душѣ «своей быть отцомъ и просвѣтителемъ милліоновъ «людей, и далъ въ томъ клятву Всевышнему.» — Всѣ садятся вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и щастливы! Старики знаютъ, что ле-Фортъ имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ его спѣть какую нибудь старинную пѣсню; онъ думаетъ, беретъ цитру, играетъ и поетъ:

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь,
Православный Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любитъ Царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ и пышность забываетъ —
Тронъ, порфиру оставляетъ. —

Царь какъ странникъ въ путь идетъ —
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чегожь оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться, —
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро сбирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чегожь ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославить
И въ *искусствѣ жить* наставить.

О, Великій Государь!
Первый, первый въ свѣтѣ Царь! —
Всю вселенную пройдете,
Но другова не найдете.

Ле-Фортъ забылъ конецъ пѣсни. Добрые крестьяне хвалятъ ее; только не хотятъ вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на свѣтѣ такой Государь. Катерина болѣе всѣхъ тронута; въ черныхъ глазахъ ея блистаютъ слезы. «Нѣтъ», говоритъ она Ле-Форту: «нѣтъ, ты насъ не обманываешь; пѣсня твоя справедлива: иначе ты не могъ бы пѣть ее съ такимъ сердечнымъ жаромъ!» Вообразите чувствительность Государя! — Но скоро дѣйствіе перемѣняется. Пріѣзжаетъ Менщиковъ, вызываетъ Императора и сказываетъ ему, что въ Россіи прошелъ ложный слухъ о его смерти; что злломышленники развѣваютъ вездѣ пламя бунта; что ему непремѣнно должно возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрный Преображенскій полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не страшится мятежниковъ — одинъ величественный, свѣтлый взоръ его можетъ разсѣять всѣ тучи на горизонтѣ Россіи — но онъ спѣшитъ явиться глазамъ любезной своей Гвардіи. Нѣжная Катерина ждетъ друга, но тщетно; ищетъ его и не находитъ. Ей сказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!*.... сіи слова умираютъ на блѣдныхъ устахъ ея. Но когда она, послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, Петръ стоитъ на колѣняхъ пе-

редъ нею, уже не въ платьѣ бѣднаго работника, но въ великолѣпной одеждѣ Царской, окруженный Вельможами. Катерина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхищается и забываетъ упреки. Государь открываетъ ей все. «Я хотѣлъ обладать нѣжнымъ сердцемъ», говоритъ онъ, «которое любило бы во мнѣ не Императора, но человѣка: вотъ оно!» — (обнимая Катерину) — «сердце и рука моя твои; прими же отъ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее.» — Удивленная Катерина не радуется вѣнцу Царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ Петромъ своимъ въ бѣдной хижинѣ; но Петръ и на тронѣ милъ душѣ ея. Вельможи упадаютъ передъ нею на колѣни — весь Преображенскій полкъ выходитъ на сцену — радостныя восклицанія гремятъ въ воздухѣ — восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу — занавѣсъ опускается. Я отираю слезы свои — и радуюсь, что я Русской. Авторъ піесы есть Г. Буйльи. — Жаль только, что Французы нарядили Государя, Менщикова и ле-Форта въ Польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и Офицеровъ въ крестьянскіе зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Русскіе и нынѣ точно такъ одѣваются; а я, занимаясь драмою, не почелъ за нужное выводить ихъ изъ заблужденія.

На Театрѣ Графа Прованскаго (Théâtre de Monsieur) представляютъ по большой части Италіянскія комическія оперы, иногда же маленькія Французскія піесы. Говорятъ, что въ Италіи нѣтъ и не бывало подобной трупы: рѣдкіе таланты! Гж. Балетти есть первая пѣвица, и славна не только своимъ голосомъ, красотою, но и безпорочнымъ поведеніемъ. Парижская актриса и добродѣтель: чудная связь! и потому Англійскіе Лорды со вздохомъ говорятъ, что она Фениксъ. — Изъ пѣвцевъ славнѣйшіе Раффанелли, Мандини и Виганони.

Новый Театръ de Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая аванъ-сцена! — Тамъ представляются комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстный Монвель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, вторый ле-Кень, играетъ нынѣ въ Variétés. Онъ старъ, не имѣетъ ни голосу, ни фигуры; но всѣ сіи недостатки замѣняетъ искусствомъ и живостію игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнутъ и воспламеняются; я боюсь смигнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ла-Ривъ, Монвель, Моле, — вотъ три актера, которые, можетъ быть, во всей Европѣ не найдутъ себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пяти театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на *булеварахъ*, и для всякаго спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствія и

разсѣянія, самые бѣдные ремесленники, Савояры, разнощики, почитаютъ за необходимость быть въ театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свищутъ и рѣшатъ судьбу піесъ. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знатоковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выраженіе актера. A force de forger on devient forgeron — и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большой части бываютъ наполнены людьми низкаго состоянія. Англичанинъ торжествуетъ въ Парламентѣ и на биржѣ, Нѣмецъ въ ученомъ кабинетѣ, Французъ въ театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Страстную и Святую недѣлю; но какъ Французамъ жить и 14 дней безъ публичныхъ веселій? Тогда всякой вечеръ въ оперномъ домѣ бываетъ духовный концертъ, concert spirituel, гдѣ лучшіе Виртуозы на разныхъ инструментахъ показываютъ свое искусство, и гдѣ провелъ я нѣсколько весьма пріятныхъ и, можно сказать, сладкихъ часовъ, слушая Гайденову Stabat Mater, Іомелліево Miserere, — и проч. Нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами — я не отиралъ ихъ — я ихъ не чувствовалъ. — Небесная музыка! наслаждаясь тобою, возвышаюсь духомъ, и не завидую Ангеламъ. Кто докажетъ мнѣ, чтобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эфирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сіи нѣжные звуки, вѣющіе какъ Зефиръ на сердце мое,

могутъ ли быть пищею смертнаго, грубаго существа? — Но ничто въ этомъ концертѣ не трогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасный *дуэтъ* Ланса и Руссо. Они пѣли — оркестръ молчалъ — слушатели едва дышали.... несравненно!

Парижъ, Апрѣля....

Отъ чего сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего свѣтъ помрачается въ глазахъ моихъ тогда, какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ изъяснить сіи жестокіе, меланхолическіе припадки, въ которыхъ вся душа моя сжимается и хладѣетъ?.... Не уже ли сія тоска есть предчувствіе отдаленныхъ бѣдствій? Не уже ли она есть не что иное, какъ задатокъ тѣхъ горестей, которыми Судьба намѣрена посѣтить меня въ будущемъ?....

Часовъ шесть бродилъ я по окрестностямъ Парижа, въ самомъ грустномъ расположеніи духа; пришелъ въ Булонской лѣсъ и увидѣлъ передъ собою готическій замокъ Мадритъ, построенный въ 16 вѣкѣ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы его заросли высокою травою. Гдѣ Францискъ I наслаждался всѣми пріятностями любви и роскоши; * гдѣ нѣжные звуки арфъ и

* Сей замокъ построенъ Францискомъ I по возвращеніи его изъ Гишпаніи.

гитаръ усыпляли его въ объятіяхъ богини сладострастія: тамъ нынѣ пустота и молчаніе царствуютъ.... Вокругъ меня бѣгали олени; солнце катилось къ западу; вѣтеръ шумѣлъ въ густотѣ лѣса. Я хотѣлъ видѣть внутренность замка.... Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ, покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ нѣжнаго Пирама, умирающаго отъ любви къ Тизбѣ, развѣвается хладная полынь; тамъ Время рукою своею изглаживаетъ картину Юнонина мщенія, превратившаго въ пепелъ злощастную Семелею.... Въ первой, второй, третьей залѣ все пусто и мрачно; въ четвертой, украшенной рѣзьбою и живописью, услышалъ я тяжелый вздохъ.... осмотрѣлся кругомъ и.... представьте себѣ мое удивленіе!... въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго камина, на большихъ креслахъ сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ.... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *добрый вечеръ!*.... Нѣсколько минутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узналъ, что она нищая, сбираетъ милостыню въ Парижѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живетъ въ пустомъ замкѣ Мадритѣ. — «Никто не тревожитъ тебя здѣсь?» спросилъ я. — «Кому тревожить? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзиратель, и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я разсказала ему свою исторію, исторію моей дочери —

онъ заплакалъ — далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того что въ ней цѣлы окончины; для того что въ ней не дуетъ вѣтеръ. Добрый человѣкъ!» — «У тебя есть дочь?» — «Была, была; теперь она тамъ, выше замка Мадрита. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю: жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и щастливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и всѣ люди были добрѣе. Знаешь ли, какъ у насъ въ деревнѣ называли ее? Мущины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попроситъ, и всякой готовъ ждать. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!» — «У тебя нѣтъ родни?» — «Есть; да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда? Я не люблю скучать собою. Слава Богу! нашла пристанище. Знаешь ли, что здѣсь живалъ Король Франсуа? я заступила его мѣсто. Иногда, по ночамъ, кажется мнѣ, будто онъ расхаживаетъ по горницамъ съ своими Министрами, Генералами, и разговариваетъ о старинѣ.» — «И тебѣ здѣсь не страшно?» — «Страшно? Нѣтъ, я уже давно перестала бояться.» — «Что же будетъ съ тобою, добрая старушка, когда ты занеможешь, когда ноги твои отъ старости...» — «Что будетъ? Я умру — меня погребутъ, и все дѣло съ концомъ.» — Мы замолчали. Я подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на захо-

дящее солнце, которое тихими лучами своими освѣщало разнообразныя картины Парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я), и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли нещастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ, — можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится; всегда; вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь сокрой его! Шумящая буря унеси его... туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце!...

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки — и возвратился въ Парижъ.

Парижъ, Маія...

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ отъ 14 Февраля до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они

не заставили бы его мучиться. Извините, естьли это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а естьли бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я тотчасъ не выѣхалъ оттуда? Единственно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ: чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, не льзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ столько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣтей разставлены для всякой его слабости.... Шумный океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сиренъ множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно.... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напротивъ того, здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по сво-

ему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Если же кто вздумаетъ *коротко* знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вотъ какъ можно весело проводить время и тратить не много денегъ:

Имѣть хорошую комнату въ лучшей *Отели*; * поутру читать разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни Швейцаріи; потомъ кликнуть парикмахера, говоруна, враля, который наскажетъ вамъ множество забавнаго вздору о Мирабо и Мори, и Бальи о Лафаетѣ; намажетъ вашу голову Прованскими духами и напудритъ самою бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ чистой, простой фракъ, *бродить* по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля, къ извѣстному Писателю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и картины, — къ Дидоту, любоваться его прекрасными изданіями классическихъ Авторовъ, обѣдать у Ресторатёра, **

---

* Hôtel есть наемный домъ, гдѣ вы кромѣ комнаты и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира.

** Ресторатёрами называются въ Парижѣ лучшіе трактирщики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ

гдѣ подаютъ вамъ за рубль пять или шесть хорошо приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ; посмотрѣть на часы, и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную монументами, или галлерею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться, съ первымъ движеніемъ смычка, въ Оперѣ, въ Комедіи, въ Трагедіи, плѣняться гармоніею, балетомъ, смѣяться, плакать — и съ томною, но пріятныхъ чувствъ исполненною душею отдыхать въ Пале-Рояль, въ Café de Valois, de Caveau, за чашкою *баваруаза*; * взглядывать на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, аллей въ саду; вслушиваться иногда въ то, что говорятъ тамошніе глубокіе Политики; наконецъ возвратиться въ тихую свою комнату, собраться съ идеями, написать нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, броситься на мягкую постелю, и (чѣмъ обыкновенно кончится и день и жизнь) заснуть глубокимъ сномъ съ пріятною мыслію о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

=

роспись всѣмъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдаете на маленькомъ, особливомъ столикѣ.

* Ароматическій сиропъ съ чаемъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Лувръ. Прежде былъ онъ не что иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили потомки Кловисовы, и гдѣ, какъ въ государственной темницѣ, заключались возмутители, ослушные Бароны, которые часто возставали противъ своихъ Королей. Франциск I, страстный охотникъ воевать, плѣнять красавицъ и строить великолѣпные замки, разрушивъ до основанія готическія башни, на ихъ мѣстѣ соорудилъ огромный дворецъ, украшенный лучшими художниками его вѣка, но необитаемый до временъ Карла IX. Лудовикъ XIV воцарился: съ нимъ воцарились Искусства, Науки — и Лувръ, по его мановенію, увѣнчался великолѣпною своею колоннадою, лучшимъ произведеніемъ Французской Архитектуры, и тѣмъ болѣе удивительною, что строилъ ее не славный зодчій, а Докторъ Перро, обезславленный, разруганный насмѣшливымъ Буало въ его сатирахъ. Не льзя взглянуть безъ какого-то глубокаго почтенія на ея перистили, портики, фронтоны, пиластры, столпы, которымъ вмѣсто крова служитъ терраса съ прекраснымъ балюстрадомъ. Я всякой разъ останавливаюсь противъ главныхъ воротъ, смотрю и думаю: «Сколько тысящелѣтій мелькнуло черезъ земный шаръ въ вѣчность между первымъ сплетеніемъ гибкихъ вѣтьвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человѣкъ, но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума, но

какъ они многообразны и безконечны!» — Лудовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалію, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ Музами. Тутъ всѣ Академіи; * тутъ жили и славные Ученые, Авторы, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Лудовикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, нельзя не вспомнить о снѣжномъ обелискѣ, который въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Королю, покупавшему для нихъ дрова. Всѣ Парижскіе Стихотворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была;

Мы дѣлаемъ Царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоцѣнный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ привезенный.

Въ память сего трогательнаго случая, одинъ богатый человѣкъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близъ Тюльери, мраморный обелискъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, читалъ ихъ, и вообразивъ, какъ нынѣ Французы обходятся съ Королемъ своимъ, подумалъ: «Вотъ памятникъ благо-

---

* Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я четыре славныя ле-Брюневы картины: сраженія Александра Великаго.

дарности, который доказываетъ неблагодарность Французовъ!»

Тюльери. Имя произошло отъ tuile, то есть черепицы, которую нѣкогда тутъ дѣлали. Сей дворецъ построенъ Катериною Медицисъ; состоитъ изъ пяти павильйоновъ съ четырьмя *корь де-ложи*; украшенъ мраморными колоннами, фронтономъ, статуями, и наконецъ изображеніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Лудовика XIV. Видъ зданія не величественъ, но пріятенъ; положеніе очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передъ главною фасадою Тюльерійской садъ, съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми аллеями, сквозь которыя вдали видна, на об ширной площади, статуя Лудовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами; первые въ рыцарскихъ мантіяхъ, съ распущенными волосами; вторыя въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутреннія комнаты — я за ними — изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы, господа? за чѣмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрѣть*, отвѣчали мои товарищи, и шли далѣе. Украшенія комнатъ составляютъ обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камины. Между тѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и Экс-Министра-

ми, придворными и старыми Королевскими слугами, которые, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небреженіемъ одѣтыхъ людей, шумящихъ и бѣгающихъ, пожимали плечами. Я самъ съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ ходилъ за другими. Таковъ ли былъ прежде Французскій Дворъ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухъ человѣкъ, сидящихъ рядомъ и тихонько говорящихъ между собою, думалъ я: «Они вѣрно говорятъ о нещастномъ состояніи Франціи и будущихъ «ея возможныхъ бѣдствіяхъ!» — Второй сынъ Герцога Орлеанскаго игралъ въ билліардъ съ какимъ-то почтеннымъ старикомъ. Молодой Принцъ очень хорошъ лицомъ; надобно, чтобы и душа его была прекрасна, — слѣдственно не похожа на душу отца его. — — Тюльери соединяется съ Лувромъ посредствомъ галлереи, которая длиннѣе и огромнѣе всѣхъ галлерей на свѣтѣ, и гдѣ долженъ быть Королевскій Музеумъ, или собраніе картинъ, статуй, древностей, разсѣянныхъ теперь по разнымъ мѣстамъ.

==

Люксанбуръ принадлежитъ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецъ, построенный Маріею Медицисъ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною властолюбивою, но рожденною безъ всякаго таланта властвовать, которая, бывъ долгое время Ксантиппою Генриха IV, за-

ступила его мѣсто на тронѣ для того, чтобы расточить плоды Сюлліевой бережливости, завести междоусобную войну во Франціи, возвеличить Ришелье и быть жертвою его неблагодарности; которая, осыпавъ милліонами недостойныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для утоленія голода и рубище для прикрытія наготы своей. Игра судьбы бываетъ иногда ужасна. — Съ такими мыслями смотрѣлъ я на прекрасную архитектуру сего дворца, на его террасы и павильйоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едва ли достойны примѣчанія; но тутъ славная галлерея Рубенсова, въ которой сей Нидерландскій Рафаэль истощилъ всю силу искусства и Генія своего: 25 большихъ картинъ, представляющихъ Генриха IV и Королеву Марію со множествомъ аллегорическихъ фигуръ. Какое разнообразіе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ. Марія, изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокіе слѣды страданія, томность, изнеможеніе; блѣдная роза красоты; радость быть матерію Дофина; чувство, что вся Франція ожидала сей минуты съ боязливымъ нетерпѣніемъ, и что милліоны будутъ торжествовать ея щастливое разрѣшеніе отъ бремени: нѣжность супруги, говорящей своими взорами Генриху: *я жива! у насъ есть сынъ!* все прекрасно, и съ трогательнымъ искусствомъ выражено. Видно, что главнымъ предметомъ живописца была Королева; она занимаетъ первое мѣсто на картинахъ: Ген-

рихъ вездѣ *для нее*. Удивительно ли? Рубенсъ писалъ по ея заказу, послѣ Генриховой смерти; и льстецъ-Живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ-Историкъ, ни льстецъ-Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи; онъ умѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу; онъ заставляетъ меня любить Марію. — Между аллегорическими фигурами примѣтилъ я одно женское милое лицо, неоднократно изображенное. Ученикъ живописи, который показывалъ мнѣ галлерею, сказалъ: «Не дивитесь повторенію; это лицо Рубенсовой жены, славной красавицы Елены Форманъ. Рубенсъ былъ ея *любовникомъ-супругомъ*, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою Елену.» Я люблю тѣхъ, которые любить умѣли и сердце мое еще сильнѣе прилѣпилось къ художнику.

Садъ Люксанбурской былъ нѣкогда любимымъ гульбищемъ Французскихъ Авторовъ, которые въ густыхъ и темныхъ его аллеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Мабли часто гулялъ съ Кондильякомъ: туда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольтеръ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ риѳмъ для острыхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребильйонъ воображалъ себя злобнымъ Атреемъ. Нынѣ садъ уже не таковъ; многія аллеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь остальною сѣнію тамошнихъ старыхъ деревъ; хожу одинъ, или, сидя на дерновомъ канапѣ, читаю книгу. Люксанбуръ не далеко отъ улицы Генего, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною третьяго дни въ Люксанбурскомъ саду, разсказалъ мнѣ забывный случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почти весь Парижъ, чтобы видѣть воздушное путешествіе Аббата Міолана, объявленное черезъ газеты. Ждутъ два, три часа: шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнется эксперимснтъ? Аббатъ отвѣчаетъ: *въ минуту!* Но приходитъ вечеръ, шаръ ни съ мѣста. Народъ теряетъ наконецъ терпѣніе, бросается на аэростатъ, рветъ его въ клочки, а Міоланъ спасается бѣгствомъ. На другой день въ Пале-Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояры кричатъ: «Кому надобно изображеніе славнаго путешествія, щастливо совершеннаго славнымъ Аббатомъ Міоланомъ, — за копѣйку, за копѣйку!» Аббатъ послѣ того умеръ гражданскою смертію, то есть не смѣлъ казаться въ люди. Смѣшная исторія должна была кончиться новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинъ Д*, скоро послѣ Міоланова бѣдствія, былъ въ Партерѣ Оперы и смотрѣлъ на балетъ. Вдругъ приходитъ высокой человѣкъ, Аббатъ, становится передъ нимъ, и мѣшаетъ ему видѣть сцену. «Посторонитесь, говорятъ ему: здѣсь довольно мѣста.» Гигантъ не слушаетъ, не трогается; смотритъ и не даетъ другимъ смотрѣть. Молодой Адвокатъ, который стоялъ подлѣ Господина Д*, сказалъ ему: «хотите ли, чтобы я выгналъ высокаго Аббата?» *Ахъ ради Бога! естьли можете.* — «Могу» и тотчасъ началъ шептать на ухо всѣмъ, стоявшимъ вокругъ его: «вотъ Аббатъ Міоланъ, который обманулъ публику!» Вдругъ десять голосовъ

повторили: «вотъ Аббатъ Міоланъ!» Чрезъ минуту весь партеръ закричалъ: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!» и всѣ указывали пальцомъ на высокаго человѣка, который въ изумленіи, въ досадѣ, въ отчаяніи на право и на лѣво кричалъ: «Государи мои! я не Аббатъ Міоланъ!» Но скоро и во всѣхъ ложахъ раздался голосъ: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!» такъ, что высокому человѣку, который назывался совсѣмъ не Міоланомъ, надлежало какъ преступнику бѣжать изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху, изъявлялъ благодарность молодому Адвокату, между тѣмъ какъ партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!»

Графъ Прованскій живетъ во флигелѣ.

═

Пале-Рояль называется *сердцемъ*, *душею*, *мозгомъ*, *извлеченіемъ Парижа*. Ришельё строилъ и подарилъ его Лудовику XIII, надписавъ надъ воротами: Palais Cardinal! Эта надпись многимъ не полюбилась; одни называли ее гордою, другіе безсмысленною, доказывая, что по-Французски не льзя сказать: Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришельё; писали, судились передъ публикою и славный *щеголь* Французскаго языка (разумѣется, по тогдашнему времени), Бальзакъ, игралъ отличную ролю въ семъ важномъ прѣніи: доказательство, что Парижскіе умы издавна промышля-

ютъ мыльными пузырями! Королева Анна прекратила споръ, велѣвъ стереть Cardinal, и написать Royal. Лудовикъ XIV воспитывался въ Пале-Рояль, и наконецъ подарилъ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамъ наружности сего квадратнаго замка, который безъ всякаго сомнѣнія есть огромнѣйшее зданіе въ Парижѣ, въ которомъ соединены всѣ Ордены Архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитъ къ отличному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетъ самую малую часть главнаго этажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. Тутъ спектакли, клубы, концертныя залы, магазины, кофейные домы, трактиры, лавки; тутъ богатые иностранцы нанимаютъ себѣ комнаты; тутъ живутъ блестящія первоклассныя Нимфы; тутъ гнѣздятся и самыя презрительныя. Все, что можно найти въ Парижѣ, (а чего въ Парижѣ найти нельзя?) есть въ Пале-Рояль. Тебѣ надобенъ модный фракъ: поди туда, и надѣнь. Хочешь, чтобы комнаты твои черезъ нѣсколько минутъ были украшены великолѣпно: поди туда, и все готово. Желаешь имѣть картины, эстампы лучшихъ мастеровъ, въ рамахъ за стеклами: поди туда, и выбирай. Разныя драгоцѣнныя вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдругъ очутиться въ кабинетѣ твоемъ отборная библіотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и черезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь

имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и естьли угодно, цвѣтущую Лаису, которая всякую минуту будетъ умирать отъ любви къ тебѣ. Тамъ собраны всѣ лекарства отъ скуки и всѣ сладкія отравы для душевнаго и тѣлеснаго здоровья, всѣ средства выманивать деньги и мучить безденежныхъ, всѣ способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долголѣтнюю, провести въ Пале-Рояль какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ, все узналъ!*

Въ срединѣ замка садъ, еще не давно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, сѣнистыхъ деревъ, которые прежде тутъ были и вырублены немилосердымъ Герцогомъ для новыхъ правильныхъ аллей. «Теперь, говорятъ недовольные, одно дерево кличетъ другое, и ни которое воробья не укроетъ; а прежде—то ли дѣло? Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, «въ самой жаркой день наслаждались мы здѣсь «прохладою, какъ въ самомъ дремучемъ, дикомъ «лѣсу. Славное *Краковское дерево* (arbre de Cracovie) какъ царь возвышалось между другими; въ «непроницаемой тѣни его собирались наши старые Политики, и сидя кругомъ, за чашею лимонада, на деревянномъ канапѣ, сообщали другъ «другу *газетныя тайны*, глубокія знанія, остроумныя догадки. Молодые люди приходили слушать ихъ, чтобы послѣ къ своимъ родственни«камъ въ провинціяхъ написать: *Такой-то Король »скоро объявитъ войну такому-то Государю. Но-*

«*вость несомнительная! Мы слышали ее подъ* «*вътьвями Краковскаго дерева.* Тотъ, кто не по-«щадилъ его, пощадитъ ли какую нибудь святыню? «Герцогъ Орлеанскій запишетъ имя свое въ исто-«ріи какъ Горостратъ: Геній его есть злой духъ «разрушенія.»

Однакожь новый садъ имѣетъ свои красоты. Зеленые павильйоны вокругъ бассейна и липовый храмъ пріятны для глазъ. Всего же пріятнѣе Сиркъ, зданіе удивительное, единственное въ своемъ родѣ: длинный параллелограмъ, занимающій середину сада, украшенный Іоническими колонцами и зеленью, въ которой бѣлѣются мраморныя изображенія великихъ мужей Франціи. Снаружи кажется онъ вамъ низенькою бесѣдкою съ портиками; войдите, и увидите внизу подъ вашими ногами великолѣпныя залы, галлереи, манежъ; можете сойти туда по любому крыльцу, и вы будете въ гостяхъ у Короля Гномовъ, въ подземельномъ царствѣ, однакожь не въ темнотѣ; свѣтъ льется на васъ сверху, сквозь большія окна; и вездѣ, въ блестящихъ зеркалахъ, повторяются видимые вами предметы. Въ залахъ бываютъ всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внутренности Сирка еще болѣе красоты. Тутъ ко всякой дамѣ, сколько бы бриллiантовъ ни сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шутить; ни которая не разсердится, хотя всѣ очень хорошо играютъ ролю знатныхъ госпожъ. Тутъ же и славные Парижскіе фехтмейстеры показываютъ свое искусство, которому я нѣсколько разъ удивлялся.

—Изъ комнатъ Герцога Орлеанскаго сдѣланъ ходъ въ манежъ или, лучше сказать, подземельная дорога, по которой онъ можетъ пріѣзжать туда верькомъ или въ коляскѣ. Прекрасная терраса, усѣянная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши туда, гуляете среди цвѣтниковъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и черезъ минуту сходите опять въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ пріятностію думаете: «тысячи людей шумятъ и движутся теперь надъ моею головою.»

Вся нижняя часть Пале-Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 портиками, которые, будучи освѣщены реверберами, представляютъ ночью блестящую иллюминацію.

Комнаты, занимаемыя фамиліею Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерея, едва ли уступающая Дрезденской и Диссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Антиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображеніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелать вамъ, друзья мои, пріятной ночи.

Парижъ, Маія 1790

Нынѣшній день молодой Скиѳъ К*, въ Академіи Надписи и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартелеми-Платона.

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: «Я Русской; читалъ Ана-«харсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, «безсмертныхъ талантовъ. И такъ, хотя въ не-«складныхъ словахъ, примите жертву моего глу-«бокаго почтенія!»—Онъ всталъ съ креселъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: *я радъ вашему знакомству; люблю Сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой.*— «Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса *.» — *Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!*—«Будетъ еще болѣе, естьли вы дозволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ лю-

---

* Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѳины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me reçut, говоритъ молодой Скиѳъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom.—Anach vol. 2. ch. VII.

бопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ.» — *Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ: оно покажется вамъ скучно*, comme de raison; *извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ.* — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человѣкъ, да столько же зрителей — не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертація Аббата Бартелеми, въ которой дѣло шло о медаляхъ Іонаоановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартелеми. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой, съ проницательнымъ взоромъ, съ тонкою Аоинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лице наше. Бартолеми чувствовалъ въ жизни только одну страсть; любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу*, имѣлъ щастіе доказать великодушную свою привязанность къ из-

гнанному Министру Шуазёлю, и дѣлилъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и супругѣ его, подъ именемъ Арсама и Федимы, приписалъ онъ Анахарсиса такъ мило и трогательно, говоря: «Сколько разъ имя ва«ше готово было изъ глубины моего сердца излить«ся на бумагу! Сколь лучезарно сіяло оно передо «мною, когда мнѣ надлежало описывать какое ни«будь великое свойство души, благодѣянія, призна«тельность! Вы имѣете право на сію книгу: я со«чинялъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, которыя всего болѣе «украшались вами; и хотя кончилъ оную далеко «отъ Персіи, но въ глазахъ вашихъ: ибо воспоми«наніе минутъ, съ вами проведенныхъ, никогда не »можетъ загладиться. Оно составитъ щастіе о«стальныхъ дней моихъ; а по смерти желаю един«ственно того, чтобы на гробѣ моемъ глубоко вы«рѣзали слова: *онъ заслужилъ благосклонность* «*Арсама и Федимы!*»

Тутъ же узналъ я Левека. Автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нѣчто привлекательное, силь-

ное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцовъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно лыбопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело. — Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, есть ли посредственный Французскій Писатель можетъ унизить нашего славнаго Монарха, говоря: on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie,

puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples. * Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ, другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бъ было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? «Однакожъ, говорятъ, на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить.... «Но въ немъ теплѣе!....» У насъ есть шубы.... «За чѣмъ же имѣть два платья?....». За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ компатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же,

---

* То есть: «Его, можетъ быть, по справедливости не «хотятъ назвать великимъ умомъ: ибо онъ, желая об«разовать народъ свой, только что подражалъ другимъ «народамъ.»

что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Есть ли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ тольло разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите, сравняйтесь съ ними, и потомъ, естьли можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ

жалкія *Іереміады* объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физіогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Со-

общеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Читали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ Членовъ; и я замѣтилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно щастливое выраженіе не укрывается отъ тонкаго вкуса здѣшней публики— *браво!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь нравственныя мысли или *сентенціи*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, Авторъ сказалъ: «Вотъ доказатель-«ство, что нѣжныя души предпочитаютъ тихое у-«довольствіе совѣсти шумнымъ успѣхамъ често-«любія!» и всѣ слушатели захлопали. — Засѣданіе кончилось предложеніемъ задачъ для Антикваріевъ. Надобно было познакомиться съ Гм. Левекомъ и сказать ету комплементъ на счетъ его добраго мнѣнія о Русскихъ, у которыхъ онъ, по своей благосклонности, не отнимаетъ природнаго ума, ни способности къ Наукамъ. Бартелеми подарилъ меня какъ двумя учтивыми фразами, и мы разстались еще знакомые.

=

Я видѣлъ Автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій умѣетъ быть единственнымъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Не довольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о щастливыхъ временахъ Французской Литтературы, которыя прошли и не возвратятся! Вѣкъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедіи, Духа Законовъ, не уступаетъ вѣку Расина, Буало, ла-Фонтена; и въ домѣ Г-жи Неккеръ, Барона Ольбаха, шутили столь же остроумно, какъ въ домѣ Ниноны Ланкло. Физіогномія Мармонтелева очень привлекательна; тонъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкій Романистъ, котораго имени не помню, въ журналѣ своего путешествія описываетъ его почти мужикомъ, то есть, самымъ грубымъ человѣкомъ! Какъ врали могутъ быть нахальны; — Мармонтелю болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ, и живетъ съ нею щастливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ. — Лагарпъ, въ улицѣ Генего, мой сосѣдъ. Талантъ, слогъ, вкусъ и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучшій Трагикъ послѣ Вольтера. Въ твореніяхъ его мало огня, чувствительности, воображенія, но стихи всѣ хороши, и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литтературною частію Французскаго Меркурія, вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также Членомъ Ака-

демія. — Мерсье и Флоріанъ въ Парижѣ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

==

Парижъ Мая....

Бывшая актриса Дервье, актриса посредственная, но прелестница славная, упражняясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ милліоны, вздумала построить такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смотрятъ всѣ какъ диво. Надобно имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П*, мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блеститъ, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *не-прекраснаго;* и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Прошедши комнатъ пять, вошли мы во святилище — въ спальню, гдѣ живопись изобразила на стѣнахъ Геркулеса, стоящаго на колѣняхъ передъ Омфалою; пять или шесть Эротовъ, ѣдущихъ верхомъ на его палицѣ; Армиду, которая смотрится въ зеркало, гораздо болѣе восхищаясь своею красотою, нежели обожаніемъ сидящаго подлѣ нее Ринальда; Венеру,

которая, снявъ съ себя поясъ, подаетъ его.... не видно кому, но вѣрно хозяйкѣ. Глаза ищутъ.... догадаетесь чего. Ложе удовольствій, осыпанное неувядаемыми, то есть, искусственными розами безъ терній, возвышается на нѣсколькихъ ступеняхъ; тутъ безъ сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ преклонить колѣна свои. Позади спальни, въ небольшой залѣ, сдѣланъ мраморный бассейнъ для купанья, а вверху хоры для музыкантовъ, чтобы красавица, слушая гармоническую игру ихъ, могла въ тактъ полоскаться. Изъ сей комнаты дверь въ Гесперидской садъ, гдѣ всѣ тропинки опушены цвѣтами; гдѣ всѣ дерева осѣняя благоухаютъ. Лужки и лѣсочки живописные; кажется, будто всякая травка и всякой листокъ выбраны изъ тысячи. Дорожки извиваясь приводятъ васъ ко мшистой скалѣ, къ дикому гроту, гдѣ читаете надпись: *Искусство ведетъ къ Натурѣ; она дружески подаетъ ему руку*; а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію*. Молодой Англичанинъ, который былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись, сказалъ: grimace, grimace, Mademoiselle Dervieux! — Хозяйка живетъ во второмъ этажѣ, который мы также осматривали, и гдѣ комнаты хотя со вкусомъ прибраны, однакожъ не имѣютъ очаровательности перваго. Я любопытствовалъ видѣть Нимфу; но ей угодно было играть ролю невидимки. На диванѣ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго стана, чепчикъ съ розовыми лентами и черепаховой гребень. Зеленый тафтяный занавѣсъ отдѣлялъ отъ насъ спаль-

ную прелестницу; но мы не смѣли отдернуть его.

Новая Нинонъ вздумала продавать волшебный свой храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чтобы за ужиномъ, который онъ хочетъ дать въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ быть наградою Американца.

=

Академіи.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль быть участникомъ въ достохвальнымъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе, окриляютъ разумъ человѣческій. Надобно отдать справедливость Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришельё для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому же-

стокому Министру! Жаль, что всякой новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина Членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знатные! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякой знай свое мѣсто и дѣло*, есть мудрое правило, по рѣже всего исполняется. Правда, что *Господа-сорокъ*, messieurs les quarante, * наблюдаютъ въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знатныхъ Членовъ потребовалъ для себя креселъ: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. C'est toujours quelque chose. Главный плодъ сего Академическаго дерева есть Лексиконъ Французскаго языка, чистый, правильный, строгій, но не полный, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія!* На примѣръ, Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украсить; но смерть помѣшала. * Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришельё доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ сла-

---

* Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

* Остроумный Ривароль давно обѣщаетъ новый Философическій Словарь языка своего; но чрезмѣрная лѣность, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

вы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили Сида. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ Журналъ для критики и Словесности: чего бы не произвели соединенные труды лучшихъ Писателей? Однакожъ польза ея не сомнительна. Множество хорошихъ піесъ написано для славы быть Членомъ Академіи, или заслужить ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и Краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторовъ обработывать ихъ, въ день Св. Лудовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидротъ, Доратъ и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда, славнѣе не быть, нежели быть Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть потомство. Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать*. Не *Писатели*, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторовъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента, утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, которые сами запишутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка: messieurs ces quarante ont de l'esprit comme quatre, и забавная эпитафія:

Ci-gît; Piron; il ne fut rien.
Pas même Académicien.

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ залѣ ея, между многими изображеніями славныхъ Авторовъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Лудовикомъ XIV, состоитъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономіею, Математикою, Химіею, стараясь *открывать новое*, или *доводить до совершенства* извѣстное, по девизу: invenit et perfecit. Каждый годъ выдаетъ она большой томъ сочиненій своихъ, полезныхъ для Ученаго, пріятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую Исторію Наукъ со времени Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкій Ученый снимаетъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца * можно будетъ вырѣзать на его гробѣ:

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;
Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,

* См. Діогена Лаэрція въ жизни Талеса.

Мудрецъ на небо пресилился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ Математикѣ, Астрономіи, и въ шутку называетъ Ураніею; ведетъ переписку съ всѣми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Боде. — Лавуазье есть Геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ Революціею Генеральнымъ Откупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ милліонъ; но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты требуютъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а сверхъ того любитъ дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братій, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ Генеральнымъ Откупщикомъ, также любилъ Науки и благодѣтельность; но Философія послѣдняго не стоитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Клапрота. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ Нау-

ки соединяютъ людей, живущихъ на Сѣверѣ и Югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло! — Слава Лавуазьерова пристрастила многихъ здѣшнихъ дамъ къ Химіи, такъ что года за два передъ симъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердецъ своихъ химическими операціями. — Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Исторіею Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ Революцію, и мирную тишину кабинета промѣнялъ можетъ быть на эшафотъ! *

Академія Надписей и Словесности учреждена также Лудовикомъ XIV, и болѣе ста лѣтъ ревностно трудится для обогащенія Исторической Литтературы; нравы, обыкновенія, монументы древности, составляютъ предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовъ, которые можно назвать золотою миною Исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, есть ли не читали Записокъ Академіи; читая ихъ, живете съ Древними; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѳинахъ, въ Римѣ и проч. Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою

---

* Лавуазье и Бальи умерщвлены Робеспьеромъ.

указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даетъ умирать*, vetat mori.

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Луврѣ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Лудовика XIV, или великаго Министра его Кольберта.

═

Парижъ, Маія....

Нынѣшній день — угадайте, что я осматривалъ? Парижскія улицы; разумѣется, гдѣ что нибудь случилось, было или есть примѣчанія достойное. Забывъ взять съ собою планъ Парижа, который бы всего лучше могъ быть моимъ путеводителемъ, я страшнымъ образомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фіакрахъ цѣлый день проѣздилъ. Въ 10 часовъ утра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня — къ *источнику любви*. Онъ не читалъ Сент-Фуа, слѣдственно не понималъ меня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать яснѣе: Eh bien, dans la rue de la Truanderie! — «A la bonne heure. Vous autres étrangers, vous ne dites le mot propre qu'à la fin de la phrase!» — И такъ мы отправились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при Дворѣ Филиппа Августа, любила и страдала. Отъ Парижа далеко

до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ через 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человѣкъ, приведенный въ отчаяніе жестокостію своей богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щастливо: не утонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъявить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ, и готическими буквами написалъ:

L'amour m'a refait
En 1525 tout à fait.

Въ 1525 году вновь
Меня перестроила Любовь.

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣть нѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эротовъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родителямъ возможныя слѣдствія такихъ сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали *источникъ любви.* Показываютъ мѣсто его: тутъ выпилъ я стаканъ Сен-

ской воды, остатками оросилъ землю и сказалъ: à l'amour! *въ жертву Венерѣ-Ураніи.*

Нынѣшняя *Павильйонная улица* называлась прежде именемъ Діаны, не Греческой богини, а прекрасной, милой Діаны дю-Пуатье, которую знаю и люблю по запискамъ Брантома. Она имѣла всѣ прелести женскія, до самой старости сохранила свѣжесть красоты своей, и владѣла сердцемъ Генриха II. Ростъ Минервинъ, гордый видъ Юноны, походка величественная, темно-русые волосы, которые до земли доставали; глаза черные огненные; лице нѣжное лилейное, съ двумя розами на щекахъ; грудь Венеры Медицискои, и, что еще милѣе, чувствительное сердце и просвѣщенный умъ: вотъ ея портретъ! Король хотѣлъ, чтобы Парламенты торжественно признали дочь ея законною его дочерью: Діана сказала: «Имѣвъ «право на твою руку, я требовала единственно «твоего сердца, для того, что любила тебя; но ни«когда не соглашусь, чтобы Парламентъ объявилъ «меня твоею наложницею.» — Генрихъ слушалъ ее во всемъ и дѣлалъ только хорошее. Она любила Науки, Поэзію, и была Музою остроумнаго Маро. Городъ Ліонъ посвятилъ ей медаль съ надписью: Omnium victorem vici. * «Я видѣлъ Діану шести«десяти пяти лѣтъ, говоритъ Брантомъ, и не могъ «надивиться чудесной красотѣ ея; всѣ прелести «сіяли еще на лицѣ сей рѣдкой женщины.» Какая

---

* Я побѣдила побѣдителя всѣхъ.

изъ нынѣшнихъ красавицъ не позавидуетъ Діанѣ? Имъ остается слѣдовать образу ея жизни. Она всякой день вставала въ шесть часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала притираній, никогда не румянилась, часто ѣздила верхомъ, ходила, занималась чтеніемъ и не терпѣла праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты! — Діана погребена въ Анетѣ; не имѣя надежды видѣть могилу ея, я бросилъ цвѣтокъ на то мѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ *писателей* или *копистовъ* (des écrivains) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламель съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя готическими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламель: не правда ли? Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный копистъ; но вдругъ, къ общему удивленію сдѣлался благотворителемъ неимущихъ и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцовъ семейства, на вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городѣ разные толки: одни говорили, что Фламель нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ тайну философскаго камня и дѣлаетъ золото; иные подозрѣвали даже, что онъ водится съ Духами; а нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли мно-

жество угольевъ, разныхъ сосудовъ, урнъ, съ какимъ-то жесткимъ минеральнымъ веществомъ. Алхимическое суевѣріе обрадовалось новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелю, превратили въ дымъ свое имѣніе. Прошло нѣсколько вѣковъ: Исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасъ, славный путешественникъ, славный лжецъ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азіи, познакомился онъ съ однимъ Дервишемъ, который говорилъ *всѣми* языками, казался молодымъ человѣкомъ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. «Сей Дервишъ,» говоритъ Люкасъ, «увѣ«рилъ меня, что Николай Фламель еще живъ; что «онъ, боясь сидѣть въ тюрьмѣ за тайну философ«скаго камня, вздумалъ скрыться; подкупилъ Док«тора и приходскаго священника, чтобы они раз«гласили о его смерти, а самъ ушелъ изъ Франціи. «Съ того времени, сказалъ мнѣ Дервишъ, Николай «Фламель и жена его Пернилія ведутъ философскую «жизнь въ разныхъ частяхъ свѣта; онъ сердечный «другъ мой, и я недавно видѣлся съ нимъ на берегу «Гангеса.» — Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ, а то, что Лудовикъ XIV посылалъ такого человѣка странствовать для обогащеніе Наукъ историческими свѣдѣніями. — Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламеля, копалъ въ землѣ своею тростью, но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ *Ферронери:* какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя — seul roi de qui le peuple ait gardé la mé-

moire, говоритъ Вольтеръ. Герой великодушный, Царь благотворительный! ты завоевалъ не чужое, а свое государство, и единственно для щастія завоеванныхъ! — Слова незабвенныя, простыя, но сильныя: *я не хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестьянинъ въ Королевствѣ моемъ не ѣлъ курицы по Воскресеньямъ!* и другія сказанныя имъ Гишпанскому Министру: *Вы не узнаете Парижа: мудрено ли? Отецъ семейства былъ прежде въ отлучкѣ; теперь онъ дома, и печется о своихъ дѣтяхъ!* — Въ бѣдствіяхъ образовалась душа Генрихова; въ собственномъ нещастіи научился онъ дорожить щастіемъ другихъ людей и дружбою, которая раждается и торжествуетъ въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣкоторые изъ добрыхъ Французовъ отъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Викъ, Парижской Губернаторъ. Кучеръ мой остановился и кричалъ: «вотъ улица дела-Ферронери!» *Нѣтъ*, отвѣчалъ я: *ступай далѣе!* Я боялся вытти и ступить на ту землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.

Улица храма, rue du Temple, напомнила бѣдственный жребій славнаго Ордена Тампліеровъ, которые въ бѣдности были смиренны, храбры и великодушны; разбогатѣвъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ *Прекрасный* (но только не душею), и Папа Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Варварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, терзали, заставляя виниться въ ужа-

ныхъ нелѣпостяхъ; на прим. въ томъ, будто они поклонялись деревянному болвану съ сѣдою бородою, отрекались отъ Христа, дружились съ дьяволомъ, влюблялись въ чертовокъ, играли младенцами какъ мячемъ, то есть, бросали ихъ изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ умерщвляли. Многіе рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновными; другіе же въ страшныхъ мукахъ, на кострѣ, въ пламени восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ нашу невинность!* Моле, Великій Магистеръ Ордена, выведенъ былъ на эшафотъ, чтобъ всенародно изъявить покаяніе, за которое обѣщали простить его. Одинъ ревностный легатъ въ длинной рѣчи описалъ всѣ мнимыя злодѣянія Кавалеровъ Храма, и заключилъ словами: «вотъ ихъ начальникъ! слу-«шайте: онъ самъ откроетъ вамъ богомерзкія тайны Ордена.....» *Открою истину*, сказалъ нещастный старецъ, выступивъ на край эшафота, и потрясая тяжкими своими цѣпями: *Всевышній, милосердый Отецъ человѣковъ! внемли клятвѣ моей, которая да оправдаетъ меня предъ Твоимъ небеснымъ судилищемъ!.... Клянусь, что рыцарство невинно; что Орденъ нашъ былъ всегда ревностнымъ исполнителемъ Христіанскихъ должностей, правовѣрнымъ, благодѣтельнымъ; что однѣ лютыя муки заставили меня сказать противное, и что я молю Небо простить человѣческую слабость мою. Вижу яростную злобу нашихъ гонителей; вижу мечь и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я оклеветалъ моихъ братій, истину и святую Вѣру!*

— Въ тотъ же день сожгли его. Старецъ, пылая на кострѣ, говорилъ только о невинности рыцарей и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ огонь, собралъ пепелъ нещастнаго и унесъ его какъ драгоцѣнную святыню. — Какія времена! какіе изверги между людьми! Хищному Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

Чѣмъ загладить въ мысляхъ страшныя воспоминанія? Куда теперь ѣхать? Въ *Иль де-Нотръ Дамъ*, гдѣ, во время Карла V, передъ глазами всѣхъ именитыхъ жителей Парижа, рыцарь Макеръ сражался.... съ другимъ рыцаремъ, думаете? Нѣтъ, съ собакою, которая могла служить примѣромъ для рыцарей. Донынѣ показываютъ тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу не далеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака нещастнаго, которая оставалась дома, побѣжала ночью искать его, нашла въ лѣсу могилу, узнала кто погребенъ тутъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратиться въ Парижъ. Она пришла къ Обріеву другу, Ардильеру, и жалкимъ воемъ давала ему чувствовать, что общаго друга ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафтанъ, тащила къ дверямъ. Ардильеръ рѣшился итти за нею — изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами

землю. Другъ Обріевъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему копать, и находитъ тѣло нещастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Историки называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него, * лаетъ, грызетъ, такъ что съ великимъ трудомъ могли оттащить ее. Въ другой, въ третій разъ то же; собака, весьма смирная, только противъ одного человѣка дѣлается злобнымъ тигромъ. Люди удивляются, говорятъ; вспомнили ея привязанность къ господину, вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножаютъ подозрѣніе. Доходитъ до Короля. Онъ желаетъ видѣть собственными глазами — и видитъ, что собака, ласкаясь ко всѣмъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макера. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ, естьли доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто; Рыцарю даютъ булаву, и пускаютъ собаку. Жестокій бой начинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разить; но собака увертывается, хватаетъ его за горло — и злодѣй, падая на землю, признается Королю въ своемъ злодѣяніи. Карлъ V, желая для потомства сохранить память вѣрной собаки, которая столь чудесно открыла тайное убійство,

---

* Спрашивается, какъ она узнала его? Можетъ быть, имѣя тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

велѣлъ въ Бондійскомъ лѣсу соорудить ей мраморный монументъ и вырѣзать слѣдующую надпись: *Жестокія сердца! стыдитесь: безсловесное животное умѣетъ любить, и знаетъ благодарность. А ты, злодѣй! въ минуту преступленія бойся самой тѣни своей!* — И такъ Карлъ справедливо названъ *Мудрымъ*. — Когда *Исторія людей*, наполненная злодѣяніями, выпадетъ изъ рукъ моихъ, я стану читать *исторію собакъ*, и утѣшусь!

Отъ чего въ Парижѣ назвали одну улицу *адскою?* Лудовикъ Святый, добрый Государь (естьли бы онъ только не ѣздилъ воевать въ Азію и въ Африку) подарилъ ученикамъ Бруновымъ * небольшой домикъ съ садомъ, близъ стариннаго дворца, построеннаго Королемъ Робертомъ, и давно уже оставленнаго. Скоро разнесся въ Парижѣ слухъ, что нечистые духи живутъ въ Робертовыхъ палатахъ, шумятъ, стучатъ цѣпями и воютъ страшнымъ образомъ; что одно *зеленое чудовище*, сверху человѣкъ, а снизу змѣя, ходитъ по комнатамъ, ночью выбѣгаетъ на улицу и бросается на людей. Лудовикъ, слыша такіе ужасы, разсудилъ за благо отдать сей дворецъ Картезіанцамъ, съ условіемъ, чтобы они выгнали оттуда злыхъ духовъ. Зеленое чудовище вдругъ скрылось, и добрые монахи жили покойно въ своемъ огромномъ домѣ; но улица и донынѣ называется *адскою*.

Я проѣхалъ оттуда въ улицу *Милькеръ*, гдѣ Фран-

---

* Бруно основалъ Картезіанской Орденъ.

цискъ I жилъ нѣсколько времени въ маленькомъ домикѣ, чтобъ быть сосѣдомъ прекрасной Герцогини д'Этампъ, которая владѣла его нѣжнымъ сердцемъ. Онъ украсилъ свои комнаты живописью, эмблемами, надписями, въ честь и славу любви. «Я «видѣлъ еще многіе изъ сихъ девизовъ, говоритъ Соваль, «но помню только одинъ: пламенное серд«це, изображенное между *альфы* и *омеги*; что безъ «сомнѣнія значило: *оно будетъ всегда пылать.*» Бани Герцогини д'Этампъ служатъ нынѣ конюшнею. Шляпный мастеръ варитъ себѣ кушанье въ спальнѣ Франциска I, а въ *кабинетъ его восторговъ* (cabinet de délices) живетъ сапожникъ.

Старинный законъ не велитъ во Франціи выпускать на улицу свиней. Любопытны ли вы знать причину? Въ улицѣ *Мальтуа* вамъ скажутъ ее. Тамъ молодой Король Филиппъ, сынъ Лудовика *Толстаго*, ѣхалъ верхомъ. Вдругъ откуда ни взялась свинья и бросилась подъ ноги лошади его: лошадь споткнулась, Филиппъ упалъ и на другой день умеръ.

Шотланецъ Ла (Law) прославилъ улицу Кенкампуа: тутъ раздавались билеты его Банка. Страшное множество людей всегда тѣснилось вокругъ бюро, чтобы мѣнять луидоры на ассигнаціи. «Тутъ «горбатые торговали своими горбами; то есть, по«зволяли ажіотёрамъ писать на нихъ, и въ нѣ«сколько дней обогащались. Слуга покупалъ эки«пажъ господина своего; демонъ корыстолюбія вы«гонялъ Философа изъ ученаго кабинета и застав«лялъ его вмѣшиваться въ толпу игроковъ, чтобы

«покупать мнимыя ассигнаціи. Сонъ исчезъ, оста-«лась простая бумага, и авторъ сей нещастной си-«стемы умеръ съ голоду въ Венеціи, бывъ за нѣ-«сколько времени передъ тѣмъ роскошнѣйшимъ «человѣкомъ въ Европѣ.» — *Мерсье въ Картинѣ Парижа.*

Путешествіе мое кончилось улицею *Арфы*, de la Harpe, гдѣ я видѣлъ остатки древняго Римскаго зданія, извѣстнаго подъ именемъ Palais des Thermes: огромную залу съ круглымъ сводомъ вышиною въ 40 футовъ. Историки думаютъ, что это зданіе древнѣе временъ Іуліановыхъ; по крайней мѣрѣ Іуліанъ жилъ въ немъ, когда Гальскіе Легіоны назвали его Римскимъ Императоромъ. Великолѣпные сады, бассейны, водоводы, о которыхъ говорятъ старинныя лѣтописи, все стерто и заглажено рукою времени. Тутъ жили Французскіе Цари Кловисова поколѣнія; тутъ заключены были любезныя дочери Карла Великаго за ихъ нѣжныя слабости; тутъ, при Короляхъ втораго поколѣнія, знатныя Парижскія дамы видались съ своими обожателями; тутъ нынѣ выкармливаютъ голубей для продажи. Кстати, подумалъ я: голубь есть Венерина птица.

Въ этой же улицѣ славился пирожникъ Миньйо, котораго воспѣлъ Буало въ Сатирѣ своей.

. . . Mignot c'est tout dire, et dans le monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son métier. . . .

Пирожникъ разсердился на Сатирика, жаловал-

ся въ судѣ; но будучи только осмѣянъ судьями, вздумалъ мстить Поэту инымъ образомъ: уговорилъ Аббата Коттеня сочинить сатиру на Буало, напечаталъ ее и разослалъ съ пирогами по всему городу.

=

Оперное знакомство.

Я пришелъ въ оперу съ Нѣмцемъ Реинвальдомъ. Entrez dans cette loge, Messieurs! — Въ ложѣ сидѣли двѣ дамы съ кавалеромъ Св. Лудовика. «Останьтесь здѣсь, государи мои,» сказала намъ одна изъ нихъ: «видите, что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ театръ.» Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ея возбудила мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между тѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Русски: и дамы и кавалеръ посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найти въ учтивой дамѣ бѣлокурую молодую красавицу. Черный цвѣтъ платья оттѣнивалъ бѣлизну лица; голубая ленточка извивалась въ густыхъ, свѣтлыхъ, ненапудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на лилеяхъ груди.— «Хорошо ли вамъ?» спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка. — *Не льзя лучше, судары-*

рыня. — Но Кавалеръ, который сидѣлъ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, безпокоилъ Реинвальда. «Я здѣсь ни за что не останусь,» сказалъ мой Нѣмецъ: «проклятый Французъ натретъ мнѣ на колѣняхъ мозоли» — сказалъ, и ушелъ. Бѣлокурая незнакомка посмотрѣла на дверь и на меня. «Вашъ товарищъ не доволенъ нашею ложею?»

Я. Ему хочется быть прямо противъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Естьли позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Лудовика. Я только теперь примѣтилъ, что у васъ на груди розы, вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онѣ служатъ эмблемою нашего пола.

«Отъ нихъ совсѣмъ нѣтъ запаха,» сказалъ онъ, распуская и сжимая свои ноздри.

Я. Извините — я далѣе, а чувствую.

Незнакомка. Вы далѣе? да чтожь вамъ мѣшаетъ быть поближе, естьли розы для васъ пріятны? Здѣсь есть мѣсто.... Вы Англичанинъ?

Я. Естьли Англичане имѣютъ щастіе вамъ нравиться, то мнѣ больно назваться Русскимъ.

Кавалеръ. Вы Русской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j'ai voyage dans le nord ; je me connois aux accens; je vous l'ai dît dans le moment.

Незнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je raffole de cette nation.

Кавалеръ. Нельзя ошибиться тому, кто подобне-

мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. У васъ въ Россіи говоритъ Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Русскимъ.

Кавалеръ. Да, Русскимъ; все одно.

«Всѣ мѣста заняты,» сказала красавица, взглянувъ на партеръ: «тѣмъ лучше! я люблю людей.»

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно! думалъ я: онъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Моисееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же?

Кавалеръ. Любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка (съ усмѣшкою). Я Христіянка. Однакожь это правда: женщины не любятъ другъ друга.

Для чего же? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего?....

Тутъ она понюхала свои розы, взглянула опять на меня, и спросила, давно ли я въ Парижѣ? долго ли пробуду?

Когда розы увянутъ въ саду, меня уже здѣсь не будетъ — отвѣчалъ я самымъ жалкимъ голосомъ.

Красавица (посмотрѣвъ на свой букетъ). Онѣ у меня цвѣтутъ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетъ искусство, сударыня? Однакожь Натура не теряетъ своихъ правъ: ея цвѣты милѣе.

Красавица. Не сѣверному жителю хвалить Природу: она у васъ печальна.

Я. Не всегда, сударыня: у насъ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

Незнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ *любимыя.*

Незнакомка. Да, я думаю, что у васъ лучше умѣютъ любить, нежели нравиться. Во Франціи напротивъ: чувство пылаетъ здѣсь только въ романахъ.

Я. У насъ, сударыня, у насъ оно пылаетъ въ сердцахъ.

Кавалеръ. Чувствительность вездѣ романъ. Я путешествовалъ, и знаю.

Красавица. О несносные Французы! вы всѣ атеисты въ любви. Не мѣшайте ему говорить. Онъ намъ скажетъ, какъ въ Россіи обожаютъ женщинъ —

Кавалеръ. Романъ!

Красавица. Какъ мущины нѣжны, примѣчательны —

Кавалеръ (зѣвая). Романъ!

Красавица. Какъ они смотрятъ женщинамъ въ глаза, не скучая, не *зѣвая.*

Кавалеръ (засмѣявшись). Романъ! Романъ!

Тутъ весь театръ освѣтился плошками, и зрители захлопали въ знакъ удовольствія. Красавица сказала съ улыбкою: «мущины рады свѣту, а мы боимся его. Посмотрите, напримѣръ, какъ вдругъ стала блѣдна молодая дама, которая сидитъ противъ насъ!...»

Кавалеръ. Отъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянится.

Я. Блѣдность имѣетъ свою прелесть, и женщины напрасно румянятся.

Красавица обернулась къ партеру..... Ахъ! она была нарумянана! Я сказалъ неучтивость, прижался бокомъ къ стѣнѣ, и молчалъ. Къ щастію оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка Глукова Орфея восхитила меня такъ, что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, который не любилъ Глука, но слыша въ первый разъ Орфея, плѣнился, молчалъ — и когда Парижскіе знатоки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ: j'ai perdu mon Eurydice; rien n'égale mon malheur—обтеръ слезы свои, и не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ. Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: «Божественная музыка! а вы, кажется, не аплодировали?»

Я. Я чувствовалъ, сударыня.

Незнакомка. Глукъ милѣе Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно перестали спорить. Одинъ славится гармоніею, другой мелодіею; одинъ всегда равно удивителенъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой встаетъ съ земли, чтобы летѣть къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера, въ другомъ болѣе оттѣнокъ. *Мы* давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes-vous toujours bien, Mr.?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Лудовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмотрѣла на часы, встала, подала ему руку, и сказавъ мнѣ: je vous salue, Monsieur! ушла вмѣстѣ съ другою дамою. Я изумился.... Не дождаться прекраснаго балета *Калипсы и Телемака!* странно!.... Мнѣ стало въ ложѣ просторнѣе и — скучнѣе. Я взглядывалъ на дверь, какъ будто бы ожидая возвращенія прелестной незнакомки. Кто она? благородная, почтенная. или.... Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожь можетъ быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не преставало заниматься ею во время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ бѣлокурою незнакомкою. Я пришелъ домой — и все еще объ ней думалъ.

«Исторія кончилась,» вы скажете: а можетъ быть и *нѣтъ*. Что, естьли я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Елисейскихъ поляхъ*, въ Булонскомъ лѣсу; избавлю ее отъ разбойниковъ, или вытащу изъ Сены, или спасу отъ огня?... Предвижу вашу усмѣшку. «Романъ! романъ!» повторите вы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. Боже мой! какъ люди стали нынѣ недовѣрчивы! Это отнимаетъ охоту путешествовать и разсказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу.

═

Парижъ, Мая....

Солиманъ Ага, Турецкій Посланникъ при Дворѣ Лудовика XIV въ 1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, Армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новость полюбилась, и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокопъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близъ *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ, и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижѣ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребильйонъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, разсказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось донынѣ; но теперешній Прокоповъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть щастливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, устали, хотите отдохнуть: вамъ отворяютъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочитаете газеты; слушаете сказки, разсужденія; сами говорите, и даже кричите, естьли угодно, не боясь досадить хозяину. Люди не богатые, осенью, зимою, находятъ тутъ пріятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не платя ничего, и еще пользоваться удовольствіемъ

общества. Vive Pascal, vive Procope! vive Soliman Aga!

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣетъ своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или шесть въ Пале-Роялѣ: Café de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres. Первый отмѣнно хорошо прибранъ; а вторый украшенъ мраморными бюстами музыкальныхъ сочинителей, которые своими Операми плѣняютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: On ouvrit deux souscriptions sur cette table: la premiere le 28 Juillet, pour répéter l'experience d'Annonay; la deuxieme le 29 Août, 1783, pour rendre hommage par une médaille à la decouverte de MM. de Montgolfier. На стѣнѣ прибитъ медальйонъ, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфе. — Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, le Café de la Régence, тѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть великаго Автора привлекало туда столько зрителей, что Полицеймейстеръ долженъ былъ приставить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисты, пить кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сиживалъ, хранится какъ драгоцѣнность. Мнѣ сказывали, что одинъ изъ почитателей Философа давалъ за него 500 ливровъ; но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

Смѣсь.

Я желалъ видѣть, какъ веселится Парижская чернь, и былъ нынѣшній день въ *Генгетахъ:* такъ называются загородные трактиры, гдѣ по Воскресеньямъ собирается народъ обѣдать за 10 *су* и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричатъ, пляшутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуетъ съ двумя старухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво!* Нѣкоторые шатались отъ дѣйствія винныхъ паровъ, а также хотѣли танцовать, и только что не падали; не узнавали дамъ своихъ, и вмѣсто извиненія говорили: diable! peste! — C'est l'empire de la grosse gaieté, царство грубаго веселья! — И такъ не одинъ Русской народъ обожаетъ Бахуса! Розница та, что пьяный Французъ шумитъ, а не дерется.

У дверей всякой *Генгеты* стоятъ женщины съ цвѣтами, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милой, господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непремѣнно взять подарокъ, отблагодарить шестью копѣйками, * и еще сказать учтивое слово, un mot de politesse, d'honneteté. Парижскія *цвѣтошницы* одного разбора съ *рыбными торговками* (les poissardes); страш-

---

* Une piece de 6 sous.

но не понравиться имъ; онѣ въ состоянiи заметать васъ грязью. Но естьли вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагаютъ другова. Однажды, на *Королевскомъ мосту*, двѣ *цвѣточницы* остановили меня съ Барономъ В*, и требовали..... поцѣлуя! Мы смѣялись, хотѣли итти: но жестокiя Вакханты насильно поцѣловали насъ въ щеку, хохотали во все горло, и кричали намъ въ слѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

═

Идучи по *Дофинскому берегу*, увидѣлъ я на рѣкѣ два Китайскiе павильйона; узналъ, что это бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 *су* и вымылся холодною водою въ прекрасномъ маленькомъ кабинетѣ. Чистота удивительная. Во всякой кабинетъ проведена изъ рѣки особливая труба, въ которой вода течетъ сквозь песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ стоитъ 30 *су*. При мнѣ плавали три человѣка съ отмѣнною легкостiю. Въ Парижѣ есть и теплыя бани, въ которыя часто посылаютъ Медики больныхъ своихъ. Самыя лучшiя и дорогiя называюся Русскими, bains Russes, de vapeurs ou de fumigations, simples et composés. Надобно заплатить рубли два, и васъ вымоютъ, вытрутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у насъ въ Грузинскихъ баняхъ.

═

Я былъ въ Hôtel-Dieu, главной Парижской Гошпитали, въ которую принимаютъ всякой Вѣры, всякой націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзиранiемъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 130 Монахинь Августинскаго Ордена служатъ нещастнымъ и пекутся о соблюденіи чистоты; 24 священника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или отпѣваютъ мертвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы, и не могъ итти далѣе: мнѣ стало дурно; и до самаго вечера стонъ больныхъ отзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ которую стекаетъ вся нечистота изъ Hôtel-Dieu? Ужасно вообразить! Щастливъ, кто выѣдетъ изъ Парижа здоровый! Я спѣшу въ театръ, чтобы разсѣять свою меланхолію и начало лихорадки.

═

Здѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекарь. Шесть превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе Авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоластики 150 футовъ, Юриспруденты 40 саженъ, Историки вдвое. Поэтовъ считается 40,000, Романистовъ 6000, путешественниковъ

7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 томовъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкій. Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Русскому, показывали Славянскую Библію и Наказъ Императрицы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ до 900, и былъ основателемъ сей Библіотеки. Тутъ же, въ Кабинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ я два щита славнѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго. * Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я ненавидѣлъ въ щастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Кароагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скитался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя нещастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республиканцевъ. — Еще хранятся въ Библіотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя

---

* Доказывается надписью.

такимъ сильнымъ ядомъ, что естьли проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣпенѣвъ умретъ. — Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезмѣрной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверзтіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монаховъ Коронелли. — Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также достойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общественныхъ и частныхъ Библіотекъ, отворенныхъ въ назначенные дни для всякаго. Читайте, выписывайте, что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другова Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово—только пользуйся.

═

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ четыремъ главнымъ пунктамъ горизонта, построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ, который идетъ чрезъ всю Францію, на сѣверъ и на югъ, отъ Коліура до Дюнкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною*, la salle des Secrets, и представляетъ любопытный феноменъ. Естьли вы приложете губы къ пиластру и тихонько скажете нѣсколько словъ, то человѣкъ, стоящій напротивъ у другова пиластра, слышитъ ихъ; а люди, которые стоятъ между вами, ничего не слышатъ. Мо-

нахъ Киркеръ писалъ изъясненіе сей механической странности.—Кто хочетъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерваторіи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непремѣнно взять вожатаго и факелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну; темнота страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мнѣ разсказывали, что два монаха, сошедши туда вмѣстѣ съ другими любопытными, отстали —хотѣли догнать товарищей, но факелъ ихъ угасъ —они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтѣ мертвыхъ.

—

Лудовикъ XIV построилъ самый великолѣпнѣйшій въ Европѣ *Инвалидный домъ* для изувѣченныхъ и престарѣлыхъ воиновъ, желая доказать имъ Царскую благодарность, и часто бывалъ у нихъ въ гостяхъ, безъ всякой стражи, кромѣ испытаннаго усердія своихъ Ветерановъ. Печальное зрѣлище для Философа, трогательное для всякаго чувствительнаго! Многіе Инвалиды не могутъ ходить; многіе не могутъ даже ѣсть сами: ихъ кормятъ. Одни молятся передъ олтарями; другіе сидятъ подъ тѣнію густыхъ деревъ, разговаривая о побѣдахъ, купленныхъ ихъ кровію. Какъ охотно снимаю шляпу передъ сѣдымъ воиномъ, который носитъ на себѣ неизгладимые знаки храбрости и

печать славы! Война бѣдственна, но храбрость есть великое свойство души. «Робкой человѣкъ «можетъ быть добрымъ: но всякой дурной чело-«вѣкъ непремѣнно долженъ быть трусомъ,» говоритъ Стерновъ Капралъ Тримъ. — Петръ Великій, осматривая Парижскій Инвалидный домъ въ то время, какъ почетные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказалъ: *ваше здоровье, товарищи!* выпилъ до капли.

Архитектура и живопись прекрасны.

=

Парижъ, Мая....

13 Мая, въ день Вознесенья, ходилъ я въ деревеньку Сюрень, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Парижа на берегу Сены. Мнѣ сказали, что тамъ съ великою торжественностію будутъ короновать розами осьмнадцатилѣтнюю добродѣтельную дѣвушку; но какая горесть! нынѣшній годъ не было праздника — la fête de la Rosiere. Отель-де-Виль, или городской Приказъ, не заплатилъ процентовъ съ капитала, положеннаго какимъ-то Гм. Эліотомъ для награжденія сельской невинности, хотя на это требовалось не болѣе 300 ливровъ. Приходскому священнику надлежало послѣ вечерни объявить имена трехъ достойнѣйшихъ Сюренскихъ дѣвушекъ; деревенскіе старшины выбирали изъ нихъ одну, украшали цвѣтами, хвалили ея добродѣтель, водили по деревнѣ и пѣли хоромъ:

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ никогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,
Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣнчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ * ...

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участіе въ веселіи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по-деревенски.—Я обѣдалъ въ трактирѣ съ нарядными земледѣльцами, которые потчивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя, что Сюренской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ околоткѣ. Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ три дочери его были увѣнчаны розами, и всѣ три нашли себѣ достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская простота не веселила меня столько, какъ нынѣшній день—и наслаждаться ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я не могъ наговориться съ крестьянами и съ крестьянками; послѣднія довольно смѣлы, но не безстыдны. «Куда ты идешь съ книжкою?» спросилъ я у миленькой дѣвушки.— *Въ церковь*, отвѣчала она: *молиться Богу*. — «Жаль, что я не вашего закона; а мнѣ хо-

* Ей непремѣнно надлежало быть осьмнадцати лѣтъ.

тѣлось бы молиться подлѣ тебя, красавица.» — Mais le bon Dieu est de toutes les réligions, Monsieur. *Богъ единъ во всѣхъ законахъ.* — Согласитесь, друзья мои, что такая философія въ сельской дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна. Вообще всѣ Сюренскіе жители казались мнѣ умными и щастливыми, можетъ быть отъ веселаго расположенія души моей.

Вечеръ провелъ я также очень пріятно въ деревнѣ Исси, въ прекрасныхъ садахъ Герцога Инфантадоса и Принцессы Шиме. Тутъ есть несравненная аллея изъ древнихъ, каштановыхъ деревъ (лучше самой Тюльерійской), и въ концѣ ея превеликой водоемъ. Видъ съ террасъ прелестенъ: замокъ Медонъ, Бельвю, Булонской лѣсъ, неизмѣримая равнина, по которой течетъ Сена, и на краю горизонта Мон-Валерьенъ.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, аллеи, сады; вездѣ разсѣяны драгоцѣнности Искусствъ; въ каждой сельской церкви найдете хорошія картины, замѣчанія достойные монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкотораго времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣтетъ, и весна нѣжными оттѣнками переливается въ лѣто.

═

Парижъ, Мая....

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ; я скупъ на время: мнѣ жаль тратить его въ трехъ или четырехъ домахъ, гдѣ меня принимаютъ. Холодная учтивость не привлекательна. Госпожа *Гло** увѣряетъ, что въ домѣ ея собираются лучшіе Авторы; но мнѣ не случилось видѣть у нее ни одного извѣстнаго. Говорятъ отрывками; все личности, jargon, языкъ непонятный для чужестранца; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: *какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцевъ катаются у васъ въ саняхъ? ѣздите ли вы на оленяхъ зимою?* Это не весело; и хотя столъ Госпожи *Гло** очень вкусенъ, однакожь мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого нибудь Ресторатёра, смотрѣть на множество людей, вслушиваться иногда въ шумные разговоры или про себя думать, сочинять планъ для остальнаго дня. Госпожа Н*, другая моя знакомка, миловидна и любезна, такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Руссо, о щастіи простой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ; но вотъ неудобность: къ ней ѣздитъ молодой Баронъ Д*, и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ; это не много оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хотя и не есть Баронъ Нѣмецкій, однакожь взгляды его на меня очень грубы. Онъ садится съ ногами на диванѣ подлѣ хозяйки, играетъ ролю разсѣяннаго или сонливаго; плюетъ на

Англійскій коверъ; кладетъ голову на подушку — а какъ его не выгоняютъ, то надобно думать, что онъ имѣетъ право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*. Смекнувъ такимъ образомъ, беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и быть жительницею горы Нёшательской. * Баронъ смѣется надъ такою мыслію, и называетъ ее вдохновеніемъ старомоднаго романизма.

Здѣсь теперь не много Русскихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника, Секретаря М* и Г. У*, съ которыми вижусь не рѣдко. У* не богатъ, но умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ. У него есть оригинальныя письма Генриха IV, Лудовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришельё, Англійской Королевы Елисаветы и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за бездѣлку, особливо въ нынѣшнее смутное время. Въ тотъ день, какъ народъ разграбилъ Бастильской архивъ, У* купилъ за лундоръ цѣлую кипу бумагъ, между прочими нѣсколько трогательныхъ писемъ какого-то нещастнаго Автора къ Полицеймейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время Лудовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арестантъ, извѣстный подъ

* Описанной Жанъ-Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланберту.

именемъ *Желѣзной маски*, о которомъ Вольтеръ говоритъ слѣдующее: «Черезъ нѣсколько мѣся-«цовъ по смерти Кардинала Мазарина случилось «происшествіе, которое можно назвать безпри-«мѣрнымъ, и котораго (что также удивительно) «совсѣмъ не знали Историки. Съ величайшею тай-«ною посланъ былъ на островъ Святой Маргари-«ты неизвѣстный арестантъ, молодой человѣкъ, «высокой ростомъ и благородный видомъ. Онъ «носилъ маску съ желѣзною пружиною, которая «не мѣшала ему ѣсть. Офицеръ имѣлъ повелѣніе «убить его, естьли бы онъ снялъ ее. Сей чело-«вѣкъ содержался на островѣ до самаго того вре-«мени, какъ Губернаторъ Пиньерольской, Сен-«Марсъ, въ 1690 году сдѣланъ былъ Бастильскимъ «начальникомъ, и самъ перевезъ его въ Бастилію, «также въ маскѣ. Министръ Лувуа былъ у него «на островѣ Св. Маргариты, говорилъ съ нимъ «стоя и съ великимъ почтеніемъ. Въ Бастиліи от-«вели ему самыя лучшія комнаты, и ни въ чемъ «не отказывали. Всего болѣе любилъ онъ тонкое «бѣлье и кружева; зналъ музыку; игралъ на ги-«тарѣ, имѣлъ самый изобильный столъ, и Губер-«наторъ рѣдко передъ нимъ садился. Старый Ба-«стильской Докторъ никогда не видалъ его лица. «Онъ былъ, по словамъ сего Медика, чрезвычай-«но строенъ, имѣлъ трогательный голосъ, гово-«рилъ пріятно, никогда не жаловался на заклю-«ченіе, и таилъ свое имя. — Сей неизвѣстный «умеръ въ 1703 году и погребенъ ночью въ церк-«ви Св. Павла. Никто изъ людей знаменитыхъ въ

«Европѣ не пропадалъ во время его заключенія;
«но онъ безъ сомнѣнія былъ важный человѣкъ.
«Вотъ что случилось въ первые дни его пребы-
«ванія на островѣ Святой Маргариты.... Самъ Гу-
«бернаторъ носилъ ему кушанье, и выходя, запи-
«ралъ комнату. Заключенный начертилъ однажды
«нѣсколько словъ на серебряной тарелкѣ и бро-
«силъ ее въ окно на лодку, стоявшую внизу под-
«лѣ самой башни. Рыбакъ, хозяинъ лодки, под-
«нялъ тарелку и принесъ Губернатору, который
«съ великимъ безпокойствомъ спросилъ: видѣлъ
«ли онъ надпись, и не показывалъ ли кому нибудь
«тарелки? Я только что нашелъ ее, а самъ не
«умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ. Однакожъ Гу-
«бернаторъ удержалъ рыбака, чтобы увѣриться
«въ истинѣ его словъ. Наконецъ, отпуская, ска-
«залъ ему: *поди и благодари Бога, что не умѣешь
«читать.* Одинъ изъ достовѣрныхъ людей, кото-
«рымъ сей случай былъ извѣстенъ, живъ еще и
«нынѣ. Шамплаäръ, послѣдній изъ Министровъ,
«зналъ тайну заключеннаго. Фельдмаршалъ Фёль-
«ядъ, зять его, сказывалъ мнѣ, что онъ на колѣ-
«няхъ просилъ тестя своего объявить ему, кто
«былъ сей человѣкъ, извѣстный только подъ име-
«немъ *Желѣзной маски.* Шамиларъ отвѣчалъ, что
«онъ клялся хранить государственную тайну, и не
«можетъ открыть ее. Однимъ словомъ, многіе изъ
«нашихъ современниковъ свидѣтельствуютъ ис-
«тину мною разсказаннаго, и я не знаю никакого
«историческаго происшествія, которое было бы
«удивительнѣе и вѣрнѣе онаго.» — Въ жизни Гер-

цога Ришельё, недавно напечатанной, сія любопытная загадка, справедливо или нѣтъ, рѣшится. Авторъ говоритъ, будто человѣкъ съ Желѣзною маскою былъ сынъ Королевы Анны и близнецъ Лудовика XIV, скрытый отъ свѣта Кардиналомъ Ришельё, для того, чтобы ему не вздумалось когда нибудь спорить о коронѣ съ братомъ своимъ. Гипотеза не совсѣмъ вѣроятная! Равно какъ и то не совсѣмъ вѣроятно, чтобы журналъ заключеннаго, которымъ землякъ мой дорожитъ до крайности, былъ въ самомъ дѣлѣ писанъ Желѣзною маскою. У него одно доказательство: «заключенный въ «разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о шоколадѣ, кото-«рый къ нему по утрамъ носили; при Лудовикѣ «XIV пили шоколадъ одни знатные; а какъ въ «это время (сколько извѣстно) никто изъ важ-«ныхъ людей, кромѣ человѣка съ желѣзною ма-«скою, не содержался въ Бастиліи, то надобно, «чтобы журналъ былъ его!» Впрочемъ Авторъ сихъ дневныхъ записокъ, Желѣзная маска или другой кто, не говоритъ ничего примѣчанія достойнаго; однѣ жалобы на скуку, на жестокость заключенія, въ несвязныхъ словахъ, безъ ореографіи — и все тутъ.

═

Парижъ, Мая ....

Шесть дней сряду, въ 10 часовъ утра, вхожу я въ улицу Св. Якова, въ Кармелитской монастырь...

«За чѣмъ?» спросите вы: «за тѣмъ ли, чтобы разсматривать тамошнюю церковь, древнѣйшую въ Парижѣ, и нѣкогда окруженную густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св. Діонисій въ подземной глубинѣ укрывался отъ враговъ своихъ, то есть, враговъ Христіанства, благочестія и добродѣтели? За тѣмъ ли, чтобы рѣшить споръ Историковъ, — изъ которыхъ одни приписываютъ строеніе сего храма язычникамъ, а другіе Королю Роберту: одни утверждаютъ, что статуя, видимая вверху, на порталѣ, есть образъ богини Цереры: а другіе увѣряютъ, что она представляетъ Архангела Михаила? Или за тѣмъ, чтобы удивляться великолѣпію олтарей, ихъ бронзѣ, золоту, барельефамъ!...» Нѣтъ: я хожу въ Кармелитской монастырь для того, чтобы видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцемъ, и даже плакать!... О чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живую, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыя изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплоту, жаръ ихъ, вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суету міра и злополучіе страстей! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ олтаремъ Всевышняго. Не муки адскія ужасаютъ Магдалину, но мысль, что она не достойна любви Того, Кто любимъ ею столь ревностно и пламенно: любви Отца небеснаго — чувство нѣжное, однѣмъ прекраснымъ душамъ извѣстное! *Прости меня*, говоритъ ея сердце. *Прости меня*, говоритъ ея взоръ... Ахъ! не

только Богъ, совершенная благость, но и самые люди, рѣдко не жестокіе, какихъ бы слабостей не простили такому искреннему, святому раскаянію?... Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна. Чѣмъ болѣе смотрю на нее, тѣмъ глубже вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелестно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, растрепанные волосы, служащіе покровомъ для лилейной груди; всего же прелестнѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе.... Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи: хвалилъ, удивлялся искусству; но эту картину *желалъ бы имѣть; былъ бы щастливѣе съ нею*; однимъ словомъ, *люблю ее!* Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами....

Но открыть ли вамъ тайную прелесть ея для моего сердца? Лебрюнь, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовикѣ XIV любила не Царя, а человѣка, и всѣмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лунную ночь, когда, гуляя въ Версальскомъ Паркѣ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: «вы говорите о придворныхъ красавицахъ, а забываете перваго: нашего «любезнаго Короля. Не пышность трона ослѣ«пляетъ глаза мои; нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, «въ платьѣ бѣднаго пастушка предпочла бы я его «всѣмъ мущинамъ на свѣтѣ.» — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за де-

ревомъ, слышалъ ея слова, и сердце ему сказало: »вотъ та, которую ты любить долженъ!» Онъ не не зналъ ее; на другой день старался говорить со всѣми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу — и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и нещастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, истребила въ душѣ всѣ земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣтели, для Неба, подъименемъ Луизы, *сестры милосердія*, ревностно исполняя строгія должности Ордена и званія своего.

Парижъ, Мая....

Я думаю теперь: какое могло бъ быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣянныхъ, такъ сказать, по всѣмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣетъ конечно свою цѣну: но десять такихъ описаній, и самыхъ подробныхъ, отдалъ бы я за одну краткую *характеристику* или за *галлерею примѣчанія достойныхъ людей въ Парижѣ*, живущихъ не въ огромныхъ палатахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ, въ тѣсномъ уголкѣ, въ неизвѣстности. Вотъ обширное поле, на которомъ можно собрать тысячу любопытныхъ анек-

дотовъ! Здѣсь-то бѣдность, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводитъ человѣка до удивительныхъ хитростей, истощаетъ и разумъ и воображеніе! Здѣсь многіе люди, которые всякой день являются па гульбищахъ, въ Пале-Рояль, даже въ спектакляхъ, причесанные волосъ къ волосу, распудренные, съ большимъ кошелькомъ на спинѣ, съ длинною шпагою на бедрѣ, въ черномъ кафтанѣ, не имѣютъ копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ, веселятся, и, судя по наружному виду, безпечны какъ птицы небесныя. Средства? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. На примѣръ: человѣкъ, изрядно одѣтый, который сидитъ въ Cafè de Chartres за чашкою *бавaруаза*, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ, пріятнымъ, шутитъ, разсказываетъ забавные анекдоты — знаете ли, чѣмъ живетъ? продажею *афишъ*, или всякаго рода печатныхъ объявленій, которыми здѣсь бываютъ облѣплены стѣны. Ночью, когда городъ успокоится и люди по домамъ разбредутся, онъ ходитъ собирать свой кормъ, изъ улицы въ улицу, сдираетъ со стѣнъ печатные листы, относитъ ихъ къ пирожникамъ, имѣющимъ нужду въ бумагѣ, получаетъ за то нѣсколько копѣекъ, ливра два или цѣлой *экю*, ложится на соломенной тюфякъ въ какомъ нибудь *гренье*, * и засыпаетъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человѣкъ, который также

---

* То есть, чердакъ.

всякой день бываетъ *въ публикѣ*, то есть, въ Тюльери, Пале-Рояль, и котораго вы по кафтану сочтеніе Клеркомъ, * есть.... откупщикъ; но прошу угадать, какой? У него на откупѣ.... всѣ булавки, теряемыя дамами въ Италіянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускается и всѣ зрители выходятъ изъ залы, онъ только что является въ Театрѣ, и съ дозволенія Директорскаго, между тѣмъ какъ гасятъ свѣчи, ходитъ изъ ложи въ ложу подбирать булавки; ни одна не укроется отъ его мышьихъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала; и въ то мгновеніе, какъ слуга хочетъ гасить послѣднюю свѣчу, нашъ откупщикъ хватаетъ послѣднюю булавку; говоритъ: *слава Богу! завтра я не умру съ голоду!* и бѣжитъ съ своимъ пакетомъ къ лавочнику. — Я былъ въ Мазариновой Библіотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ сѣдый старикъ въ темномъ кафтанѣ, и сказалъ: «вы желаете видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрипты?» — Желалъ бы, государь мой! — «Я къ вашимъ услугамъ.» И старикъ началъ мнѣ показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпрестанно говоря, изъясняя. Я думалъ, что онъ Библіотекарь: совсѣмъ нѣтъ; но тридцать лѣтъ служитъ тамъ *живымъ каталогомъ* для любителей и читателей книгъ. Надзиратели Мазариновой Коллегіи дозволяютъ старику хозяйствовать въ Библіотекѣ, и чрезъ то промы-

* Писаремъ.

шлять себѣ хлѣбъ. Дайте ему *экю* или мѣдную копѣйку: онъ возьметъ ихъ съ равною благодарностію; не скажетъ: *мало!* не сморщитъ лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вамъ ниже обыкновеннаго. Парижской нищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человѣка. Онъ беретъ подаяніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ: у него есть шпага!

Въ *Галлереѣ примѣчанія достойныхъ людей* занялъ бы конечно не послѣднее мѣсто одинъ здѣшній Стоикъ, извѣстный подъ именемъ *четырнадцати-луковошнаго* (de quatorze-oignons), истинный Діогеновъ человѣкъ, отказывающій себѣ во всемъ, что не есть въ строгомъ смыслѣ необходимо для жизни. Онъ промысломъ *носильщикъ*;* все его имѣніе состоитъ въ большой корзинѣ; днемъ разноситъ въ ней по коммиссіи всякую всячину, а ночью спитъ какъ въ альковѣ на городской площади, подъ колоннадою. Сорокъ лѣтъ не перемѣняетъ своего камзола; въ случаѣ нужды нашиваетъ заплаты и такимъ образомъ отъ времени до времени возобновляетъ его, какъ Природа, по мнѣнію Медиковъ, возобновляетъ въ разные періоды человѣческое тѣло. 14 луковицъ составляютъ его дневную пищу. Не думайте, чтобы онъ жилъ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милостыни, и получаютъ; другіе берутъ въ

* Porte-faix.

займы — но Парижской Діогенъ никогда не требуетъ назадъ своихъ денегъ, ежедневно выработывая 3 и 4 ливра. Онъ умѣетъ быть благодѣтелемъ и другомъ, говоритъ мало, но съ выразительнымъ Лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: «щастливъ ли ты, добрый человѣкъ?» — Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — «Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?» — Въ работѣ, отдыхѣ, въ безпечности. — «Прибавь еще: въ благодѣяніяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.» — Какого? — «Подаешь милостыню.» — Отдаю лишнее. — «Молишься ли Богу?» — Благодарю его. — «За что?» — За себя. — «Ты не боишься смерти?» — Ни жизни, ни смерти. — «Читаешь книги?» — Не имѣю времени. — «Бываетъ ли тебѣ скучно?» — Я никогда не бываю празденъ. — «Не завидуешь никому?» — Я доволенъ собою. — «Ты истинный мудрецъ.» — Я человѣкъ. — «Желаю твоей дружбы» — Всѣ люди друзья мои. — «Есть злые.» — Ихъ не знаю.

Къ великому моему сожалѣнію я не видалъ сего новаго Діогена. Онъ скрылся при началѣ Революціи. Иные думаютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказательство, что въ самомъ низкомъ состояніи можетъ родиться и жить *Геній дѣятельной мудрости.*

=

Парижъ, Мая..,

Нынѣшній день видѣлъ я двѣ чудесныя школы училище природно-глухихъ и нѣмыхъ (которымъ посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя, сложныя, метафизическія идеи; * которые знаютъ совершенно Грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ яснымъ, чистымъ, правильнымъ слогомъ) и еще другую, не менѣе удивительную школу природно-слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географію, Математику. Аббатъ л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его заступилъ Аббатъ Сикаръ: онъ съ великою ревностію посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать, новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы конечно жалѣете о л'Епе* — и подалъ ее одному изъ учениковъ, который тотчасъ, схвативъ перо, отвѣчалъ: *безъ сомнѣнія; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и другова учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ.* Многіе изъ нѣмыхъ страстно любятъ чтеніе, такъ, что для сохраненія ихъ глазъ надобно отнимать у нихъ книги. Съ удивительною скоростію говорятъ они знаками между собою, выражая самыя отвлеченныя идеи; кажется, будто

не могутъ нарадоваться своею новою способностію.

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гаюи, слѣпые учатся Ариѳметикѣ, чтенію, Музыкѣ и Географіи посредствомъ *выпуклыхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, нотъ и ландкартъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ! щупая ряды литеръ и нотъ, передъ нимъ лежащихъ, читаетъ, поетъ; прикоснувшись рукою къ Ландкартѣ, говоритъ: *Здѣсь Парижъ, тутъ Москва; здѣсь Отагити, тутъ Филипинскіе острова*. Шведъ тихонько перевернулъ карту; слѣпой, дотронувшись до нее, сказалъ: *она лежитъ вверхъ ногами*, и снова оборотилъ ее. Какъ у зрячихъ судятъ глаза о разстояніи предметовъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ у слѣпыхъ осязаніе удивительно тонкое, вѣрно *соглашенное* съ памятью и воображеніемъ. На примѣръ: есть ли я, зажмуривъ глаза, ощупаю нѣсколько предметовъ, то мнѣ очень трудно будетъ вообразить ихъ взаимное между собою отношеніе, отъ непривычки судить о вещахъ по осязанію; напротивъ того слѣпые воображаютъ по ощупи такъ же быстро, какъ мы по глазамъ. Надзиратель хотѣлъ сдѣлать намъ полное удовольствіе, и велѣлъ слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть гимнъ, сочиненный для нихъ Оберомъ! Прекрасные голоса! трогательная мелодія! милыя слова! Мы заплакали. Надзиратель увидѣлъ слезы наши, и велѣлъ ученикамъ повторить гимнъ. Вотъ переводъ его:

Владыка міра и судьбины!
Дай видѣть намъ лучь солнца Твоего
Хотя на часъ, на мигъ единый,
И новой тьмой для насъ покрой его:
Лишь только бъ мы узрѣли
Благотворителей своихъ,
И милый образъ ихъ
Навѣкъ въ сердцахъ запечатлѣли.

═

Парижъ, Мая..,

Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлыя тетради, естьли бы я описывалъ вамъ всѣ картины, статуи и монументы мною видимые. Здѣсь церкви кажутся галлереями живописи или Академіями Скульптуры. Мудрено ли? Со временъ Франциска I донынѣ Художества цвѣли въ Парижѣ какъ въ отчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня осталось въ памяти.

Напримѣръ: соборная церковь Богоматери, Notre Dame — зданіе готическое, огромное и почтенное своею древностію — наполнена картинами лучшихъ Французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственно памятникъ супружеской любви, сооруженный тамъ новою Артемизою. Графиня д'Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваяннаго Пигалемъ, оставить долговременную память своей нѣжности и печали. Ангелъ одною ру-

кою снимаетъ камень съ могилы д'Аркура, а другою держитъ свѣтильникъ, чтобы снова воспламенить въ немъ искру жизни. Супругъ, оживленный благотворною теплотою, хочетъ встать, и слабую руку простираетъ въ милой супругѣ, которая бросается въ его объятія. Но смерть неумолимая стоитъ за д'Аркуромъ, указываетъ на свой песокъ, и даетъ знать, что время жизни прошло! Ангелъ гаситъ свѣтильникъ.... Сказываютъ, что нѣжная Графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла точно такой сонъ: Художникъ изобразилъ его по ея описанію — и никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ семъ трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую статую Короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей, онъ въѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади, съ мечемъ въ рукѣ — не много уваженія къ святынѣ храма!

Въ Сорбонскую церковь ходятъ всѣ удивляться искусству ваятеля Жирардона. На монументѣ, въ древнемъ вкусѣ, представленъ Кардиналъ Ришелье; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку на сердце, а въ лѣвой держитъ дудовныя свои творенія. Наука, въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его. — Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку Кардинала, Герцогу Ришельё: *Твой дѣдъ былъ величай-*

щій изъ Министровъ; я отдалъ бы половину своего Государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Франціею. Не вѣрю этому анекдоту; или Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кардинала, хитраго Министра, но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы Кардинала не съ Христіанскою, святою Религіею, а съ чудовищемъ, которое называется Политикою, и которое описываетъ Вольтеръ въ Генріадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можетъ принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ во вѣки не смыкаетъ
Ея глубоко-впадшихъ глазъ,
Она трудится, вымышляетъ;
Печать у истины беретъ,
И взоры обольщаетъ сю;
За Небо будто возстаетъ,
Но адской злобою своею
Разитъ лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

==

Въ церкви Целестиновъ (des Célestins) есть придѣлъ Герцога Орлеанскаго, который напоминаетъ странное и нещастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскерада нарядиться Сатиромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанской подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохнатое платье на одномъ изъ нихъ. Къ нещастію, они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. Король спасенъ былъ Герцогинею де Берри, которая бросила на него свою мантелью, и затушила пламя. Герцогъ, чтобы загладить свою бѣдственную неосторожность, соорудилъ великолѣпный олтарь въ церкви Целестиновъ. — Тамъ много картинъ и памятниковъ; между прочимъ монументъ Леона, Царя Армянскаго, который будучи выгнанъ изъ земли своей Турками, умеръ въ Парижѣ въ 1393 году. Фруасаръ, современный Историкъ, говоритъ объ немъ слѣдующее: «Лишен-«ный трона, сохранилъ онъ царскія добродѣтели, «и еще прибавилъ къ нимъ новую: великодушное «терпѣніе; съ благодѣтелемъ своимъ, Карломъ VI, «обходился какъ съ другомъ, не забывая соб-«ственнаго царскаго сана; а смерть Леонова бы-«ла достойна жизни его.» — Близъ гробницы нещастнаго Царя, въ готическомъ нишѣ, нѣжная дочь соорудила памятникъ нѣжной матери. Черная мраморная урна стоитъ на бѣлой колоннѣ, съ надписью: «Будучи другомъ дѣтей своихъ, она за-

«ставляла ихъ плакать.... только отъ благодарно-«сти; скромность ея даже удивлялась необыкно-«венной любви нашей» (прекрасная черта!) «Да «будетъ сей памятникъ священъ для добрыхъ и «чувствительныхъ сердецъ! Здѣсь погребена Ма-«рія Гокаръ, Графиня де Коссе, умершая 29 Сен-«тября 1779 году.» — Подлѣ трогательной надписи видите вы смѣшную, надъ гробомъ рыцаря Бриссака. Вотъ она: «Что я? мертвой или живой? Мертвой: нѣтъ, живой. Ты спросишь: почему, отвѣ-«чаю: потому что имя мое вездѣ шумитъ, вездѣ гре-«митъ (mon nom court et bruit en tous lieux).» — Въ сей же церкви стоитъ славная Пилонова группа, три нагія Граціи, одна другой лучше, и все прекрасныя; но не странно ли видѣть языческихъ богинь въ храмѣ истиннаго Бога? Такъ угодно было Катеринѣ Медицисъ. Она велѣла заключить сердце свое въ одну урну съ сердцемъ Генриха II, и поставить ее на голову Граціямъ. Чудная мысль!

Въ церкви Св. Кома погребенъ нѣкто Трульякъ, рогатой человѣкъ. Онъ былъ представленъ за чудо Генриху IV, который подарилъ его своему конюшему; а конюшій показывалъ его за деньги народу. Сей бѣдный Сатиръ крайне оскорблялся своимъ уродствомъ и умеръ съ горя. На гробѣ его вырѣзали эпитафію такого содержанія:

Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не будучи женатъ,
Сей жалкой человѣкъ (о диво!) былъ рогатъ!

=

Въ церкви Св. Стефана, которой странная архитектура представляетъ вамъ соединеніе Греческаго вкуса съ готическимъ, найдете вы гробъ нѣжнаго Расина безъ всякой эпитафіи; но его имя напоминаетъ лучшія произведенія Французской Мельпомены—и довольно. Тутъ же погребенъ Паскаль (Философъ, Теологъ, остроумный Авторъ, котораго Провинціальныя письма донынѣ ставятся въ примѣръ хорошаго Французскаго слога); Турнфоръ, славный Ботанистъ и путешественникъ; Тонье, искусный Медикъ (котораго эпитафія говоритъ: *Теперь только, смертные, страшитесь смерти: ибо Тонье умеръ и васъ лечить не кому*), и живописецъ ле-Сюеръ, прозванный Французскимъ Рафаэлемъ: предметъ зависти и даже злобы другихъ современныхъ живописцовъ! На примѣръ ле-Брюнъ не могъ равнодушно слышать, чтобы говорили о ле-Сюеровыхъ картинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плечь, и смерть этого человѣка вынетъ занозу изъ моего сердца!* Въ другое время, смотря на ле-Сюерову картину, и думая, что его никто не слышитъ, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно! удивительно! несравненно!* Горестно

слышать такіе черные анекдоты о великихъ Артистахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достоинъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной гробницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнутую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ женщинъ, стоятъ подлѣ. Великій Министръ; слава Франціи и Людовика XIV! Онъ служилъ Королю, стараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, стараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человѣчеству, способствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Лудовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ!* сотворенные; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ, именитыя торговыя общества: Индейское, Американское — и почти всѣ Академіи остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищу въ мысляхъ, и не нахожу другаго, ни столь мудраго, ни столь щастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе бы-

ло конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Министерства прославила царствованіе Лудовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольбертовъ, чтобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ обязанностей. — Но какой Министръ можетъ удовольствовать всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбертомъ написалъ на его статуѣ: res ridenda nimis, vir inexorabilis orat! т. е. *какъ смѣшно видѣть моленіе неумолимаго человѣка.* *

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранится прахъ Декартовъ, перевезенный изъ Стокгольма черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Философа. Нѣтъ памятника! Эпитафія говоритъ, что̀ онъ былъ первымъ мудрецомъ своего вѣка — и справедливо. Философія прѐжде его состояла въ одномъ школьномъ пустословіи. Декартъ сказалъ, что она должна быть Наукою Природы и человѣка; взглянулъ на вселенную глазами мудреца, и предложилъ новую, остроумную систему, которая все изъясняетъ — и самое неизъяснимое; во многомъ ошибся, но своими ошибками направилъ на путь истины Англійскихъ и Нѣмецкихъ Философовъ; заблуждался въ лабиринтѣ, но бросилъ нить Аріадны Невтону и Лейбницу; не во всемъ достоинъ вѣры, но всегда достоинъ удивленія; всегда великъ, и своею Метафизикою, своимъ нравоученіемъ возвеличиваетъ

* Онъ представленъ на гробницѣ молящимся.

санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читалъ слѣдующее сравненіе между Декартомъ и Невтономъ: «Они равны «*вымысломъ* или духомъ изобрѣтенія; первый бы«стрѣе, высокопарнѣе: вторый глубокомысленнѣе. «Таковъ характеръ Французовъ и Англичанъ; умъ «первыхъ *строитъ въ вышину*, послѣднихъ *углуб«ляется въ основаніе*. Оба Философа хотѣли соз«дать міръ, подобно какъ Александръ хотѣлъ за«воевать его; оба безсмертны, оба велики въ по«нятіяхъ своихъ о Натурѣ.»

Въ томъ же Аббатствѣ взглянулъ я на гробницу Кловиса (завоевателя Галліи перваго Царя Французовъ), на изображеніе Рима (en relief), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ большія зданія; на Библіотеку и на собраніе Египетскихъ, Этрусскихъ, Греческихъ, Римскихъ и Гальскихъ рѣдкостей.

Новая церковь Святой Женевьевы величественна и прекрасна. Знатоки Архитектуры особливо хвалятъ фронтонъ, въ которомъ смѣлость готическая соединена съ красотою Греческою. Наружность и внутренность Коринѳическаго Ордена; послѣдняя не совсѣмъ еще отдѣлана.

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся древніе манускрипты; между прочими Библія въ рукопи-

си девятаго вѣка, и Алькоранъ самый вѣрный: что засвидѣтельствовано Турецкимъ Посломъ, который съ великимъ благоговѣніемъ читалъ и цѣловалъ его.

Въ *Королевскомъ Аббатствѣ*, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, расписанная водяными красками Миньяромъ; знатоки называютъ ее совершенствомъ. Мольеръ сочинилъ Поэму въ честь Миньяра. Жаль, что краски уже теряютъ свою живость.

Въ церкви Св. Андрея сооруженъ памятникъ Аббату Баттё, наставнику Авторовъ, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ. Монументъ нравится своею простотою; на колоннѣ стоитъ урна съ медальйономъ умершаго, и съ милою надписью: amicus amico, *другъ другу*. — Тутъ же видѣлъ я одну старинную Французскую эпитафію въ стихахъ, которая содержитъ въ себѣ исторію Матвѣя Шартьё, *добраго человѣка*, и которая мнѣ очень полюбилась. На примѣръ: «Онъ вѣрилъ Богу, Христіанству, безсмертію, добродѣтели; не «вѣрилъ лицемѣрамъ суевѣрія и щастію порока; «жилъ 50 лѣтъ съ женою своею, и всякой наступающій годъ желалъ провести съ нею какъ минувшій; любилъ въ будни работу, а въ праздникъ «гостей; училъ добру дѣтей своихъ, иногда умными словами, а чаще примѣромъ. Мнѣніе и свидѣтельство его уважалось во всемъ околодкѣ, и люди говорили: *такъ сказалъ Матвѣй Шартьё, доб-*

«*рый человѣкъ!* Прохожій! нединись, что гробни-
«ца его сдѣлана не изъ Паросскаго мрамора, и не «украшена Фригійскою работою; богатые памят- «ники нужны для тѣхъ, которые жизнію и дѣла- «ми не оставили по себѣ доброй памяти; имя Мат- «вѣя Шертьё есть и будетъ живымъ его мону- «ментомъ. 1559.»

Въ храмѣ Бенедиктиновъ погребенъ изгнанникъ Іаковъ II. Онъ велѣлъ схоронить себя безъ всякой пышности и на гробѣ написать только: ci-git Jacques II, Roi de la Grande Bretange. Король самый нещастливѣйшій, потому что никто не жалѣлъ о его нещастіи!

Церковь Кармелитовъ достойна примѣчанія богатымъ монументомъ, сооруженнымъ въ ней господами Буллеце отцу и матери ихъ; но Исторія Кармелитовъ, изданная на Латинскомъ языкѣ, еще достойнѣе примѣчанія. Авторъ утверждаетъ что не только всѣ славнѣйшіе Христіане, но и самые язычники: Пиѳагоръ, Нума Помпилій, Зороастръ, Друиды, были монахи Кармелитскаго Ордена. Имя его происходитъ отъ Сирійской горы Кармель гдѣ жили благочестивые пустынники, первые основатели Кармелитскаго собратства.

Въ церкви Св. Жерменя погребенъ Французской Гораціи, Малербъ, о которомъ сказалъ Буало, что онъ первый *узналъ тайную силу каждаго слова, поставленнаго на своемъ мѣстѣ.* По сіе время можно читать съ великимъ удовольствіемъ Оды его, и всѣ знаютъ наизусть прекрасную строфу:

La mort a des rigueurs à nulle autre pareilles;
On a beaul a prier:
La cruelle qu'elle est, se bouche les oreilles,
Et nous laisse crier.
Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,
Est sujet à ses loix,
Et la garde qui veille aux barrieres du Louvre,
N'en défend point nos Rois.

Тутъ же погребены мужъ и жена Дасье, которыхъ соединила законнымъ образомъ любовь..... къ Греческому языку; которые въ ученомъ супружествѣ своемъ ласкали другъ друга Греческими именами, и тогда бывали веселы, тогда были щастливы, когда находили новую красоту въ стихѣ Гомеровомъ. О варварство! о неблагодарность! на гробѣ ихъ нѣтъ Греческой надписи!.!

Кенотафъ Графа Келюса, въ одномъ изъ придѣловъ Св. Жерменя, сдѣланъ изъ самаго лучшаго порфира. Графъ берегъ его долгое время для своей гробницы. Человѣкъ, который для успѣховъ Искусства не жалѣлъ ни трудовъ, ни имѣнія, ни самой жизни, достоинъ такого кенотафа. Слѣдующій анекдотъ доказываетъ удивительную страсть его. Будучи въ Смирнѣ, онъ хотѣлъ видѣть развалины Эфеса, близъ которыхъ жилъ тогда разбойникъ Каракаяли, ужасъ всѣхъ путешественниковъ. Чтожь сдѣлалъ неустрашимый Графъ? Сыскалъ двухъ разбойниковъ изъ шайки Каракаяли, и нанялъ ихъ себѣ въ проводники, съ тѣмъ, чтобы заплатить имъ деньги по возвращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое платье, не взялъ съ со-

бою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ, и прямо съ своими вожатыми явился къ атаману воровъ, который, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его стана есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда — и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмотрѣвъ ихъ, возвратился ночевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ Эфесъ.—Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Гомера и Виргилія, Сказки, и проч.

Церковь Св. Илера обагрилась нѣкогда кровію двухъ живописцевъ. Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ Адама и Еву въ земномъ раю. Другой, смотря на его картину, сказалъ: «Новорожденный «младенецъ бываетъ связанъ съ матерью посред«ствомъ тонкихъ жилъ, которыя, будучи перерѣ«заны, образуютъ у него пупокъ. Адамъ и Ева не «родились, но были вдругъ сотворены; слѣдствен«но ты глупецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ, ко«тораго они имѣть не могли.» — Оскорбленный живописецъ выхватилъ шпагу; начался поединокъ — и безумцевъ па силу розняли.

Прахъ *великаго* (какъ называютъ Французы) Корнеля покоится въ церкви Св. Рока, безъ мавзолея, безъ эпитафіи. Тутъ погребена и нѣжная Дезульеръ, которой имя напоминаетъ вамъ

Берега кристальныхъ рѣчекъ,
Кроткихъ, миленькихъ овечекъ,
И собачку подлѣ нихъ.

Посошокъ, вѣнокъ, сплетенный изъ луговыхъ цвѣтовъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тутъ и гробъ ле-Нотра, творца великолѣпныхъ садовъ, передъ которыми древніе сады Гесперидскіе не что иное, какъ сельскіе огороды. Надъ гробомъ стоитъ бюстъ его: лице благородное и важное. Таковъ былъ и характеръ Артиста. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, разсказывая, гдѣ чему быть, и какое дѣйствіе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображеніемъ, нѣсколько разъ перерывалъ его описаніе, говоря: *Ле-Нотръ! за эту выдумку даю тебѣ 20,000 ливровъ.* Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ разсердился и сказалъ ему: *Ваше Величество! я замолчу, чтобы не разорить васъ.*

За послѣднимъ олтаремъ сей церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцаніи свѣта, возвышается дикая скала: тутъ Спаситель на крестѣ; у ногъ Его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ, на лѣвой сломленныя дерева, между которыми ползетъ змѣя. Подъ горою голубой мраморной жертвенникъ, въ образѣ древней гробницы; на немъ стоятъ двѣ урны, въ которыхъ дымится ѳиміамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху, и составляетъ неизъяс-

нимо-трогательное зрѣлище. Сердце чувствуетъ благоговѣніе, и колѣна сами собою преклоняются. — Похвалите Фальконета: вы видите произведеніе рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующія стихи, вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ *игры словъ:*

Passant! penses-tu pas passer par ce passage,
Où pensant j'ai passé?
Si tu n'y penses pas, passant! tu n'es pas sage,
Car en n'y pensant pas tu te verras passer.

Парижъ, Іюня...

Госпожа Гло* сказала мнѣ: «Послѣ-завтра будетъ у насъ *чтеніе*. Аббатъ Д* привезетъ *мысли «о любви*, сочиненіе сестры его, Маркизы Л*. C'est «plein de profondeur, à ce qu'on dit. Авторъ также «будетъ у меня, но только *инкогнито*. Естьли хотите узнать остроуміе и глубокомысліе здѣшнихъ Дамъ, то приходите.» — Какъ не притти? Я пожертвовалъ спектаклемъ, и въ 8 часовъ явился. Хозяйка сидѣла на Вольтеровскихъ креслахъ; вокругъ ее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббата занимали своею любезностію трехъ Дамъ; по угламъ комнаты было еще разсѣяно нѣсколько *группъ*, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человѣкъ. Въ

9 часовъ хозяйка вызвала Аббата Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чтецъ выпулъ изъ кармана розовую тетрадку, сказалъ что-то забавное и началъ.... Жаль, что я не могу отъ слова до слова пересказать вамъ мыслей Автора! Однакожь можете судить о достоинствахъ и тонѣ сочиненія по слѣдующимъ отрывкамъ, которые остались у меня въ памяти:

«Любовь есть *кризисъ*, рѣшительная минута жиз-«ни, съ трепетомъ ожидаемая сердцемъ. Занавѣсъ «поднимается.... *Онъ! она!* восклицаетъ сердце, и «теряетъ личность бытія своего. Таинственный «Рокъ бросаетъ жребій въ урну: ты блаженъ! ты «погибъ!»

«Все можно описать въ мірѣ, все, кромѣ стра-«стной, героической любви; она есть символъ не-«ба, которой на землѣ не изъясняется. Передъ нею «исчезаетъ всякое величіе. Цесарь малодушенъ, «Регулъ слабъ.... въ сравненіи съ истиннымъ лю-«бовникомъ, который выше дѣйствія стихіи, внѣ «сферы мірскихъ желаній, гдѣ обыкновенныя ду-«ши, какъ пылинки въ вихрѣ, носятся и вертятся. «Дерзко назвать его полубогомъ — мы не языч-«ники — но онъ не человѣкъ. Зороастръ изобра-«жаетъ Бога въ пламени; пламя добродѣтельной, «героической любви достойнѣе всего окружать «тронъ Всевышняго.»

«Монтань говоритъ: *другъ мнѣ милъ для то-«го, что онъ онъ; я милъ ему для того, что я я.* «Монтань говоритъ о любовникахъ — или слова «его не имѣютъ смысла.»

«Прелести никогда не бываютъ основаніемъ «страсти; она раждается внезапно отъ соосязанія «двухъ нѣжныхъ душъ въ одномъ взорѣ, въ одномъ словѣ; она есть не что иное, какъ симпатія, соединенія двухъ половинъ, которыя въ разлукѣ томились.»

«Только одинъ разъ сгараютъ вещи; только «одинъ разъ любитъ сердце.»

«Въ жизни чувствительныхъ бываютъ три эпо«хи: *ожиданіе*, *забвеніе*, *воспоминаніе*. Забвеніемъ «называю *восторгъ любви*, который не можетъ «быть продолжителенъ, для того, что мы не боги, «и земля не Олимпъ. Любовь оставляетъ по себѣ «милое *воспоминаніе*, которое уже не есть *любовь*; «но мы, кажется, все еще любимъ человѣка, для «того что нѣкогда обожали его. Намъ пріятно то «мѣсто, гдѣ что нибудь пріятное съ нами случи«лось.»

«Человѣкъ, любящій славу, знатность, богат«ство, подобенъ тому, кто за неимѣніемъ Новой «Элоизы читаетъ романъ дѣвицы Скюдери; за не«имѣніемъ, говорю, или по дурному вкусу. На ди«комъ Паросскомъ мраморѣ наростаетъ иногда «довольно пріятная зелень; но можно ли сравнить «ее съ видомъ того мрамора, который представ«ляетъ Фидіасову Венеру? Вотъ его истинное «*опредѣленіе* (destination), подобно какъ опредѣле«ніе сердца есть любовь.»

«Одинъ великій музыкантъ сказалъ, что бла«женство небесной жизни должно состоять въ

«*гармоніи*; нѣжныя души увѣрены, что оно бу-«детъ состоять въ любви.»

«Я не знаю, есть ли атеисты; но знаю, что лю-«бовники не могутъ быть атеистами. Взоръ съ ми-«лаго предмета невольно обращается на небо. Кто «любилъ, тотъ понимаетъ меня.»

Слушатели при всякой фразѣ говорили: *браво!* c'est beau, c'est ingénieux, sublime; а я думалъ: *хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсѣмъ не женской языкъ!* Глаза мои искали Автора. Черноволосая Дама, лѣтъ въ 30, сидѣла всѣхъ далѣе отъ Аббата, не слушала, развертывала книги, ноты на клавесинѣ: не трудно было угадать въ ней сочинительницу. Хозяйка сказала: «я не знаю Ав-«тора, а хотѣла бы поцѣловать его» — сказала, и съ великою нѣжностію обняла Маркизу Л*. Всѣ захлопали. Черезъ минуту поставили два стола; три Дамы и пять Кавалеровъ сѣли играть въ карты; а другіе, сидя и стоя, слушали Аббата Д*, который съ великою строгостію судилъ главныхъ Французскихъ Авторовъ. «Вольтеръ (говорилъ «онъ) писалъ единственно для своего времени, ис-«куснѣе всѣхъ другихъ пользовался настоящимъ «расположеніемъ умовъ; но достоинство его съ «перемѣною обстоятельствъ необходимо должно «теряться. Будучи жаденъ къ минутной славѣ, «онъ боялся отдѣлиться разумомъ отъ современ-«никовъ, боялся далеко опередить ихъ, чтобы не «сдѣлаться темнымъ, невразумительнымъ; хотѣлъ «за каждую строку *немедленнаго* награжденія, и «для того искалъ единственно лучшаго выраже-

«нія, лучшаго оборота для идей обыкновенныхъ; «бралъ изъ чужихъ магазиновъ, работалъ *на*«*чисто*, не занимаясь изобрѣтеніемъ, не думая о «собраніи новыхъ матеріаловъ. Онъ былъ совер«шенный Эпикуреецъ въ умѣ, не мыслилъ о по«томствѣ, не вѣрилъ безсмертію славы; не са«жалъ кедровъ, а сѣялъ одни цвѣты, изъ кото«рыхъ уже многіе завяли въ глазахъ нашихъ — а «мы еще современники Вольтеровы! Что же бу«детъ черезъ сто лѣтъ? Насмѣшки его надъ раз«ными суевѣрными мнѣніями, надъ разными фи«лософскими системами, могутъ ли производить «сильное дѣйствіе тогда, когда мнѣнія и системы «перемѣнятся?» А его трагедіи? сказалъ я. — «— Онѣ въ *совершенствѣ* уступаютъ Расиновымъ, «отвѣчалъ Аббатъ: въ слогѣ ихъ нѣтъ чистоты, «плавности, сладкаго краснорѣчія творца Федры «и Андромахи; но много смѣлыхъ идей, которыя «теперь уже не кажутся смѣлыми; много такъ «называемой Философіи, которая не принадлежитъ «къ существу Драмы, а нравится партеру; много «вкуса, а мало истинной чувствительности.» — Какъ! въ Заирѣ мало чувствительности? — «Да, «я берусь доказать, что въ Заирѣ нѣтъ ни одной «нѣжной мысли, которой бы не нашлось въ са«момъ обыкновенномъ романѣ. Достоинство Воль«терово состоитъ въ одномъ выраженіи; но ни«когда не найдете въ немъ жаркихъ изліяній чув«ства, сильныхъ стремленій сердца, de grands de «beaux élans de sensibilité, какъ напримѣръ въ «Федрѣ.» — И такъ Расинъ великой Трагикъ по

вашему мнѣнію? — «Великій Писатель, Стихо-«творецъ, а не Трагикъ. Нѣжная душа его никог-«да не могла принять въ себя трагическаго ужа-«са. Онъ писалъ драматическія Элегіи, а не Тра-«гедіи; но въ нихъ много чувства, слогъ несрав-«ненный, краснорѣчіе живое, отъ полноты серд-«ца; его можно назвать *совершеннымъ*, и *до конца* «*вселенной* самою лучшею похвалою Французскихъ «стиховъ будетъ: *они похожи на Расиновы!* Но «имѣя даръ *цвѣтить* нѣжное чувство, совсѣмъ не «имѣлъ онъ таланта изображать *ужасное* или *герои-* «*ческое*. Расинъ не представилъ на сценѣ ни одного «сильнаго характера; въ трагедіяхъ его слышимъ «великія имена, а не видимъ ни одного великаго «человѣка, какъ напримѣръ въ Корнелѣ.» — И такъ вы отдаете вѣнецъ Корнелю? — «Онъ до-«стоинъ былъ родиться Римляниномъ, изображалъ «великое, какъ *свое собственное;* Герои его дѣй-«ствительно Герои; но сильный слогъ его часто сла-«бѣетъ, унижается, оскорбляетъ вкусъ; а нѣжно-«сти Корнелевы почти всегда несносны.» — Чтожь «вы скажете о Кребильйонѣ? — «То, что онъ у-«жаснѣе всѣхъ нашихъ Трагиковъ. Какъ Вольтеръ «нравится, Расинъ плѣняетъ, Корнель возвеличи-«ваетъ душу: такъ Кребильйонъ пугаетъ вообра-«женіе; но варварскій слогъ его не достоинъ Мель-«помены и нашего времени. Корнель не имѣлъ для «себя образцевъ въ слогѣ, но часто служитъ самъ «образцемъ: Кребильйонъ же имѣлъ дерзость по-«слѣ Расина писать грубыми, дикими стихами, и «доказалъ, что у него не было ни слуха, ни чув-

«ства для красотъ Стихотворства. Иногда проска-«киваютъ въ его Трагедіяхъ хорошіе стихи, но «какъ будто бы не нарочно, безъ его вѣдома и со-«гласія.»

Какой страшный Аристархъ! думалъ я: хорошо, что у насъ въ Россіи нѣтъ такихъ грозныхъ Критиковъ.

Мы сѣли ужинать въ 11 часовъ. Всѣ говорили, но въ памяти у меня ничего не осталось. Французскіе разговоры можно назвать бѣглымъ огнемъ: такъ быстро летятъ слова одно за другимъ, и вниманіе едва успѣваетъ слѣдовать за ними.

=

Парижъ, Іюня....

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую записку: «Сестра моя, Графиня Д*, которую вы у меня «видѣли, желаетъ имѣть подробное свѣдѣніе о ва-«шемъ отечествѣ. Нынѣшнія обстоятельства Фран-«ціи таковы, что всякой изъ насъ долженъ гото-«вить себѣ убѣжище гдѣ нибудь въ другой землѣ «Прошу отвѣчать на прилагаемые вопросы: чѣмъ «меня обяжете.» Я развернулъ большой листъ, на которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — разсмѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здоровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. Въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ компатахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ трескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца катаются въ саняхъ по снѣжнымъ брилліянтамъ, и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бываютъ столь прелестны, какъ зимою; дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя съ надворья въ компату, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, и звонкой голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ Океана, радостно восклицаетъ: *земля!* Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуха-

ніе ароматной черемухи. Въ вашихъ климатахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слетаетъ съ неба, и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша Природа кажется изнуренною, слабою: наша имѣетъ всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь отъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей; и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль ,то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго растительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта: у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаждаемся Природою какъ другомъ, съ которымъ намъ должно разстаться на долгое время — и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима — и сельской житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ тѣ, которыми вы наслаждаетесь: спектакли, балы, ужины, карты и любезность вашего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иностранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимаютъ?

Отвѣтъ. Гостепріимство есть добродѣтель Русскихъ. Мы же благодарны иностранцамъ за просвѣщеніе, за множество умныхъ идей и пріятныхъ чувствъ, которые были неизвѣстны предкамъ нашимъ до связи съ другими Европейскими землями. Осыпая гостей ласками, мы любимъ имъ доказы-

вать, что ученики едва ли уступают учителямъ въ искусствѣ жить и съ людьми обходиться.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на тронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза, есть девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперь слѣдуетъ?... *Много ли дичи въ Россіи?* «спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ Графиня), страстный охотникъ стрѣлять.»

Я отвѣчалъ такъ, что провинціальный Графъ долженъ закричать *ружье! лошадей! въ Россію!*

Однимъ словомъ, естьли и мужъ и жена теперь не прискачутъ къ вамъ въ Москву, то не моя вина!

═

Парижъ, Іюля....

Наконецъ я рѣшился отказаться на нѣсколько времени отъ Спектаклей, чтобы осмотрѣть любопытныя Парижскія окрестности. Съ чего начать? Безъ всякаго сомнѣнія съ Версаліи.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посольской священникъ, Г. К*, Русской Артистъ съ великимъ талантомъ, и я пришли на берегъ Сены; сѣли на гальйотъ и поплыли мимо Елисейскихъ полей, Булонскаго лѣса, многихъ прелестныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой сторонѣ возвышается замокъ Мёдонъ съ великолѣпною своею террасою (длиною во 150 саженъ) и съ густымъ паркомъ. Онъ при-

надлежалъ откупщику Сервіеню, Министру Лувуа, Лудовику XIV и Дофину, который умеръ тамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Мёдонъ жилъ нѣкогда Францискъ Рабле, Авторъ романовъ Гаргантюа и Пантагрюель, наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и нелѣпостію. Шестой-надесять вѣкъ удивлялся его знаніямъ, уму, шутовству. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ, Рабле сдѣлался хорошимъ Докторомъ, выпросилъ у Папы *отпускную*, и прославилъ Монпельерской Университетъ своими лекціями *; ѣздилъ въ Римъ пошутить надъ туфлемъ своего благодѣтеля, взялъ на себя должность приходскаго священника въ Мёдонѣ усердно врачевалъ тѣло и душу своей паствы, и писалъ романы, въ которыхъ простосердечный Лафонтенъ находилъ болѣе ума, нежели въ философскихъ трактатахъ, и которые безъ всякаго сомнѣнія подали Стерну мысль сочинить Тристрама Шанди. Рабле жилъ и умеръ шутя. За нѣсколько минутъ до смерти своей сказалъ онъ: «занавѣсъ опускается, комедія вся. Je vais chercher un grand peutêtre» Духовная его состояла въ слѣдующихъ словахъ: *ничего не имѣю; много долженъ; остальное бѣднымъ.* — Въ деревенькѣ Севѣ извѣ-

* Такъ что по сіе время въ память ему, на всякаго новопринимаемаго Доктора въ Монтпелье надѣваютъ Раблееву мантію, которая не рѣдко напоминаетъ басню осла во львиной кожѣ.

стной въ цѣломъ свѣтѣ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ которою ни Саксонская, ни Берлинская не можетъ сравняться въ чистотѣ и въ живописи), мы позавтракали въ кофейномъ домѣ и отправились въ Версалію пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ сторонахъ дороги прекрасные домы, сады, трактиры, и нечувствительно вошли въ Версальскія аллеи, avenues de Versailles, гдѣ открылся намъ дворецъ. . .

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ — и среди пустыни, дикой, песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, которому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпіемъ.

Три двойныя аллеи, одна изъ Парижа, другая изъ Со, третья изъ Сен Клу, сходятся на площади, называемой Place d'armes, гдѣ возвышаются два огромныя зданія. Радуйтесь, естьли вы любите лошадей: это конюшни. Впереди прекрасная желѣзная рѣшетка; а по концамъ двѣ группы, которыя изображаютъ побѣды Франціи надъ Гишпаніею и Нѣмецкою Имперіею. Новая пристройка съ лѣвой стороны, для Королевской гвардіи, имѣетъ видъ палатокъ: хорошо само по себѣ, но разрушаетъ общую симметрію. За площадью переднiй дворъ (avant-cour) или дворъ Министровъ; у воротъ стоятъ двѣ группы, представляющія Изобиліе и Миръ, два главные предмета дѣлъ Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о которой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ce colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожь многіе знатоки не такъ думаютъ, и вопреки Фернейскому насмѣшнику находятъ зданіе достойнымъ похвалы, какъ въ гармоніи цѣлаго, такъ и въ частныхъ украшеніяхъ. Въ церкви служили обѣдню, но никого не было, кромѣ монаховъ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство, разсыпанное съ блескомъ и со вкусомъ. Между многими хорошими картинами замѣтилъ я Жувенетову, на которой изображенъ Св. Лудовикъ, Герой и Христіянинъ; побѣдивъ невѣрныхъ въ Египтѣ, онъ печется о раненыхъ и служитъ имъ. На одномъ изъ олтарей показываютъ, какъ великую драгоцѣнность, Распятіе изъ слоновой кости, вышиною въ 4 фута: даръ Августа II, Короля Польскаго. Изъ церкви прошли мы въ *Геркулесову залу*, которая огромна своимъ пространствомъ и великолѣпна украшеніемъ. Тутъ возвышаются 20 мраморныхъ Коринѳическихъ пиластровъ, съ жарко-вызолоченными капителями и базами; но главная красота залы есть плафонъ, расписанный на полотнѣ масляными красками живописцемъ Лемуаномъ, и представляющій Геркулесово *боготвореніе* (апоѳеозу): самая величайшая картина въ свѣтѣ! Расположеніе фигуры, выразительность, служатъ доказатель-

ствомъ Лемуанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляются. Тутъ же стоятъ двѣ славныя Веронезовы картины: Спаситель и Ревекка. Первая была собственностію Сервитскихъ монаховъ въ Венеціи, которые ни за что не хотѣли продать ее Лудовику XIV; но Сенатъ, узнавъ желаніе Короля, отнялъ у монаховъ картину и подарилъ ему. Даже и рамы достойны того, чтобы посмотрѣть на нихъ нѣсколько минутъ: прекрасная рѣзьба! — Залы *Изобилія*, *Венерина*, *Діанина*, *Марсова*, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю статую земледѣльца и Диктатора Цинцинната; въ третьей бюстъ Лудовика XIV; а въ четвертой удивлялись мы Лебрюневой *Даріевой фамиліи*, признанной всѣми знатоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фонтенебло; Король всякой день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Разсказываютъ, что одинъ Италіянскій Прелатъ не могъ отъ зависти видѣть этой картины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо ее зажмуривъ глаза. Подлѣ Лебрюневой стоитъ Веронезова картина *Странники*, на которой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуріевой залѣ* были прежде двѣ Рафаэлевы картины: Архангелъ Михаилъ и *Святая фамилія*; но ихъ, къ нашему сожалѣнію, за чѣмъ-то сняли. Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, который, подобно нашему

Кулыбину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякой часъ два пѣтуха поютъ махая крыльями; въ ту же секунду выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ тимпаномъ, по которому два Амура бьютъ всякую четверть стальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декораціи является статуя Лудовика XIV, а сверху на облакѣ спускается богиня побѣдъ и держитъ корону надъ его головою; внутри играетъ музыка — и наконецъ вдругъ все исчезаетъ. — Въ Тронной, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, стоитъ престолъ. «Вотъ первый тронъ въ свѣтѣ!» сказалъ человѣкъ, который водилъ насъ по дворцу: *былъ*, разу-«мѣю; но естьли Богъ не оставилъ Французовъ, «то солнце Лудовика XIV опять возсіяетъ здѣсь «во всей лучезарности!» — Черезъ *залу войны*, Salon de la Guerre, гдѣ кисть Лебрюнева вездѣ изобразила побѣды Франціи, вошли мы въ галлерею, которая не даромъ названа большою: она длиною въ 37 сажень, вышиною 8. Противъ оконъ сдѣланы зеркальныя аркады, въ которыхъ самымъ прелестнымъ образомъ изображается садъ, зелень, игра воды. На плафонѣ представлена Лебрюнемъ, въ 27 аллегорическихъ картинахъ, Исторія Лудовика въ первыя семь лѣтъ его царствованія. Четыре мраморныя колонны съ осмью пиластрами окружаютъ входъ съ обѣихъ сторонъ галлереи; между пиластрами, на мраморныхъ подножіяхъ, стоятъ древнія статуи: Бахусъ, Венера (найденная въ городѣ Арлѣ), Весталка и Муза Уранія: а въ серединѣ, въ четырехъ нишахъ, Гер-

маникъ, изваянный славнымъ Аѳинскимъ художникомъ Алькаменомъ; двѣ Венеры и Діана. — Въ *залѣ мира* живопись представляетъ Францію, сидящую на лазоревомъ шарѣ; Слава вѣнчаетъ ее; Амуры и Миръ соединяютъ голубей. На другой картинѣ Лудовикъ подаетъ масличную вѣтвь Европѣ. -- Изъ *мирной залы* входъ въ Королевины комнаты.... Я вспомнилъ 4 Октября, ту ужасную ночь, въ которую прекрасная Марія, слыша у дверей своихъ грозный крикъ Парижскихъ варваровъ и стукъ оружія, спѣшила неодѣтая, съ распущенными волосами, укрыться въ объятіяхъ супруга отъ злобы тигровъ... Не скоро могъ я обратить глаза на украшеніе и живопись комнатъ. Тутъ всѣ картины представляютъ славу и торжество женщинъ. Клеопатра подлѣ Антонія, готоваго броситься къ ногамъ ея; Царица Родопа смотритъ на пирамиду, сооруженную красотѣ ея; безсмертная Сафо играетъ на лирѣ; Аспазія говоритъ съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа распускаетъ коверъ; невинныя дѣвы приносятъ Юпитеру жертву на горѣ Идѣ — и славнѣйшія Царицы древности. — Въ Королевскихъ внутреннихъ комнатахъ замѣтили мы Рафаэлева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ, портреты Катерины Валуа, Маріи Медицисъ, Франциска I (Рубенсовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста, Сципіона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра великаго, порфировый; большіе астрономическіе часы, которые бьютъ секунды, показы-

ваютъ мѣсяцъ, число, день недѣли, дѣйствіе холода и тепла на металлы, и круговращеніе планетъ съ такою вѣрностію, что во сто лѣтъ не могутъ сдѣлать ни малѣйшей розницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ которой онъ видѣлъ, сквозь прямую аллею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнатахъ, подлѣ Королевскаго кабинета, хранятся драгоцѣнные гравированные, древніе и новые камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *печать Микеля Анджела*, на которой изображено собираніе винограда. — Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искать обѣда.

Версалія безъ Двора какъ тѣло безъ души; осиротѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минуту стучали кареты, тѣснился народъ, тамъ нынѣ едва встрѣтится человѣкъ: мертвая тишина и скука! Всякой житель казался мнѣ печальнымъ. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ заставили насъ два часа ждать обѣда. Хозяйка въ оправданіе свое говорила: «Что дѣлать? Худыя времена, государи «мои! нещастныя времена! Всѣ терпятъ! и вы «потерпите!»

Утоливъ съ нуждою голодъ свой, торопились мы видѣть сады и паркъ, которые въ окружности составляютъ верстъ пятьдесятъ.

Ничто не можетъ сравняться съ великолѣпнымъ видомъ дворца изъ саду; фасада его, вмѣстѣ съ флигелями, простирается на 300 саженъ. Тутъ разсѣяны всѣ красоты, всѣ богатства архи-

тектуры и ваянія. Никто изъ Царей земныхъ, ни самый роскошный Соломонъ не имѣлъ такого жилища. Надобно видѣть: описать не возможно. Исчислять колонны, статуи, вазы, трофеи, не есть описывать. Огромность, совершенная гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго: вотъ чего и самому живописцу не льзя изобразить кистію!

Пойдемъ въ сады, твореніе Ленотра, котораго смѣлый Геній вездѣ сажалъ на тронъ гордое Искусство, а смиренную Натуру, какъ бѣдную невольницу, повергалъ къ ногамъ его.

Къ великолѣпію Цари осуждены;
Мы требуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
Во изумленіе нашъ разумъ приводящей;
Какъ солнцемъ ею быть хотимъ ослѣплены.

И такъ не ищите Природы въ садахъ Версальскихъ; но здѣсь на всякомъ шагу Искусство плѣняетъ взоры; здѣсь царство кристальныхъ водъ, богини Скульптуры и Флоры, Партеры, цвѣтники, пруды, фонтаны, бассейны, лѣсочки, и между ими безчисленное множество статуй, группъ, вазъ, одна другой лучше, не привлекаютъ, а развлекаютъ вниманіе, такъ что вы не знаете, на что смотрѣть. Вотъ точно дѣйствіе, которое хотѣли произвести великій Царь и великій художникъ! Послѣдній безъ сомнѣнія не думалъ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенности: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года! Нѣтъ, онъ воображалъ, что зритель, оки-

нувъ глазами часть несмѣтныхъ богатствъ, и воскликнувъ въ первую минуту: *великолѣпно!* умолкнетъ отъ изумленія, и не посмѣетъ болѣе хвалить. Я то и сдѣлалъ; въ чувствѣ моего ничтожества передвигалъ ноги; переносилъ взоры отъ предмета къ предмету, находилъ все совершеннымъ, и смиренно удивлялся. Лудовикъ XIV съ Ленотромъ запечатали мнѣ воображеніе, которое не можетъ тутъ ничего придумать, ничего представить иначе. Къ славѣ художника вспомнилъ я Тассово описаніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно бѣдно въ сравненіи съ Версальскимъ! Тамъ эстампъ, здѣсь картина. А сколько разъ было сказано, что Художество не угоняется за Поэзіею? въ изображеніи *сердца для сердца*, конечно; но во всемъ *картинномъ для глазъ* Поэтъ ученикъ Артиста, и долженъ трепетать, когда художникъ беретъ въ руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальскій садъ претерпѣлъ страшное опустошеніе: безжалостная сѣкира подрубила всѣ густыя, высокія дерева, для того (говорятъ), что они начинали старѣться, и походили не на лѣсочки, а на лѣсъ. Стихотворецъ въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и Делиль въ гармоническихъ стихахъ изъявляетъ свое негодованіе:

O Versailles, ô regrets, ô Bosquets ravissans,
Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Lenotre et du tems!
Le hache est à vos pieds, et votre heure est venue!

«Исчезли, продолжаетъ онъ, исчезли вѣтвистые «старцы, которыхъ величественныя главы осѣ«няли священную главу Царя великаго! Увы! гдѣ «прекрасныя рощи, въ которыхъ веселились Гра«ціи?... Амуръ! Амуръ! гдѣ прелестныя сѣни, въ «которыхъ нѣжно томилась гордая Монтеспанъ, и «гдѣ милая, чувствительная Лавальеръ не нароч«но открыла тайну своего сердца щастливому лю«бовнику? Все исчезло, и пернатые Орфеи, устра«шенные стукомъ разрушенія, съ горестію летятъ «изъ мирной обители, гдѣ столько лѣтъ *въ присут«ствіи Царей* пѣли они любовь свою! Боги, кото«рыми ваятельное художество населило сіи тѣ«нистые храмы; боги, вдругъ лишенные зеленаго «покрова, тоскуютъ, и самая Венера въ первый «разъ устыдилась наготы своей!.... Растите, осѣ«няйтесь, юныя дерева; возвратите намъ пти«чекъ»...

Юныя дерева послушались стихотворца, разрослись, осѣнились — Венера не стыдится уже наготы своей — птички возвратились изъ горестной ссылки, и снова поютъ любовь; но, ахъ! не въ *присутствіи Царей!* Никто не слушаетъ теперь ихъ пѣсенъ, кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ иностранцевъ, приходящихъ иногда видѣть садъ Версальскій!

Одно названіе статуй, которыми украшаются партеры, фонтаны, лѣсочки, аллеи, заняло бы нѣсколько страницъ; тутъ собраны лучшія произведенія тридцати лучшихъ ваятелей. Упомяну только о древнемъ, колоссальномъ Юпитерѣ славнаго

Греческаго художника Мирона, сделаннымъ изъ Паросскаго мрамора. Маркъ-Антоній нашелъ его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Капитоліи; Германикъ, Траянъ, Маркъ-Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карла V, Гранвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Лудовика XIV, Самосской колоссальный Юпитеръ шагнулъ въ Версалію. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и странствія лишили его ногъ; художникъ Друильи придѣлалъ ихъ; по мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоитъ на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ звѣринцѣ, въ красивыхъ павильйонахъ, за желѣзными рѣшетками видѣлъ я множество звѣрей: львовъ, тигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцероса, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Страшно смотрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же встрѣтиться съ нимъ въ пустынѣ Африканской? Впрочемъ звѣри имѣютъ причину не любить насъ. Чего мы съ ними не дѣлаемъ? маленькая двуногая тварь садится верхомъ на огромнаго слона, стучитъ ему молотомъ въ голову, и правитъ имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку; оковавъ яростнаго тигра, дразнитъ его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Еѳіопіи въ Версалію. Многихъ

животныхъ называютъ хитрыми; но что ихъ хитрость противъ нашей?

Лудовикъ XIV хотя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожь иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго дворца переселялся на нѣсколько дней въ Тріанонъ, небольшой увеселительный домъ, построенный въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ этажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣтники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть *маленькой Тріанонъ*, о которомъ говоритъ Делиль:

Semblable à son auguste et jeune Déité,
Trianon joint la grace avec la majesté.

Пріятные лѣсочки съ Англійскими цвѣтниками окружаютъ уединенный домикъ, Любезностію посвященный Любезности и тихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ милая хозяйка, угощала друзей своихъ; тутъ въ низенькой галлереѣ, закрываемой отъ глазъ густою зеленью, бывали самые пріятнѣйшіе ужины, концерты, пляски Грацій. Софы и кресла обиты собственною работою Маріи Антуанеты; розы, ею вышитыя, казались мнѣ прелестнѣе всѣхъ розъ Натуры. Садъ Тріанона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ пріятный безпорядокъ, простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтущіе берега ихъ

ждутъ, кажется, пастушки. Прелестный островокъ является взору: тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви; тамъ искусный рѣзецъ Бушардоновъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣтствуетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не видно опасной хитрости, коварнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую. — Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля, луга, стада, хижинки, дикой гротъ. Послѣ великолѣпныхъ, утомительныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу; снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ... Мнѣ хотѣлось бы остановить, удержать его на лазурномъ сводѣ, чтобы долѣе быть въ прелестномъ Т р і а н о н ѣ. Ночь наступаетъ.... Простите, мѣста любезныя! — Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на постелю и говорю самому себѣ: «я не видалъ ничего великолѣпнѣе Версаль«скаго дворца съ паркомъ, и милѣе Тріанона съ «его сельскими красотами!»

=

Парижъ, Іюня....

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина

дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною, и до крайности говорливою. Вальянъ хотѣлъ съ Мыса Доброй надежды пробраться черезъ пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеемъ, сражается съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія Дамы говорятъ: il est vaillant, ce Monsieur de Vaillant! Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранитъ просвѣщеніе, хвалитъ дикихъ, находитъ въ Кафріи милую для своего сердца, привлекательную Нерину; гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, прячетъ ея передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностію смуглой красавицы; клянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранитъ клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, пернатыхъ чучелъ, Готтентотскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, выразителенъ, иногда живописенъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литтература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, *сказалъ я*: по читая его, удивляюсь, какъ можно

оставить милое семейство, отечество, всѣ пріятныя удобности Европейской жизни, и скитаться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь птичку. Теперь, видя *васъ*, еще болѣе удивляюсь. — «Видя меня?» — Имѣть такую любезную супругу, и добровольно съ нею разстаться! — «Государь мой! любопытство имѣетъ своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности; а вы всѣ Калмыки—любите скитаться, искать Богъ знаетъ чего, и не думать о нашемъ безпокойствѣ.» — Я старался увѣрить Госпожу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужья гораздо нѣжнѣе, не любятъ разставаться съ женами, и твердятъ пословицу: *Донъ, Донъ, а лучше всего домъ!* — Она дозволила мнѣ притти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

═

Деревня Отель, Іюня....

Я пришелъ сюда для того, чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Французскихъ Писателей тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ Расинъ, Лафонтенъ, Шапель Мольеръ, ужинали, пили, смѣялись, и наконецъ вздумали *Гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести,

проклинать судьбу, находя, по словамъ одного Греческаго Софиста, что первое щастіе есть . . . не родиться, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не всталъ съ мѣста и сказалъ имъ: «друзья! намѣреніе ваше по«хвально; но теперь ночь: никто не увидитъ ге«роическаго конца Поэтовъ. Дождемся Феба, от«ца нашего; и тогда весь Парижъ будетъ свидѣ«телемъ славной смерти дѣтей его!» Такая щастливая мысль всѣмъ полюбилась, и Шапель наливая рюмку, говорилъ: «правда, правда; утопимся завтра, «а теперь допьемъ остальное вино!» — По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придворный Медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroit sous celui de Gendron.

Теперь этотъ домъ принадлежитъ господину... забылъ имя.

Деревенька Отёль славилась нѣкогда хорошимъ виномъ своимъ; но слава ея прошла: нынѣшнее Отёльское вино никуда не годится. Я не могъ выпить рюмки. — Смеркается; спѣшу въ городъ.

Сен-Дени.

Вселенныя любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти?... прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ Св. Діонисія, на кладбищѣ Французскихъ Царей, которые всѣ, въ глубокой тишинѣ, лежатъ другъ подлѣ друга: колѣно Меровеево, Карлово, Капетово, Валуа и Бурбонское. Я напрасно искалъ гробницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за Графа Крепи, и скончала дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ею основанномъ; другіе же Историки думаютъ, что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то ни было, но ея кенотафа нѣтъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая, оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую дальнюю землю, какъ въ темный лѣсъ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобъ быть супругою неизвѣстнаго ей человѣка!... Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Политикѣ! Анна должна была перемѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Восточной и Западной Церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился мужествомъ и другими Царскими достоинствами. Любовь заключила вторый брачный союзъ ея; но Анна не долго наслаждалась щастіемъ любви: Графъ Крепи былъ убитъ на поединкѣ однимъ Британскимъ рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика XII и Генриха IV. . . .

Великій человѣкъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ олтарей.

Гробъ Франциска I, прозваннаго *Отцемъ Искусствъ и Наукъ*, великолѣпно украшенъ благодарнымъ Художествомъ; но монументъ перваго изъ новыхъ военачальниковъ, Александра храбростію, Фабія благоразуміемъ — однимъ словомъ, Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе примѣчанія. Герой кончается въ объятіяхъ Безсмертія, которое вѣнчаетъ его лаврами. Храбрость и Мудрость стоятъ подлѣ его гроба: одна въ ужасѣ, другая въ горестномъ изумленіи. Черная мраморная доска ждетъ эпитафіи: для чего не вырѣжутъ на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю кѣмъ сочиненныхъ:

Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de différence
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

Честь Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Лудовикъ его и въ гробѣ награждаетъ,
Желая свѣту доказать,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронѣ быть, или тронъ славно защищать.

Я не буду говорить вамъ о странныхъ барельефахъ Дагобертовой гробницы, на которыхъ изображены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа достойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагоберъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и тамошняго сокровища, золотыхъ распятій, святыхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ, лоскутьевъ, подаренныхъ Аббатству разными Королями и благочестивыми людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечь Лудовика Святаго (которымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ невѣрныхъ), портретъ такъ называемой *Орлеанской дѣвственницы*, славной Героини Вольтеровой Поэмы, и большую древнюю чашу, сдѣланную изъ восточнаго агата для Египетскаго Царя Птоломея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

Св. Діонисій, Патронъ Франціи, проповѣдывалъ въ Галліи Христіанство, и былъ казненъ злыми язычниками на Монмартрѣ. Католическія Легенды говорятъ, что онъ послѣ казни сталъ на ноги, взялъ въ руки отрубленную голову свою и шелъ съ нею версты четыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: cela n'est pas surprenant; il n'y a que le premier qui conte.

═

Парижъ, Іюня...

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной *Бездѣлки!* Сегодни видѣвъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Артуа, называемомъ bagatelle, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

Et toi, d'un Prince aimable ô l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi.
Lieu charmant! etc.

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасный павильйонъ, съ золотою надписью на дверяхъ: parva sed apta; *малъ, но покоенъ.* У крыльца стоитъ мраморная Нимфа, и держитъ на головѣ корзину съ цвѣтами: въ эту корзину ставится ночью хрустальный фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната столовая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьетъ вода и льется въ обширной бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повторяютъ дѣйствіе фонтана. Оттуда входъ въ большую ротонду, украшенную стеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. Къ залѣ примыкаютъ два кабинета: баня и будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладострастно. На картинахъ улыбается Любовь, а въ альковѣ кроются Восторги... не смѣю взглянуть на постелю. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса: вездѣ пики, каски, трофеи, знаки сраженій и побѣдъ: Но Масръ

дружевъ съ Кипридою: взгляните на право .... тутъ маленькой тайный кабинетъ, гдѣ представляются глазамъ знаки другаго роду сраженій и побѣдъ: Стыдливость умираетъ, Любовь торжествуетъ. Цвѣтъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ, есть самый нѣжный тѣлесный; одни Амуры умѣютъ такъ красить. Подойдите къ окну: видъ прелестный! Теченіе Сены, Лоншанскій монастырь, мостъ Нёльи, образуютъ самой живописный ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете, что этотъ павильйонъ есть въ самомъ дѣлѣ волшебный, будучи построенъ, отдѣланъ, убранъ въ пять недѣль: безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильйона идутъ двѣ аллеи, и примыкаютъ къ гранитному утесу, изъ котораго вытекаетъ ручей; за утесомъ пріятный лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ*, à la Venus pudique; мраморный образъ ея стоитъ на высокомъ подножіи. Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой. Прежде всего является глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣтлый прудъ, по которому вѣтеръ носитъ лодку. На лѣвой сторонѣ извивается тропинка, и приводитъ васъ къ *пустынѣ;* густыя дерева, перепутываясь своими вѣтвями, служатъ ей оградою. Видите маленькой домикъ, покрытый тростникомъ; въ немъ двѣ комнаты, обклеенныя мохомъ и листьями, кухня, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, постеля. Тутъ въ самомъ дѣлѣ

жилъ когда-то пустынникъ, въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣть уединеннаго мудреца, и слушать его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣтѣ, называлъ его забавы адскими игрищами, женскую красоту приманкою Сатаны, а любовь (боюсь сказать) самимъ дьяволомъ. Купидонъ раздраженный такимъ дерзскимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшился отмстить Анахорету, прострѣлилъ его насквозь своею кипарисною стрѣлою, и показалъ ему вдали сельскую красавицу, которая на берегу Сены рвала фіялки. Пустынникъ воспламенился; забылъ свое ученіе, свою густую бороду, и сдѣлался Селадономъ. Далѣе молчитъ исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ нещастливъ въ любви, и хотя обрилъ себѣ бороду, хотя обрѣзалъ длинное свое платье, но красавицѣ не могъ понравиться; съ отчаянія записался въ солдаты, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принятъ въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Артуа давалъ ему сто ливровъ пенсіи. — Близъ домика часовня; поле, которое Анахоретъ обработывалъ, и ручей, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Вздохнувъ о слабости человѣческой, иду далѣе, и вдругъ является передо мною высокой обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ по цвѣтущимъ лугамъ, извиваются тропинки, текутъ ручейки, возвышаются красивые мостики и па-

вильйоны. Одинъ изъ нихъ построенъ на скалѣ; всходъ неудобенъ, труденъ.... это павильйонъ *Философіи*, которая не всякому дается. Видъ его снаружи не привлекателенъ, странный, готическій: въ знакъ того, что Философія мила только Философамъ, а другимъ кажется едва ли не сумазбродствомъ. Внутренность украшена медальйонами Греческихъ мудрецовъ; а разноцвѣтныя окончины представляютъ вамъ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласія умовъ и мнѣній человѣческихъ. Внизу павильйона гротъ, куда лучи солнца проницаютъ сквозь разсѣлины камней, гдѣ собраны всѣ произведенія минеральнаго царства. — Съ другой дикой скалы стремится большой каскадъ, шумитъ и вливается пѣною въ кристаллъ пруда, котораго тихія струи омываютъ въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ трогательный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!

Ктожь милыхъ не терялъ? Оставь холодный свѣтъ,
И горесть раздѣляй съ унылыми древами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ нѣжными цвѣтами;
Чувствительный во всемъ себѣ друзей найдетъ.
Тамъ урну хладную съ любовью осѣняютъ
Тополь высокій, блѣдный тисъ,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою пріятность знаютъ
Любовникъ нѣжный мирты рветъ.
Для славы гордый лавръ растетъ;
Но ты милѣе тѣмъ, которые стенаютъ
Надъ прахомъ щастья и друзей!

Делиль.

Хотите ли, подобно Орфею, за любезною тѣнію сойти въ Плутоново царство? Есть ли у васъ сладкогласная лира?... Земля разверзается передъ вами: вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ, и трепещете отъ ужаса; густой мракъ окружаетъ васъ. Поздно думать о возвращеніи; надобно итти впередъ, въ ночной темнотѣ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышитъ грозный шумъ Стикса и Коцита; скоро, скоро залаетъ Церберъ... Не бойтесь: быстрый лучь свѣта издали озаряетъ ваши глаза — еще нѣсколько шаговъ, и вы опять въ подсолнечномъ мірѣ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелестныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановитесь со мною; сядьте на мягкомъ дернѣ, и насладитесь пріятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить... но никогда, никогда не скучилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д'Артуа!

На возвратномъ пути въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно тише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на всѣ стороны. Скачетъ карета. Я слышу голосъ: arrête! arrête! *стой!* Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человѣка, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили: кто я? — Иностранецъ. Что вамъ угодно? — «Не «вы ли ходили въ Булонскомъ лѣсу съ Господи-«номъ Лаклосомъ?» — Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса. —

«Тѣмъ лучше, или тѣмъ хуже. По крайней мѣрѣ »не объѣхала ли васъ дама верхомъ, въ зеленомъ «Амазонскомъ платьѣ?» — Я не примѣтилъ. Но что значатъ ваши вопросы, государи мои? — «Такъ; намъ нужно знать. Извините.» — Они приподняли шляпы, прыгнули въ карету и поскакали.

═

Парижъ, Іюня....

Я былъ въ Марли; видѣлъ чертогъ солнца * и 12 павильйоновъ, изображающихъ 12 знаковъ Зодіака; видѣлъ Олимпъ, долины Темпейскія, сады Альциноевы; однимъ словомъ, вторую Версалію, съ нѣкоторыми особливыми оттѣнками. Вмѣсто подробнаго описанія, вотъ вамъ худой переводъ Делилевыхъ прекрасныхъ стиховъ, въ которыхъ онъ прославляетъ Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Армидинъ садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ покоя

---

* Солнце, какъ извѣстно, было девизомъ Лудовика XIV. Королевскій павильйонъ, построенный среди двѣнадцати другихъ, называется *солнечнымъ*.

Еще желаетъ *побѣждать*
Натуру смѣлыми трудами,
И каждый шагъ свой означать
Могуществомъ и чудесами,
Едва понятными уму.
Стихіи творческой Природы
Подвластны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
Тамъ бронзы дышутъ, говорятъ;
Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ,
И вверхъ стремяся упадаютъ
Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Потомъ, извивистымъ путемъ,
Древами темно осѣненнымъ,
Едва журчатъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ — богъ, лѣсочикъ всякой — храмъ *
Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
На лаврахъ славы отдыхая,
И будто весь Олимпъ сзывая
Къ себѣ на велелѣпный пиръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, чтобы понять чудесность Марлійской водяной машины; ея гори-

---

* Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

зонтальныя и вертикальныя движенія, дѣйствіе насосовъ, и проч. Дѣло состоитъ въ томъ, что она беретъ воду изъ рѣки Сены, поднимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ трубы, проведенныя въ Марли и въ Тріанонъ. Изобрѣтатель сей машины не зналъ грамотѣ.

Какъ обогащены Искусствомъ всѣ мѣста вокругъ Парижа! Часто хожу на гору Валеріанскую, и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмитажа, сельскаго дома Госпожи д'Епине, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ Авторъ читалъ ее своей простодушной Терезѣ, которая, не умѣвъ счесть до ста, умѣла чувствовать красоты безсмертнаго Романа, и плакать. Домъ маленькой, на пригоркѣ; вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ *Бельвю*, достойномъ своего имени; * и въ Сен-Клу, гдѣ бьетъ славнѣйшій искусственный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

═

* *Бельвю* значитъ прекрасный видъ.

Парижъ, Іюня.....

Наемный слуга мой Бидеръ, который (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, *зная* (по словамъ его) *Парижъ какъ свой чердакъ*, давно уже приступалъ ко мнѣ, чтобы я шелъ смотрѣть *Царскую кладовую*, Garde-meuble du Roi. «Стыдно, «государь мой, стыдно! Быть три мѣсяца въ Пари«жѣ, и не видать, еще самой любопытнѣйшей вещи! «Что вы здѣсь дѣлаете? бѣгаете по улицамъ, по «театрамъ, по лѣсамъ, вокругъ города! Вотъ вамъ «шляпа, трость; надобно непремѣнно итти въ кла«довую!» — Я надѣлъ шляпу, взялъ трость, и пошелъ на мѣсто Лудовика XV въ Gardemeuble, большое зданіе съ колоннами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ тамъ множество рѣдкихъ вещей, серебра и золота, драгоцѣнныхъ камней, вазъ и всякаго роду оружія. Любопытнѣе всего: 1) круглой серебряный щитъ, около трехъ футовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ Ліона, представляющій (en bas-relief) сраженіе конницы, и подаренный, какъ думаютъ, Гишпанскимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) стальныя латы Франциска I, съ рѣзною работою по рисунку Юлія Романа, такія легкія, что ихъ можно поднять одною рукою (онъ въ нихъ сражался при Павіи, гдѣ Французы *все потеряли, кромѣ чести;* tout est perdu hormis l'honneur, писалъ Францискъ къ матери, будучи въ плѣну у непріятеля со всѣми своими Генералами); 3) латы Генриха II (въ которыхъ онъ былъ смертельно раненъ на

турнирѣ Графомъ Монгомерри) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафетами, присланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказательство, что у него есть артиллерія; * 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, которымъ онъ хотѣлъ заколоть Венеціянскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная бриллiянтами и рубинами; 8) *золотая церковная утварь* Кардинала Ришельё, также осыпанная драгоцѣнными каменьями; 9) богатое сѣдло, подаренное Султаномъ Лудовику XV — и наконецъ шелковыя картинныя обои, за которыя Францискъ I заплатилъ около 100,000 талеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на которыхъ вытканы сраженія Сципіоновы, *дѣянія Апостольскія* и басни Псиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаэля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Гобелинской фабрики, заведенной въ Парижѣ Кольбертомъ: работа удивительная правильностію рисунка, блескомъ красокъ, нѣжными оттѣнками шелковъ, такъ, что тканье не уступаетъ въ ней живописи. — Слуга мой Биндеръ безпрестанно говорилъ: eh bien, Monsieur, eh bien, qu'en dites-vous?

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Биндерѣ.

---

* Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріятелемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

Она родомъ Нѣмецъ, но забылъ свой природный языкъ; живетъ со мною въ одной *Отели*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Иръ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранитъ меня, естьли гдѣ нибудь заплачу лишнее. Однажды, всходя на лѣстницу, я выронилъ завернутые въ бумажкѣ пять луидоровъ: онъ шелъ за мною, поднялъ ихъ и принесъ ко мнѣ. Ты самый честный слуга, Бидеръ! говорю ему. Il faut bien que je le sois, Monsieur, pour ne pas dementir mon nom, * отвѣчаетъ мой Нѣмецъ. Не помню, за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ... Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, Monsieur: je rirai avec vous; mais point de grossierités, je vous en prie. — Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: «читайте!» Я взялъ и прочиталъ слѣдующее: «Сего Маія 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери застрѣлился слуга господина N. Прибѣжали на выстрѣлъ, отворили дверь... нещастный плавалъ въ крови своей; подлѣ него лежалъ пистолетъ; на стѣнѣ было написано: quand on n' est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoir; а на дверяхъ: aujourd'hui mon tour, demain le tien. Между разбросанными по столу бумаги нашлись стихи, разныя философическія мысли и завѣ-

* Бидеръ по-Нѣмецки значитъ *добрый* или *честный*.

щаніе. Изъ первыхъ видно, что сей молодой человѣкъ зналъ наизусть опасныя произведенія новыхъ Философовъ; вмѣсто утѣшенія, извлекалъ изъ каждой мысли ядъ для души своей, необразованной воспитаніемъ для чтенія такихъ книгъ, и сдѣлался жертвою мечтательныхъ умствованій. Онъ ненавидѣлъ свое низкое состояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ выше его, какъ разумомъ, такъ и нѣжнымъ чувствомъ; цѣлыя ночи просиживалъ за книгами, и покупалъ свѣчи на свои деньги, думая, что строгая честность не дозволяла ему тратить на то господскихъ. Въ завѣщаніи говоритъ, что онъ *сынъ любви*, и весьма трогательно описываетъ нѣжность *второй матери* своей, добродушной кормилицы; отказываетъ ей 130 ливровъ, отечеству (en don patriotique) 100, бѣднымъ 48, заключеннымъ въ темницѣ за долги 48, луидоръ тѣмъ, которые возмутъ на себя трудъ предать землѣ прахъ его, и три луидора другу своему, слугѣ Нѣмцу, живущему въ *Британской Отели*. Комисаръ нашелъ въ его ларчикѣ болѣе 400 ливровъ. — «Три «луидора отказаны мнѣ, сказалъ чувствительный «Биндеръ: онъ былъ съ ребячества другомъ моимъ «и рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ; вмѣсто того, «чтобы шататься по трактирамъ, ходилъ всякой «день на нѣсколько часовъ въ *кабинетъ чтенія*, «и всякое Воскресенье въ театръ. Не рѣдко со «слезами говаривалъ мнѣ: *Генрихъ! будемъ благо-«родны сердцемъ! заслужимъ собственное свое «почтеніе!* Ахъ! я не могу пересказать вамъ всѣхъ »рѣчей его: Жакъ говаривалъ какъ самая умная

«книга; а я, бѣднякъ, не умѣю сказать двухъ кра-
«сивыхъ словъ. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ
«задумчивъ, ходилъ повѣся голову и любилъ раз-
«суждать со мною о смерти. Дней шесть мы не ви-
«дались: вчера узналъ я, что Жаку наскучила
«жизнь, и что въ свѣтѣ не стало одного добра-
«го человѣка!» — Бидеръ плакалъ какъ ребенокъ. Я самъ былъ сердечно тронутъ. Бѣдный Жакъ!... Гибельныя слѣдствія полуфилософіи! Drink deep or taste not, *пей много, или не пей ни капли*, сказалъ Англичанинъ Попъ. Эпиктетъ былъ слугою, но не убилъ себя.

Эрменонвиль.

Верстъ 30 отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было — благодѣяніе послѣднѣе слово — хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ, дружбою насажденныхъ, покоится прахъ его.... Туда спѣшатъ добрые странники, видѣть мѣста, освященныя невидимымъ присутствіемъ Генія, — ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался — дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болотами, глубокими и безплодными песками: однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человѣкъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдѣлалъ — и дикая, лѣсная пустыня обратилась въ прелестный Англійскій садъ, въ живописные ландшафты, въ Пуссеневу картину.

Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Въ немъ жила нѣкогда *милая Габріель*, и Генрихъ IV наслаждался ея любовію: воспоминаніе, которое украшаетъ его лучше самыхъ великолѣпныхъ перистилей! Маленькіе домики примыкаютъ къ нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя воды струятся вокругъ его, образуя множество пріятныхъ островковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; тамъ зеленѣютъ долины; тутъ гроты, шумные каскады; вездѣ Природа въ своемъ разнообразіи — и вы читаете надпись:

Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:
Здѣсь видъ богатыя Природы
Есть образъ щастливой свободы
И милой сердцу простоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревамъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни;

на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцовъ: Теокрита, Виргилія, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ — *новой Философіи*, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сабиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архитекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обработывалъ по своему таланту. На примѣръ: . .

J. J. Rousseau --- Naturam (Природу).
Montesquieu --- Justitiam (Правосудіе).
W. Penn --- Humanitatem (Человѣчество).
Voltaire --- Ridiculum (смѣшное).
Descartes --- nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустаго).
Newton --- lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей*; а на столпѣ: *кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго, другіе надѣются, *что разумъ въ школѣ вѣковъ возмужаетъ*, побѣдитъ всѣ затрудненія, докончитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальныя воды,

нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ олтарю *задумчивости*. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости нещастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина за несогласное мнѣніе о Религіи.* — На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь поклоняюся Творцу
Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песокъ, являютъ вамъ картину Сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею... На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а лѣснику въ своемъ шалашѣ; всякой у себя господинъ;* а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснился;
Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть щастливымъ! — Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Руссо, съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ.* Тутъ, между многими де-

визами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ.* — * Идете далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ: зеленая мурава, скалы покрытыя можжевельникомъ, шумящіе водопады, напоминаютъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищете глазами Юліина имени, и видете его — на камняхъ и деревахъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по лугу мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается готическая башня *прекрасной Габріели*, и маленькая лодочка готова перевезти васъ. На дверяхъ башни читаете:

Здѣсь было царство Габріели;
Ей надлежало дань платить.
Французы изстари умѣли
Сердцами красоту дарить.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннія комнаты, напоминаютъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ домовъ, но умѣли обожать славу и красавицъ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался тишиною и

---

* Короче: «кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ;» но не такъ живописно.

сердцемъ своимъ въ объятіяхъ милой Габріели; здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Cruelle départie!
Malheureux jour!
C'est trop peu d'une vie
Pour tant d'amour. *

И куда ни взгляните въ комнатахъ, вездѣ читаете: charmante Gabrielle! Авторъ Седенъ сочинилъ *здѣсь* на голосъ этой пѣсни другую такого содержанія:

Здѣсь Габріели страстной
Взоръ нѣжность изъявлялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.
Французъ въ восторгъ приходитъ
Отъ имени ея;
Оно на мыслъ приводитъ
Намъ добраго Царя.

Съ нѣжными чувствами выходите изъ башни, и вступаете въ прекрасной лѣсокъ, посвященный Музамъ и Спокойствію. Тутъ стремится ручей, подобный Воклюзскому, гдѣ, по увѣренію Италіян-

* Вѣроятно, что послѣдніе два стиха не Генриховы. Музыка сей старинной пѣсни очень пріятна.

скаго Тибулла, *травы, цвѣты, Зефиры, птицы и Петрарка о любви говорили.* Тутъ въ прохладномъ гротѣ написано:

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
Съ Зефирами играйте,
И мнѣ воспоминайте
Петрарковы мечты!

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельской и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя дерева; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.
Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ сѣнію одного дерева стоитъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Іюля: слѣдственно не долго наслаждал-

ся онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностію снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, Литтература, слава, все ему наскучило; одна Природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы: 2 Іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: comme la Nature est belle! и закрылъ глаза навѣки.... человѣкъ рѣдкій, Авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! нещастный по своему характеру между людьми, и завидно-щастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благости и красотъ творенія!.... Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, île des peupliers, осѣненномъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ, и Харонъ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; сказываетъ, что Эрменонвильской цырюльникъ купилъ тростъ его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельни-

кова никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранитъ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевощика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и щастіе дѣтей. *

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: ici repose l'homme de la Nature et de la vérité, *здѣсь покоится человѣкъ истины и природы;* а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, ко-

* Переводъ одной изъ надписей.

торая держитъ въ рукѣ томъ Эмиля; на верху девизъ Жанъ-Жаковъ: vitam impendere vero, *жить для истины.* На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: hic jacent ossa J. J. Rousseau, *здѣсь лежатъ кости Руссовы.*

Что Руссо въ жизни своей имѣлъ злобныхъ враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзѣнія слышать, что нѣкоторые хотѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, Маркизъ Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ Авторовъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Разсказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ катихизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Его? Магометъ. Кто истинный? Руссо.* Французской Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хотѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Ораторы не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ Революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ

за слугу Маркиза Жирардения: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ насладился не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Шантильи.

Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De heros en heros, d âge en âge embelli.

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шантильи въ дурное время, въ дурномъ расположеніи и въ страхѣ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скитается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, также туманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаты, прекрасныя статуи, Физическіе Кабинеты, подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой паркъ, красивыя террасы, *островъ Любви*, пріятный Англійскій садъ, хижины украшенныя какъ дворецъ, чудесную игру водъ и наконецъ латы *Орлеанской дѣвственницы*. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселилъ здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; отъ безчисленныхъ огней каза-

лось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались отъ каскадовъ, музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быстрыми оленями. Такъ и восточные Государи не забавляли гостей своихъ.

Шантильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тутъ, на большой равнинѣ, гдѣ сходятся 12 безконечныхъ аллей, Великой Конде, Герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Лудовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гулялъ въ немъ, и упалъ безъ чувства; его подняли какъ мертваго, вздумали анатомить, и безразсудный лекарь воткнулъ ему ножъ въ сердце—пронзительный крикъ раздался — Прево былъ еще живъ — лекарь зарѣзалъ его.

Я списалъ въ Шантильи прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ покрова, безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ Правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоруженъ,
Какъ Постоянство некрылатъ,
Онъ былъ въ Астреинъ вѣкъ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ; но жизнь въ исканіи проводимъ.

Парижъ, Іюня .... 1790.

Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у Госпожи Н*, и не скучно; даже самый прелестный Баронъ, другъ ея, казался мнѣ сноснымъ. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мущинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе; что женщины болѣе плачутъ, а мы чаще умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и томнымъ видомъ своимъ разсказала намъ печальный Ліонской анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Госпожа Н* оборотилась ко мнѣ и спросила: «сочиняете ли вы стихи?» — Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я.— «Вотъ вамъ матерія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ Русскихъ стихахъ.» — Охотно; но позвольте немного украсить. — «Ни мало. Скажите только, что отъ меня слышали.» — Это слишкомъ просто. — «Истина не требуетъ украшеній.» — По крайней мѣрѣ въ разсказъ можно вмѣстить нѣкоторыя мысли, нравственныя истины.— «Дозволяю. Сдержите же слово.» — Я сдержалъ его, и написалъ слѣдующее:

АЛИНА.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила — но въ дѣйствіяхъ нещастная!...
Внимайте, нѣжныя сердца!

Въ странѣ, украшенной дарами
Природы, щедраго Творца,
Гдѣ Сена свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые брега,
Сады, цвѣтущіе луга,
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красотой,
А души Ангельской душой;
Плѣняла — и сама плѣнилась.
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не властно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша, Милонъ,
Достоинъ былъ Алины нѣжной;
Какъ старецъ въ младости уменъ,
Любезенъ всѣмъ, отъ всѣхъ почтенъ.
Съ улыбкой гордой и надежной
Себѣ подруги онъ искалъ;
Увидѣлъ — вольности лишился:
Алинѣ сердцемъ покорился;
Сказавъ: *люблю!* отвѣта ждалъ....
Еще Алина словъ искала;
Боялась сердцу волю дать,
Но все молчаніемъ сказала. —
Другъ друга вѣчно обожать
Они клялись чистосердечно.
Но что въ минутной жизни вѣчно?
Что клятва? — искренній обманъ!
Что сердце? — вѣтренный тиранъ!
Оно въ желаньяхъ своевольно,
И самымъ щастьемъ — недовольно.

И самымъ щастьемъ! — Такъ Милонъ
Осыпанный любви цвѣтами,

Ея нѣжнѣйшими дарами,
Вдругъ сталъ задумчивъ. Часто онъ,
Ласкаемый подругой милой,
Имѣлъ видъ томной и унылой,
И въ землю потуплялъ глаза,
Когда блестящая слеза
Любви, чувствительности страстной
Катилась по лицу прекрасной;
Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
Грудь тихо, тайно волновалась,
И розы тлѣли на устахъ.
Чего ему не доставало?
Онъ милой былъ боготворимъ!
Прекрасная дышала имъ!
Но верхъ блаженства есть начало
Унылой томности въ душахъ;
Любовь, восторгъ, холодность смежны.
Увы! почтожь сей пламень нѣжный
Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣетъ взоръ орлиный:
Глаза чувствительной Алины
Могли ль премѣны не видать?
Могло ль ей сердце не сказать:
«Уже твой другъ не любитъ страстно?»
Она надѣется (напрасно!)
Любовь любовью обновить:
Ее легко найти исканьемъ,
Всегдашней ласкою, стараньемъ;
Но чѣмъ же можно возвратить?
Ничѣмъ! въ немиломъ все не мило.
Алина тоже, что была,
И всѣхъ другихъ плѣнять могла,
Но чувство друга къ ней простыло;

Когда онъ съ нею, скуна съ нимъ.
Кто нами пламенно любимъ,
Кто прежде самъ любилъ насъ страстно,
Тому быть въ тягость наконецъ
Для сердца нѣжнаго ужасно!
Милонъ не есть коварный льстецъ:
Не хочетъ больше притворяться,
Влюбленнымъ безъ любви казаться —
И дни проводитъ розно съ той,
Которая одна, безъ друга,
Проводитъ ихъ съ своей тоской.
Увы! нещастная супруга
Въ молчаніи страдать должна....
И скоро узнаетъ она,
Что вѣтренный Милонъ другою
Любезной женщиной плѣненъ;
Что онъ сражается съ собою,
И, сердцемъ въ горесть погруженъ,
Винитъ жестокость злой судьбины! *
Ударъ послѣдній для Алины!
Ахъ! сердце друга потерять,
И щастію его мѣшать
Въ другомъ любимомъ имъ предметѣ,
Лютѣе всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
Міръ хладный, жизнь, противны ей;
Она бѣжитъ отъ глазъ людей....
Но горесть лишь себя находитъ
Во всемъ, вездѣ, гдѣбъ ни была!...
Алина въ мрачной лѣсъ приходитъ

---

* Женщина, въ которою Милонъ былъ влюбленъ, по словамъ Госпожи Н*, сама любила его, но имѣла твердость отказать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

(Нещастнымъ тѣнь лѣсовъ мила!)
И видитъ храмъ уединенный,
Остатокъ древности священный;
Тамъ вѣтръ въ развалинахъ свиститъ,
И мраморъ желтымъ мхомъ покрытъ;
Тамъ древность Божеству молилась;
Тамъ послѣ, въ наши времена,
Кровь двухъ любовниковъ струилась:
Извѣстны свѣту имена
Фальдони, нѣжныя Терезы; *
Они жить вмѣстѣ не могли,
И смерть разлукѣ предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
И мыслитъ: «Кто любя любимъ,
«Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
«Въ темницѣ и въ цѣпяхъ онъ воленъ
«Объ другѣ сладостно мечтать —
«Въ разлукѣ, въ горестяхъ питать
«Себя надеждою щастливой.
«Неблагодарные! за чѣмъ,
«Въ жару любви нетерпѣливой
»И въ изступленіи своемъ,
»Вы Небо смертью оскорбили?
«Ахъ! мнѣ бы слезы ваши были

---

* См. III Част. Писемъ Русск. Пут. стр. 84. Церковь, въ которой они застрѣлились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говоритъ или мыслитъ Алина, взято изъ ея Журнала, въ которомъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и который хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти нещастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умертвили себя.

«Столь милы, какъ... любовь моя!
«Но щастьемъ полнымъ насладиться,
«*Измѣной* вдругъ его лишиться,
«И въ тягость другу быть какъ я....
«Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
«Лишь Богу одну судить!...
«Когда мнѣ здѣсь ужс не можно
«Для щастія супруга жить,
«Могу еще, на зло судьбинѣ,
«Ему пожертвовать собой!».

Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
Всѣ признаки болѣзни злой,
И смерть приближилась къ нещастной,
Супругъ у ногъ ея лежалъ;
Невѣрный слезы проливалъ,
И снова какъ любовникъ страстной
Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
(Но поздно!) говорилъ: «живи,
«Живи, о милая! для друга!
«Я можетъ быть виновенъ былъ!»
«Нѣтъ!» — томнымъ голосомъ супруга
«Ему сказала: «ты любилъ,
«Любилъ меня! и я сердечно,
«Мой другъ, благодарю тебя!
«Но естьли здѣсь ничто не вѣчно,
«То какъ тебѣ винить себя?
«Цвѣтъ щастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
«Любви блаженство столь безмѣрно,
«Что смертный былъ бы самый Богъ,
«Когдабъ продлить его онъ могъ....
«Ничто, ничто моей кончины
«Уже не можетъ отвратить!
«Послѣдній взоръ твоей Алины
«Стремится нѣжность изъявить....

«Но дай ей умереть щастливо;
«Дай сло́во мнѣ — спокойнымъ быть,
«Снести потерю терпѣливо
«И снова — для любови жить!
«Ахъ! естьли ты съ другою будешь
«Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
«Хотя Алину и забудешь,
«Довольно для меня!.... Прости!
«Есть міръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
«Нѣтъ скуки, въ чувствахъ перемѣны:
«Тамъ ты увидишься со мной,
«И тамъ, надѣюсь, будешь мой!»....
Навѣкъ закрылся взоръ Алины.
Никто не могъ понять причины
Сего внезапнаго конца;
Но вы, о нѣжныя сердца!
Ее конечно угадали!
Въ нещастьи жизнь намъ не мила....
Спросили медиковъ: узнали,
Что ядъ Алина приняла....
Супругъ, какъ громомъ пораженный,
Хотѣлъ итти за нею въ слѣдъ;
Но гласомъ дружбы убѣжденный,
Остался жить. Онъ слезы льетъ;
И сею горестною жертвой
Судъ Неба и людей смягчилъ;
Живой Алинѣ измѣнилъ,
Но хочетъ вѣрнымъ быть ей мертвой!

Парижъ, Іюня... 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ Членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія прозьбы смягчить не могли, и готовился уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человѣкъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ: allons, Mr. allons! ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы . . . . Большая галлерея, столъ для Президента и еще два для Секретарей по сторонамъ; напротивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большой части неопрятно одѣтыхъ — съ растрепанными волосами, въ сертукахъ. Шумѣли, смѣялись, около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя нетерпѣніе. Наконецъ тотъ самый человѣкъ, который ввелъ меня *, подошелъ къ Президентскому столу, взялъ колокольчикъ, зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался середи залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту

* Это былъ Рабо-Сентъ-Этьенъ.

подошелъ ко мнѣ Церемоніймейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре, читалъ на каѳедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Члены.» — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — «Подите въ ложи.» — А естьли тамъ нѣтъ мѣста? — «Подите домой, или куда вамъ угодно.» — — Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты Духовенства предлагали, чтобы Католическую Религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо оспоривалъ, говорилъ съ жаромъ, и сказалъ: «я вижу «отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины «Медицисъ стрѣлялъ въ Протестантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста, и закричалъ: «вздоръ! «ты отсюда не видишь его.» Члены и зрители захохотали во все горло. Такія непристойности бываютъ весьма часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе Риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о Католической Религіи явились въ лавкахъ бумажныя табакерки à l'abbé Maury; отворите крышку, выскочитъ Аб-

батъ. Таковы Французы: на всякой случай у нихъ готова выдумка. — Разскажу вамъ другой анекдотъ въ семъ родѣ. Въ тотъ самый день, какъ Собраніе опредѣлило выдать ассигнаціи, я былъ въ театрѣ. Играли старую оперу *башмашники*, которому во второмъ актѣ надлежало пѣть извѣстный *водевиль*. Вмѣсто того онъ запѣлъ новые стихи, въ похвалу Короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats.

Зрители были внѣ себя отъ удовольствія, и заставили актера десять разъ повторять: l'argent caché ressortira. Имъ казалось, что передъ ними лежатъ уже кучи золота!

—

Парижъ, Іюня... 1790.

Вы помните, что Йорикъ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: «они слишкомъ *важны!*» Министръ удивился; но разговоръ вдругъ перервался, и забавный Йорикъ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажется, объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ важными дѣлами шутилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ

Аѳинскимъ народомъ. Вспомните жаркіе, но смѣшные споры о древней и новой Литтературѣ, которыми Версальской Дворъ и весь Парижъ занимался; вспомните исторію Глукистовъ, Пичинистовъ, Месмеристовъ, и согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикъ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣютъ характеръ, вопреки его старымъ шиллингамъ, qui, à force d'être polis, n'ont plus d'empreinte * — имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ Госпожею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

«Скажу: *огонь*, *воздухъ* — и характеръ Французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе вашего. Кажется, будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдумано общежитіе*: «столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ «жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ «любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ «или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. «Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ «отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли «пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что

* Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

«здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга...
«Ахъ! друзья вездѣ рѣдки; и чужеземцу ли искать
«ихъ, тому, кто, подобно Кометѣ, *являясь исче-
«заетъ*. Дружба есть потребность жизни; всякой
«хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего
«по справедливости могу требовать отъ чужихъ
«людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ
«*букетомъ цвѣтовъ*. Вѣтренность, непостоянство,
«которыя составляютъ порокъ его характера, со-
«ёдиняются въ немъ съ любезными свойствами
«души, *происходящими* * нѣкоторымъ образомъ
«отъ сего самаго порока. Французъ непостоя-
«ненъ — и не злопамятенъ; удивленіе, похвала,
«можетъ скоро ему наскучить, ненависть также.
«По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избп-
«раетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ
«своею ошибкою — и даже плачетъ, естьли на-
«добно. Веселая безразсудность есть милая по-
«друга жизни его. Какъ Англичанинъ радуется
«открытію новаго острова, такъ Французъ ра-
«дуется острому слову. Чувствителенъ до край-
«ности, страстно влюбляется въ истину, въ славу,
«въ великія предпріятія; но любовники непостоян-
«ны! Минуты его жара, изступленія, ненависти,
«могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему при-
«мѣромъ служитъ Революція. Жаль, естьли эта
«ужасная политическая перемѣна должна пере-
«мѣнить и характеръ народа, столь веселаго,
«остроумнаго, любезнаго!

---

* Qui tiennent à ce même défaut.

Это писано для Дамы, и для Француженки, которая ахнула бы отъ ужаса, и закричала: *сѣверный варваръ!* естьли бы я сказалъ ей, что Французы не остроумнѣе, не любезнѣе другихъ, ...

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и воспоминанія? Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріан-

скую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ Исторіи, * чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго? Можетъ быть тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю человѣчество; или, закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою....

Прости, любезный Парижъ! прости, любезный В*! Мы родились съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ; увидѣлись, и три мѣсяца не разставались. Сколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ твоей Сен-Жерменской *Отели*, читая привлекательныя мечты единоземца и соученика твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свѣтѣ, или судя новую Комедію, нами вмѣстѣ видѣнную! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хранить нѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ; но единственно съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было разставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ твоемъ или моемъ отечествѣ можемъ еще уви-

---

* Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Маблієву Исторію Французскаго Правленія.

дѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны! *

А вы, отечественные друзья мои, не назовете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человѣка, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство считаю благодѣяніемъ Судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни пріятно, какъ ни весело всякой день видѣть прекрасное, слышать умное и любопытное; но людямъ нѣкотораго роду надобны подобные имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

---

* Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого объ немъ извѣстія вдругъ получаю отъ него письмо изъ Петербурга, куда онъ присланъ съ важною коммисіею отъ Двора своего — письмо дружеское и любезное. Мнѣ пріятно напечатать здѣсь нѣокторыя его строки; Je vous supplie, mon cher ami, de me répondre le plutót possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié, que je vous ai vouée alors est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entierement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и проч. Онъ женился на молодой, любезной женщинѣ, которая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала Романъ, который долго считался твореніемъ славнаго Гете: потому что скромная Муза не хотѣла наименовать себя.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минуты, я незналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провести такъ около четырехъ мѣсяцовъ, есть, по словамъ одного Англійскаго Доктора, выманить у скупой волшебницы, Судьбы, очень богатый подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отъѣхавъ верстъ 30 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не заглянуло въ будущее: ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

Го-Бюиссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пакардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горостно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора,— смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильйоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести! кому изъясню чувства мои? Я одинъ.... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и бружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!....

Дикой, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ, и плѣняется;— но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету—черезъ часъ будемъ въ Кале.

═

Калѣ, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ трактиръ почтоваго двора.— Я тотчасъ пошелъ къ Дессеню (котораго домъ есть самый лучшій въ городѣ); остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ павильйономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво. «Что вамъ надобно, государь мой?» спросилъ у меня молодой Офицеръ въ синемъ мундирѣ. «Комната, въ которой жилъ Лаврентій Стернъ», * отвѣчалъ я. — «И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ Французской супъ?» сказалъ Офицеръ. — Соусъ съ цыплятами, отвѣчалъ я. — «Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?» — Гдѣ жаръ человѣколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ. — «Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему легче пуха!» ** — Гдѣ приходилъ къ нему отецъ Лорензо съ кротостію святаго мужа. — «И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?» — Но гдѣ хотѣлъ онъ заплатить двадцать фунтовъ стерлинговъ тому Адвокату, который бы взялся и могъ оправдать Йорика въ глазахъ Йориковыхъ. — «Государь мой! эта комната во второмъ этажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живетъ нынѣ старая Англичанка съ своею дочерью.»

---

* См. Sentimental Journey, Стерново путешествіе. Оно переведено на Русской, и напечатано.

** Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Стерново или Йориково путешествіе; но можно ли читать его только одинъ разъ?

Я взглянулъ на окно, и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина, и держала въ рукахъ книгу — вѣрно Sentimental Journey!

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному Французу: но естьли позволите, то я спросилъ бы еще — — «Гдѣ тотъ каретный сарай, перервалъ Офицеръ, въ которомъ Йорикъ познакомился съ милою сестрою Графа Л*?» — Гдѣ онъ помирился съ отцомъ Лорензомъ и... съ своею совѣстію. — «Гдѣ Йорикъ отдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?» — Но которая была ему дороже золотой и брилліантовой. — «Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а ключь у Господина Дессеня, который теперь... у вечерни.» — Офицеръ засмѣялся, — поклонился, и ушелъ. — «Господинъ Дессень въ Театрѣ,» сказалъ мнѣ другой человѣкъ мимоходомъ. «Господинъ Дессень на караулѣ (сказалъ третій:) его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи.» — О Йорикъ! думалъ я — о Йорикъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессень Капраломъ! Дессень въ мундирѣ! Дессень на караулѣ! Grand Dieu! — Смерклось, и я возвратился въ свой трактиръ.

Что вамъ сказать о Кале? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ — и Англичанѣ составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Домы не высокіе, — въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ трактирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воз-

духъна питанъ сыростію и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекотитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, отмѣнно вкусныхъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, которые только-что переѣхали черезъ каналъ, и намѣрены странствовать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Италіянецъ, великой говорунъ и великой трусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ разсказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улиссомъ, который пугаетъ Царя Альцинноя повѣствованіемъ о страшныхъ небылицахъ. * Между тѣмъ они безпрестанно кричали трактирщику: *вина! вина! самаго лучшаго!* du meilleur! du meillur! и розовое шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно такъ хорошо алѣло въ стеклѣ, такъ хорошо пѣнилось, что и умѣренной другъ вашъ, не спрашивая о цѣнѣ, велѣлъ подать себѣ бутылку — du meilleur! du meilleur! Прекрасное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня, доказывалъ убѣдительнымъ образомъ, что оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный Нектаръ, который излился изъ роговъ святой козы Амальтеи. *

---

* См. Одиссею.

* Такъ говоритъ Миѳологія.

«Мы давно слышали, сказалъ одинъ изъ Англичанъ, что Нѣмцы ученый народъ: теперь вѣрю этому. Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!» — Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постелю, и заснулъ; но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, топали, стучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу и послалъ его напомнить Британцамъ, что они не одни въ трактирѣ, и что сосѣди ихъ, можетъ быть, хотятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ демъ*, они замолчали. — Рука не пишетъ болѣе — простите!

Кале, 10 часовъ утра.

Узнавъ, что пакетъ-ботъ нашъ неотвалитъ отъ берега прежде одиннадцати часовъ, я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ — очутился за городомъ, близъ кладбища, обсаженнаго высокими деревьями, и вспомнилъ могилу отца Лоренза, гдѣ Йориковы слезы лились на мягкой дернъ, — гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ табакерку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую траву. — Патеръ *Лоренэо*! другъ Йорикъ! (думалъ я, облокотившись

на одинъ мшистой камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда быть съ вами вмѣстѣ!

У ногъ моихъ синѣлись цвѣточки; я сорвалъ два, и спряталъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — естьли волны морскія не поглотятъ меня вмѣстѣ съ ними! — Простите!

Пакетъ-Ботъ.

Мы уже три часа на морѣ; вѣтеръ пресильный; многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся отъ глазъ нашихъ — Англійской показывается въ отдаленіи.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на пакет-ботъ молодый Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ. — Лади и Миссъ любезны. Съ какимъ нетерпѣніемъ приближаются они къ отечеству, къ родственникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ!—Ахъ! я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность, и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе. нежели съ другими пассажирами. Черезъ два часа Лади занемогла морскою болѣзнію — Лордъ также — ихъ отвели въ каюту. Миссъ осталась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Вѣтеръ сор-

валъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды; но ничто не помогало! Бѣдная Англичанка, смотря на меня умильными и томными глазами, говорила: Je suis mal, trés mal; ma poitrine se dèchire—Dieu! je crois mourir! *мнѣ дурно, очень дурно; грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы катились градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ страдающихъ; видя многія непріятныя явленія, которыя бываютъ всегдашнимъ слѣдствіемъ морскихъ припадковъ, я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную, возвратился на палубу, и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца—кажется, ремесленники, которые, думая, что ихъ никто не разумѣетъ, свободно разговариваютъ между собою. — «Что-то мы увидимъ въ Англіи? сказалъ одинъ: Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пути.» — «Думаю, отвѣчалъ другой, что и Англія намъ не очень полюбится. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна!» — «Гдѣ лучше Веиндорфа!» сказалъ первый съ улыбкою: «тамъ живетъ Анюта.» — Правда, отвѣчалъ другой со вздохомъ: тамъ живетъ Анюта. Не далеко оттуда живетъ и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою. — Ахъ! не далеко!

отвѣчалъ первый съ такимъ же вздохомъ.—«Еще шесть или семь мѣсяцевъ,» сказалъ одинъ, взявъ товарища своего за руку — — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повторилъ другой, и мы въ Германіи!» — «И мы на берегу Реина!» — И мы въ Веиндорфѣ!»—«Тамъ, гдѣ живетъ Анюта!» — «Тамъ, гдѣ живетъ Лиза!»— «Дай Богъ! дай Богъ!»—сказали они въ одинъ голосъ, и крѣпко, крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открывается Дувръ и высокія башни въ которыхъ ночью зажигаютъ огонь для безопасности плавателей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчаныя равнины. Мы близко къ берегу; но еще буря можетъ унести насъ далеко въ необозримость морскую — еще опасность не миновалась — еще корабль нашъ можетъ удариться о подводные граниты, и погрузиться въ шумящей безднѣ. Тогда... adieu!

—

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ, и я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. — Здѣсь все другое: другіе домы, другія улицы, другіе люди, другая пища — однимъ сло-

вомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ домы изъ кирпичей покрыты черепицею, и некрашеные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ, который для меня весьма непріятенъ; улицы широки и отмѣнно чисты; вездѣ *тротуары*, или камнемъ выстланныя дорожки для пѣшихъ,— и на каждомъ шагу — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ — встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ, съ кроткою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно назвать землею красоты — и путешественникъ, который не плѣнится миловидными Англичанками; который—, особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ—можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «естьли ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты неизображала!» — Англичанокъ не льзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны—но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ, отъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алые оттѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я умѣю любить нѣжно!*—Милыя,

милыя Англичанки! — Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсиныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному страннику! Равнодушно взглянетъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису. * Ахъ! какой Менторъ низвергнетъ его въ волны морскія!

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ, пріѣхавъ въ опасную Англію, гдѣ Купидонъ во всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и растаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще столько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется карманнымъ пистолетомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхать на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кентская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце, и гдѣ пестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и милліоны пѣнистыхъ валовъ.

Англійскій Лордъ, любезная жена и милая се-

* Извѣстно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсину Нимфу, Эвхарису, не тужилъ о сгорѣвшемъ кораблѣ своемъ.

стра его, вышедши на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. «Берегъ моего отечества! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!» — Они дали мнѣ свой Лондонской адресъ, и поѣхали въ наемной каретѣ.

Когда я пришелъ въ трактиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человѣкъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакет-бота;» другой: дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднялъ платокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;» третій: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до трактира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестый — всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю два шиллинга, ушелъ отъ нихъ. Судите, любятъ ли здѣсь деньги, и дешево ли цѣнятъ Англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакет-бота въ таможню. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказалъ я осмотрщикамъ: и естьли вы повѣрите моему честному слову, и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ.» — Нѣтъ, государь мой! (отвѣчали мнѣ) «намъ должно все видѣть.» — Я отперъ, и показалъ имъ старыя свои книги, бумаги, бѣлье, фраки. «Теперь, сказали, они, вы должны заплатить полкроны.» — За что же? спросилъ я: развѣ вы были

снисходительны, или нашли у меня что нибудь запрещенное? — «Нѣтъ; но безъ этого не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами, и заплатилъ три шиллинга. — И такъ Англійскіе таможенные приставы умѣютъ строго исполнять свою должность, и притомъ... наживаться!

Мнѣ хотѣлось видѣть Англійскую кухню. Какая чистота! На полу нѣтъ ни пятнышка; кострюли, блюда, чашки — все бѣло, все свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменныя уголья пылаютъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «видъ Французской кухни не рѣдко отнимаетъ аппетитъ; видъ вашей кухни производитъ его.»

Ужинъ нашъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ портеру. Бутылка самаго худаго Шампанскаго или Бургонскаго стоитъ здѣсь болѣе четырехъ рублей! Простите! Теперь полночь.

=

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ четвероместную карету, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя дереваньки съ кирпичными домиками покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки, и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабріолеты—однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Реинскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? — Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бъ мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

На каждыхъ четырехъ верстахъ перемѣняли

мы лошадей; но не смотря на то, постильйоны или кучера, coachmen, останавливаются раза три пить въ трактирахъ — и никто не смѣй имъ сказать ни слова!

Въ Кантербури, главномъ городѣ Кентской провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по Англійски, то есть, крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочестерѣ обѣдали, также по-Англійски, то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату, но мнѣ подали вялую траву, облитую уксусомъ: Англичане не любятъ ни какой зелени. *Рост-бифъ*, *бифъ стекъ** есть ихъ обыкновенная пища. Отъ того густѣетъ въ нихъ кровь; отъ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самихъ себя, и нерѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина*** можно прибавить еще двѣ другія: вѣчной туманъ отъ моря и вѣчный дымъ отъ угольевъ, который облаками носится здѣсь надъ городами и деревнями.

Мы проѣзжали мимо одного огромнаго замка, построеннаго на высокомъ мѣстѣ, откуда можно видѣть нѣсколько городовъ, множество деревень, рѣкъ, море, и проч. «Какъ щастливъ долженъ быть хозяинъ этого дому!» сказала наша сопутница, пожилая Француженка. «Нѣтъ (отвѣчалъ мо-

---

* Жареная и битая говядина.

** То есть, меланхоліи.

лодой Кентской дворянинъ, ѣхавшій съ нами въ каретѣ): блестящая наружность и прекрасные виды не дѣлаютъ человѣка благополучнымъ. Я знаю исторію хозяина; она горестна.» — Англичанинъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ, богатъ; но съ самаго младенчества носилъ на лицѣ своемъ печать меланхоліи — и казалось, что жизнь, подобно свинцовому бремени, тяготила душу и сердце его. Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ на знатной и любезной дѣвицѣ, оставилъ Лондонъ пріѣхалъ въ нашу провинцію, въ этотъ замокъ, построенный и украшенный отцовъ его, и не смотря на всѣ ласки, на всѣ нѣжности милой супруги, предался болѣе, нежели когда нибудь, мрачной задумчивости и меланхоліи. Бѣдная Лади, живучи съ нимъ, страдала и томилась semblable à ces flambeaux, à ces lugubres feux, qui brulent près des morts sans èchauffer leur cendre. — Въ одинъ бурный вечеръ онъ взялъ ее за руку, привелъ въ густоту парка, и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей: мнѣ должно умереть — прости!* Въ самую сію минуту нещастный Лордъ прострѣлилъ себѣ голову, и упалъ мертвый къ ногамъ оцѣпенѣвшей жены своей. — Уже два года покоится въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова клялась не выѣзжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробѣ супруга, который былъ неизъяснимымъ феноменомъ въ нравственномъ

мірѣ.» — Товарищи мои начали разсуждать о семъ происшествіи; я молчалъ.

Верстъ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполъ церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него — такъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу тонкой высокой столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское Аббатство, древнее готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. — Надобно было спускаться съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Естьли бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточіе всемірной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

═

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Естьли великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя, широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго роду товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая розница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ

блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю! Человѣкъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домосѣдовъ. *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности* — вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остановилась; товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало итти куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской Отели своей на лѣстницу, поднялъ я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 нумерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Г-ну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ по-

звать къ себѣ *обыкновеннаго* духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего прiѣзда въ Лондонъ!.. Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ трактирѣ. «Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ Эмигрантомъ; но онъ добрый человѣкъ, и согласится раздѣлить ее съ вами.» Товарища моего не было дома; въ горницѣ не нашелъ я ничего, кромѣ постели, гитары, картъ и... a black pair of silk breeches. * Въ ту же минуту явился Англійской парикмахеръ, толстый флегматикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою... я уже не въ Парижѣ, гдѣ кисть искуснаго, веселаго Ролета ** подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшiй ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только печь сухари*, Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: I dont unterstand you, Sir; *я васъ не разумѣю!* И большой человѣкъ не есть ли ребенокъ? Бездѣлица веселитъ, бездѣлица огорчаетъ его: толстой Лондонской парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ

---

* Съ которыми отправился Йорикъ во Францiю, какъ извѣстно.

** Имя моего Парижскаго парикмахера.

мою душу. Надѣвая на себя Парижской фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакожь въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи.... Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другова, и куда не взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненною, безпрерывною нитью, протянутою въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, который, въѣхалъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминованъ для его пріѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣнять естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министерство давало пенсіи на *лунной свѣтъ*; * гордый Британецъ смѣется, звучитъ въ карманѣ гинеями, и велитъ Питту зажигать фонари засвѣтло.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ которомъ человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно Китайскимъ тѣнямъ, мелькаютъ передо-мною, ос-

---

* Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

тавляя въ нервахъ легкія, едва примѣтныя впечатлѣнія; люблю теряться душею въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ, — думать, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ миріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрѣ предопредѣленныхъ случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долговременное пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями, теряемъ *чувство цѣлаго*. Свѣжее любопытство ловитъ главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что при долгомъ, *повторительномъ* разсматриваніи затемняется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, естьли бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ представить его въ кар-

тинѣ, то мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія вчерашняго дня.

Кто скажетъ вамъ: *шумный Лондонъ!* тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. *Многолюденъ*, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или еще сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдыхать. Естьли бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залѣпли уши. Я входилъ въ разные кофейные домы: двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо естьли въ 10 минутъ услышите два слова—какія же? your health, gentleman! *ваше здоровье!* Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомысліемъ въ Философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что Ораторы ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружностію предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки, выставляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва

касаются до камней *троттуара*; на бѣломъ корсетѣ развѣвается Ость-Индская *шаль*; и на шаль, изъ-подъ шляпки, падаютъ свѣтлые локоны. Англичанки по большой части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Натуры. Правда, что такія гнусныя физіогноміи встрѣчаются только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столь многообразны, живы и разительны, что десяти Лафатеровъ не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою густо насаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстой галстукъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ Питтъ въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажите, друзья мои, нашему П., обожателю Англичанъ, чтобъ онъ тотчасъ заказалъ себѣ дюжину *синихъ* фраковъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человѣкъ, которые встрѣтятся вамъ

на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое: остальныя наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *Таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему... чемодану.

═•

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Я не видалъ еще никого въ Лондонѣ; не успѣлъ взять денегъ у Банкира, но успѣлъ слышать въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ Генделеву Ораторію, Мессію, отдавъ за входъ послѣднюю гинею свою. Въ оркестрѣ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьйора Кантело, Стораче извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ соглашенныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія трогательныя аріи! гремящіе хоры! быстрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса, вселяе-

маго арiею: who shall stand when he appears,* вы въ восторгѣ отъ хора: arise, shine, for thy light is come,** Печаль, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара поетъ о Христѣ: he was a man of sorrows, and acquamted with grief. *** Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производятъ удивительное дѣйствiе. Одинъ: who is the king of glory? Другой: The Lord, strong and mighty. — Who is the king of glory; The Lord of Hosts. **** Послѣ чего *семи-хоръ* повторяется всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ восхищенiя, когда Мара пѣла арiю: I know that my Redeemer lives — и дуэтъ съ Паккiеротти: O Death where is thy sting? O grave, where is thy victory? ***** Я слыхалъ музыку Перголезiево, Iомеллiеву, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ столько растроганъ, какъ Генделевымъ Мессiею. И печально и радостно, и великолѣпно и чувствительно!

Ораторiя раздѣляется на три части; послѣ каждой музыканты отдыхали, а слушатели, пользуясь тѣмъ временемъ, завтракали. Я былъ въ ложѣ съ однимъ купеческимъ семейством. Меня посадили на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимало

* Кто устоитъ предъ лицемъ Его, и проч.

** Возстань и сiяй, ибо явился свѣтъ Твой.

*** Онъ испыталъ горесть, узналъ печаль.

**** Кто Царь славы? Господь небесныхъ воинствъ.

***** Живъ, живъ Спаситель мой!... О Смерть! гдѣ твое жало? Могила! гдѣ побѣда твоя?

не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамиліею вошелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ товарищей ударилъ меня по плечу и сказалъ: «вотъ нашъ добрый Джорджъ съ добрыми «дѣтьми своими! Я нарочно наклонюсь, чтобы вы «могли лучше видѣть ихъ.» Это мнѣ очень полюбилось, и полюбилось бы еще болѣе, естьли бы онъ не такъ сильно ударилъ меня по плечу. — Вотъ другой случай; къ намъ вошла женщина съ *аффишами*, и втерла мнѣ въ руки листочекъ, для того, чтобы взять съ меня 6 пенсовъ. Старшій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ сердцемъ и бросилъ женщинѣ, говоря: «ему не надобно; ты хо«чешь отнять у него деньги; это стыдно. Онъ «иностранецъ, и не умѣетъ отговориться.» Хорошо, подумалъ я: но для чего ты, господинъ Британецъ, вырвалъ листокъ съ такою грубостію? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсматривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видъ у Короля самый здровый; никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно миловидны. Принцъ Валлисской хорошій мущина; только слишкомъ толстъ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человѣкъ въ сереньком фракѣ, видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человѣкъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ един-

ственно честолюбіемъ, имѣя цѣлію пользу своего отечества; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патріотами — однимъ словомъ Вильгельмъ Питтъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожь изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку — говорилъ съ тѣми, которые сидѣли подлѣ него — но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго. — — Слышавъ Генделя и видѣвъ Питта, не жалѣю своей гинеи.

Эта ораторія дается каждый годъ, въ память сочинителя и въ знакъ признательности Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славный Сент-Джемской паркъ — нѣсколько изрядныхъ липовыхъ аллей, обширный лугъ, гдѣ ходятъ коровы, и болѣе ничего!

=

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфортской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ ко-

торомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. «Одинъ «мущина съ тремя женщинами! какъ страшно или «весело!» Ни мало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и сѣдыми волосами; а служанка успѣла уже разсказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будетъ щастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приноситъ она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее странной: на примѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клементину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною дурою. Таковы Лондонскія служанки!

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня . . самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперегъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ оченъ узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанѣ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большой части свободные и достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, матрозы: тутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, тутъ Биржа; улицы тѣснѣе, и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза

въ Вестминстерѣ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ на примѣръ Нева въ Петербургѣ, или Рона въ Ліонѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроена скверными домиками, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу террасъ (называемая *Адельфи*), и къ нещастью въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ богатыя лавки и магазины, наполненныя всякаго рода товарами, Индѣйскими и Американскими сокровищами, которыхъ запасено тутъ на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскосшь не возмущаетъ, а радуетъ сердце, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, нравственнаго сближенія народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пусть гордый богачь, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажленіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, питая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства утѣшаться жизнію.

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшѐходцевъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *троттуары*, которые по-Русски можно назвать *намостами;* ихъ всякое утро моютъ служанки (каждая передъ своимъ домомъ),

такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравится мнѣ въ этомъ *намостѣ;* а именно то, что безпрестанно видишь у ногъ отверстія, которыя ночью закрываются, а днемъ не всегда; и естьли вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть въ нихъ какъ въ западню. Всякое отверстіе служитъ окномъ для кухни, или для какой нибудь Таверны; или тутъ ссыпаютъ земляные уголья; или тутъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе домы строятся съ подземельною частію, въ которой бываетъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія нибудь очень несвѣтлыя горницы для слугъ, служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчутъ ногами.

Домы Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣленые, (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляютъ скучное, печальное единообразіе; но внутренность мила; все просто чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ приходящихъ къ хозяину или къ хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется parlour; одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты. — Воротъ здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются боль-

шія двери, которыя всегда бывають заперты. Кто придеть, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домахъ же бывають самые маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣста въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большой части отдаютъ здѣсь на выстройку: возьми мѣсто, построй домъ, живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ, и послѣ отдай все тому, чья земля.

Что, естьли бы Лондонъ при такихъ широкихъ улицахъ, при такомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выстроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представить ничего великолѣпнѣе.

Не скоро привыкнешь къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ, которые можно почти назвать ужинами. Вообразите, что за столъ садятся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вставать въ восемь? Брожу по улицамъ; любуюсь, какъ на вѣчной ярмонкѣ, разложенными въ лавкахъ товарами; смотрю на смѣшныя каррикатуры, выставляемыя на дверяхъ *въ эстампныхъ кабинетахъ*, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякой случай напишетъ пѣсенку, такъ Англичанинъ на все выдумаетъ каррикатуру. На примѣръ, теперь Лондонскій Кабинетъ ссорится съ Мадритскимъ за Нутка-Соундъ. Чтожь представляетъ каррикатура? Министры обоихъ Дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у Гишпан-

скаго кровь бьетъ уже фонтаномъ изъ носу. — Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная ветчина, свѣжее масло, славные пироги и конфекты; гдѣ все такъ чисто, такъ прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, естьли аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берутъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете? — Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла. Г. С. Р. В. человѣка умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него человѣкъ пять или шесть, по большой части иностранныхъ Министровъ. Обхожденіе Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней короткости. Онъ истинный патріотъ, знаетъ хорошо Русскую Исторію, Литтературу, и читалъ мнѣ наизусть лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой посолъ не уронитъ своего Двора; за то Питтъ и Гренвиль очень уважаютъ его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бываютъ безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ, во фракѣ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ сертукѣ; подаютъ чай — высылаютъ слугу — и, сидя на диванѣ, рѣшатъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носитъ всегда синій фракъ и маленькой кошелекъ, который отличаетъ его отъ

всѣхъ Лондонскихъ жителей: потому что здѣсь никто кошельковъ не носитъ. На лѣто напимаетъ онъ прекрасный сельской домъ въ Ричмондѣ (верстахъ въ 10 отъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый Англичанинъ Бакстеръ, Консулъ, въ загородный домъ свой, близъ Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ Паркѣ, и видѣлъ множество Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачутъ! Пріятно смотрѣть на нхъ смѣлость и ловкость; за каждою берейтеръ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои Амазонки спѣшились, и подъ тѣнію древнихъ дубовъ искали убѣжища. Я осмѣлился съ одною изъ нихъ заговорить по-Французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ; сказала два раза oui, два раза non — и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные Англичане знаютъ Французской языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю Англійской. Какая розница съ нами! У насъ всякой, кто умѣетъ, только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французскій языкъ, чтобы съ Русскимъ не говорить по-Русски; а въ нашемъ такъ называемомъ *хорошемъ обществѣ* безъ Французскаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? За чѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ вы-

раженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши *остроумцы*, которые хотятъ быть Французскими Авторами. Бѣдные! они щастливы тѣмъ, что Французъ скажетъ объ нихъ: pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!

Извините, друзья мои, что я такъ разгорячился и забылъ, что меня Бакстеръ ждетъ къ обѣду — совершенно Англійскому, кромѣ Французскаго супа. Ростбивъ, *потаты*, * пудинги, и рюмка за рюмкой Кларету, Мадеры! Мущины пьютъ, женщины говорятъ между собою потихоньку, и скоро оставляютъ насъ однихъ; снимаютъ скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки, и ставятъ множество бутылокъ: снова пить — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое; я сказалъ: *вѣчный миръ и цвѣтущая торговля?* Англичане мои сильно хлопнули рукою по столу, и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые; пошли къ дамамъ пить чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это, говорятъ, весело! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьютъ Англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ? Или холодная кровь ихъ имѣетъ нужду въ разгоряченіи?

=

* Земляныя яблоки.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ, и гнушался людьми.

Лучше, естьли бы совсѣмъ не было нужды въ тюрмахъ; но когда бѣдный человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англійскія должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: il n'y a point de belles prisons * здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище. Justice-Hall, гдѣ каждыя 6 недѣль сбираются такъ называемые *присяжные*, Jury, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Разскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ: онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, естьли доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ дру-

---

* То есть «нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ».

гой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и естьли 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а естьли признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочетъ быть судимъ?» отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества.» Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносщикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *невиноватъ*, и дѣло рѣ-

шено безъ всякой аппелляціи. Естьли скажутъ: *виновать*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, естьли законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другова! Не только осудить, но даже судить и не льзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виновать!* двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. «Не знаю, отвѣчалъ онъ: но видъ этаго человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню.» Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городскаго судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгатъ, ту славную темницу, которой имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ

романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большой части важные преступники, и требовали подаянія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованія: «государь мой! разсыпьте вокругъ себя гинеи; ихъ здѣсь не тронутъ; таковъ заведенный мною порядокъ.» — Для чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полицеймейстеромъ? спросилъ я; и въ доказательство, что вѣрю ему, спряталъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: «здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, здѣсь *господинъ* воръ, здѣсь «*госпожа* фальшивая монетчица!» Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что я сжавъ сердце ходилъ за надзирателемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли*? Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнатѣ заключенъ молодой человѣкъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился.

Пріятное и томное лице его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказалъ намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и — любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минуту изступленія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желаю знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгатѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники: они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое сосѣдство ужасно! И добрый человѣкъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ? * Съ нѣкотораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгатъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ *честію повѣшены* въ Англіи, нежели плыть такъ далеко?» Мы любимъ свое отечество (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества.»

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Кингс-Бенча, * или темницы для неплатящихъ должниковъ, — описаніе, которое можетъ прельстить вообраafженіе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно

* Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгатомъ.

* Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ, покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгатъ.

украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англоманъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Кингс-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные домы, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Кингс-Бенчѣ — это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, тамъ сидящія, отправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замужней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ, бѣднякъ, или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Послѣднее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ, есть въ Англіи замужство.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго роду — пришелъ къ огромному замку, къ большимъ воротамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ статуяхъ, которыя

весьма живо представляютъ *безумiе печальное* и *свирѣпое*... «Это Бедламъ!» скажете вы, и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирателя, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинныя галлереи раздѣлены желѣзною рѣшеткою! на одной сторонѣ женщины, на другой мущины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсматривали съ великимъ вниманiемъ, начинали говорить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, третья хотѣла сдуть пудру съ головы моей — и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя сидѣли въ глубокой задумчивости. «Это сумасшедшiя отъ любви, сказалъ надзиратель: онѣ «всегда смирны и молчаливы.» И такъ нѣжнѣйшая страсть человѣческаго сердца и въ самомъ безумiи занимаетъ еще *всю душу! сонъ для внѣшнихъ предметовъ* все еще продолжается!... Я подошелъ къ одной молодой, блѣдной женщинѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ разсказали ея исторiю. Она Француженка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ Англичаниномъ, прiѣхала въ Лондонъ, и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я начиналъ говорить съ нею: она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: нещастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить — и когда день пройдетъ,

она говоритъ: «завтра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное состояніе! — Многіе изъ мущинъ заставили насъ смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою и безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой реветъ медвѣдемъ и ходитъ на четверенькахъ. Бѣшеные сидятъ особливо; иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣется и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я щастливъ! подите ко мнѣ; я вдохну въ васъ блаженство!» Но кто подойдетъ, того укуситъ. — Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга и присмотръ за нещастными достойны удивленія. Между комнатами сдѣланы бани, теплыя и холодныя, которыми Медики лечатъ ихъ. Многіе выздоравливаютъ; и при выпускѣ каждый получаетъ безденежно нужныя лекарства для укрѣпленія души и тѣла. — Надзиратель провелъ насъ въ садъ, гдѣ гуляли самые смирные изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ: «это старыя.» Безумный улыбнулся очень умно, приподнялъ свою шляпу и вѣжливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ другомъ «свѣтѣ; что у васъ старо, то у насъ еще ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою Англійской Трагикъ Ли. Можетъ быть вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался, говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу; задумался и сказалъ: «Мой другъ! хочешь ли быть вмѣстѣ со «мною безсмертнымъ? Бросимся съ этой террасы:

«тамъ внизу, на острыхъ камняхъ, ожидаетъ насъ «славная смерть!» — Пріятель увидѣлъ опасность, но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего не мудрено «броситься сверху; гораздо славнѣе сойти внизъ, «и оттуда вспрыгнуть на террасу.» — Правда, правда! закричалъ стихотворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы; а пріятель между тѣмъ убрался домой.

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо рѣже нравственныхъ. Напримѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилиться въ сердцѣ. Напротивъ того, въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравиться есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще томится нѣжностію: та и другая любитъ *воображеніемъ*;

одна угадываетъ, другая воспоминаетъ — но я право не удивлюсь теперь, естьли покажутъ мнѣ десяти-или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мущины тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ и старыхъ Селадоновъ и Альцибіадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? — Возьмемъ въ примѣръ и славолюбіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деціи давали убивать себя, и что Курціи бросались въ пропасть: но фанатизмъ Религіи конечно болѣе славолюбія участвовалъ въ ихъ героизмѣ. * Тогда же войны были *народныя;* всякой дрался за *свои* Аѳины, за *свой* Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служитъ волонтеромъ въ Русской арміи единственно изъ чести; дерется храбро и умираетъ: вотъ славолюбіе!

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе или меланхолія, которая столь часто отворяетъ дверь... въ домъ сумасшедшихъ.

═

---

* О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ Вѣры; и есть ли въ Европѣ хотя одна Христіанская Секта, которой бы въ Англіи не было? Пуритане или Кальвинисты, Методисты или Набожные, Пресвитеріане, Социніане, Улитане, Квакеры, Геррнгутеры; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же тѣ, которые не принадлежатъ къ главной или Епископской церкви, называются Диссентерами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой секты — и нынѣшній день началось мое пилигримство съ Квакеровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь: голыя стѣны, лавки и каѳедра. Всѣ одѣты просто; женщины не только безъ румянъ и пудры, но даже и ленточки ни на одной не увидите; мущины въ темныхъ кафтанахъ безъ пуговицъ и складокъ. Всякой войдетъ съ постнымъ лицомъ, ни на кого не взглянетъ, никому не поклонится, сядетъ на мѣсто и углубится въ размышленіе. Вы знаете, что у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни учителей, и въ церкви проповѣдуютъ единственно тѣ, которые вдругъ почувствуютъ въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. Тогда вдохновенный стремится на каѳедру, говоритъ отъ полноты сердца, а другіе слушаютъ съ благоговѣніемъ. Я крайне любопытствовалъ видѣть такое явленіе, и смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схватить, такъ сказать, первыя черты вдохновенія. Проходитъ часъ, другой: царствуетъ глубокое молчаніе, которое изрѣдка перерывается.... кашлемъ. Всѣ физіогноміи покойны; никто не кривляется; многіе засыпаютъ

— и другъ вашъ съ ними. Просыпаюсь — смотрю на часы: три — а все еще никто не говоритъ. Дожидаюсь, снова зѣваю, снова засыпаю—наконецъ вижу пять часовъ, лишаюсь терпѣнія и ухожу ни съ чѣмъ! — Господа Квакеры, впередъ вы меня не заманите!

=

Биржа и Королевское Общество.

Англичанинъ царствуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская Биржа есть огромное, четвероугольное зданіе, съ высокою башнею (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка,) * съ колоннадами, портиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статую Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую лесть и ложь: *отцу отечества*, *лучшему изъ Королей*, *утѣхѣ рода человѣческаго*, и проч. Кругомъ вездѣ Амуры, не безъ смысла тутъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II *любилъ любить*. Стоя на этомъ мѣстѣ, куда ни взглянете, видите галлерею, гдѣ подъ аркадами, со-

* Сверчокъ былъ гербомъ Архитектора Биржи.

бираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до трехъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажетъ слова, даромъ не пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ торгъ; когда схватятся руками, то дѣло рѣшено, и кораблю плыть въ Новый Йоркъ или за Мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжатъ, а не слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или отходящихъ; можете плыть куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нутка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! — Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе страховщики, и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежитъ большая книга, въ которую онѣ вписываются для любопытныхъ, и которая служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завтракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ—представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Русски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россіею; всѣ они живали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар**, Членъ его, ввелъ меня въ это

славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой Шведской Баронъ Сил*, человѣкъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, государь мой; * храмъ Наукъ есть храмъ міра.» Я засмѣялся, и мы обнялись по-бритски; а Г. Пар** закричалъ: «браво! браво!» Между тѣмъ Англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человѣка пришли въ ученое собраніе цѣловаться!... Профаны! вы не разумѣли нашей Мистики! вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и что по тайной симпатіи дѣйствій онѣ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залѣ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ на бархатныхъ креслахъ, сидѣлъ Президентъ, Г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли; Секретари читали переписку, по большой части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то Господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ, но съ великою скромностію. Читали еще другія бумаги, изъ которыхъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось, и Г. Пар** подвелъ меня къ Президенту, который дурно про-

---

* Тогда была у насъ война со Швеціею.

износитъ, но хорошо говоритъ по-Французски. Онъ человѣкъ тихой, и для Англичанина довольно привѣтливой.

═

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія достойныхъ вѣщей, какъ Парижъ, однакожь есть что видѣть, и всякой день употребляю нѣсколько часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ заведеній, Кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день видѣлъ у Г. Толе (Towley) рѣдкое собраніе антиковъ, Египетскія статуи, древніе барельефы, между которыми живетъ хозяинъ, какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго роду Авторами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, которыхъ лучшія историческія картины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлереѣ*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю возможную патріотическую ревность для произведенія въ дѣйство щастливой идеи, изобразить лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлереи, въ которой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо

Шекспира, почти не имѣю нужды справляться съ описаніемъ, и смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе нравится мнѣ работа Фисли, стариннаго Лафатерова друга; * онъ выбираетъ изъ Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность воздушнымъ его твореніямъ*, *даетъ имъ имя и мѣсто*, a local haditatinn and a name, какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Естьли бы воскресъ мечтатель-Поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Вестовы также очень хороши и выразительны.—Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею Императрицею.

═

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно вторая въ свѣтѣ по наружному своему великолѣпію; вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о *стилѣ*, о безчисленныхъ колоннахъ, фронтонахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ

* Въ молодости своей оба они влюбились въ одну дѣвицу: Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли, уѣхавъ въ Италію и посвятивъ себя Искусству, пересталъ отвѣчать на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говоритъ объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

копьемъ, Франція съ короною, Ирландія съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже не скажу ни слова о величественномъ куполѣ. Все это превозносится и знатоками и невѣждами. Я замѣтилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронтонѣ портика изображенъ фениксъ, вылетающій изъ пламени съ Латинскою надписью: *воскресаю!* что имѣетъ отношеніе къ возобновленію этой церкви, разрушенной пожаромъ. Окружающій ее балюстрадъ считается первымъ въ свѣтѣ. Жаль, что она сжата со всѣхъ сторонъ зданіями, и не имѣетъ большой площади, на которой огромность ея показалась бы несравненно разительнѣе! Жаль также, что Лондонской вѣчной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма и закоптилъ его снизу до самаго золотаго шара, служащаго ему короною! Вошедши во внутренность, я спѣшилъ, по совѣту моего вожатаго, на середину церкви, и остановясь подъ самымъ куполомъ, долго смотрѣлъ вверхъ и вокругъ себя. Вы думаете, что другъ вашъ, пораженный величествомъ храма, былъ въ восхищеніи! Нѣтъ; мысль, которая вдругъ пришла мнѣ въ голову, все испортила: «что значатъ всѣ наши своды передъ «сводомъ неба? сколько надобно ума и трудовъ «для произведенія столь неважнаго дѣйствія? не «есть ли Искусство самая безстыдная обезьяна «Природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ «величіи!» Между тѣмъ Чичероне мой говорилъ: «смотрите на эту гордую аркаду, на щиты, на фе«стоны, и всѣ украшенія; смотрите на живопись «купола, на славные органы, на колонны галле-

«рей, и согласитесь, что вы не видали ничего по«добнаго!» — Въ такъ называемомъ *Хорѣ* сдѣланъ тронъ Лондонскаго Епископа и мѣсто для Лондонскаго Лорда-Мера.... Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь пріятное, что я забылъ смотрѣть, слушалъ и плѣнялся во глубинѣ души моей. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ платьѣ, пѣли хоромъ: они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ? Это непосредственный органъ божественной души! Декартъ, который всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная Филомела, трогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ извѣстно, всего дороже Философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ. — Служеніе кончилось, и вожатой предложилъ мнѣ итти въ верхнія галлереи, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизъ задохнулся и сѣлъ на первой галлереѣ; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть на самомъ верху. Начались трудныя ступени, темные, узкіе переходы: Маркиза не отставала и кричала мнѣ: *далѣе!* Montez toujours! Я былъ на Стразбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но усталъ до смерти, и естьли бы не постыдился женщины, то отказался бы отъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва не подъ самой крестъ; наконецъ... nec plus ultra! остановились и забыли свою усталость. Прекра-

сный видъ! весь городъ, всѣ окружности передъ глазами! Лондонъ кажется грудою блестящей черепицы; безчисленныя мачты на Темзѣ частымъ камышемъ на маленькомъ ручейкѣ; рощи и парки густою крапивою. Мы пробыли съ часъ, и Француженка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. «Въ Ан«гліи, говоритъ она, надобно только *смотрѣть;* «*слушать* нечего. Англичане прекрасны видомъ, «но скучны до крайности; женщины здѣсь мило«видны, и только: ихъ дѣло разливать чай и нянь«чить дѣтей. Парламентскіе Ораторы кажутся мнѣ «Индѣйскими пѣтухами, Шекспировы трагедіи «игрищами и похоронами; здѣшніе актеры умѣютъ «только падать. Все это несносно: не правда ли?» Я боялся противорѣчіемъ еще болѣе взволновать кровь ея, которая и безъ того была въ страшномъ движеніи; подалъ ей руку въ знакъ согласія, и мы пошли внизъ, дружелюбно раздѣляя опасности и говоря безъ умолку. — Craignez de faire un faux pas, madame. — «Ah! les femmes en font si souvent!» — C'est que les chûtes des femmes sont quelque fois très aimables. — «Oui, parce que les hommes en profitent.» — Elles s'en relevent avec grace. — Mais non pas sans en ressentir la douleur le reste de leurs jours.» — La douleur d'ue belle femme est une grace de plus. — «Et tout cela n'est que pour servir sa majesté, l'homme.» — Ce Roi est souvent détrôné, Md. «Comme notre bon et pauvre Louis XVI: n'est ce pas?» — A peu près, Md. — — Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галлерею, гдѣ

Маркизъ сообщилъ намъ свои примѣчанія на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись странною игрою звуковъ. Станьте на одномъ мѣстѣ галлереи, и скажите что нибудь очень тихо: стоящіе вдали, напротивъ васъ, слышать ясно каждое слово. * Звукъ чуднымъ образомъ умножается къ окружности свода, и скрыпъ двери кажется вамъ сильнымъ ударомъ грома. Оттуда прошли мы въ Библіотеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма, которою Архитекторъ Св. Павла, Христофоръ Ренъ (Wren), весьма радовался, но которая для того не была произведена въ дѣйство, что походитъ на языческіе храмы. Художникъ досадовалъ, спорилъ, и наконецъ согласился сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Павла было нѣкогда славное капище Діаны; во второмъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіанскую церковь, которая черезъ 400 лѣтъ была снова украшена и посвящена Апостолу Павлу; пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711 году явилась въ теперешнемъ своемъ видѣ. Она стоила 12 милліоновъ рублей.

Лондонская крѣпость, Tower, построена на Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, была прежде дворцомъ Англійскихъ Королей, ихъ убѣжищемъ въ народныхъ возмущеніяхъ, наконецъ государственною темницею; а теперь въ ней монетной дворъ, арсеналъ, царская кладовая и — звѣри!

---

* Это напоминало мнѣ Парижскую Salle du secret.

Я не давно читалъ Юма, и память моя тотчасъ представила мнѣ рядъ нещастныхъ Принцовъ, которые въ этой крѣпости были заключены и убиты. Англійская Исторія богата злодѣйствами; можно смѣло сказать, что по числу жителей въ Англіи болѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ погибло людей отъ внутреннихъ мятежей. Здѣсь Католики умерщвляли Реформатовъ, Реформаты Католиковъ, Роялисты Республиканцевъ, Республиканцы Роялистовъ; здѣсь была не одна Французская Революція. Сколько добродѣтельныхъ патріотовъ, Министровъ, любимцевъ Королевскихъ положило свою голову на эшафотѣ! Какое остервененіе въ сердцахъ! какое изступленіе умовъ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ, читая ихъ Исторію? Какіе Парламенты! Римской Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что онъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не великой душѣ, а коварству своему и фанатизму тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ Парламентѣ, наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно путается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человѣкъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ говоритъ дѣло, или молчитъ. Сколь безсмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, столь умны и глубокомысленны сочиненія Секретаря его, Мильтона, который по восшествіи на престолъ Карла II спасся отъ эшафота своего Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма Завоевателя еще цѣлъ и называется *бѣлою башнею* white tower: зданіе безобразное и варварское! Другіе Короли къ нему пристроивали, окруживъ его стѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а потомъ большую залу, гдѣ хранятся трофеи перваго побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго славную Гишпанскую *Армаду*. Я съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ флаги и всякаго роду оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисаветѣ; воображалъ смиренную гордость перваго и скромное величіе послѣдней; — воображалъ ту минуту, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря: *флотъ твой погибъ!* и когда Филиппъ, съ милостію простирая къ нему руку, отвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!* — Я воображалъ всеобщую ревность Лондонскихъ гражданъ и солдатъ Елисаветиныхъ, когда она, въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечество!* и когда всѣ они единодушно отвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!*.... Замѣтьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами! тутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прус-

ской Фридрихъ противится всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

Оттуда пошли мы въ большой арсеналъ.... прекрасный и грозный видъ! Стѣны, колонны, пиластры, все составлено изъ оружія, которое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово — и 100,000 человѣкъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ. — Внизу подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлереѣ, стоитъ *Королевская артиллерія* между столбами, на которыхъ висятъ знамена, въ разныя времена отнятыя Англичанами у непріятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменитѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ: каждой сидитъ на лошади, въ *своихъ* латахъ и съ мечемъ *своимъ*. Я долго смотрѣлъ на храбраго *Чернаго Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоцѣнныхъ камней; золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ; скипетръ, такъ называемые *мечи милосердія*, *духовнаго* и *временнаго правосудія*, носимые передъ Англійскими Королями въ обрядѣ коронованія — серебряныя купѣли для царской фамиліи, и пребогатый *государственный вѣнецъ*, надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентѣ, и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ.

Тутъ же показываютъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Грей!!

Наконецъ ввели насъ въ монетную, гдѣ дѣла-

ютъ золотыя и серебряныя деньги; но это Англійская *Тайная*, и вамъ говорятъ: *сюда не ходите, сюда не глядите; туда васъ не пустятъ!* — Мы видѣли кучу гиней, но Г. надзиратель не постыдился взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

=

Сентъ-Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самый бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотря на него, пышный человѣкъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также нѣтъ ничего царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, отчасти работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славные Рафаэлевы картоны или рисунки; ихъ всего 12: 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго, два у Сардинскаго, а двѣнадцатой у одного Англичанина, который, занявъ для покупки сего драгоцѣннаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разныя чудеса изъ Новаго Завѣта; фигуры всѣ въ человѣческій ростъ. Художники считаютъ ихъ образцомъ правильности и смѣлости. — Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожъ не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уаитъ-галъ (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей — сгорѣлъ, и теперь существуютъ только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семъ зданіи показываютъ закладенное окно, изъ котораго нещастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоитъ мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его *.

Адмиралтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они разсылаютъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ; всѣ выборы флотскихъ Чиновниковъ отъ нихъ зависятъ.

Палаты Лорда-Мера и Банкъ стоятъ примѣчательнаго взгляда; самый огромный домъ въ Лондонѣ есть такъ называемый *Соммерсетъ-гаусъ* на Темзѣ, который еще не достроенъ, и похожъ на цѣлый городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Коммисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначеи, Секретари, и проч. Архитектура очень хороша и ве-

---

* Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ, которой продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла статуи; но въ самомъ дѣлѣ онъ спряталъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ — за что былъ награжденъ весьма щедро.

личественна. — Еще замѣтны домы Бетфордовъ, Честерфильдовъ, Девонширскаго Герцога, Принца Валлисскаго (который даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счетъ Англійскаго любопытства. Что ни пойдете вы здѣсь осматривать: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галлерею, или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ обѣдаютъ поздно; и кто не имѣетъ дѣла, тому надобно выдумывать, чѣмъ занять себя до шести часовъ.

Виндзоръ.

Земляки мои непремѣнно хотѣли видѣть славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приноситъ хозяину иногда болѣе Ост-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часовъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой станціи. — «Лошадей!» — *А гдѣ ихъ взять? всѣ въ разгонѣ.* — «Вздоръ! это развѣ не лошади?» — *Онѣ приготовлены для другихъ, для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились итти пѣшкомъ,

не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо которыхъ какъ птицы пролетѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Британцы! думалъ *я*: обсыпайте насъ пылью; но за чѣмъ смѣяться? — Иные кричали даже: «добрый путь, го«спода! видно, по обѣщанію!» — Но Русскихъ не такъ легко унизить; мы сами начали смѣятьея; скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и въ 5 часовъ, своротивъ не много съ большой дороги, вступили въ Виндзорской Паркъ....

Thu forests, Windsor! and thy green retreats,
At once and the Monarch's seats.

Pope.

Мы сняли шляпы.... вѣря Поэту, что это священный лѣсъ. «Здѣсь, (говоритъ онъ) являются «боги во всемъ своемъ великолѣпіи; здѣсь Панъ «окруженъ безчисленными стадами, Помона раз«сыпаетъ плоды свои, Флора цвѣтитъ луга, и дары «Цереры волнуются какъ необозримое море».... Описаніе Стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные лѣса, прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконечныя аллеи, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки, все есть въ Виндзорскомъ паркѣ! — Какъ мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя подъ густою сѣнію, гдѣ пѣли надъ нами всякаго

роду лѣсныя птицы, то бѣгая съ оленями, которыхъ тутъ множество! — Стихотворецъ у меня въ мысляхъ и въ рукахъ. Я ищу береговъ унылой Лодоны, гдѣ, по его словамъ, часто купалась Цинтія — Діана....

Изъ юныхъ Нимфъ ея дочь Тамеса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндиміона
Лишь потому ее съ Діаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ плѣняя, не плѣнялась:
Одна свобода ей съ невинностью мила,
И ловля птицъ, звѣрей утѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
Зефиръ игралъ въ ея струистыхъ волосахъ;
Рѣзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ,
И мѣткое копье * за серною свистало.
Однажды Панъ ее увидѣлъ, полюбилъ,
И сердце у него желаньемъ воспылало.
Она бѣжитъ... въ любви предметъ бѣгущій милъ,
И Нимфа робкая стыдливостью своею
Для дерзкаго еще прелестнѣе была.
Какъ горлица летитъ отъ хищнаго орла,
Какъ яростный орелъ стремится вслѣдъ за нею,
Такъ Нимфа отъ него, такъ онъ за Нимфой въ слѣдъ —
И ближе, ближе къ ней... Она изнемогаетъ;
Слаба, блѣдна... въ глазахъ ея темнѣетъ свѣтъ,
Уже тѣнь Панова Лодону настигаетъ,
И Нимфа слышитъ стукъ ногъ бога за собой;
Дыханіе его какъ вѣтеръ развѣваетъ

* Легкія копья, съ которыми изображаются Діанины Нимфы, были бросаемы въ звѣрей.

Ей волосы... Тогда, оставлена Судьбой,
Въ отчаяньи своемъ нещастная, къ богинѣ
Душею обратясь, такъ мыслила: «спаси,
«О Цинтія! меня; въ дубравы перенеси,
«На родину мою! Ахъ! пусть я тамъ отнынѣ
«Стенаю горестно, и слезы лью ручьемъ!»
Исполнилось... и вдругъ, какъ будто бы слезами
Изливъ тоску свою, она течетъ струями,
Стеная жалобно въ журчаніи своемъ.
Потокъ сей и теперь Лодоной называемъ,
Чистъ, хладенъ какъ она; тотъ лѣсъ имъ орошаемъ,
Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила,
Діана моется въ его водѣ кристальной,
И память Нимфина донынѣ ей мила:
Когда вообразитъ ея конецъ печальной,
Струи сливаются съ богининой слезой.
Пастухъ, задумавшись, журчанью ихъ внимаетъ;
Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созерцаетъ
Луну у ногъ своихъ и горы внизъ главой,
Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
И воду свѣтлую собою зеленящихъ.
Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ путемъ
Лодона тихая едва, едва струнтся;
Но вдругъ, быстрѣе ставъ въ теченіи своемъ,
Спѣшитъ съ отцомъ ея навѣкъ соединиться. *

Извините, если переводъ хуже оригинала. Слушая томное журчанье Лодоны, я вздумалъ разсказать ея исторію въ Русскихъ стихахъ.

Мнѣ хотѣлось бы многое перевести вамъ изъ

---

* Съ Темзою, которая въ Поэзіи называется богомъ Тамесомъ.

Windsor-Forest; на примѣръ, щастіе сельскаго жителя, любителя Наукъ и любимца Музъ; описаніе бога Тамеса, который, поднявъ свою влажную главу, опершись на урну и озираясь вокругъ себя, славословитъ міръ и предсказываетъ величіе Англіи. Но солнце заходитъ, а намъ должно еще видѣть славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ....

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой картины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человѣкъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на стременахъ, удерживаютъ дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждутъ знакъ, чтобы скакать, летѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и упасть на землю безъ памяти; хотите летѣть взоромъ за скакунами, изъ которыхъ всякой кажется Пегасомъ; хотите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей, кто кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадью несется; хотите читать въ нихъ надежду, страхъ, опять надежду, восторгъ или отчаяніе; хотите слышать радостные плески въ честь побѣдителя: *браво! виватъ! ура!*... Ошибаетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видали, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ; всходъ нечувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли Принцессы, дочери Королевскія въ простыхъ бѣлыхъ

платьяхъ, въ соломенныхъ шляпкахъ, съ тросточками, какъ сельскія пастушки. Онѣ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: ma soeur, ma soeur! Глаза мои искали Елисаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромный видъ ея нравится.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Микель-Анджеловыхъ, Пуссеневыхъ, Корреджіевыхъ и портретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ *залу красоты*, гдѣ стоятъ портреты прелестнѣйшихъ женщинъ во время Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? Maistriss Knoff, Lawson, Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron, Richmond, Clevelant, Sommerset, Northumberland, Grammont, Ossory. Есть ли живописцы не льстили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ Англіи, гдѣ такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ.... Нѣкоторые плафоны въ комнатахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смотрѣлъ на портретъ нашего Великаго Петра, написанный во время Его пребыванія въ Лондонѣ живописцомъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или Кавалеровъ Подвязки, стоитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ; она велика и прекрасна

своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три Соединенныя Королевства. Изобиліе и Религія держатъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, которое опирается на Религію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣренность и Благоразуміе гонятъ мятежъ и бунтъ. Подлѣ трона, въ осьмиугольникѣ, подъ крестомъ Св. Георгія, окруженномъ подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: Honni soit qui mal y pense! Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ Дворцѣ все дышетъ Лудовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ Англійскіе патріоты не любятъ воспоминать.

═

Виндзорскій паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны, восхитительные и печальные.

Темныя, лестныя, милыя надежды сердца! исполнитесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть щастливымъ, узнаю щастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно бли-

станію молній, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть? Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полнотѣ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и подымаютъ руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ щастія, и наслаждается возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; пышность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности щастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скатилась съ горизонта — чтожь осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣетъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава?... Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію растерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею щастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за

вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліють еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: «тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!» Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное щастіе лестныхъ ожиданій; говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей тратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки (которая не оставила насъ вмѣстѣ съ невѣрными любовницами!) извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе *утро*,

господинъ!» Что со мною было далѣе, не помню, но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: «добрый *вечеръ!*» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ объ немъ: «какъ онъ старъ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя *со временемъ будутъ моими!*

═

Лондонъ, Іюля... 1790.

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничь. День прекрасный — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами приходятъ и втираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любуемся, разсуждаемъ — и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ въ свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота — нѣтъ, еще лучше: клочекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лон-

донъ, какъ волшебный талисманъ даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожидаетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничь — стукнулъ въ рукѣ бѣленькими кружками — и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнятъ веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботикъ у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцовъ, орудіе величества и силы ея. Не мнogіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе престарѣлые матрозы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью, и назади соединяемыхъ колоннадами и Губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, оперши́сь на балюстрадъ террасы, видятъ корабли, на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе! сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матрозы смотрятъ на Гриничь и думаютъ: «тамъ готово пристанище «для нашей старости! Отечество благодарно; оно »призритъ и успокоитъ насъ, когда мы въ его слу«женіи истощимъ силы свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австеръ, окруженный тучами и молніями, льетъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійской корабль, украшенный трофеями, и главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ Астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ Навигаціи. — Имена патріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанамъ Король, попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, по большой части аллегорическими картинами, читаете надписи: Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго матроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпитали; за то всякой матрозъ можетъ быть тамъ принятъ, естьли докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля

корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, 1 ½ ф. сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напомню вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь заслуженыхъ матрозовъ похо«жа здѣсь на дворецъ, а дворецъ Вашего Величе«ства похожъ на Госпиталь.» — Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость Правленія. Salus publica есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничь самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета. — Мы отобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ, и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ!...

Вообразите безконечныя аллеи, цѣлые лѣса, ярко освѣщенные огнями; галлереи, колоннады, павильйоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени тріумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, убранные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные глаза мои ищутъ мрака; я вхожу въ узкую крытую аллею, и мнѣ говорятъ: *вотъ*

гульбище Друидовъ! * Иду далѣе; вижу, при свѣтѣ луны отдаленныхъ огней, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе Римской станъ; тутъ растутъ кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидитъ Мильтонъ — мраморный — и слушаетъ музыку; далѣе — обелискъ, Китайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги... Возвращаюсь къ оркестру.

Естьли вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный Англійской Воксалъ, которому напрасно хотятъ подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное, вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

Оркестръ играетъ по большой части любимыя народныя пѣсни; поютъ актеры и актрисы Лондонскихъ Театровъ; а слушатели, въ знакъ удовольствія, часто бросаютъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: Take care of your poskets! *берегите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этою минутою). Въ то же время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. «Хорошо! думалъ я: но не стоитъ того, чтобы бѣжать «безъ памяти и давить людей.»

---

* Имя аллеи.

Лондонской Воксалъ соединяетъ всѣ состоянія: тутъ бываютъ и знатные люди и лакеи, лучшія дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зрителями. — Я обходилъ всѣ галлереи и осмотрѣлъ всѣ картины, написанныя по большой части изъ Шекспировыхъ Драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ротонда, гдѣ въ ненастное время бываетъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильйонахъ, и въ лѣсочкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей сидящихъ за столами — что имѣетъ видъ какого-то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильйонъ; велѣли подать цыплѐнка, анчоусовъ, сыру, масла, бутылку Кларету, и заплатили рублей шесть.

Воксалъ въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и лѣтомъ бываетъ отворенъ всякой вечеръ; за входъ платится копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣтѣ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

=

Выборъ въ парламентъ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щастію, надлежало быть выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а противники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. На канунѣ избранія угощались безденежно въ двухъ тавернахъ тѣ Вестминстерскіе жители, которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну, и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли.... Fox for ever! *да здравствуетъ Фоксъ! нашъ доброй, умный Фоксъ, лисица именемъ,* * *левъ сердцемъ, патріотъ, другъ Вестминстерскаго народа!* — Тутъ были всякаго роду люди: г. Лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстерѣ, тотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру отправился я съ земляками своими на Ковенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, такъ что мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлереи, которая на это время дѣлается изъ досокъ, и въ которой Избиратели записываютъ свои голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья ихъ работали, говорили рѣчи, махали шляпами, и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тутъ люди въ голубыхъ лентахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человѣкъ лѣтъ пятидесяти, неопрятно одѣтый, видомъ неважный,

---

* *Фоксъ значитъ лисица.*

снялъ шляпу и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Сограждане!» сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табаку, которымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: «сограждане! «истинная Англійская свобода у насъ давно уже «не въ модѣ; но я человѣкъ старинной, и люблю «отечество по старинному. Вамъ говорятъ, что «нынѣшній день есть торжество гражданскихъ «правъ вашихъ; но пользуетесь ли вы ими, когда «вамъ предлагаютъ изъ двухъ Кандидатовъ вы«брать двухъ Членовъ? Они уже выбраны! Мини«стры съ противниками согласились, и надъ вами «шутятъ.» — (Тутъ онъ еще нѣсколько разъ понюхалъ табаку, а народъ говорилъ: «это правда; «надъ нами шутятъ.») — «Сограждане! для под«держанія вашихъ правъ, драгоцѣнныхъ моему «сердцу, я самъ себя предлагаю въ Кандидаты. «Знаю, что меня не выберутъ; но по крайней мѣрѣ «вы будете выбирать. Я Горнъ Тукъ: вы обо мнѣ «слыхали, и знаете, что Министерство меня не «жалуетъ.» — *Браво!* закричали многіе: *мы подадимъ за тебя голоса!* Въ ту же минуту подошелъ къ нему сѣдой старикъ на клюкахъ, и всѣ вокругъ меня произнесли имя его: *Вилькесъ! Вилькесъ!* Вамъ, друзья мои, извѣстна исторія этого человѣка, который нѣсколько лѣтъ игралъ знаменитую ролю въ Англіи, былъ страшнымъ врагомъ Министерства, самаго Парламента, идоломъ народа; думалъ только о личныхъ своихъ выгодахъ, и хотѣлъ быть ужаснымъ единственно для того, чтобы получить доходное мѣсто; получилъ его, обогатился и со-

шелъ съ шумнаго театра. Онъ сказалъ Горну: «мой другъ! этою дрожащею рукою напишу я имя »твое въ книгѣ, и умру спокойнѣе, естьли ты бу- «дешь Членомъ Парламента.» Горнъ обнялъ его съ холоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендсфордѣ, писалъ въ газетахъ противъ Двора, сидѣлъ за то въ тюрьмѣ, не унялся, и понынѣ еще ставитъ себѣ за честь быть врагомъ Министровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юніевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: «дайте мѣсто Кандидатамъ!» Мы увидѣли процессію... Напереди знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію*. За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, толстой, маленькой, черноволосой, съ густыми бровями, съ румянымъ лицомъ, человѣкъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ — и Гудъ, высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ зеленомъ мундирѣ. Они стали на доски, устланныя коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галлерею, и записывали голоса свои: что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галлерею, и кричалъ надъ головою Кандидатовъ: *здравствуй Фоксъ! провались сквозь землю Гудъ!* а черезъ минуту: *здравствуй Гудъ! провались сквозь землю Фоксъ!* Ни-

кто не унималъ шалуна, а Кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу, и сказалъ: «я никакъ «не думалъ, чтобы въ Вестминстерѣ нашлось 200 «патріотовъ; теперь вижу, и радуюсь такому чи-«слу.» — Тутъ Фокса посадили на кресла, украшенныя лаврами и въ тріумфѣ понесли домой; знамена развѣвались надъ его головою, музыка гремѣла, и тысячи голосовъ восклицали: Fox for ever! *Виватъ! ура!* Фоксъ уже въ пятый разъ избирается отъ Вестминстера: и такъ не мудрено, что онъ сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ очень покойно и свободно, то улыбался, то хмурилъ густыя, черныя брови свои. — И Гуда хотѣли нести; но онъ просилъ увольненія, и одинъ изъ друзей его сказалъ: «Адмиралъ нашъ любитъ тріумфы только на морѣ!» — —

Теперь, друзья мои, опишу вамъ другаго роду происшествіе. Сюда недавно пріѣхалъ курьеромъ изъ П* господинъ N. N., человѣкъ не молодой, который, не жалѣя толстаго брюха своего, скачетъ изъ земли въ землю, чтобы остальными отъ прогоновъ червонцами кормить жену и дѣтей своихъ. И такъ вы не осудите его, что онъ скупъ, и пріѣхавъ въ Лондонъ, не хотѣлъ сшить себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ коротенькомъ синемъ мундирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ черномъ бархатномъ картузѣ; но здѣшній народъ не

вы — мальчики бѣгали за нимъ и кричали: *смотрите, какая чучела!* Мы приступили къ нему, чтобы онъ одѣлся полюдски, и наконецъ убѣдили. Господинъ N. N. сдѣлалъ себѣ модный фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чтобы итти вмѣстѣ на площадь, и ахнули отъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафтана синюю толстую епанчу, а на шляпу какой-то футляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него то и другое; увѣрили, что небо чисто — и пошли. Нещастный! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо затуманилось, ударилъ дождь, и нашъ N. N. бросился подъ зонтикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердо. Мы остановились, и черезъ минуту были окружены множествомъ людей. Вдругъ видимъ, что пріятель нашъ съ кѣмъ-то разговариваетъ очень весело, смѣется, разсказываетъ — и вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣетъ отъ ужаса... Что такое?... у него украли изъ кармана деньги, которыя онъ безпрестанно держалъ рукою; но заговорившись съ незнакомцемъ, ораторъ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то выразительный *жестъ*, вынулъ изъ кармана руку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ немъ кошелька. Подивитесь искусству здѣшнихъ воровъ! Мы совѣтовали бѣдному N. N. не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы, свои Таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣ-

хоту и конницу (footpad, highwayman) на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker, pickpocket). Англичане боятся строгой полиціи, и лучше хотятъ быть обкрадены, нежели видѣть вездѣ караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ предосторожность; не возятъ и не носятъ съ собою много денегъ, и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидятъ человѣкъ пять, съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту благоразумія, воротились назадъ. Негодаи могли бы въ полѣ догнать насъ и ограбить. Въ другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запоздали, сбились съ дороги, и очутились въ пустомъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человѣкъ. Добрымъ людямъ мудрено было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спастись дерзостію, paver d'audace, какъ говорятъ Французы — смѣлымъ Богъ владѣетъ — прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англіи никогда не возьмутъ въ тюрьму человѣка по вѣроятности, что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представить свидѣтелей; иначе вамъ же бѣда, естьли приведете его безъ неоспоримыхъ, законныхъ доказательствъ.

═

Театръ.

Лѣтомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гемеркетской Театръ, на которомъ однакожь играютъ всѣ лучшіе Ковенгарденскіе и Друриленскіе актеры. * Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлереяхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлета — и лучше, естьли бы не видалъ! Актеры говорятъ, а не играютъ; одѣты дурно, декораціи бѣдныя. Гамлетъ былъ въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; Королева въ роброндѣ, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, тащатъ — и это дѣлается во время представленія! Какая розница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, которые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали; изрѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствовала на публику? та, гдѣ копаютъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говорятъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever bore arms, и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса, * прекрасно одѣтая, и трогательная въ сценахъ безумія; она напомнила

---

* Два главные Лондонскіе Театра.

* Баллингтонъ, естьли не ошибаюсь.

мнѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поетъ очень пріятно. — Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (которую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета) и еще три Комедіи или *буфонады*, въ которыхъ зрители очень смѣялись. — Говорятъ, что у Англичанъ есть Мельпомена: гопожа Сиддонсъ, рѣдкая трагическая актриса; но ее теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашелъ я удовольствія въ здѣшней Италіянской Оперѣ. Играли Андромаху. Маркези и Мара пѣли; музыка прекрасная. Дни два отзывался въ ушахъ моихъ трогательный дуэтъ:

Quando mai, astri tiranni.
Avran fine i nostri affanni?
Quando paghi mai sarete
Della vostra crudeltà?

Въ театрѣ я купилъ эту Оперу, поднесенную Принцу Валисскому при слѣдующемъ Англійскомъ письмѣ, которое перевожу для васъ какъ рѣдкую вещь:

«Странно покажется, что я осмѣливаюсь поднести Италіянскую Оперу Вашему Королевскому «Высочеству. Хотя Юпитеръ принималъ въ жертву быковъ но никто не смѣлъ дарить его мухами. Принцъ столь искусный, какъ Ваше Высочество, во всѣхъ отвлеченныхъ наукахъ и самой «изящнѣйшей Литтературѣ, не можетъ дорожить «Оперною бездѣлкою. Восхитительныя прелести «музыки, разсыпанныя въ сей Оперѣ, *озлащаютъ* «нѣкоторымъ образомъ сей малый трудъ; но я «имѣю нѣчто важнѣйшее для моего оправданія.

«Славный Понтифексъ, Леонъ X, не презрѣлъ под-«несенной ему книги о *поваренномъ искусствѣ*, и «мы читаемъ въ Вал. Максимѣ, что Персидской «Монархъ принялъ въ даръ старой кафтанъ съ та-«кимъ снисхожденіемъ, что наградилъ дателя Са-«москимъ островомъ. Первый былъ самый остро-«умнѣйшій изъ владыкъ земныхъ, а вторый силь-«нѣйшій: два качества, которыя чудесно соединя-«ются въ Вашемъ Высочествѣ. Лучезарное свѣти-«ло не отказываетъ въ улыбкѣ своей ни червячку, «ни былинкѣ; а высокая благодѣтельность вашего «сердца не имѣетъ другаго примѣра. — Вашего «Высочества покорнѣйшій слуга К. Ф. Бадини.»

Послѣ такого письма я хотѣлъ бы лично узнать господина Бадини.

Лондонъ, Іюля ... 1790.

Я хотѣлъ итти за городъ, въ прекрасную деревеньку Гамстетъ; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда посмотрѣть на Лондонъ, возвратиться къ ночи въ городъ и ѣхать въ Воксалъ.... но нигдѣ не былъ, и не жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было тронуто!

Подлѣ самаго Cavendish Square встрѣтился мнѣ старой, слѣпой нищій, котораго вела... собачка, привязанная на снуркѣ. Собачка остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій ска-

залъ томнымъ голосомъ: «добрый господинъ! сжалься надъ бѣднымъ и слѣпымъ! my dear sir, I am poor and blind!» Я отдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, тронулъ снурокъ, и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, ласкала людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физіогномистомъ!) и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на лютнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасной мальчикъ, также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печатныхъ листочковъ, стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и умильно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?» — *Слава Богу! а мать твоя?... Какъ она хорошо поетъ! послушаю.* — Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла... Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печатной листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. Вмѣсто того, чтобы итти за городъ, я возвратился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;

Всевышній зритъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ своей часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли Отецъ дѣтей?
Прохожій сжалится надъ нами
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отмѣннаго; но есть либъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина пѣла, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ — со слезами.

═

Ранела.

Нынѣшнюю ночь карета служила мнѣ спальнею! — Въ 8 часовъ отправились мы Русскіе въ Ранела пѣшкомъ; не шли, а бѣжали, боясь опоздать; устали до смерти, потому что отъ моей улицы до Ранела конечно не менѣе пяти верстъ, и въ десятомъ часу вошли въ большую круглую залу, прекрасно освѣщенную, гдѣ гремѣла музыка. Тутъ въ лѣтніе вечера собирается хорошее Лондонское общество, чтобы слушать музыку и гулять. Въ ротондѣ сдѣланы въ два ряда ложи, гдѣ женщины и мущины садятся отдыхать, пить чай и смотрѣть на множество людей, которые вертятся въ залѣ. Мы взглянули на собраніе, на украшеніе залы, на высокой оркестръ, и пошли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейерверкъ;

но любуясь имъ, чуть было не подвергнулись судьбѣ Семеленной: искры осыпали насъ съ головы до ногъ. — Возвратясь въ ротонду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ одного старика, который насвистывалъ разныя пѣсни, какъ Стерновъ дядя Тоби, но впрочемъ не мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть на публику. Можетъ быть дѣйствіе свѣчь обманывало глаза мои: только мнѣ казалось, что я никогда еще не видывалъ вмѣстѣ столько красавицъ и красавцевъ, какъ въ Ранела; а вы согласитесь, что такое зрѣлище очень занимательно. Къ нещастью у меня страшно болѣла голова, и я во второмъ часу, оставивъ товарищей своихъ веселиться, пошелъ искать кареты; съ трудомъ нашелъ, сѣлъ, и велѣлъ везти себя въ Оксфортскую улицу, и заснулъ. Просыпаюсь у своего дому — вижу день — смотрю на часы: пять... и такъ я три часа ѣхалъ! Кучеръ сказалъ, что мы около двухъ стояли на одномъ мѣстѣ, и что никакъ не льзя было проѣхать за множествомъ каретъ.

=

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Британскомъ Музеумѣ множество древностей Египетскихъ, Этрускихъ, Римскихъ, жертвенныхъ орудій, Американскихъ идоловъ, и проч. Мнѣ показывали одну Египетскую глиняную поздреватую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: естьли налить ее

водою, и вложить въ которой нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распустится и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву. Я съ любопытствомъ разсматривалъ еще *Лакриматоріи*, или маленькіе глиняные и стеклянные сосуды, въ которые Римляне плакали на погребеніяхъ; но всего любопытнѣе былъ для меня оригиналъ Магны Харты, или славный договоръ Англичанъ съ ихъ Королемъ Іоанномъ, заключенный въ 13 вѣкѣ, и служащій основаніемъ ихъ конституціи. Спросите у Англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: *я живу, гдѣ хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю; не боюсь ничего, кромѣ законовъ*. Разогните же Магну Харту: въ ней Король утвердилъ клятвенно сіи права для Англичанъ — и въ какое время? когда всѣ другіе Европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огромные магазины ея. Общество частныхъ людей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираетъ Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ армію, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 Директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу — и хотя снабжаетъ ими всю Европу; хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣд-

ственно ей болѣе славы, нежели прибыли; но согласитесь, что Англійской богатый купецъ не можетъ завидывать никакому состоянію людей въ Европѣ!

=

Семейственная жизнь.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можмо назвать цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли,* или густо осѣненные деревами, такъ что ни одинъ яркой лучь солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Йориковыхъ, и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особливымъ семействомъ. Ма-

* Видъ прекрасной. Вѣтви съ цвѣтами нарочно поднятые вверхъ, переплетаются, и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ.

тери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно *кровь съ молокомъ*, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова Эдема; но, къ щастію, тутъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ *Чичисбеемъ*... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и щастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдственно мужья щастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые Англійскіе Лорды, и самые Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть щастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастію*. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины,

которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка,воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи, и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой! теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ, и говорю мысленно: «Нещастные! что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди «вашего семейства, въ объятіяхъ любви и друж«бы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ «пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя «свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ «дѣла; гдѣ зданіе какой-то приличности состав«ляетъ всю науку; гдѣ *быть не страннымъ* есть «верхъ искусства для мущины, и гдѣ двѣ, три жен«щины бываютъ для того, чтобы удивлялись кра«сотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ, для чего; «гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди

«проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной иг-«рѣ ложнаго веселья? Естьли у васъ нѣтъ дѣтей, «мнѣ остается только жалѣть, что вы не умѣете «наслаждаться другъ другомъ, и не знаете, какъ «мило проводить цѣлыя дни съ любезнымъ чело-«вѣкомъ, дѣля съ нимъ дѣло и бездѣлье, въ пол-«ной душевной свободѣ, въ мирномъ расположе-«нiи сердца. А естьли вы родители, то пренебре-«гаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей чело-«вѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпеч-«ная мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая «дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосто-«рожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться «уродомъ, или семилѣтнiй сынъ, оставленный съ «наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой «нибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его «сердце порокъ и нещастiе. Сидя за клавесиномъ, «среди блестящаго общества, ты красавица, хо-«чешь нравиться, и поешь какъ малиновка; но ма-«линовка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна «попечительная мать имѣетъ право жаловаться на «судьбу, естьли не хороши дѣти ея; а та, которая «свѣтскiя удовольствiя предпочитаетъ семействен-«нымъ, не можетъ назваться попечительною.»

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ добродѣтель молодой женщины? Скажите, не ви-новна ли она передъ своимъ мужемъ, какъ скоро хочетъ нравиться другимъ? Что же иное можетъ питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ? Слабости имѣютъ свою постепенность, и переливы едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочетъ

только заслужить общее вниманіе или красотою или любезностію, чтобы *оправдать выборъ ея мужа*, какъ думаетъ; а тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь *знатоку* болѣе, нежели другому; а тамъ — надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а тамъ... не увидишь, какъ и сердце вмѣшается въ планы самолюбія; а тамъ — бѣдный мужъ! бѣдныя дѣти!

Всего же нещастнѣе она сама. Хорошо естьли бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей; но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣтей можетъ разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, естьли оскорбленный мужъ убѣгаетъ тогда ея взоровъ; естьли дурно воспитанныя дѣти, не обязанныя ей ни чѣмъ, кромѣ нещастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ растравляютъ раны ея сердца знаками холодности, нелюбви самаго презрѣнія?... Обратится ли къ свѣту? Но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники исчезли — Зефиръ опахала ея не принимаетъ уже Сильфовъ—и развѣ подобная ей нещастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излить желчь свою на умы и на сердца людей.

Говорю о женщинахъ для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими; но главная вина безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ мущинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго щастія, и лучше хотятъ быть строптивыми

рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужѣ*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и естьли бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ Натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другова на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая

принужденіемъ, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. — Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ мужду тѣми, которыхъ сама Натура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ — и естьли я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа * говоритъ: *друзья! пойдемъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и щастія. Можно еще примолвить: «пойдемъ «любить своихъ домашнихъ, родственниковъ и «друзей; а прочее оставимъ на произволъ судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской Компаніи, и даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества говорюя: *Англичане просвѣщены!* нѣтъ;

* Кандида.

но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ щастіемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены!*

═

Литтература.

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности*, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество *живописной* Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. — Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ

древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей.—Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку. Любопытно знать то, что Поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорсить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній *не можетъ взять*

мѣръ своихъ. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и Натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Слав*ная* Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ

говоритъ и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ: Grecian Daughter, Fair penitent, Jean Shore и проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта. — Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства;* здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцовъ писать романы какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвиратомъ Британіи. *

Новѣйшая Англійская Литтература совсѣмъ не достойна вниманія: теперь пишутъ здѣсь только самые посредственные романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза щастливыхъ и утѣшитель нещастныхъ, и Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

---

* Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы of и to, знаетъ склоненія; кто знаетъ will и shall, знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; то есть ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ Англійской выговоръ, и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать. Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отверстіе ихъ положена Министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводятъ зубы, свистятъ, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще Англійской языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма — богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить Британской гордости) *отнятымъ* у другихъ. Всѣ ученыя и по большой части нравственныя слова взяты изъ Французскаго или изъ Латинскаго, а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне, Саксонцы, Датчане истребили и Британской народъ и языкъ ихъ; говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота Англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ; а смѣлость Стихотворцевъ удивительна; но гармоніи, и того, что въ Реторикѣ *называется числомъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова отры-

вистыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ. — Да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, естьли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

=

Лондонъ, Августа... 1790.

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, и вмѣсто моей Дженни (которая, сказать правду, не очень красива собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: «что угодно господину?» краснѣлась, присѣдала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ, а она взялась на нѣсколько часовъ заступить ея мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы? — Софія — Ея состояніе? — Служанка въ пансіонѣ. — Ея забавы, удовольствія въ жизни? — Работа, милость госпожи,

хорошая книжка. — Ея надежды? — Накопит нѣсколько гиней и возвратиться въ Кентское Графство къ старику отцу, которой живетъ въ большой нуждѣ. — — Софія принесла мнѣ чай, налила, по усильной прозьбѣ моей сама выпила чашку, но ни какъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англинскія фравы сами собою мнѣ представлялись, и естьли бы я всякой день могъ говорить съ прелестною Софіею, то черезъ мѣсяцъ заговорилъ бы какъ — Ораторъ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ состояніи чрезвычайно любезны своею кротостію.

Въ нынѣшнее Воскресенье поговорю о Воскресеньи. Оно здѣсь свято и торжественно; самый бѣдный поденщикъ перестаетъ работать; купецъ запираетъ лавку, биржа пустѣетъ, Спектакли затворяются, музыка молчитъ. Всѣ идутъ къ обѣднѣ; люди, привязанные своими упражненіями и дѣлами къ городу, разъѣзжаются по деревнямъ; народъ толпится на гульбищахъ, и бѣдный по возможности наряжается. Что у Французовъ *Генгеты*, то здѣсь Thea-gardens или сады, гдѣ народъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ сыръ и масло. Тутъ-то во всей славѣ являются горнишныя дѣвушки, въ длинныхъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ вѣерами; тутъ ищутъ онѣ себѣ жениховъ и щастья; видятся съ своими знакомыми, угощаютъ другъ друга, и набираются всякаго рода анекдотами, замѣча-

ніями на цѣлую недѣлю. Тутъ, кромѣ слугъ и служанокъ, гуляютъ ремесленники, сидѣльцы, Аптекарскіе ученики — однимъ словомъ, такіе люди, которые имѣютъ уже нѣкоторый вкусъ въ жизни, и знаютъ, что такое хорошій воздухъ, пріятный сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается тишина и благопристойность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но естьли хотите, чтобы у васъ помутилось на душѣ, то загляните ввечеру въ подземельныя Таверны или въ *питейные домы*, гдѣ веселится подлая Лондонская чернь! — Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ серединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ столь же противны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное: скажу вамъ еще, что на Лондонскихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ разврата, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно говорить, а не писать) вообразите, что между нещастными жертвами распутства здѣсь много двѣнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ! вообразите, что есть Мегеры, къ которымъ изверги матери приводятъ дочерей на смотръ и торгуются.

Я началъ письмо свое невинностію, а кончилъ предметомъ омерзѣнія! — Любезная Софія! прости меня.

==

Славная *Вестминстерская* зала (Westminster-hall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ и сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ: въ ней бываютъ и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судитъ Государственнаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса, Hasting's trial, который уже 10 лѣтъ продолжается, и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлереѣ, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипою бумагъ; а за нимъ Боркъ, сухощавой старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго Губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери — и судьи, Члены Верхняго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантіяхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые... четыре часа! Онъ исчис-

лялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его беззаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникѣ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушать, по крайней мѣрѣ сидѣть столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гастингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самого. Гастингсъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, сѣдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилѣжностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ человѣчества, виноватъ; противъ Англіи, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй съ сердцѣ своемъ; но зная тайную политику Англійскаго Министерства, зная выгоды Остъ-Индской Компаніи, жертвовалъ, можетъ быть, собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его въ Индію; тиранствовалъ,

чтобы утвердить тамъ власть Англичанъ, и стараясь умножать доходы Компаніи, умножилъ, можетъ быть, и свои — за что однакожь Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ человѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится такъ какъ съ звѣрями; накопитъ денегъ, возвратится домой, и кричитъ: *не тронь меня; я человѣкъ!* Торжество Англійскаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежитъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Ораторскихъ движеній; много разительной Логики только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе піитическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Критики; а славный Боркъ уже старѣется. — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ каѳедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генералъ N. N. не успѣлъ представить «вамъ отзыва въ пользу нашего Кліента; уѣхалъ въ «свое отечество въ Швейцарію, для поправленія здо«ровья; но онъ скоро возвратится.» ... Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ Господину Генералу «щастливаго пути и лучшаго здоровья!» Всѣ Лор-

ды, всѣ зрители засмѣялись; встали — и пошли домой.

=

Подлѣ Вестминстерской залы, въ остаткахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ * при Генрихѣ VIII собирается обыкновенно Верхній и Нижній Парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго не бываетъ никого, кромѣ Членовъ; я могъ видѣть только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на которыхъ изображено разбитіе Гишпанской Армады. Въ концѣ залы возвышается Королевской тронъ, а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ крови; за трономъ сидятъ молодые Лорды, которые не имѣютъ еще голоса: на правой сторонѣ Епископы, противъ Короля Перы, Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Ораторъ сидятъ на *шерстяныхъ шарахъ:* древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновеніе! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю, по чему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, требующія вниманія Лордовъ.

Зала Нижняго Парламента соединяется съ первою длиннымъ коридоромъ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрителей сдѣланы галлереи. Каѳедры нѣтъ.

* Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ какъ въ Лондонѣ.

Президентъ, называемый Ораторомъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за столомъ, на которомъ лежитъ золотой скипетръ; они трое должны быть всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ мантіяхъ; всѣ прочіе въ обыкновенныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ которыхъ одна другой выше. Кто хочетъ говорить, встаетъ, и снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ Президенту, то есть къ Оратору, который, подобно дядькѣ, унимаетъ ихъ, есть-ли они заговорятъ не-дѣло, и кричитъ: to order! *въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: «почтенный господинъ, который говорилъ передо «мною, есть глупецъ» — и проч. Министрамъ часто достается; они иногда отбраниваются, иногда отмалчиваются; а когда пойдетъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ сторонѣ. Кто говоритъ хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ кашляютъ, стучатъ ногами, шумятъ; а при всякомъ важномъ словѣ кричатъ: hearken! *слушайте!* Засѣданіе открывается въ 3 часа пополудни, молитвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Разница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и Англинскимъ Парламентомъ есть та, что первое шумнѣе; впрочемъ и Парламентскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклонясь Оратору, какъ школьному Магистру, бѣгаютъ вонъ, ѣдятъ и проч. — Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человѣкъ говорятъ когда нибудь;

всѣ прочіе нѣмы; иные, можетъ быть, и глухи — но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Умные Министры правятъ; умная публика смотритъ и судитъ. Членъ можетъ говорить въ Парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

═

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семъ древнемъ Аббатствѣ. На примѣръ, онѣ говорятъ, что самъ Апостолъ Петръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началѣ седьмаго вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха возставало. Славный Ренъ, строитель Павловской церкви, прибавилъ къ нему двѣ новыя готическія башни, которыя, вмѣстѣ съ сѣвернымъ портикомъ, называемымъ *Саломоновыми вратами*, Solomon's Gate, всего болѣе украшаютъ внѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчаются Короли Англійскіе; тутъ стоятъ и гробы ихъ!... Я вспомнилъ Французской стихъ:

Не льзя безъ ужаса съ престола — въ гробъ ступить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патріотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Вестминстеръ храмомъ безсмертія, естьли бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чтобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не Исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ! — Замѣчу важнѣйшіе монументы и переведу нѣкоторыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Кранфильда подписано женою его: «Зависть «воздвигала бури противъ моего славнаго и добро«дѣтельнаго супруга; но онъ, съ чистою душею, «смѣло стоялъ на кормѣ, крѣпко держался за руль «совѣсти, разсѣкалъ волны, спасся отъ корабле«крушенія, въ глубокую осень жизни своей бро«силъ якорь и вышелъ на тихій берегъ уединенія. «Наконецъ сей изнуренный мореходецъ отправил«ся на тотъ свѣтъ, и корабль его щастливо при«сталъ къ небу.»

На гробѣ славнаго Поэта Драйдена стоитъ его бюстъ, съ простою надписью: «Іоаннъ Драйденъ «родился въ 1632, умеръ въ 1700 году. Гер«цогъ Букенгамъ соорудилъ ему сей монументъ.» — Подлѣ, какъ нарочно, вырѣзана самая пышная эпитафія на памятникѣ Стихотворца Кауле (Cowley): «Здѣсь лежитъ Пиндаръ, Горацій и Виргилій «Англіи, утѣха, красота, удивленіе вѣковъ,» и проч. — На гробѣ самаго Герцога Буккингама, друга Попова, читаете: «Я жилъ и сомнѣвался;

«умираю и не знаю; что ни будетъ, на все го-«товъ.» — А ниже: «За Короля моего часто, за «отечество всегда.»

Готической монументъ древнѣйшаго Англійскаго стихотворца Часера почти совсѣмъ развалился. Часеръ жилъ въ четвертомъ-надесять вѣкѣ, писалъ неблагопристойныя сказки, хвалилъ своего родственника, Герцога Ландкастерскаго, и помогъ ему стихами своими взойти на престолъ.

Нещастный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣлый мраморный памятникъ Бену Джонсону, современнику Шекспирову, съ надписью: O rare Ben Johnson! *О рѣдкой Джонсонъ!*

На гробѣ Спенсера подписано: «Онъ былъ царь «Поэтовъ своего времени, и божественный умъ «его всего лучше видѣнъ въ его твореніяхъ.»

Ботлеръ сочинилъ славную Поэму Годибраса, осмѣивая въ ней Кромвелевскихъ Республиканцевъ и Фанатизмъ. Дворъ и Король хвалили Поэму, но Авторъ умеръ съ голоду. Барберъ, Лондонской Меръ, сказалъ: «кто въ жизни не имѣлъ приста-«нища, тому сдѣлаемъ хотя по смерти достойный «его монументъ» — сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильтоновымъ бюстомъ сооруженъ памятникъ Стихотворцу Грею. Лирическая Муза держитъ въ рукѣ медальйонъ его, и указывая другою рукою на Мильтона, говоритъ: *у Грековъ Гомеръ и Пиндаръ; здѣсь Мильтонъ и Грей!*

Преклоните колѣна... вотъ Шекспиръ!... стоитъ какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости... Вы узнаете

предметъ его глубокомыслія, читая слѣдующую надпись, взятую изъ его Драмы The Tempest:

Колоссы гордые, вѣковъ произведенье.
И храмы славные, и самой шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, изчезнетъ какъ творенье,
Воздушныя мечты, развалинъ за собой
Въ пространствахъ не оставивъ!

Четыре времени года изображены на гробницѣ Томсоновой. Отрокъ указываетъ на нихъ и подаетъ вѣнокъ Поэту.

Герцогъ и Герцогиня Квинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца Оперы *Нищихъ* *. Эпитафія сочинена самимъ Геемъ:

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая ничто:
Такъ прежде *думалъ* я, а нынѣ *знаю* то.

Музыкантъ Гендель, изображенный славнымъ Рубильякомъ, слушаетъ Ангела, который въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежитъ его Ораторія, Мессія, разогнутая на прекрасной аріи: I know that my Redeemer lives: *знаю, что живъ Спаситель мой!*

На гробницѣ Томаса Парра написано, что онъ жилъ 152 года, въ царствованіе десяти Королей,

---

* Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литтературы,... и самое противное человѣку съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ.

отъ Эдуарда IV до Карла II. Извѣстно, что сей удивительный человѣкъ, будучи ста тридцати лѣтъ, не оставлялъ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и присужденъ былъ всенародно, въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авторъ *Вакефильдскаго Священника*, *Запустѣвшей деревни и Путешественника*. Голдсмитъ расхваленъ до крайности. «Онъ былъ великой Поэтъ, «Историкъ, Философъ; занимался почти всякимъ «родомъ сочиненій, и во всякомъ успѣвалъ; вла«дѣлъ нѣжными чувствами, и по волѣ заставлялъ «плакать и смѣяться. Во всѣхъ его рѣчахъ и дѣ«лахъ обнаруживалось рѣдкое добродушіе. Умъ «острый, замысловатый и великой вливалъ душу, «силу и пріятность въ каждое слово его. Любовь «товарищей, вѣрность друзей и уваженіе читате«лей воздвигнули ему сей памятникъ.»

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ Невтона. Херувимы держатъ передъ нимъ развернутый свитокъ; онъ указываетъ на него пальцомъ, опершись рукою на книги, съ заглавіемъ: Божество, Оптика, Хронологія; вверху большой шаръ, на которомъ сидитъ *Астрономія*; внизу прекрасной барельефъ, гдѣ изображены всѣ Невтоновы открытія. Въ Латинской надписи сказано, что онъ «почти божественнымъ умомъ сво«имъ опредѣлилъ движеніе и фигуру свѣтилъ не«бесныхъ, путь Кометъ, приливъ и отливъ моря; «узналъ разнообразіе солнечныхъ лучей и свой«ство цвѣтовъ, былъ мудрымъ изъяснителемъ На«туры, древности и Св. Писанія; доказалъ своею

«Философіею величіе Бога, а жизнію святость Еван-«гелія.» Надпись заключается сими словами: «Какъ «смертные должны гордиться Невтономъ, славою «и красою человѣчества!»

Нѣкоторые памятники сооружены Парламентомъ и Королемъ, отъ имени благодарной Англіи, за важныя услуги; на примѣръ, Капитану Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору Андре, которые пожертвовали жизнію отечеству. Трогательное и достойное геройства воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найтингеля и жены его, посвященный любовію сына ихъ, есть самый лучшій въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, какъ художествомъ, такъ и мыслію. Прекрасная женщина умираетъ въ объятіяхъ супруга. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ ужасными глазами на супругу и мѣтитъ въ нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное чудовище, и въ страхѣ, въ отчаяніи, стремится отразить ударъ. — Это работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался *чудомъ міра*. Въ самомъ дѣлѣ тутъ много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзьбѣ на мѣди и на деревѣ. — Въ этомъ придѣлѣ погребаютъ Королевскую фамилію, и вы видите подлѣ нещастной Маріи Стуартъ Елисавету! Гробъ всѣхъ примиряетъ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

«Съ живымъ меланхолическимъ удовольствіемъ

«былъ я во всѣхъ мрачныхъ сокровенностяхъ се-«го послѣдняго жилища славы; разсуждалъ о жиз-«ни человѣческой, ея бѣдствіяхъ и краткости. «Милліоны (думалъ я), подобно тебѣ размышляли «здѣсь о трофеяхъ смерти, на которые теперь смо-«тришь; и ты, подобно милліонамъ, будешь пра-«хомъ, уступишь мѣсто новымъ людямъ, и слѣ-«довъ твоихъ не останется. Сіе святое хранилище «славы и величія будетъ и впредь наполняться «почтенными остатками дарованій и заслугъ, укра-«шаться новыми великолѣпными памятниками и «служить предметомъ удивленія, а наконецъ, по «неизбѣжному закону судьбы, со всѣмъ богат-«ствомъ древностей погребется во тьмѣ временъ, «и будетъ *памятникомъ собственнаго своего раз-«рушенія!*»

═

Окрестности Лондона.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые Лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе домы ихъ, понимаю, какъ имъ можетъ недоставать и двухъ сотъ тысячь дохода. Огромные замки, сады, которыхъ содержаніе требуетъ множества рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вотъ обширное поле ихъ мотовства! Русской въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряется, Англичанинъ экономитъ. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомъ, Лордъ не считаетъ себя обязаннымъ звать гостей; не сты-

дится въ старомъ фракѣ итти пѣшкомъ обѣдать къ Принцу Валлисскому и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а естьли вы у него по короткому знакомству обѣдаете, служатъ два лакея — простой сервисъ — и много, что пять блюдъ на столѣ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простота, въ деревнѣ старомодная пышность — разумѣется, что я говорю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ, разсѣяно по сельскимъ домамъ! Давно уже Англичане имѣютъ страсть ѣздить въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое Искусство; внукъ умножаетъ собраніе дѣда, и картина, статуя, которою любовались художники въ Италіи, навѣки погребается въ его деревенскомъ зáмкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *златое руно* свое: почему, теряясь въ лабиринтѣ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ воображать себя Язономъ.

Я наименую вамъ только самые лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями—замокъ Графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры — Герцога Девонширскаго, можетъ быть самый огромнѣйшій въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ аллей — Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множе-

ство звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный готической эрмитажъ съ искусственными развалинами — Графа Буккингамшира съ миловидными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами — Sion-House Герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшенными текущею въ нихъ Темзою — Вальполя въ готическомъ вкусѣ — Графа Тильнея, откуда съ террасы видны рѣка, каналы, безчисленныя аллеи, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримой амфитеатръ — Алдермана Томаса, называемый naked beauty — господина Бинга и Карю (Carew), гдѣ обширные сады, а въ садахъ столѣтнія померанцовыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи). — Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галлерея со множествомъ другихъ произведеній Искусства; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ частей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе; помните, что онъ заѣхалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ, и которыя, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя твари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною, но пріѣхавъ въ Англію, я понялъ Сатирика: онъ шутилъ надъ своими земляками, которые, по страсти къ лошадямъ, ходятъ за ними по

крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей. — Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все обгорожено: поля, луга; и куда не взглянешь, вездѣ заборъ — это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ; самые лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, который въ древнія времена былъ столицею Британскихъ королей, и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ, и называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамошній дворецъ не достоинъ большаго вниманія; садъ также — но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстъ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатыя долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая туманный покровъ съ равнинъ, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ ночевалъ въ Ричмондѣ, но только

однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть большой паркъ, называемый New-Park, котораго хотя и не льзя сравнять съ Виндзорскимъ, но который однакожъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Величественныя дерева, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ — Лондонъ — Виндзоръ....

Я одинъ разъ былъ въ славномъ Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоитъ того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало низко, безъ видовъ. Тамъ Китайское, Арабское, Турецкое перемѣшано съ Греческимъ и Римскимъ. Храмъ Беллоны и Китайскій павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Алгамра* и *Пагода!*

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твитнамъ (Twickenham), миловидную деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Стихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ; но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Станопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла — мѣсто, обсаженное деревами, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гротъ, гдѣ стоитъ мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза — наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась, и подъ которою лю-

филъ думать Философъ и мечтать Стихотворецъ; я сорвалъ съ нее вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ, другомъ его, Докторомъ Варбуртономъ. На верху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная:

Heros and Kings! your distance keep!
In peace let one poor Poet sleep,
Who never flatterd folks like you.
Let Horace blush, and Virgile too! *

Правда ли? — Въ этой же церкви погребенъ безсмертный Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовалъ видѣть, близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году, въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамиліи Йоркской и Ландкастерской. Сія война составляетъ ужаснѣйшую эпоху въ Англійской Исторіи; славная Magna Charta, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мертвой безчувственности служилъ орудіемъ безпрестанныхъ злодѣяній. — На семъ мѣстѣ сооруженъ каменный столпъ.

Въ деревнѣ Бромтонѣ показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

---

* «Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному Поэту, который вамъ никогда не ласкалъ, къ стыду Горація и Виргилія!»

Мѣстечко Чарлтонъ достойно примѣчанія по красивому своему положенію, а еще болѣе по *роговой ярмонкѣ*, Horn-fair, которая ежегодно тамъ бываетъ, и на которой всѣ жители украшаютъ свой лобъ рогами! Разсказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, утомился и заѣхалъ въ Чарлтонъ отдохнуть; вошелъ въ крестьянскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее такъ нѣжно, что хозяинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣстечко Чарлтонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярмонку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогатыми лбами. — Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамптонъ-Каурть, построенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верстахъ въ 17 отъ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Гроцій назвалъ его въ стихахъ своихъ *дворцомъ міра*, и прибавилъ: «вездѣ *властвуютъ* боги; но *жить* имъ прилично только «въ Гамптонъ-Кауртѣ!» — Пишутъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ шелковыми занавѣсами для гостей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пить въ золотѣ. Англійской Ришельё и Дюбуа — такъ можно назвать Вольсея — наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную завистъ Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ

послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія, дочь Іакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи украшенъ ея собственною работою. — Гамптонскіе сады напоминаютъ старинный вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англіи; нигдѣ не радуются столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Британецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайте Англичанамъ Лангедокское небо — они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идете на почтовой дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ; смотрите, на которой написано имя той деревни, въ которую хотите ѣхать; — садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку, и увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября ... 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть Англичаниномъ — великодушнымъ, тоже — чувствительнымъ, тоже; истиннымъ человѣкомъ, тоже. Романы, естьли не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ — но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Вопервыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть щастливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады, все это прекрасно въ Англіи: но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не на-долго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу*, писалъ нѣкто отсюда къ своему пріятелю въ Неаполь: *я уже давно не*

видался съ нимъ. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ зимою бываютъ красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣть Сентябремъ?

Вовторыхъ — холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. *Это Волканъ, покрытый льдомъ*, сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французской Эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любитъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не по тому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе, и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываетъ. Геніи родятся во всѣхъ земляхъ; вселенная отечество ихъ — и можно ли по справедливости сказать, чтобы (на примѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Клариссу; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества,

и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчіи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ не льзя выразить смысла Англійскаго слова humour, означающаго и *веселость*, и *шутливость*, и *замысловатость:* изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ, шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачные, какъ туманы, которые носятся надъ стихіею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, естьли вамъ угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живаго сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны!... Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностію, которая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мущинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ удн-

влять своимъ великодушіемъ, и всегда помогутъ нещастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется нещастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрію, и на возвратномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный холодный вѣтеръ окружилъ гавань множествомъ льду, и пакет-боты никакъ не могли вытти изъ нее. Ж* издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, которые, въ ожиданіи благопріятнаго времени для переѣзда черезъ Каналъ, веселились безъ памяти, пили, пѣли и танцовали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый Англичанинъ и молодой Парижской купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый Англичанинъ? дивился его безразсудности, и повторивъ нѣсколько разъ: *какъ можно на всякой случай не брать съ собою лишнихъ денегъ?* вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой Французъ? высыпалъ на столъ свои луидоры и сказалъ: *возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселѣе.* — «Государь мой! вы меня не знаете.» — Все одно; я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся. — Ж* взялъ съ благодарностію луидоровъ 10 или 15, и хотѣлъ дать ему свой Лондонской адресъ. Фран-

цузъ не принялъ его говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человѣкъ.* — — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благодѣянія, нежели въ своей, думая, что въ Англіи, гдѣ всякаго роду трудолюбіе по достоинству награждается, хорошій человѣкъ не можетъ быть въ нищетѣ: изъ чего вышло у нихъ правило: *кто у насъ бѣденъ, тотъ недостоинъ лучшей доли* — правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпитъ, и должна таиться! Ахъ! естьли хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ нищетою, пошлите его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилія и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаетъ онъ муку Тантала!... И какое ложное правило! Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? На примѣръ, болѣзнь....

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы... Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго *духа торговли*, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея оттѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть... личная выгода. Замѣтьте, что холодные лю-

ди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, *безразсуднаго* сердца. На примѣръ, Г. Пар*, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ является ко мнѣ и спрашиваетъ: «куда хотите итти? что видѣть? съ кѣмъ познакомиться? я къ вашимъ услугамъ.» Отецъ его, будучи Консуломъ въ Архипелагѣ, женился на Гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ исповѣданіи. Г. Пар* считаетъ за должность быть покровителемъ Русскихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими простосердечными вопросами и замѣчаніями, и который, разставаясь съ нимъ, всякой разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды—и всего болѣе гордятся своею Конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійской Министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно: сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно *то*, что Министръ всегда долженъ быть отмѣнно

умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скораго отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и естьли бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ.* Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Вы слыхали о грубости здѣшняго народа въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она посмягчилась, и учтивое имя frenchdog (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо быть Англичаниномъ, но еще лучше быть добрымъ человѣкомъ. Французъ, Нѣмецъ — мнѣ все одно; кто «честенъ, тотъ братъ мой.» Мнѣ крайне полюбилось такое разсужденіе; я тотчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ; это былъ ко-

нечно вольнодумецъ между ими! Вообще Англій-ской народъ считаетъ насъ чужестранцевъ каки-ми-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его*, говорятъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ*—что значитъ: «это бѣдный человѣкъ или младенецъ.»

Кто думаетъ, что щастіе состоитъ въ богат-ствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ сред-ствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ Англійской *сплинъ!* Эту нравствен-ную болѣзнь можно назвать и Русскимъ именемъ: *скукою*, извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь бо-лѣе нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пи-щи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Че-ловѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпо-койствѣ жалуется; все имѣетъ, безпеченъ и — зѣ-ваетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки путеше-ствуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ ску-ки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣ-ляется. Они бываютъ нещастливы отъ щастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, кото-рыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные*, управляя всемірною торговлею и вымышляя но-вые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ и многочислен-ныя Англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь назы-ваются только своенравіемъ или whim? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ

жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ щастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ Англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ; на примѣръ, какъ одинъ богатый человѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи, и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ, землю, поселился на водѣ; какъ третій, по антипатіи къ свѣту, выходитъ изъ дому только ночью, а днемъ спитъ или сидитъ въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвертой, отказывая себѣ все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны даетъ деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпной праздникъ, который стоитъ ему почти всего годоваго доходу. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «естьли въ Англіи позволено *дурачиться*, у насъ не запрещено *умничать*; а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.»

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, не противныхъ благу другихъ людей, производитъ въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ нравствен-

номъ смыслѣ, растутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ — естьли бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанъ — я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ Французовъ * легкомысленными, Итальянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ — въ чѣмъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нее безъ сожалѣнія.

=

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалѣю! Таково мое сердце:

---

* Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: *Англичане слишкомъ влажны, Италіянцы слишкомъ сухи, а Французы только согны.*

ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ только двѣ гинеи.... Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его и снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону. — Меня провожалъ Руской парикмахеръ Ѳедоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ написалъ надъ своею лавкою, Fedor Ooshakof, салитъ голову Лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи Экономическимъ крестьяниномъ, и служитъ всѣмъ Рускимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Йорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу... солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матрозы желали Капитану щастливаго пути, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучной вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли....

Но у меня самого въ глазахъ темнѣетъ; голова кружится....

═

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ!... Какъ мучительна, ужасна морская болѣзнь! Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, тоска несносная... а Капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постелю, сто разъ садился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это реторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не сшибла меня въ то глубокое отверстіе корабля, гдѣ лежатъ

острые якори. Болѣзнь моя продолжалась три дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ — открываю глаза, не чувствую никакой тоски — едва вѣрю себѣ — встаю, одѣваюсь. Входитъ Капитанъ съ печальнымъ видомъ и говоритъ: «вѣтеръ утихъ; »нѣтъ ни малѣйшаго вѣянія? корабль ни съ мѣста: «страшная тишина!» — — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйтсвія; корабль не шевелился; матрозы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта!... Вотъ зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ пошли легкія облака; повѣялъ вѣтерокъ, море заструилось, и парусы вспорхнули.

Намъ встрѣтились Норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минуты вся полуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не ѣвъ три дни, и крайне не любя соленаго мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми Англійскіе мореходцы подчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хотѣли сверхъ денегъ рому; пили его какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ. — Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда

рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго!...

Опять страшный вѣтеръ, но попутной. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минуту приближаюсь къ отечеству, живитъ и радуетъ мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны; читаю Оссіана и перевожу его Картона *. Нынѣшняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на милліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. «Можетъ быть какой нибудь «нещастный корабль погибаетъ,» отвѣчалъ онъ: «здѣшнее море ужасно для плавателей.» Бѣдные! кто поможетъ имъ во мракѣ? Можетъ быть страшный вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашли они на мель; можетъ быть вода заливаетъ уже корабль ихъ!... Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слыхали.. Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пу-

* Самый этотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ.

ти, и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ. — Всѣ наши матрозы спали, кромѣ одного караульнаго. Когда хотя мало перемѣнится вѣтеръ, караульной закричитъ; въ минуту всѣ выбѣгутъ, бросятся къ мачтамъ, и другіе парусы вѣютъ. Корабль нашъ очень великъ; но матрозовъ только 9 человѣкъ. — Я легъ спать въ три часа, и сильное качаніе корабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣтей въ колыбели!

=

Морк.

Марія В* родилась въ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ Министерства — возненавидѣлъ Англію, и продавъ свое имѣніе, переселился въ Новый Іоркъ. Марія, жертва его политическаго упрямства, оставила въ Лондонѣ свое сердце и щастіе: у нее былъ тайной любовникъ и женихъ, молодой, добродѣтельный человѣкъ. Пять лѣтъ жила она въ Америкѣ —лишилась отца, искренно оплакивала смерть его, и спѣшила возвратиться въ отечество, будучи увѣрена въ постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ее; она сѣла на корабль, одна съ своею любовію и съ милою надеждою — но въ самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанъ совѣтовалъ ей возвратиться. «Нѣтъ,» говорила Марія: «я хочу умереть или быть въ Англіи; каж-«дой день для меня дорогъ.» Болѣзнь усилилась и

повредила ея разсудокъ. Ей казалось, что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и разсказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. «Теперь я «щастлива,» говорила Марія, въ безпамятствѣ: «теперь могу спокойно умереть въ твоихъ объятіяхъ;» Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вообразите, что нещастную бросили въ море! вообразите, что я сплю на ея постелѣ!... «Такъ и меня бросите въ море» (говорю Капитану), естьли умру на кораблѣ вашемъ?» — *Что дѣлать!* отвѣчаетъ онъ, пожимая плечами. Это ужасно! Земля, земля! приготовь въ тихихъ нѣдрахъ своихъ укромное мѣстечко для моего праха! Довольно, что мы и живые по волнамъ носимся; а то быть еще и по смерти игралищемъ бурной стихіи!...

Нынѣшній день море въ самомъ дѣлѣ едва не поглотило насъ. Корабельный мастеръ выпилъ стакана четыре водки; не примѣтилъ флага, поставленнаго на мели для предостереженія мореплавятелей — и Капитанъ увидѣлъ бѣду въ самую ту минуту, когда мы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ подводныхъ камней; поблѣднѣлъ, закричалъ —матрозы бросились на мачты — парусы упали, и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ стихія. — Мастеру досталось отъ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть его черезъ бордъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: «Капитанъ! я виноватъ; утопи

«меня, но не бей. Англичанину смерть легче без «честья.»

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Нептунову царству, и радъ плыть, куда угодно. — Буря не утихаетъ; корабль безпрестанно идетъ бокомъ, и на палубѣ не льзя ступить шагу безъ того, чтобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часто, отъ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается страшный стукъ. — Я уже различаю флаги всѣхъ націй; и какъ скоро встрѣтится намъ корабль, кричу въ трубу: From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ городъ! Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

—

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-Русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои со-

кровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которую Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною.

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ, (естьли столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... По чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ*; можетъ быть и другіе . . . но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими тѣнями* моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Stanford University Libraries
3 6105 027 074 769